

ISSN 1817-7085

ФИЛОСОФИЯ ПРАВА

2025/1

Философия П права

№ 1 (112)

Научно-теоретический журнал
Издается с апреля 2000 года
Выходит четыре раза в год

2025

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций 17 октября 2017 г.
Регистрационный номер ПИ № ФС 77-71314

Включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы
основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук,
на соискание ученой степени доктора наук

СОДЕРЖАНИЕ

5.1.1. ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ (ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ)

Березина Е.А.

Ф.К. САВИНЬИ И СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД К ПОЗНАНИЮ ЯВЛЕНИЙ ПРАВОВОЙ
ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ 7

Лубский Р.А., Меняйло Л.Н., Працко Г.С.

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ, КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ И НОРМАТИВНЫЕ АСПЕКТЫ
ПРАВОВОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРАВОНАРУШЕНИЯМ
НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ 14

5.1.2. ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ (ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ)

Артамонов А.Н., Якимычева Е.В.

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ФОРМИРОВАНИЯ ИНСТИТУТА НЕКОММЕРЧЕСКИХ
ОРГАНИЗАЦИЙ В ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ 22

Буряков Г.А., Колесникова Е.В., Селиванова А.Г.

ОБЛУКТАЦИЯ МОШЕННИЧЕСТВУ ПОСРЕДСТВОМ ФИЛОСОФСКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ
ВАЛОРИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ НА БАЗЕ ИНСТИТУЦИЙ И ЭКСПАНСИИ ФИНАНСОВОЙ
КУЛЬТУРЫ 28

Рыбалка Е.А.

ОРГАНЫ ОПЕКИ И ПОПЕЧИТЕЛЬСТВА: НЕДОСТАТКИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, ПУТИ ИХ
ПРЕОДОЛЕНИЯ И СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ СИСТЕМЫ 35

Татарченко Е.А.

ЭТАТИСТИКИЙ КОРПОРАТИВИЗМ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ МЫСЛИ
ФРАНЦИИ 42

5.1.3. ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ (ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ)

Нестерова Н.В., Куликова Т.В.

ЭВОЛЮЦИЯ ИНСТИТУТА АВТОРСКИХ И СМЕЖНЫХ ПРАВ В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ 49

Пономарева Н.В., Палазян А.С.

ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСКЛЮЧЕНИЯ ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА
ИЗ ЕДИНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕЕСТРА ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ: СИСТЕМАТИЗАЦИЯ
И ДОКТРИНАЛЬНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ 55

Фатхи В.И., Голенищев Э.П.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В АДВОКАТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ:
ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ 62

5.1.4. УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ (ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ)

Акиев А.Р.

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ СПОСОБА СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ
ПРОТИВ СЕМЬИ И НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ 69

Антонов В.А., Стукалов С.Ю., Барсуков С.С.

К ВОПРОСУ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ СТОМАТОЛОГИЧЕСКОГО СТАТУСА
ДЛЯ ИДЕНТИФИКАЦИИ ЛИЧНОСТИ НЕОПОЗНАННОГО ТРУПА 75

Бабенко С.В., Тишкин Д.Н., Кучерова Е.П.

ОБ ОТДЕЛЬНЫХ АСПЕКТАХ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОКУРОРАМИ ПОЛНОМОЧИЙ
В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ 82

Ганжа М.В.

НЕКОТОРЫЕ ЗНАЧИМЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЛИЦ, СОВЕРШАЮЩИХ НЕПРАВОМЕРНЫЙ ДОСТУП
К КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ 88

Григорян Д.К., Клевакин А.В.

КОРРУПЦИОННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ
КАК УГРОЗА НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ 95

Закатов А.А., Замылин Е.И.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ:
ПРОГНОЗИРОВАНИЕ И МОДЕЛИРОВАНИЕ 102

Карпика А.Г., Захаров Н.Д.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНОЙ КРИМИНАЛИЗАЦИИ
КИБЕРПРЕСТУПНОСТИ 109

Коряк Ю.Д.

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ СПОСОБОВ МАСКИРОВКИ
ПРЕСТУПНОЙ И ПОСТКРИМИНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ 115

Кубякин Е.О., Кочкин А.А., Шараева Я.А.

К ВОПРОСУ ОБ ОСНОВНЫХ ЭЛЕМЕНТАХ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ
ХАРАКТЕРИСТИКИ НЕЗАКОННОГО ПОЛУЧЕНИЯ КРЕДИТА 120

Кулахсзян С.К.

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ ПОЗНАНИЕ ПРОВОКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ:
ПОНЯТИЕ, ФОРМЫ, ЗАКОНОМЕРНОСТИ 128

Курилов С.И.

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ СОХРАННОСТИ, УЧЕТА, ПЕРЕДАЧИ
И РЕАЛИЗАЦИИ ВЕЩЕСТВЕННЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В ЦЕЛЯХ
ОБЕСПЕЧЕНИЯ ВОЗМЕЩЕНИЯ ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯМИ 135

Лемайкина С.В.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ КРИПТОВАЛЮТЫ 142

Мавренкова Е.А., Катрыч А.А.

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ ПОЛОВОЙ
НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ 147

Плюта А.Д.

МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ ПРАКТИЧЕСКОЙ РЕАЛИЗАЦИИ ФУНКЦИЙ
КРИМИНОЛОГИИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ 155

Резникова А.В., Чунахова Л.В. ЭКСТРЕМИСТСКИЙ ДИСКУРС В СОВРЕМЕННОЙ БЛОГОСФЕРЕ: СУДЕБНАЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА МЕДИАТЕКСТОВ КАК МЕРА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКСТРЕМИЗМУ	163
Рудов М.В., Сорокун Н.С. СИСТЕМНЫЕ ПРОБЛЕМЫ НОРМАТИВНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА СОВЕРШЕНИЕ ЭКСПЕРТОМ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ СТАТЬЕЙ 307 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	170
Рясов А.А., Пономарева А.В. К ВОПРОСУ О ЛЕГАЛИЗАЦИИ ДОХОДОВ, ДОБЫТЫХ ПРЕСТУПНЫМ ПУТЕМ, СОВЕРШАЕМОЙ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ КРИПТОВАЛЮТЫ.....	177
Сторожева М.В. КРИМИНАЛИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ХИЩЕНИЕМ БЮДЖЕТНЫХ СРЕДСТВ.....	183
Щербаченко А.К., Напханенко И.П. КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ФЕНОМЕНА ТЕРРОРИСТОВ-ОДИНОЧЕК В УСЛОВИЯХ ЕГО ИСТОРИЧЕСКОЙ ЭВОЛЮЦИИ И СОВРЕМЕННОГО СОСТОЯНИЯ	188

5.5.2. ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ, ТЕХНОЛОГИИ (ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ)

Корниленко А.В. ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКОЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ПРОУКРАИНСКИМ ВОЕНИЗИРОВАННЫМ ПАРТИЗАНСКИМ ФОРМИРОВАНИЯМ	194
Свиридкина Е.В., Кравченко Е.В. МОНАРХИЧЕСКИЙ ПРИНЦИП ГОСУДАРСТВЕННОСТИ В ФИЛОСОФИИ ПРАВА Л.А. ТИХОМИРОВА	200

5.7.7. СОЦИАЛЬНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ (ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ)

Инкижекова М.С. О НАЦИОНАЛЬНОЙ И ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ПАРАДИГМЕ СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ (ДИСКУРС СОЦИАЛЬНОГО КОНСТРУКТИВИЗМА)	205
Самойлов С.Ф., Вишневецкий К.В., Литвинов А.А. «МАЙДАННЫЕ» ПРЕДПОСЫЛКИ РЕЛИГИОЗНОЙ ПОЛИТИКИ КИЕВСКОГО РЕЖИМА.....	212

5.7.8. ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ, ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ (ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ)

Бурлуцкий А.Н. ФИЛОСОФИЯ ПРАВА Л.И. ПЕТРАЖИЦКОГО В КОНТЕКСТЕ КРИТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ОСНОВАНИЙ ПРАВА.....	221
Оленич Т.С., Журбин В.А. ПРАВОВЫЕ И РЕЛИГИОЗНЫЕ ПРЕДПИСАНИЯ ИСЛАМА В КОНТЕКСТЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ.....	228
Топилина А.В., Рожковский В.Б. К ПРОБЛЕМЕ АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ ОСНОВАНИЙ АВТОРСКОГО ПРАВА: ПОНЯТИЯ АВТОРСТВА, ТВОРЧЕСТВА И ОРИГИНАЛЬНОСТИ ТЕКСТОВ, СОЗДАННЫХ ПРИ ПОМОЩИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА. ЧАСТЬ 1. ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ В КОНТЕКСТЕ ПОСТМОДЕРНИСТСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ОБ АВТОРСТВЕ	233

Главный редактор:
Д.В. Тишин, канд. юрид. наук, доцент

Заместитель главного редактора:
С.В. Пахомов, доктор юрид. наук, доцент

Редакционная коллегия:

И.Е. Абрамова, д-р полит. наук, проф.;
П.П. Баранов, д-р юрид. наук, проф.;
В.М. Баранов, д-р юрид. наук, проф.;
М.А. Бучакова, д-р юрид. наук, проф.;
Н.Л. Бондаренко, д-р юрид. наук, проф.;
А.В. Варданын, д-р юрид. наук, проф.;
О.А. Дизер, д-р юрид. наук, доц.;
А.В. Ендольцева, д-р юрид. наук, проф.;
П.И. Иванов, д-р юрид. наук, проф.;
А.Н. Ильяшенко, д-р юрид. наук, проф.;
Л.В. Карнаушенко, д-р истор. наук, проф.;
А.А. Контарев, д-р филос. наук, проф.;
М.В. Костенников, д-р юрид. наук, проф.;
А.В. Куракин, д-р юрид. наук, проф.;
С.И. Кузина, д-р полит. наук, проф.;
А.Н. Кузбагаров, д-р юрид. наук, проф.;
Д.Н. Лозовский, д-р юрид. наук, доц.;
И.А. Макаренко, д-р юрид. наук, проф.;
А.П. Мясников, д-р юрид. наук, проф.;
Е.Е. Несмеянов, д-р филос. наук, проф.;
Г.Г. Небратенко, д-р юрид. наук, проф.;
А.И. Овчинников, д-р юрид. наук, проф.;
Т.С. Оленич, д-р филос. наук, доц.;
Т.С. Паниотова, д-р филос. наук, проф.;
К.А. Плясов, д-р юрид. наук, доц.;
А.В. Понеделков, д-р полит. наук, проф.;
В.Б. Рожковский, д-р филос. наук, доц.;
С.Б. Россинский, д-р юрид. наук, доц.;
Е.А. Рыбалка, д-р филос. наук, проф.;
О.А. Рузакова, д-р юрид. наук, проф.;
О.В. Химичева, д-р юрид. наук, проф.;
А.К. Щербаченко, д-р юрид. наук, доц.

Учредитель и издатель – Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Ростовский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации»
Адрес редакции, издателя: 344015, Ростовская обл., г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83; тел.: 8 (863) 207-86-34
Электронная почта: vkovalchuk8@mvd.ru
Официальный сайт журнала: <https://рюи.мвд.рф>

Оформить подписку на журнал можно через интернет-каталоги www.akc.ru и www.pressa-rf.ru
Индекс – 79848.
Цена свободная.

Выпускающий редактор: В.А. Ковальчук
Корректор: Л.Н. Кожоридзе

Подписано в печать 27.03.2025. Выход в свет 31.03.2025.
Формат 60х84 1/8. Объем 30 п. л. Набор компьютерный.

Гарнитура Times New Roman. Печать лазерная. Бумага офисная. Усл.-печ. л. 27,9. Первый завод 113. Тираж 300 экз. Заказ № 54.

CONTENTS

5.1.1. THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES (LEGAL SCIENCES)

Berezina E.A. F.K. SAVIGNY AND A SYSTEMATIC APPROACH TO UNDERSTANDING THE PHENOMENA OF LEGAL REALITY.....	7
Lubsky R.A., Menyailo L.N., Pratsko G.S. STRATEGIC, CONCEPTUAL AND NORMATIVE ASPECTS OF LEGAL EDUCATION IN THE FIELD OF COMBATING JUVENILE DELINQUENCY.....	14

5.1.2. PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES (LEGAL SCIENCES)

Artamonov A.N., Yakimychева E.V. ON SOME ASPECTS OF THE FORMATION OF THE INSTITUTE OF NON-PROFIT ORGANIZATIONS IN THE DONETSK PEOPLE'S REPUBLIC.....	22
Buryakov G.A., Kolesnikova E.V., Selivanova A.G. RESISTANCE TO FRAUD THROUGH PHILOSOPHICAL AND PSYCHOLOGICAL VALORIZATION OF PERSONALITY ON THE BASIS OF INSTITUTIONS AND EXPANSION OF FINANCIAL CULTURE.....	28
Rybalka E.A. GUARDIANSHIP AND TRUSTEESHIP AUTHORITIES: SHORTCOMINGS IN THEIR ACTIVITIES, WAYS TO OVERCOME THEM AND IMPROVING THE SYSTEM.....	35
Tatarchenko E.A. STATIST CORPORATISM THROUGH THE PRISM OF FRENCH CONSTITUTIONAL-LEGAL THOUGHT	42

5.1.3. PRIVATE LAW (CIVILISTIC) SCIENCES (LEGAL SCIENCES)

Nesterova N.V., Kulikova T.V. THE EVOLUTION OF THE INSTITUTE OF COPYRIGHT AND RELATED RIGHTS IN INTERNATIONAL LAW.....	49
Ponomareva N.V., Palazyan A.S. THEORETICAL AND LEGAL PROBLEMS OF EXCLUSION OF A LEGAL ENTITY FROM THE UNIFIED STATE REGISTER OF LEGAL ENTITIES: SYSTEMATIZATION AND DOCTRINAL INTERPRETATION	55
Fatkhi V.I., Golenishchev E.P. USE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN ADVOCACY: PROBLEMS AND PROSPECTS	62

5.1.4. CRIMINAL LAW SCIENCES (LEGAL SCIENCES)

Akiev A.R. FORENSIC SIGNIFICANCE OF THE METHOD OF COMMITTING CRIMES AGAINST THE FAMILY AND MINORS.....	69
Antonov V.A., Stukalov S.Yu., Barsukov S.S. ON THE ISSUE OF USING DENTAL STATUS TO IDENTIFY THE IDENTITY OF AN UNIDENTIFIED CORPSE	75
Babenko S.V., Tishkin D.N., Kucherova E.P. ON CERTAIN ASPECTS OF THE IMPLEMENTATION OF PROSECUTORS' POWERS IN THE FIELD OF ANTI-CORRUPTION	82
Ganzha M.V. SOME SIGNIFICANT FEATURES OF PERSONS WHO COMMIT UNLAWFUL ACCESS TO COMPUTER INFORMATION.....	88
Grigoryan D.K., Klevakin A.V. CORRUPTION CRIMES OF THE POLITICAL ELITE AS A THREAT TO RUSSIA'S NATIONAL SECURITY.....	95
Zakatov A.A., Zamylin E.I. METHODOLOGICAL FOUNDATIONS OF INVESTIGATIVE ACTIVITY: FORECASTING AND MODELING	102
Karpika A.G., Zakharov N.D. ACTUAL ISSUES OF TRANSNATIONAL CRIMINALIZATION OF CYBERCRIME	109
Koryak Yu.D. FORENSIC CLASSIFICATION OF METHODS OF DISGUISED CRIMINAL AND POST-CRIMINAL ACTIVITY.....	115
Kubyakin E.O., Kochkin A.A., Sharaeva Ya.A. ON THE ISSUE OF THE MAIN ELEMENTS OF ILLEGAL RECEIPT OF A LOAN	120
Kulahsryan S.K. FORENSIC KNOWLEDGE OF THE PROVOCATION OF A CRIME: CONCEPT, FORMS, PATTERNS.....	128
Kurilov S.I. PROBLEMATIC ISSUES OF PRESERVATION, ACCOUNTING, TRANSFER AND SALE OF MATERIAL EVIDENCE IN ORDER TO ENSURE COMPENSATION FOR DAMAGE CAUSED BY CRIMES.....	135

Lemaikina S.V. CURRENT ISSUES OF LEGAL REGULATION OF CRYPTOCURRENCY	142
Mavrenkova E.A., Katrych A.A. ON SOME ISSUES OF CRIMINAL-LEGAL PROTECTION OF SEXUAL INVIOABILITY OF MINORS	147
Plyuta A.D. METHODOLOGY FOR THE STUDY OF THE PRACTICAL IMPLEMENTATION OF CRIMINOLOGY FUNCTIONS IN THE ACTIVITIES OF INTERNAL AFFAIRS BODIES.....	155
Reznikova A.V., Chunakhova L.V. EXTREMIST DISCOURSE IN THE MODERN BLOGOSPHERE: FORENSIC LINGUISTIC EXAMINATION OF MEDIA TEXTS AS A MEASURE TO COUNTER EXTREMISM.....	163
Rudov M.V., Sorokun N.S. SYSTEMIC PROBLEMS OF NORMATIVE REGULATION OF LIABILITY FOR THE COMMISSION BY AN EXPERT OF CRIMES PROVIDED FOR IN ARTICLE 307 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION.....	170
Ryasov A.A., Ponomareva A.V. ON THE ISSUE OF LEGALIZATION OF PROCEEDS FROM CRIME, COMMITTED WITH THE USE OF CRYPTOCURRENCY.....	177
Storozheva M.V. CRIMINALIZATION OF PUBLIC RELATIONS RELATED TO THEFT OF BUDGETARY FUNDS	183
Shcherbachenko A.K., Napkhanenko I.P. CRIMINALISTIC CHARACTERISTICS OF THE PHENOMENON OF LONE TERRORISTS IN THE CONTEXT OF ITS HISTORICAL EVOLUTION AND CURRENT STATE	188

5.5.2. POLITICAL INSTITUTIONS, PROCESSES, TECHNOLOGIES (POLITICAL SCIENCES)

Kornilenko A.V. OPERATIONAL INVESTIGATIVE COUNTERACTION TO PRO-UKRAINIAN PARAMILITARY PARTISAN FORMATIONS	194
Sviridkina E.V., Kravchenko E.V. THE MONARCHICAL PRINCIPLE OF STATEHOOD IN THE PHILOSOPHY OF LAW OF L.A. TIKHOMIROVA	200

5.7.7. SOCIAL AND POLITICAL PHILOSOPHY (PHILOSOPHICAL SCIENCES)

Inkizhekova M.S. ON NATIONAL AND STATE IDENTITY IN THE PARADIGM OF MODERN SCIENCE (DISCOURSE OF SOCIAL CONSTRUCTIVISM)	205
Samoilov S.F., Vishnevetsky K.V., Litvinov A.A. «MAIDAN» PREREQUISITES FOR THE RELIGIOUS POLICY OF THE KYIV REGIME	212

5.7.8. PHILOSOPHICAL ANTHROPOLOGY, PHILOSOPHY OF CULTURE (PHILOSOPHICAL SCIENCES)

Burlutsky A.N. PHILOSOPHY OF LAW BY L.I. PETRAZHITSKY IN THE CONTEXT OF A CRITICAL ANALYSIS OF THE PSYCHOLOGICAL FOUNDATIONS OF LAW.....	221
Olenich T.S., Zhurbin V.A. LEGAL AND RELIGIOUS PRESCRIPTIONS OF ISLAM IN THE CONTEXT OF RUSSIA'S NATIONAL SECURITY.....	228
Topilina A.V., Rozhkovsky V.B. ON THE PROBLEM OF ANTHROPOLOGICAL FOUNDATIONS OF COPYRIGHT: THE CONCEPTS OF AUTHORSHIP, CREATIVITY AND ORIGINALITY OF TEXTS CREATED USING ARTIFICIAL INTELLIGENCE. PART 1. FORMULATION OF THE PROBLEM IN THE CONTEXT OF POSTMODERNIST IDEAS ABOUT AUTHORSHIP	233

**Ф.К. САВИНЬИ И СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД К ПОЗНАНИЮ
ЯВЛЕНИЙ ПРАВОВОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ**

Березина Елена Александровна

Уральский государственный юридический университет им. В.Ф. Яковлева,
Екатеринбург, Российская Федерация, helalex@mail.ru

Введение: в статье исследуются особенности метода познания правовых явлений, который использовал в своей деятельности представитель исторической школы права Ф.К. Савиньи.

Материалы и методы: в процессе работы были использованы философские, общенаучные и частнонаучные методы: диалектической и формальной логики, системный, формально-юридический.

Результаты исследования: проведенный анализ позволил обосновать использование при исследовании правовых явлений Ф.К. Савиньи не только исторического метода, но также и системного подхода к познанию права.

Выводы и заключения: на основании анализа основных положений учения Ф.К. Савиньи, содержащихся в его работах, можно говорить, что уже в начале XIX века им осознается необходимость обогащения как методов познания права, так и методов конструирования новой правовой реальности системным подходом. Данный подход был успешно реализован при изучении особенностей возникновения и дальнейшего развития римского права и при построении новой системы права – системы современного Ф.К. Савиньи римского права и систематизации германского законодательства путем кодификации. Ф.К. Савиньи одним из первых в юриспруденции поставил вопрос о необходимости сочетания высокого уровня развития языка, юридического образования, правового мышления, юридической науки для обеспечения высокого уровня развития юридической, в том числе правотворческой и правоинтерпретационной, практики, выступив как правовой технолог, сконструировавший общегерманскую систему права и правовую систему.

Ключевые слова: системный подход, системный подход в праве, система права, Ф.К. Савиньи, историческая школа права, народный дух, технология, правовая технология.

Для цитирования: Березина Е. А. Ф.К. Савиньи и системный подход к познанию явлений правовой действительности / Е. А. Березина // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2025. № 1 (112). – С. 7–13.

Original paper

**F.K. SAVIGNY AND A SYSTEMATIC APPROACH
TO UNDERSTANDING THE PHENOMENA OF LEGAL REALITY**

Berezina Elena Alexandrovna

Ural State Law University named after V.F. Yakovlev, Yekaterinburg, Russian Federation

Introduction: the article examines the features of the method of cognition of legal phenomena, which was used in his work by the representative of the historical school of law F.K. Savigny.

Materials and methods: in the process of work, philosophical, general scientific and specific scientific methods were used: dialectical and formal logic, systemic, formal-legal.

Results of the study: the conducted analysis allowed us to justify the use of not only the historical method in the study of legal phenomena by F.K. Savigny, but also a systemic approach to the knowledge of law.

Findings and conclusions: based on the analysis of the main provisions of the teachings of F.K. Savigny, contained in his works, we can say that already at the beginning of the 19th century he realized the need to enrich both the methods of cognition of law and the methods of constructing a new legal reality with a systemic approach. This approach was successfully implemented in the study of the features of the emergence and further development of Roman law and in the construction of a new system of law – the system of modern F.K. Savigny Roman law and the systematization of German legislation through codification. F.K. Savigny

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки)

was one of the first in jurisprudence to raise the issue of the need to combine a high level of language development, legal education, legal thinking, and legal science to ensure a high level of development of legal practice, including law-making and law-interpretation, acting as a legal technologist who designed the all-German legal system and legal system.

Keywords: *systemic approach, systemic approach in law, legal system, F.K. Savigny, historical school of law, national spirit, technology, legal technology.*

For citation: *Berezina E. A. F.K. Savigny and a Systematic Approach to Understanding the Phenomena of Legal Reality / E. A. Berezina // Philosophiya Prava : scientific-theoretical journal. Rostov-on-Don. 2025. № 1 (112). – Pp. 7–13.*

Использование технологического подхода к праву, который в настоящее время связывается преимущественно с внедрением современных цифровых технологий, имеет давнюю историю и гораздо более широкий объем охватываемых им методов, способов, средств преобразования правовой действительности. Еще в XVIII в. известный немецкий правовед и историк Ф.К. Савиньи (1779–1861) предпринял успешную попытку совершенствования общегерманской правовой системы с помощью относительно новых для того периода времени способов познания и преобразования правовых явлений – исторического и системного. Учитывая, что методы и способы преобразования правовых явлений выступают в качестве структурных элементов правовой тактики как части правовой технологии, наряду с правовой стратегией и юридической техникой, можно говорить, что Ф.К. Савиньи выступил в роли правового технолога своего времени.

При анализе достижений Ф.К. Савиньи традиционно рассматривается его вклад в юриспруденцию как ученого, использовавшего исторический метод при изучении права и конструировании системы права. Но более пристальное исследование содержания его работ позволяет сделать вывод, что положения, содержащиеся в них, лежат и в основании формирования системного подхода к праву и познанию, а также преобразованию различных явлений правовой действительности. Как отмечают авторы, Ф.К. Савиньи «один из первых в юридической науке предложил использовать систематический метод познания для изучения права» [6, с. 52]. Говоря словами самого Ф.К. Савиньи, «юристу необходимо двоякое понимание: историческое, чтобы четко понимать своеобразие каждой эпохи и каждой правовой формы, и систематическое¹, чтобы видеть каждое понятие и каждое положение в живой связи и взаимодействии с целым, т. е. в отношении, которое является единственно верным и естественным» [4, с. 151]. «В дальнейшем Ф.К. Савиньи назовет этот метод исследования истинно-историческим, историко-фи-

лософским или историко-систематическим» [4, с. 11–12].

Используемый Ф.К. Савиньи метод явился отражением метода, примененного другим немецким исследователем – Иоганном Бекманом (1739–1811) к анализу истории изобретений и открытий, подготовившим научный труд «Введение в технологию...» [7], разработавшим понятие технологии и выступившим основателем «общей технологии». И. Бекман с 1766 г., когда он был назначен экстраординарным профессором философии, в течение 45 лет преподавал в Геттингенском университете, а Ф.К. Савиньи после обучения в Марбургском университете в период до 1800 г. продолжал обучение еще в нескольких университетах, включая Геттингенский университет. Там он, вероятно, был слушателем лекций И. Бекмана, которые в тот период времени пользовались большой популярностью у студентов Геттингенского и иных университетов. И. Бекман преподавал в Геттингенском университете курсы как технологии, так и камералистики (Kameralistik, Kameralwissenschaften) – науки о государственных доходах, которая являлась немецким университетским курсом, обычно преподаваемым на юридических факультетах [9, с. 81].

Целью И. Бекмана было создать науку, а затем и учебную дисциплину, которая бы позволила всем обучающимся в дальнейшем внести полезные усовершенствования в практику, преобразовав ее в соответствии с потребностями общества. «После публикации книги Бекмана в нескольких университетах было создано множество кафедр “технологии”, и “технологическая” литература появилась очень быстро» [9, с. 85]. Все это свидетельствует о том, что Ф.К. Савиньи, несомненно, был знаком с курсом технологии и идеями И. Бекмана. Труды последнего по технологии и положения, сформулированные в них, явились основой для исследований в том числе и в сфере права, в частности они нашли свое продолжение в работах Ф.К. Савиньи, который учел требования И. Бекмана, изложенные в его исследова-

¹Представляется, что более корректным был бы перевод «системное».

ниях, о необходимости наличия особого развитого языка, обеспечения единства терминологии, анализа истоков возникновения и развития явлений, использования ученым новых методов: ученый должен «изучить все, что уже существует, а затем выработать «общие правила и законы» и дать советы и рекомендации практикам» [2; 10].

Ф.К. Савиньи следует в выборе своих методов изучения права за И. Бекманом, который говорил о необходимости систематического и философского подхода к использованию терминологии, чтобы не создавать множество синонимов для обозначения одного и того же [7, с. XII], подчеркивал, что технология как наука должна представлять знания о целях, принципах и инструментах преобразования явлений действительности в системном виде [7, с. XV]. Основываясь на учении И. Бекмана об общей технологии, Ф.К. Савиньи применил системный подход и исторический метод для изучения и в дальнейшем для конструирования правовой действительности. Он стал тем правоведом, который с помощью использования системного подхода сформировал стройную, действующую систему общегерманского права, выступив, таким образом, в качестве правового технолога.

Автор предисловия к русскому изданию Ф.К. Савиньи «Системы современного римского права» И. Рюккерт отмечает, что Савиньи придает юриспруденции двойную ориентацию: «она должна быть одновременно исторической (или позитивной, конкретной, основанной на фактах, случайной) и философской (или абсолютной, систематической, общей, необходимой)» [4, с. 250]. Если рассматривать роль общей теории права как науки в современном мире, опираясь на учение Ф.К. Савиньи, то можно сказать, что Савиньи совершенно верно отразил ее место в системе знания. По отношению к философии общая теория права выступает как специальная область знания, в качестве объекта изучения которой выступают факты, явления и процессы правовой действительности. По отношению же к отраслевым юридическим наукам общая теория права рассматривается как общая, методологическая, фундаментальная, систематизирующая знания об общих закономерностях прошлого, настоящего и будущего права, наука.

И. Рюккерт, анализируя, что означает для Ф.К. Савиньи «система», пишет, что ученый старался охарактеризовать право как автономное «целое, упорядоченное согласно принципам». Это, в свою очередь, обуслови-

ло необходимость обращения Ф.К. Савиньи «к вопросам основных понятий ... к систематической общей теории права» [4, с. 250].

По аналогии со сделанным в работе «О понятии развития в его применении к праву и обществу» высказыванием А. Меркеля [8, с. 59], считавшего, что Ф.К. Савиньи раньше разработавшего теорию эволюции органического мира Ч. Дарвина заговорил об эволюционном характере развития окружающей действительности, раскрыв эволюционный характер становления права и правовых явлений. Можно сказать, что Ф.К. Савиньи одним из первых предложил идею системного подхода и его использования в юриспруденции, тем самым предвосхитив появление в будущем общей теории систем, разработанной в XX в. Л. Берталом. Действительно, приращение научных знаний может строиться как по схеме «от общего к частному», от использования философского или общенаучного метода к частнонаучному, так и по схеме «от частного к общему», подразумевающей, что создание общей теории, в том числе общей теории систем, возможно в результате анализа положений частных теорий и их последующего обобщения с выведением их на новый уровень абстракции.

Согласно системному подходу аспектами его рассмотрения являются: системно-элементный, системно-исторический, системно-структурный, системно-функциональный, системно-целевой, системно-интеграционный, системно-ресурсный, системно-коммуникационный [5, с. 276], каждый из которых в той или иной мере был обозначен и отражен в работах Ф.К. Савиньи содержательно, хотя и не получил еще в то время своего названия.

В частности, интересным является обращение внимания Ф.К. Савиньи на то, что развитие системы права невозможно без наличия определенных ресурсов, определенного уровня развития общества и общественного сознания, требующихся для формирования нового законодательства и его систематизации. Известный спор Ф.К. Савиньи с А.Ф.Ю. Тибо, который касался потребности общества в едином для всего государства законодательстве и его систематизации, является яркой демонстрацией понимания Ф.К. Савиньи взаимосвязи развития системы права и необходимости определенных ресурсов для этого – наличия сообщества подготовленных юристов и готовности принятия преобразований правовой жизни самим обществом. Именно их отсутствие и обуславливало занятие Ф.К. Савиньи пози-

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки)

ции противника кодификации германского законодательства на момент спора. В последующем же, когда соответствующая для развития права база была сформирована, в том числе и при деятельном участии самого Ф.К. Савиньи, он и сам выступил разработчиком кодифицированных нормативных правовых актов, в частности вексельного законодательства (общегерманского вексельного устава 1847 г.), и явился ученым, благодаря преподавательской и научной деятельности которого было подготовлено сообщество профессиональных юристов и все общество к восприятию изменений в правовой сфере, в частности, к созданию Германского Гражданского уложения.

В работах Ф.К. Савиньи уделяется внимание и системно-целевому аспекту системного подхода. Главное в системе права – не произвольное объединение правовых образований, а выявление цели этого объединения, истинного его смысла и предназначения. Так, Р. Иеринг писал, что «исторические исследования прежней юриспруденции преследовали в основном практическую цель ... этой точке зрения не хватало самого главного – знания государственно-правового Целого» [4, с. 86]. Не во внешнем механическом объединении правовых образований нужно видеть основания для единства и целостности права, их нужно искать во «внутренней истинности». Именно это характерно для методологии, предложенной Ф.К. Савиньи, и является ее достоинством. Стремление поиска «внутренней истинности» выступает и как следствие систематического подхода Ф.К. Савиньи, и как его необходимое условие.

Р. Иеринг говорит о необходимости выявить «высшее единство, которое лежит в основе всех этих отдельных правовых положений, идеи и устремления времени, вызвавшие их к жизни», и вот по этим мотивам, господствовавшим во всей правовой жизни, т. е. в науке и жизни, а также в законодательстве, следовало бы группировать отдельные внешние проявления» [4, с. 87]. Проявления права во внешнем мире – в обычном праве, законодательстве, праве юристов – согласно исторической школе права выступают лишь средством изложения, выражения права, а также средством познания правовой действительности.

Поскольку «системный подход ориентирует исследователя на раскрытие целостности объекта и обеспечивающих ее механизмов» [3, с. 559], можно проанализировать присутствие в учении Ф.К. Савиньи поло-

жений, содержащих результаты анализа вопросов целостности права, выявляющих механизмы, обеспечивающие эту целостность, а также направленных на установление и исследование разнообразных типов связи права как сложного объекта с другими явлениями социальной действительности и отдельных элементов права между собой.

Право как сложная система у Ф.К. Савиньи включает в себя совокупность различных структурных элементов, объединяющим для которых, обеспечивающим целостность права как системы является народный дух, находящий свое проявление и в обычном праве, созданном самим обществом, и в законах государства, и в исследованиях юристов. При этом все структурные элементы права, с точки зрения Ф.К. Савиньи, имеют тесную взаимосвязь как между собой, так и с другими социальными явлениями.

Ф.К. Савиньи в своих работах выявляет и анализирует, с одной стороны, внешние связи права: связи права и других явлений социальной действительности (например, связи права и языка), а также таких социальных регуляторов, как обычаи, мораль, нравственность. С другой стороны, он исследует внутренние взаимосвязи отдельных элементов права, общих принципов права, целей права, которые объединяют все элементы права в единое целое, «идеи права и реальности права» [10, с. 67]. Кроме того, рассмотрению подлежит и международное право в его взаимодействии с национальным. «Еще одним самостоятельным элементом права как целостной системы, по замыслу Ф.К. Савиньи, является право народов» [1, с. 7]. Но главной связью, которую раскрывает Ф.К. Савиньи, выступает взаимосвязь права и народного духа, понимаемого как национальное сознание народа, выступающая определяющей для всех остальных взаимосвязей.

Право, согласно Ф.К. Савиньи, является исторически сложившейся органически развивающейся частью культуры народа, уровень его развития тесно взаимосвязан с уровнем развития его учреждений, искусства, нравов и т. д. Процесс развития права совпадает с процессом развития языка и истории всего народа, все преобразования в одной сфере порождают изменения в другой, поэтому для совершенствования права необходимо параллельное улучшение остальных частей культурной жизни общества, только все изменения в совокупности и во взаимосвязи позволяют обеспечить правопорядок в обществе.

По мнению Ф.К. Савиньи, только повы-

сив уровень юридического образования, сформировав юридическое сообщество, которое было бы способно адекватно отразить особенности народного духа в тексте закона, общество может повысить уровень юридической практики и качество законов и обеспечить возможность совершенствования и упорядочения законодательства в виде кодификации, что, в свою очередь, повлечет улучшение жизни общества во всех сферах. Сообщество юристов должно разработать систему таких юридических понятий и конструкций, которые позволят как можно более полно и правильно выразить и закрепить в законодательстве дух народа. И это является еще одним примером использования Ф.К. Савиньи системного подхода в праве, который демонстрирует взаимосвязь народного духа, юридического образования, научной деятельности юристов по разработке юридических понятий и конструкций, практической юридической деятельности по созданию и совершенствованию законодательства (правотворчеству и кодификации), интерпретационной деятельности юристов (Ф.К. Савиньи разработал стройную систему методов толкования права, одним из которых являлся систематический) и правоприменения.

Сравнительный анализ метода Ф.К. Савиньи и системного подхода позволяет говорить о Ф.К. Савиньи как об одном из ученых, использовавшем данный подход в своей деятельности, поскольку в этих подходах можно обнаружить существенное сходство. И системный подход, и подход к познанию права Ф.К. Савиньи нацелен на формирование единой теоретической картины, на построение теоретической схематизированной модели существенных связей существующей действительности. С помощью системного подхода выявляются качественно новые свойства сложного объекта изучения, которые не сводятся к свойствам отдельных элементов объекта. И подход, использованный Ф.К. Савиньи, позволил выявить такие свойства права, как его системный характер, формальную определенность, закрепление норм права в обычном праве, законах или юридической доктрине, выражение в праве духа народа, историческую обусловленность характером общественных отношений, которые не сводятся к свойствам отдельных элементов системы права.

Оба подхода характеризуются использованием различных моделей для описания элементов системы: Ф.К. Савиньи осуществляет построение эволюционной модели раз-

вития римского права применительно к своей нации, пытается выстроить философскую модель содержания права, модель функциональных связей права. В данных подходах проводится анализ динамики развития объекта во времени, что хорошо представлено в работах Ф.К. Савиньи, посвященных римскому частному праву. И тот, и другой подходы основываются на выделении иерархической структуры объекта, его организации. В частности, основополагающим для права является народный дух, рассматриваемый как единое национальное правосознание народа, имеющего общность особенностей мышления, системы ценностей, правил поведения, языка. Названные подходы в своей основе имеют исследование объектов (у Савиньи таким объектом выступает правовая действительность) как систем. Оба из рассматриваемых подходов имеют цель выявить, в чем заключается и чем обеспечивается целостность изучаемого объекта, какие существуют внутренние и внешние связи данного объекта: в исторической школе права Ф.К. Савиньи рассматривает как внешние взаимосвязи права и других социальных явлений, так и внутренние взаимосвязи правовых норм, правовых понятий и юридических конструкций между собой; обычного права, законодательства и права юристов; национального и международного права.

Таким образом, можно утверждать, что Ф.К. Савиньи выступил одним из первых правоведов, разработавших и внедривших в свою научную деятельность системный подход. При этом Ф.К. Савиньи усовершенствовал не только методы познания права, добавив к ним и успешно использовав системный подход, позволивший ему развить научные представления о праве, разработать положения о правовых понятиях и юридических конструкциях, осуществить догматическую обработку нормативного материала римского права, обосновать исторически обусловленный характер содержания права и взаимосвязь права с народным духом, с правосознанием народа, раскрыть особенности профессионального правосознания и мышления юристов, но и методы преобразования социальной действительности, применив системный подход для совершенствования системы юридического образования, юридической науки, всех видов практической юридической деятельности, в частности, систематизации права путем кодификации и толкования права с помощью разработки методов и правил толкования права.

Являясь как ученым-правоведом, так и

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки)

юристом-практиком, будучи в разное время членом департамента юстиции в Государственном совете, членом Верховного апелляционного суда Рейнских провинций, Государственным министром Пруссии по пересмотру законодательства, Ф.К. Савиньи выступил в качестве создателя алгоритма решения социальных задач, поставленных перед ним практикой, а затем в качестве «социального инженера», который на основании этого алгоритма решил проблемы немецкого общества по обоснованию необходимости эволюционного пути развития права (в противовес естественно-правовой школе права), по противодействию распространению правовых норм французского права, содержащихся в Кодексе Наполеона, по адаптации положений римского права к изменившимся условиям и по систематизации собственно национального законодательства.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что учение Ф.К. Савиньи содер-

жало положения, раскрывающие характеристики системного подхода и его особенности применительно к использованию данного подхода в праве, оно непосредственно повлияло на формирование и развитие основ современной юриспруденции, правовых технологий (в части усовершенствования правовой тактики), профессионального правосознания и мышления юристов. По мнению Ф.К. Савиньи, целостность права обеспечивается народным духом. В свою очередь, целостность является именно тем понятием, которое выступает ведущим в понятийном аппарате системного подхода. Поэтому учение Ф.К. Савиньи может быть рассмотрено как заложившее идею необходимости использования системного подхода в праве и основы системного подхода в юриспруденции, что повлекло за собой и усовершенствование правовых технологий, обогащение их новым методологическим инструментарием.

Список источников

1. Архипов С.И. Система права: зарождение и развитие теории. Часть 1. Представления о системе права в немецкой исторической и реалистической школах права и в российской дореволюционной юридической науке // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2023. № 4.
2. Березина Е.А. Правовая технология: истоки возникновения научного направления // Философия права. 2020. № 1(92).
3. Блауберг И.В., Садовский В.Н., Юдин Э.Г. Системный подход // Новая философская энциклопедия. 2-е изд., исп. и доп. М., 2010. Т. III.
4. Савиньи Ф.К. Система современного римского права / пер. с нем. М., 2011. Т. I.
5. Саликов Ю.А., Кузьменко Н.И. Применение системного подхода в анализе процессов формирования и функционирования территориальных образований // Вестник Воронежского государственного университета инженерных технологий. 2020. № 1(83).
6. Система права: современное состояние, проблемы и перспективы развития: монография. М., 2024.
7. Beckmann J. Anleitung zur Technologie... (Anleitung zur Technologie, oder zur Kenntniss der Handwerke, Fabriken und Manufacturen, vornehmlich derer, die mit der Landwirthschaft, Polizei und Cameralwissenschaft). Gottingen. 1777.
8. Merkel A. Hinterlassene Fragmente und Gesammelte Abhandlungen. Straßburg, 1898.

References

1. Arkhipov S.I. The legal system: the origin and development of the theory. Part 1. Ideas about the legal system in the German historical and realistic schools of law and in Russian pre-revolutionary legal science // Electronic supplement to the Russian Law Journal. 2023. № 4.
2. Berezina E.A. Legal technology: the origins of the scientific direction // Philosophy of Law. 2020. № 1(92).
3. Blauberger I.V., Sadovsky V.N., Yudin E.G. Systems approach // New Philosophical Encyclopedia. 2nd ed., revised and enlarged. Moscow, 2010. V. III.
4. Savigny F.K. The system of modern Roman law / trans. from German. Moscow, 2011. T. I.
5. Salikov Yu.A., Kuzmenko N.I. Application of a systems approach in the analysis of the processes of formation and functioning of territorial entities // Bulletin of the Voronezh State University of Engineering Technologies. 2020. № 1(83).
6. The legal system: current state, problems and development prospects: monograph. Moscow, 2024.
7. Beckmann J. Guidance on technology... Gottingen. 1777.
8. Merkel A. Bequeathed fragments and Collected treatises. Strasbourg, 1898.
9. Maar J. Johann Beckmann (1739–1811) and Modern Chemical Technology. Substantia. 2022. December. V. 7.

9. Maar J. Johann Beckmann (1739–1811) and Modern Chemical Technology. Substantia. 2022. December. V. 7.

10. Rückert J., Seinecke R. Methodik des Zivilrechts – von Savigny bis Teubner. Baden-Baden, 2017.

10. Rückert J., Seinecke R. Methodology of civil law – from Savigny to Teubner. Baden-Baden, 2017.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Березина Елена Александровна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории государства и права им. С.С. Алексеева. Уральский государственный юридический университет им. В.Ф. Яковлева. 620137, Российская Федерация, г. Екатеринбург, ул. Комсомольская, 21.

ORCID: 0000-0002-7999-9966

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Berezina Elena Aleksandrovna, PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Theory of State and Law named after S.S. Alekseev. Ural State Law University named after V.F. Yakovlev. 21, Komsomolskaya St., Yekaterinburg 620137 Russian Federation.

**СТРАТЕГИЧЕСКИЕ, КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ И НОРМАТИВНЫЕ
АСПЕКТЫ ПРАВОВОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ
ПРАВОНАРУШЕНИЯМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ**

Лубский Роман Анатольевич

Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Российская Федерация,
roma-thebest@mail.ru

Меняйло Людмила Николаевна

Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина,
Белгород, Российская Федерация, m.lyudmila.78@mail.ru

Працко Геннадий Святославович

Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону, Российская Федерация,
dasha_sam94@mail.ru

Введение: в статье рассматриваются стратегические, концептуальные и нормативные основы правового просвещения, осуществляемого в современном российском обществе в сфере противодействия правонарушениям несовершеннолетних. В ходе исследования было установлено, что различные формы правового просвещения, реализуемые на всех уровнях публичного управления, обладают рядом особенностей. Специфика просветительской деятельности, осуществляемой на федеральном уровне государственного управления, заключается в том, что ее правовые формы воспроизводятся в контексте стратегических, концептуальных и нормативных документов, разработанных с целью противодействия правонарушениям среди несовершеннолетних граждан.

Материалы и методы: методологическую основу статьи составляет институционально-правовой метод научного исследования, позволивший определить особенности нормативно-правового регулирования просветительской деятельности на федеральном уровне государственного управления, а также своеобразие правового просвещения, осуществляемого в современном российском обществе в контексте его полифункциональных характеристик.

Результаты исследования: на основе методологических принципов институционально-правового метода научного исследования авторами статьи выявлены стратегические, концептуальные и нормативные аспекты правового просвещения, осуществляемого в современном российском обществе в сфере противодействия правонарушениям несовершеннолетних.

Выводы и заключения: авторы приходят к выводу о том, что правовое просвещение, осуществляемое в сфере противодействия правонарушениям несовершеннолетних, рассматривается федеральным законодателем, с одной стороны, как форма оказания бесплатной правовой помощи и особая воспитательная стратегия, с другой – как самостоятельное направление государственной политики и способ профилактического воздействия, осуществляемого различными субъектами правового просвещения в современном российском обществе.

Ключевые слова: правовое просвещение, несовершеннолетних, правовая культура, правовая грамотность, правовое сознание.

Для цитирования: Лубский Р. А., Меняйло Л. Н., Працко Г. С. Стратегические, концептуальные и нормативные аспекты правового просвещения в сфере противодействия правонарушениям несовершеннолетних / Р. А. Лубский, Л. Н. Меняйло, Г. С. Працко // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2025. № 1 (112). – С. 14–21.

STRATEGIC, CONCEPTUAL AND NORMATIVE ASPECTS OF LEGAL EDUCATION IN THE FIELD OF COMBATING JUVENILE DELINQUENCY

Lubsky Roman Anatolyevich

Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russian Federation

Menyailo Lyudmila Nikolaevna

Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin,
Belgorod, Russian Federation

Pratsko Gennady Svyatoslavovich

Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russian Federation

Introduction: the article examines the strategic, conceptual and regulatory foundations of legal education carried out in modern Russian society in the field of combating juvenile delinquency. The study found that various forms of legal education implemented at all levels of public administration have a number of features. The specificity of educational activities carried out at the federal level of public administration is that its legal forms are reproduced in the context of strategic, conceptual and regulatory documents developed to combat juvenile delinquency.

Materials and methods: the methodological basis of the article is the institutional and legal method of scientific research, which made it possible to determine the features of the normative and legal regulation of educational activities at the federal level of public administration, as well as the uniqueness of legal education carried out in modern Russian society in the context of its multifunctional characteristics.

Results of the study: based on the methodological principles of the institutional and legal method of scientific research, the authors of the article identified strategic, conceptual and normative aspects of legal education carried out in modern Russian society in the field of combating juvenile delinquency.

Findings and conclusions: the authors come to the conclusion that legal education carried out in the field of combating juvenile delinquency is considered by the federal legislator, on the one hand, as a form of providing free legal assistance and a special educational strategy, on the other hand, as an independent direction of state policy and a method of preventive influence carried out by various subjects of legal education in modern Russian society.

Keywords: legal education, minor, legal culture, legal literacy, legal consciousness.

For citation: Lubsky R. A., Menyailo L. N., Pratsko G. S. Strategic, conceptual and normative aspects of legal education in the field of combating juvenile delinquency / R. A. Lubsky, L. N. Menyailo, G. S. Pratsko // *Philosophiya prava : scientific-theoretical journal*. Rostov-on-Don. 2025. № 1 (112). – Pp. 14–21.

Актуальность правового просвещения, осуществляемого в современном российском обществе с целью противодействия правонарушениям среди несовершеннолетних, обуславливается, с одной стороны, особой значимостью периода социализации несовершеннолетнего, необходимого для успешного становления ценностных структур его личности, с другой – тем, что формируемая в этот период жизни несовершеннолетнего система базовых представлений, ценностей и установок, распространяемая на все сферы его социально-правовой активности, приобретает под влиянием конкретной социальной ситуации определенное ценностное содержание и может порождать для него и его социального окружения нежелательные правовые последствия.

Сегодня несмотря на то что словосочетание «правовое просвещение» используется в различном аксиологическом контексте, обуславливающим специфику тех или иных источников права, определяющих своеобразие определенных структур и сегментов отечественного законодательства, регулирующего различные аспекты правового просвещения, осуществляемого с целью противодействия совершению правонарушений и преступлений, в том числе среди несовершеннолетних, официального (нормативного) определения рассматриваемого понятия не существует [2, с. 179–188; 3, с. 26–23].

В силу этих и ряда других причин организация правового просвещения на федеральном уровне обладает рядом отличительных особенностей, одной из которых является

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки)

стремление различных субъектов федерального правотворчества рассматривать правовое просвещение как форму оказания бесплатной юридической помощи. С этой целью Министерством юстиции Российской Федерации еще в марте 2020 г. был разработан проект постановления федерального правительства [6], предназначенный для создания практических условий реализации норм федерального права, регламентирующих различные аспекты юридической помощи, оказываемой на безвозмездной основе [10], а также основные векторы национальной политики, осуществляемой в целях повышения уровня правовой грамотности и качества правового сознания граждан [5].

Второй отличительной особенностью организации правового просвещения как формы оказания бесплатной юридической помощи является то, что предусмотренный проектом национальный портал разработан, прежде всего, с целью оптимизации правовых форм профессиональной активности всех субъектов правового просвещения, а не только тех, чья деятельность напрямую связана с оказанием бесплатной юридической помощи исключительно в отношении несовершеннолетних лиц [6].

Третьей особенностью организации правового просвещения как формы оказания бесплатной юридической помощи на федеральном уровне властного управления является попытка создать в рамках рассматриваемого проекта платформу, которая должна, с одной стороны, обеспечить упорядоченными, актуальными правовыми сведениями (данными) всех граждан, с другой – существенно повысить число тех из них, которые планируют реализовать свое конституционное право на получение бесплатной юридической помощи. Отсюда можно сделать вывод об общем, а не узконаправленном характере правового просвещения, осуществляемого на основе федеральных программ правового просвещения. Эти идеи нашли свое выражение в рамках указа российского президента, в соответствии с которым правовое просвещение не должно ограничиваться исключительно консультативной юридической помощью, но и выходить за ее пределы, приобретая полифункциональную направленность [5].

Полифункциональная природа правового просвещения, не позволяющая рассматривать его исключительно как форму оказания бесплатной юридической помощи, нашла свое выражение в рамках Стратегии развития воспитания в Российской Федера-

ции, рассчитанной на период до 2025 г. [7], а также Концепции развития системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних на период до 2025 г. с изменениями, утвержденными Правительством РФ [8].

Содержание Концепции можно условно разделить на пять основных сегментов (блоков): 1) цели Концепции; 2) задачи Концепции; 3) базовые принципы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних; 4) основные направления профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних; 5) планируемые итоги практической реализации Концепции в целом.

В свою очередь основные цели Концепции можно условно разделить на две группы. Первая группа целей предусматривает, с одной стороны, конструирование (реконструирование) внешних условий для эффективной социализации (ресоциализации) несовершеннолетнего, с другой – формирование (реформирование) у несовершеннолетнего готовности (предрасположенности) к поиску внутренних резервов личностного развития и самосовершенствования. Вторая группа целей предусматривает значимость традиционных ценностей [9], которые должны быть привиты несовершеннолетнему гражданину в процессе его социокультурной адаптации, и их интериоризацию. Оба аспекта второй группы основных целей, определенных в Концепции в качестве необходимого средства профилактики, предусматривают осуществление правового просвещения и правового информирования.

При этом контент-анализ второго сегмента (блока) Концепции, где перечислены задачи, необходимые для достижения ее основных целей, позволил выделить одну их особенность: все задачи ориентированы на достижение тех целей, которые установлены исключительно для обеспечения внешних условий социализации (ресоциализации) несовершеннолетнего лица. Это условия, которые должны обеспечить благоприятные социально-правовые предпосылки, способствующие, во-первых, уменьшению числа правовых нарушений, во-вторых, упрочению института семьи, в-третьих, усовершенствованию практических условий защиты общесоциальных и специальных прав несовершеннолетних, в-четвертых, реализации инновационных способов предупредительного воздействия, прежде всего, тех из них, которые ориентированы на их социальную адаптацию [4, с. 11–19] или ресоциализацию.

Основу профессиональной деятельности специальных организаций и учреждений публичной власти, уполномоченных обеспечить реализацию обозначенных целей и задач, в соответствии с рассматриваемой Концепцией, должны составлять принципы, придающие ей интегративный характер (первый принцип), практическую направленность и, как следствие, актуальность (второй принцип), ориентацию на личность несовершеннолетнего (третий принцип) и оптимальность (четвертый принцип).

Практические аспекты реализации первого принципа выражаются в необходимости консолидации профессиональных усилий, предпринимаемых уполномоченными субъектами и направленных на создание общего информационно-коммуникативного пространства, создающего благоприятные условия, позволяющие осуществлять профилактические мероприятия и решать соответствующие задачи наиболее эффективным способом.

Актуальность как основная характеристика второго принципа заключается в практической реализации эффективных способов решения задач профилактики правонарушений, допускаемых несовершеннолетними лицами, предусмотренными программами профилактики, действующими в масштабе отдельного российского региона (субъекта или иной административной территории).

Третий принцип профессиональной деятельности специальных организаций и учреждений публичной власти (направленность на личность несовершеннолетнего) предполагает, что система предупреждения состояния безнадзорности, а также правовых нарушений, допускаемых несовершеннолетними гражданами, должна обеспечивать быстроту и простоту адресной помощи лицу, не достигшему совершеннолетнего возраста, с учетом его индивидуальных, прежде всего физиологических и психоэмоциональных особенностей. По мнению авторов Концепции, это позволит подобрать наиболее эффективный метод диагностики определенной формы социальной девиации несовершеннолетнего и предложить наиболее оптимальные стратегии реабилитационной работы.

И, наконец, принцип оптимальности (четвертый принцип профилактики (предупреждения) подростковых девиаций) предусматривает, с одной стороны, строгую демаркацию сфер персональной ответственности за достигнутые результаты или недостигнутые цели деятельности, осуществля-

емой в сфере профилактики подростковой преступности, с другой – мониторинг конкретных результатов, полученных в ходе профилактики.

Основные направления профилактики состояния безнадзорности и правовых нарушений со стороны несовершеннолетних, предусмотренные четвертым сегментом (блоком) Концепции, затрагивают проблемные вопросы в сфере обновления правовой базы, регулирующей деятельность различных субъектов профилактики в контексте информационного обеспечения мер, направленных на предупреждение разнообразных форм противоправного поведения несовершеннолетних, что, в свою очередь, предусматривает правовое просвещение родителей или лиц, которые их замещают. Как представляется, перечисленные направления, предусмотренные Концепцией, должны быть включены в качестве отдельных элементов региональных программ межведомственного уровня.

Помимо своей концептуальной направленности значимость Стратегии развития воспитания в Российской Федерации, рассчитанной на период до 2025 г. [4, с. 11–19], а также Концепции развития системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних на период до 2025 г. обусловлена тем, что они посвящены вопросам обучения и образования несовершеннолетних граждан как достойных представителей российского многонационального общества, обладающих современными знаниями, сформировавших начальные навыки будущей профессиональной деятельности, востребованных на рынке труда, любящих свою страну, усвоивших и транслирующих традиционные ценности [9], а также вопросам искоренения различных проявлений безнадзорности и предупреждения нарушений правовых норм несовершеннолетними лицами [11].

Эти программные документы обладают рядом общих и особенных черт. С одной стороны, речь идет о программных документах федерального уровня, оформленных и рассчитанных на одну и ту же временную перспективу (2025 г.), с другой – первый из них носит стратегический характер, второй – концептуальный. При этом если Стратегия развития воспитания разработана с целью усовершенствования институциональных практик социального или группового воспитания, а также «переформатирования» учебно-воспитательного процесса в целом на основе приоритета традиционных ценностей, то Концепция предупреждения безнадзорности

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки)

и правонарушений несовершеннолетних по существу представляет собой процессуальную форму реализации Стратегии развития воспитания. Это предположение базируется на представлении авторов статьи о том, что в рассматриваемой Концепции обозначены основные векторы и способы усовершенствования профессиональной деятельности, осуществляемой в сфере предупреждения различных форм противоправного (девиантного) поведения несовершеннолетних, в том числе тех, которые должны быть реализованы в контексте функциональных аспектов правового просвещения, которые, по мнению авторов, выражены в рассматриваемой Концепции триедино: гипотетически (предположительно), имплицитно (неявно), эксплицитно (явно).

Гипотетические способы выражения просветительской функции Концепции выражены в связи с необходимостью: 1) оптимизации деятельности социальных институтов, включая учреждения высшего образования, готовящих специалистов в сфере юриспруденции и функционирующих с целью оказания несовершеннолетним гражданам и их родителям (представителям) безвозмездной юридической помощи; 2) осуществления реабилитационных мероприятий, направленных на оказание социальной помощи несовершеннолетним, не приемлющим любые формы законопослушного поведения, и на воспитание у них чувства уважения к закону; 3) обновления различных форм воспитательной деятельности, осуществляемой образовательными учреждениями с целью формирования у несовершеннолетних лиц практических навыков правомерного поведения.

Наличие имплицитных способов выражения просветительской функции Концепции установлено: во-первых, на основе контент-анализа первого абзаца третьего раздела Концепции «Цели и задачи Концепции», закрепляющего ее цели, среди которых такая цель, как «формирование чувства уважения к закону и правопорядку» (потенциальная цель правового просвещения), указана в последнюю очередь; во-вторых, на основе исследования перечня задач, необходимых для достижения заявленных в Концепции целей, среди которых можно с определенной долей условности выделить лишь одну задачу, реализуемую в рамках правового просвещения: «защита прав несовершеннолетних»; в-третьих, в рамках контент-анализа отдельных положений пятого раздела Концепции, в котором рассматриваются вопросы информа-

ционной политики, осуществляемой с целью популяризации значимости семейных ценностей и возрождения традиций семейного воспитания. В связи с тем, что информационная политика всегда носит просветительский характер, можно предположить, что она должна быть облечена в правовую форму.

Эксплицитные способы выражения просветительской функции Концепции выражены: во-первых, в том, что организация правового просвещения рассматривается в качестве меры раннего выявления и профилактики девиантного поведения несовершеннолетних; во-вторых, в том, что организация правового просвещения предусматривает просвещение (информирование) самих родителей или их представителей по тем или иным вопросам профилактики противоправного поведения несовершеннолетних, особенно в связи с необходимостью недопущения или устранения негативных факторов, создающих для этого благоприятные условия.

Если правовое просвещение, осуществляемое на основе федеральных программ, носит преимущественно общий характер и направлено на оказание или получение бесплатной юридической помощи, то основы национальной политики в этом вопросе, утвержденные в нормативных рамках практически одноименного документа и оформленные в виде указа главы российского государства, определяют целью правового просвещения не столько оказание или получение бесплатной юридической помощи, сколько повышение уровня правовой грамотности и качества правового сознания граждан, необходимых для повышения уровня юридической культуры населения в целом.

В силу этих причин правовое просвещение рассматривается в документе не столько как форма оказания бесплатной юридической помощи, но как самостоятельное и приоритетное направление государственной политики в этом вопросе (раздел IV «Цели и основные направления государственной политики»). Помимо этого, «Основы государственной политики Российской Федерации» закрепляют положение, в соответствии с которым правовое просвещение представляет собой: разновидность государственной политики; деятельность, осуществляемую как государственными учреждениями власти, так и негосударственными (муниципальными) структурами и организациями. При этом комплексная природа просветительской деятельности обусловлена многоаспектными формами ее осуществления [5].

Таким образом, систематизация содержания федеральных программ (Стратегии и Концепции), а также Указов Президента России, регламентирующих различные аспекты правового просвещения, осуществляемого в том числе с целью противодействия совершению правонарушений и преступлений среди несовершеннолетних граждан, а также анализ основных векторов национальной политики, проводимой в современном российском социуме в контексте повышения уровня правовой грамотности и качества правового сознания, позволяет сформулировать ряд промежуточных выводов и предположений.

Во-первых, рассматриваемый программный документ определяет основные направления формирования «высокого» уровня правовой культуры (правовой грамотности и правового сознания), в том числе правовой культуры несовершеннолетних. Здесь нужно отметить, что независимо от того, что в документе указано, что уровень правовой культуры (правовой грамотности и правового сознания) должен быть высоким, критериев определения «высокого» уровня грамотности и правосознания в документе не приводится.

Во-вторых, рассматриваемый документ не просто определяет основные направления формирования «высокого» уровня правовой культуры, но и закрепляет стратегические ориентиры национальной политики в этом вопросе, в том числе в отношении лиц, не достигших возраста совершеннолетия. Среди таких ориентиров нужно выделить необходимость создания социальных условий, способствующих, с одной стороны, развитию у граждан «законопослушных» моделей общественного поведения, с другой – отказу от нигилистического отношения к праву, что в полной мере относится и к несовершеннолетним, но с тем отличием, что их правовая культура сначала должна сформироваться, а уже затем измениться под влиянием специальных программ правового просвещения, разработанных с целью повышения уровня правовой грамотности, поэтому содержание программ, предусматривающих стимулирование законопослушных моделей поведения несовершеннолетнего в современном российском социуме, по мнению главы государства, как минимум, должно учитывать пять основных социальных требований:

1) наличие семьи, а также особенности семейной социализации (воспитания) несовершеннолетнего;

2) специфику нравственных правил, установленных и культивируемых в семье;

3) позитивное или негативное отношение к закону родителей несовершеннолетнего или тех, кто принимает непосредственное участие в процессе его социализации (воспитания);

4) образовательный уровень несовершеннолетнего;

5) степень эффективности правового регулирования социальных отношений, интересующих несовершеннолетнего или вовлеченного в них [5].

В-третьих, правовая социализация личности несовершеннолетнего как способ повышения ее правовой грамотности и правового сознания должна, помимо прочего, осуществляться в рамках системы специальных мероприятий, предусмотренных различными программами правового просвещения, осуществляемого в контексте основных направлений государственной политики.

В-четвертых, в качестве одного из основных средств, способствующих утверждению правомерных моделей общественного поведения среди несовершеннолетних, необходимо рассматривать специально разработанную государственными учреждениями власти систему устойчивых социальных механизмов, стимулирующих различные формы законопослушного поведения несовершеннолетнего.

В-пятых, правовое просвещение может осуществляться как государственными, так и негосударственными учреждениями власти и институтами социального управления.

В-шестых, правовое просвещение может осуществляться как в рамках мероприятий по оказанию юридической помощи (в том числе бесплатной), так и наряду с ней.

В-седьмых, в отличие от программ правового просвещения концепции правового просвещения, разработанные и функционирующие на федеральном уровне правотворчества, носят адресный, узконаправленный характер, т. к. способствуют практической реализации различных воспитательных технологий в отношении ребенка. В рамках статьи понятие «ребенок» рассматривается как синоним понятия «несовершеннолетний», что в полной мере соответствует содержанию Стратегии развития воспитания в Российской Федерации, рассчитанной на период до 2025 г. и утвержденной Распоряжением Правительства РФ № 996-р от 29 мая 2015 г.

Помимо программ и концепций правового просвещения особая роль в организации правового просвещения на федеральном уровне отводится федеральному закону, закрепляющему, с одной стороны, основные

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки)

направления, принципы и формы профилактического воздействия, с другой – особенности профессиональной активности должностных лиц в области предупреждения нарушений норм российского права со стороны несовершеннолетних [11].

В рамках Федерального закона от 23.06.2016 № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» под профилактикой правонарушений понимается совокупность мер социально-правового, информационного и иного характера, направленных на выявление и устранение причин и условий, способствующих совершению правонарушений, а также воспитательного воздействия на лиц в целях недопущения совершения правонарушений или иных актов антисоциального поведения. При этом одной из форм профилактического воздействия, согласно ст. 17 Закона является правовое просвещение и правовое информирование [11], представляющие собой, с одной стороны, отдельные

отрасли национальной политики в сфере повышения правовой грамотности и правового сознания граждан [5], с другой – вид профессиональной деятельности, целью которой является ознакомление граждан и организаций с официальной информацией, содержащей сведения, позволяющие обеспечить защиту различных субъектов правовых отношений от противоправных посягательств.

Таким образом, изучение особенностей организации правового просвещения на основе федерального закона позволяет сделать вывод о том, что функция правового просвещения рассматривается федеральным законодателем, во-первых, как форма оказания бесплатной правовой помощи, во-вторых, как особая воспитательная стратегия, в-третьих, как самостоятельное и приоритетное направление государственной политики, в-четвертых, как основная форма профилактического воздействия [1], осуществляемого различными субъектами правового просвещения в современном российском обществе [11].

Список источников

1. Административное право: современный терминологический словарь / авт.-сост.: Е.В. Евсикова, А.В., Пономарев, В.В. Костылев [и др.]. Симферополь, 2020.
2. Доценко А.С. О понятии правового просвещения // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 1. Т. 15.
3. Истомин М.А., Нечкин А.В. Правовое просвещение в России: современные проблемы теории и практики // Юридический вестник Самарского университета. 2021. № 2. Т. 7.
4. Лубский А.В., Лубский Р.А. Адаптация народов Юга России к социальным трансформациям: проблемы методологии исследования // Научная мысль Кавказа. 2008. № 4(56).
5. Основы государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан (утверждены Президентом Российской Федерации 4 мая 2011 г.) (текст документа официально опубликован не был). Доступ из справ. правовой системы «Гарант».
6. О едином государственном портале правового просвещения и бесплатной юридической помощи: проект Постановления Правительства Российской Федерации. URL: // <https://regulation.gov.ru> (дата обращения: 15.01.2024).
7. Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 г.: распоряжение Правительства Российской

References

1. Administrative law: a modern terminological dictionary / compiled by E.V. Evsikova, A.V., Ponomarev, V.V. Kostylev [et al.]. Simferopol, 2020.
2. Dotsenko A.S. On the concept of legal education // Actual problems of Russian law. 2020. № 1. V. 15.
3. Istomin M.A., Nechkin A.V. Legal education in Russia: modern problems of theory and practice // Legal Bulletin of Samara University. 2021. № 2. V. 7.
4. Lubsky A.V., Lubsky R.A. Adaptation of the peoples of the South of Russia to social transformations: problems of research methodology // Scientific thought of the Caucasus. 2008. № 4(56).
5. Fundamentals of the state policy of the Russian Federation in the sphere of development of legal literacy and legal awareness of citizens (approved by the President of the Russian Federation on May 4, 2011) (the text of the document was not officially published). Access from the legal system «Garant».
6. On the unified state portal of legal education and free legal aid: draft Resolution of the Government of the Russian Federation. URL: // <https://regulation.gov.ru> (date of access: 15.01.2024).
7. Strategy for the development of education in the Russian Federation for the period up to 2025: order of the Government of the Russian

Федерации от 29.05.2015 № 996-р. Доступ из справ. правовой системы «Гарант».

8. Об изменениях, которые вносятся в Распоряжение Правительства Российской Федерации от 22.03.2017 № 520-р «Об утверждении Концепции Развития системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних на период до 2025 г. и плана мероприятий на 2021–2025 гг. по ее реализации»: распоряжение Правительства РФ от 18.03.2021 № 656-Р. Доступ из справ. правовой системы «Гарант».

9. Об утверждении государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: указ Президента РФ от 9.11.2022 № 809. Доступ из справ. правовой системы «Гарант».

10. О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации: федер. закон от 21.11.2011 № 324-ФЗ (в ред. от 25.12.2023 № 639-ФЗ). Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

11. Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации: федер. закон от 23.03.2016 № 182-ФЗ. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

Federation dated May 29, 2015 № 996-r. Access from the legal system «Garant».

8. On amendments to the Order of the Government of the Russian Federation of 22.03.2017 № 520-r «On approval of the Concept for the Development of the System for the Prevention of Neglect and Delinquency of Minors for the Period up to 2025 and the action plan for 2021-2025 for its implementation»: Order of the Government of the Russian Federation of 18.03.2021 № 656-R. Access from the legal system «Garant».

9. On approval of the state policy for the preservation and strengthening of traditional Russian spiritual and moral values: Decree of the President of the Russian Federation of 9.11.2022 № 809. Access from the legal system «Garant».

10. On free legal aid in the Russian Federation: Federal Law of 21.11.2011 № 324-FZ (as amended on 25.12.2023 № 639-FL). Access from the legal system «ConsultantPlus».

11. On the Fundamentals of the Crime Prevention System in the Russian Federation: Federal Law of 23.03.2016 № 182-FL. Access from the legal system «ConsultantPlus».

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Лубский Роман Анатольевич, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры административного права. Ростовский юридический институт МВД России. 344015, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.

Меняйло Людмила Николаевна, кандидат политических наук, доцент, заместитель начальника кафедры гражданско-правовых дисциплин. Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина. 308024, Российская Федерация, г. Белгород, ул. Горького, 71.

Працко Геннадий Святославович, доктор юридических наук, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры коммерческого и предпринимательского права. Донской государственный технический университет. 344002, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Lubsky Roman Anatolyevich, Grand PhD in Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Administrative law. Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 83, Eremenko St., Rostov-on-Don 344015 Russian Federation.

Menyailo Lyudmila Nikolaevna, PhD in Political Sciences, Associate Professor, Deputy Head of the Department of Civil law disciplines. Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin. 71, Gorky St., Belgorod 308024 Russian Federation.

Pratsko Gennady Svyatoslavovich, Grand PhD in Law, Professor, Professor of the Department of Commercial and Business law. Don State Technical University. 1, Gagarin Square, Rostov-on-Don 344002 Russian Federation.

**О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ФОРМИРОВАНИЯ ИНСТИТУТА
НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ В ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ**

Артамонов Алексей Николаевич

Главное управление Минюста России по Ростовской области, Ростов-на-Дону, Российская Федерация,
artamonov_mj@mail.ru

Якимычева Елена Владимировна

Управление Минюста России по Донецкой Народной Республике, Донецк, Российская Федерация,
Yelena.yakimychева@bk.ru

Введение: вопросам организации общественно-политической жизни страны, отдельных ее регионов, реализации права граждан на объединение, регистрации некоммерческих организаций, контролю их деятельности, в том числе задачам, полномочиям и механизмам их реализации современного российского Минюста, посвящено много научных, научно-практических материалов, публикуемых специализированными печатными изданиями. Интерес и актуальность изучения и описания данных видов общественных отношений обосновывается непростой и активно изменяющейся обстановкой как внутри страны, так и активизацией различного рода влияний извне, что проявляется в действиях некоммерческого сектора, отдельных его представителей, в том числе негативного характера. Уникальный опыт для изучения и применения российской правовой системы предоставляет нам практика новых регионов, реализованная ими самостоятельно, в тех условиях, которые народные республики и их граждане прошли в течение восьми лет.

Материалы и методы: в статье на примере изучения нормотворческой деятельности и практики ее применения в сфере деятельности некоммерческих организаций рассматриваются примеры разработки и принятия документов, имеющих общеобязательный характер, для территории и граждан, на ней проживающих, в условиях реализации права народа на самоопределение.

Результаты исследования: в исследовании доказана (на примере анализа практики нормативного регулирования и деятельности в Донецкой Народной Республике по регистрации некоммерческих организаций, формированию условий реализации права граждан на объединение) необходимость изучения и анализа нормотворчества и практики его применения новых субъектов Российской Федерации в разных сферах общественных отношений.

Выводы и заключения: мониторинг законодательства, правоприменительной практики, его механизмы, способы сбора, обобщения и анализа информации способствуют выработке эффективных правотворческих и управленческих решений, а элементы и инструменты сравнительного правоведения по изучению опыта новых российских регионов, особенно Донецкой и Луганской народных республик, расширяют эти возможности и в будущем могут улучшить качество такой работы, что показано на примере изучения опыта правового регулирования общественно-политической жизни нового субъекта Российской Федерации.

Ключевые слова: общественно-политические отношения, государственная регистрация некоммерческих организаций, общественные объединения, Донецкая Народная Республика.

Для цитирования: Артамонов А. Н., Якимычева Е. В. О некоторых аспектах формирования института некоммерческих организаций в Донецкой Народной Республике / А. Н. Артамонов, Е. В. Якимычева // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2025. № 1 (112). – С. 22–27.

Original paper

**ON SOME ASPECTS OF THE FORMATION OF THE INSTITUTE
OF NON-PROFIT ORGANIZATIONS IN THE DONETSK PEOPLE'S REPUBLIC**

Artamonov Alexey Nikolaevich

Main Directorate of the Ministry of Justice of Russia for the Rostov Region,
Rostov-on-Don, Russian Federation

Yakimychева Elena Vladimirovna

Department of the Ministry of Justice of Russia for the Donetsk People's Republic, Donetsk, Russian Federation

Introduction: the issues of organizing the socio-political life of the country, its individual regions, the implementation of the right of citizens to association, registration of non-profit organizations, control over their activities, including the tasks, powers and mechanisms for their implementation of the modern Russian Ministry of Justice, are the subject of many scientific, scientific and practical materials published in specialized printed publications. The interest and relevance of studying and describing these types of public relations is justified by the difficult and actively changing situation both within the country and the intensification of various kinds of influences from outside, which is manifested in the actions of the non-profit sector, its individual representatives, including negative ones. Unique experience for studying and applying the Russian legal system is provided to us by the practice of new regions, implemented by them independently, in the conditions that the people's republics and their citizens have gone through for eight years.

Materials and methods: the article, using the example of studying the rule-making activity and the practice of its application in the field of activities of non-profit organizations, considers examples of the development and adoption of documents of a generally binding nature for the territory and citizens living on it, in the context of the implementation of the right of the people to self-determination.

Results of the study: the study has proven (using the example of analyzing the practice of regulatory control and activities in the Donetsk People's Republic on registering non-profit organizations, forming conditions for the implementation of citizens' rights to association) the need to study and analyze rule-making and the practice of its application in new subjects of the Russian Federation in various spheres of public relations.

Findings and conclusions: monitoring legislation, law enforcement practice, its mechanisms, methods of collecting, summarizing and analyzing information contribute to the development of effective law-making and management decisions, and elements and tools of comparative law in studying the experience of new Russian regions, especially the Donetsk and Lugansk People's Republics, expand these opportunities and can improve the quality of such work in the future, as shown by the example of studying the experience of legal regulation of the socio-political life of a new subject of the Russian Federation.

Keywords: socio-political relations, state registration of non-profit organizations, public associations, Donetsk People's Republic.

For citation: Artamonov A. N., Yakimychева E. V. On some aspects of the formation of the institute of non-profit organizations in the Donetsk People's Republic / A. N. Artamonov, E. V. Yakimychева // *Philosophiya Prava : scientific-theoretical journal*. Rostov-on-Don. 2025. № 1 (112). – Pp. 22–27.

Процессы формирования общественных связей, влияние на них традиций, моральных, нравственных, религиозных постулатов, правил поведения, рекомендуемых или требуемых к соблюдению в данное время, в данном месте, последствия правонарушений, наказание за них или безнаказанность, что они порождают или к чему могут привести, – этими вопросами умы людей заняты с незапамятных времен. Мы все также экспериментируем, ошибаемся, но тешим себя надеждой разобраться, найти рецепт надежный, безотказный, при этом чтобы он находился в «правильных» руках, чтобы этими знаниями не могли злоупотреблять.

Некоммерческие формы организации общественной жизни хорошо изучены, но и продолжают изучаться представителями социальных наук. Им посвящены специальные исследования, а также работы, как научные, так и учебные, решающие самые разнообразные общественно полезные задачи

[1, с. 17–22; 2, с. 26–44; 3, с. 107–123; 4, с. 12–22]. В своем учебнике по сравнительному правоведению один из метров отечественного правоведения некоммерческие организации определил в качестве высшей формы организованности общественных объединений [5, с. 130].

Занимается этими вопросами и современный Минюст России: через участие в нормотворческой деятельности органов власти разных уровней нашего сложносоставного государства, проведение правовых мониторингов, осуществляющих изучение нормативных баз, выявление их проблем и недостатков, характера развития и перспектив отдельных видов общественных отношений, создание предпосылок или основы функционирования гражданского общества, путем регистрации и контроля деятельности некоммерческих объединений людей, т. е. не для извлечения прибыли, материального обогащения, а для увеличения способно-

5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки)

стей, расширения возможностей, воплощения идей.

Поводов для изучения опыта, практики его внедрения в общественные связи, успехов и неудач на этом поприще современная история нашего государства предоставляет много и щедро, а их примеры разнообразны и не имеют аналогов в истории человечества. Такой богатый опыт имеют наши новые субъекты Российской Федерации, его мы должны изучать, а лучшие примеры воплощать в общероссийскую практику.

Ниже рассмотрим некоторые этапы формирования и реализации нормотворческой деятельности в сфере развития общественно-политических отношений в Донецкой Народной Республике (далее – Республика, ДНР) в условиях самостоятельности, обратим внимание на примеры, способные расширить возможности и быть примененными в общероссийских масштабах.

Цель настоящего исследования – на примере создания общественных институтов, сохранения имевшихся, встраивания их в новые условия, каждый этап которых характеризовался своими особенностями, рассмотреть возможные механизмы, задачи, способы по эволюционированию, адаптации их к государственным и политическим преобразованиям, исключения революционных (не по сути, а по разрушительным последствиям) изменений, с целью защиты, обеспечения и развития возможностей реализации прав граждан, их законных интересов.

Настоящая публикация является очередным этапом изучения и сохранения опыта Донецкой Народной Республики в сферах и вопросах, связанных с полномочиями Министерства юстиции Российской Федерации.

Понимая большое значение института некоммерческих организаций на территории Республики в условиях независимости, становления и выстраивания управленческих, общественно-политических форм и структур, развитие, в некоторых случаях сохранение или создание общественных отношений, механизмов их регулирования, путь был длительным, непростым, включавшим как предыдущий опыт, так и стремление к изменениям, возможности к которым обеспечила самостоятельность.

Начиная с октября 2014 г. государственная регистрация некоммерческих организаций в Донецкой Народной Республике возложена на республиканское Министерство юстиции, позднее на Государственную регистрационную палату, в дальнейшем на Департамент государственной регистрации – структурные подразделения этого же министерства.

Основными задачами Минюста ДНР в данной сфере деятельности являлись осуществление в установленном законами Республики, а также нормативными правовыми актами Главы и Правительства Республики порядке государственной регистрации (легализации) некоммерческих организаций, принятие решений о ликвидации (прекращении деятельности) зарегистрированных (легализованных) некоммерческих организаций, осуществление контроля их деятельности, вынесение письменных предупреждений и обращений в суд, вопросы, связанные с выявлением и фиксацией экстремистских материалов.

Первые общественные организации на территории ДНР были зарегистрированы республиканской Центральной избирательной комиссией (ЦИК) на основании ею утвержденного Порядка регистрации общественных объединений [6]. Комиссия принимала решение после предоставления Управлением по регистрации общественных объединений при ЦИК ДНР соответствующего представления. Всего на территории Республики за описываемое время было зарегистрировано 36 общественных объединений.

Постановлением Совета Министров ДНР в апреле 2015 г. было утверждено Временное положение о порядке легализации профессиональных союзов и их объединений [7], которым устанавливалось, что вновь созданные профессиональные союзы и их объединения подлежали легализации в Минюсте ДНР и в его территориальных органах.

Позднее, 29 июня 2015 г., Народным Советом принят Закон Республики «О профессиональных союзах» [8], которым были установлены правила как создания профессиональных союзов, так и их взаимодействия, в том числе с органами власти. Во исполнение указанных нормативных правовых актов Минюстом ДНР было легализовано 537 профессиональных союзов и их объединений.

В июне 2016 г. принят Закон [9], положениями которого определены правовые особенности свободы вероисповедания и религиозных объединений, процедура регистрации которых включала в себя и государственную религиоведческую экспертизу.

Порядок проведения такой экспертизы утвержден Постановлением Совета Министров Республики 17 декабря 2016 г., в соответствии с которым Экспертный совет по проведению государственной религиоведческой экспертизы был создан при Министерстве культуры ДНР.

В тех случаях, когда Министерством культуры принималось положительное решение о регистрации религиозной организации, оно направлялось в Минюст ДНР, который выдавал организации свидетельство и вносил сведения в соответствующий Реестр.

Во исполнение указанных нормативных правовых актов Минюстом ДНР было зарегистрировано 36 религиозных организаций (позднее одна была ликвидирована по решению суда).

В апреле 2019 г. Главой Республики утвержден Временный порядок деятельности общественных объединений физкультурно-спортивной направленности, который определял процедуру создания, государственной регистрации, прекращения деятельности, а также права и обязанности общественных объединений данной категории [10].

Соответствующим Положением установлено, что физкультурно-спортивные объединения осуществляют деятельность на основании устава, который подлежал согласованию с уполномоченным органом – республиканским Министерством молодежи, спорта и туризма, после чего физкультурно-спортивное объединение предоставляло в регистрирующий орган (Минюст ДНР) соответствующий комплект документов для осуществления государственной регистрации. За время самостоятельности было зарегистрировано 60 таких объединений.

Правила создания, деятельности, а также права и обязанности творческих союзов в сфере культуры Республики утверждены в июле 2019 г. во Временном порядке [11].

Особенностью указанного Временного порядка являлось то, что устав творческого союза подлежал согласованию с республиканским органом исполнительной власти, реализующим государственную политику в сфере культуры (Министерство культуры Республики). Государственная регистрация творческих союзов осуществлялась в регистрирующем органе (Минюст ДНР).

Всего в Республике было зарегистрировано шесть таких союзов.

С 1 июля 2020 г. вступил в силу Гражданский кодекс Донецкой Народной Республики [12], в котором были определены возможные организационно-правовые формы некоммерческих организаций.

Список источников

1. Никовская Л.И. Особенности взаимодействия власти, бизнеса и некоммерческого сектора на уровне муниципальной публичной политики (по результатам социологиче-

Следует обратить внимание, что порядок создания, государственной регистрации и деятельности соответствующих организационно-правовых форм некоммерческих организаций не в полном объеме был урегулирован законодательно, в связи с чем ст. 1642 была дополнена ч. 102, в соответствии с которой некоторые вопросы создания, государственной регистрации, деятельности, ликвидации некоммерческих организаций определялись Главой Республики.

Таким образом было зарегистрировано 16 общественных объединений, восемь благотворительных фондов, Совет адвокатов, Адвокатская палата, Нотариальная палата, Торгово-промышленная палата ДНР.

После того как Донецкая Народная Республика стала субъектом России (октябрь 2022 г.), созданные за время независимости некоммерческие организации, прошедшие процедуру приведения в соответствии с российским законодательством, стали частью нашей общей общественной, общественно-политической жизни.

В конце 2022 – начале 2023 г. во всех четырех новых субъектах Российской Федерации, в том числе в Донецкой Народной Республике, были созданы управления Министерства юстиции Российской Федерации, укомплектованы штаты сотрудниками высококвалифицированными, глубоко и всесторонне знающими российское законодательство, обогащенными при этом собственным опытом как нормотворческой, так и правоприменительной практики, имеющими на многие вопросы пытливым интерес и даже критический взгляд. Утрата последнего, сомнений, размышлений по поводу правильности и безальтернативности тех или иных управленческих решений является недостатком профессиональной юридической деятельности, зачастую может приводить к неэффективности действий, сформулированных правил поведения, что отражается на многочисленных изменениях нормативных правовых баз разных уровней. Надеемся, опыт новых субъектов Российской Федерации будет способствовать совершенствованию, как подходов, так и результатов правотворчества, что требует его изучения и анализа.

References

1. Nikovskaya L.I. Features of the interaction between government, business and the non-profit sector at the level of municipal public policy (based on the results of a sociological study)

5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки)

ского исследования) // XXII Уральские социологические чтения. Национальные проекты и социально-экономическое развитие Уральского региона: материалы Всероссийской научно-практ. конф. (17–18 марта 2020 г.) / под общ. ред. Ю.Р. Вишневого, М.В. Певной. Екатеринбург, 2020.

2. Мерсиянова И.В. Российское гражданское общество в региональном измерении // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2009. № 4(92).

3. Кочетков А.П. Гражданский контроль – важная форма взаимодействия государства и гражданского общества в России // Политическая наука. 2017. Спецвыпуск.

4. Горшков М.К. Гражданское общество и гражданское сознание в современной России // Гуманитарий Юга России. 2013. № 1.

5. Чиркин В.Е. Сравнительное правоведение: учебник для магистратуры. М., 2012.

6. Порядок регистрации общественных объединений, утвержден Центральной избирательной комиссией Донецкой Народной Республики (Решение № 1-2 от 30.09.2014). URL: <https://gisnpa-dnr.ru/npa/0003-5-20-20140409/> (дата обращения: 12.12.2024).

7. Об утверждении Временного положения о порядке легализации профессиональных союзов и их объединений: постановление Совета министров Донецкой Народной Республики от 09.04.2015 № 5-18. URL: <https://gisnpa-dnr.ru/npa/0003-5-20-20150409/> (дата обращения: 12.12.2024).

8. О профессиональных союзах: закон Донецкой Народной Республики от 29.06.2015 № 65-ИНС. URL: <https://gisnpa-dnr.ru/npa/0003-5-20-20150409/> (дата обращения: 12.12.2024).

9. О свободе вероисповедания и религиозных объединениях: закон Донецкой Народной Республики от 24.06.2016 № 140-ИНС. URL: <https://gisnpa-dnr.ru/npa/0003-5-20-20160409/> (дата обращения: 12.12.2024).

10. О Временном порядке деятельности общественных объединений физкультурно-спортивной направленности: указ Главы Донецкой Народной Республики от 01.04.2019 № 91. URL: <https://gisnpa-dnr.ru/npa/0003-5-20-20190409/> (дата обращения: 12.12.2024).

11. О Временном порядке деятельности творческих союзов в сфере культуры: указ Главы Донецкой Народной Республики от 26.07.2019 № 228. URL: <https://gisnpa-dnr.ru/npa/0003-5-20-20190409/> (дата обращения: 12.12.2024).

12. Гражданский кодекс Донецкой Народной Республики. URL: <https://gisnpa-dnr.ru/npa/0003-5-20-20200409/> (дата обращения: 12.12.2024).

// XXII Ural sociological readings. National projects and socio-economic development of the Ural region: materials of the All-Russian scientific-practical. conf. (March 17-18, 2020) / edited by Yu.R. Vishnevsky, M.V. Pevnaya. Yekaterinburg, 2020.

2. Mersyanova I.V. Russian civil society in the regional dimension // Public opinion monitoring: economic and social changes. 2009. № 4(92).

3. Kochetkov A.P. Civil control is an important form of interaction between the state and civil society in Russia // Political science. 2017. Special issue.

4. Gorshkov M.K. Civil society and civic consciousness in modern Russia // Humanitarian of the South of Russia. 2013. № 1.

5. Chirkin V.E. Comparative law: textbook for the master's degree. Moscow, 2012.

6. The procedure for registering public associations, approved by the Central Election Commission of the Donetsk People's Republic (Decision № 1-2 of September 30, 2014). URL: <https://gisnpa-dnr.ru/npa/0003-5-20-20140409/> (date of access: 12.12.2024).

7. On approval of the Temporary Regulation on the procedure for legalizing trade unions and their associations: Resolution of the Council of Ministers of the Donetsk People's Republic dated April 9, 2015 № 5-18. URL: <https://gisnpa-dnr.ru/npa/0003-5-20-20150409/> (date of access: 12.12.2024).

8. On trade unions: Law of the Donetsk People's Republic of 29.06.2015 № 65-INS. URL: <https://gisnpa-dnr.ru/npa/0003-5-20-20150409/> (date of access: 12.12.2024).

9. On freedom of religion and religious associations: Law of the Donetsk People's Republic of 24.06.2016 № 140-INS. URL: <https://gisnpa-dnr.ru/npa/0003-5-20-20160409/> (date of access: 12.12.2024).

10. On the Temporary Procedure for the Activities of Public Associations with Physical Culture and Sports Focus: Decree of the Head of the Donetsk People's Republic dated 01.04.2019 № 91. URL: <https://gisnpa-dnr.ru/npa/0003-5-20-20190409/> (date of access: 12.12.2024).

11. On the Temporary Procedure for the Activities of Creative Unions in the Sphere of Culture: Decree of the Head of the Donetsk People's Republic of July 26, 2019 № 228. URL: <https://gisnpa-dnr.ru/npa/0003-5-20-20190409/> (date of access: 12.12.2024).

12. Civil Code of the Donetsk People's Republic. URL: <https://gisnpa-dnr.ru/npa/0003-5-20-20200409/> (date of access: 12.12.2024).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Артамонов Алексей Николаевич, кандидат юридических наук, заместитель начальника. Главное управление Минюста России по Ростовской области. 344002, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Береговая, 11/1.

Якимычева Елена Владимировна, начальник отдела по делам некоммерческих организаций. Управление Минюста России по Донецкой Народной Республике. 283015, Российская Федерация, г. Донецк, пр. Мира, 10 А.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Artamonov Alexey Nikolaevich, PhD in Law, Deputy head of the Main Department of the Ministry of justice of Russia for the Rostov region. 11/1, Beregovaya St., Rostov-on-Don 344002 Russian Federation.

Yakimychева Elena Vladimirovna, Head of the Department for non-profit organizations of the Directorate of the Ministry of Justice of Russia for the Donetsk People's Republic. 10 A, Mira Ave., Donetsk 283015 Russian Federation.

**ОБЛУКТАЦИЯ МОШЕННИЧЕСТВУ ПОСРЕДСТВОМ
ФИЛОСОФСКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ВАЛОРИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ
НА БАЗЕ ИНСТИТУЦИЙ И ЭКСПАНСИИ ФИНАНСОВОЙ КУЛЬТУРЫ**

Буряков Геннадий Александрович

Ростовский государственный университет путей сообщения, Ростов-на-Дону, Российская Федерация,
gburiakov@mail.ru

Колесникова Елена Викторовна

Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, Симферополь, Российская Федерация,
shahty-elen@yandex.ru

Селиванова Анфиса Григорьевна

Ростовский государственный университет путей сообщения, Ростов-на-Дону, Российская Федерация,
fisa86@mail.ru

Введение: в исследовании с теоретико-правовых и философско-психологических позиций проведен анализ сущности мошеннических действий и облуктации им. В статье затронуты вопросы ко-рыстного интереса телефонных мошенников и их действий в системе индивидуально-личностного восприятия гражданами всех типов угроз.

Материалы и методы: в процессе исследования использовалась система принципов познания, общенаучных методов, философско-психологических концепций развития личности. Методологи-ческий аппарат основан на применении логико-теоретических методов, наблюдении, сравнении, анализе, синтезе, статистическом обобщении. Эмпирическую базу исследования составили данные практики расследования финансовых мошенничеств, находящиеся в свободном доступе.

Результаты исследования: на основе анализа мошеннических операций рассмотрены механиз-мы противоправной деятельности. Установлено, что личностная самооценка, способность когни-тивного подавления и контроля своих эмоций, воспитание зрелой личности, осознание индивиду-ально-личностной ценности формируют высокий уровень валоризации. Систематизация полученных знаний и базовых установок, а также умение применять их в практике финансовых решений соот-ветствует целевым ориентирам правительства РФ, освещенным в документах по формированию финансовой культуры.

Выводы и заключения: функциональный анализ содержания механизма повышения финансовой грамотности для системного формирования финансовой культуры позволяет выявить потенци-альные возможности консолидации государственных и общественных форм облуктации мошен-ническим деянием, что должно выстраиваться в первую очередь на уровнях законодательства и правоприменения, а также путем создания организационной инфраструктуры органами власти и управления, некоммерческими организациями и общественными движениями.

Ключевые слова: мошенничество, облуктация, философско-психологическая резилентность, зрелая личность, финансовая осознанность, финансовая культура, ответственность.

Для цитирования: Буряков Г. А., Колесникова Е. В., Селиванова А. Г. Облуктация мошенничеству посредством философско-психологической валоризации личности на базе институций и экспансии фи-нансовой культуры / Г. А. Буряков, Е. В. Колесникова, А. Г. Селиванова // Философия права : науч.-тео-ретич. журн. Ростов-на-Дону. 2025. № 1 (112). – С. 28–34.

RESISTANCE TO FRAUD THROUGH PHILOSOPHICAL AND PSYCHOLOGICAL VALORIZATION OF PERSONALITY ON THE BASIS OF INSTITUTIONS AND EXPANSION OF FINANCIAL CULTURE

Buryakov Gennady Alexandrovich

Rostov State University of Railway Transport, Rostov-on-Don, Russian Federation

Kolesnikova Elena Viktorovna

Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky, Simferopol, Russian Federation

Selivanova Anfisa Grigorievna

Rostov State University of Railway Transport, Rostov-on-Don, Russian Federation

Introduction: the study analyzes the essence of fraudulent actions and their oblucation from theoretical, legal, philosophical and psychological positions. The article addresses the issues of the selfish interests of telephone scammers and their actions in the system of individual and personal perception of all types of threats by citizens.

Materials and methods: the study used a system of principles of cognition, general scientific methods, philosophical and psychological concepts of personality development. The methodological apparatus is based on the use of logical and theoretical methods, observation, comparison, analysis, synthesis, statistical generalization. The empirical basis of the study was made up of publicly available data on the investigation of financial fraud.

Results of the study: based on the analysis of fraudulent transactions, the mechanisms of illegal activity were considered. It was established that personal self-esteem, the ability to cognitively suppress and control one's emotions, the upbringing of a mature personality, and awareness of individual and personal value form a high level of valorization. Systematization of the acquired knowledge and basic attitudes, as well as the ability to apply them in the practice of financial decisions, corresponds to the target guidelines of the Russian Federation government, covered in documents on the formation of financial culture.

Findings and conclusions: functional analysis of the content of the mechanism for improving financial literacy for the systematic formation of financial culture allows us to identify potential opportunities for consolidating state and public forms of oblucation of fraudulent acts, which should be built primarily at the levels of lawmaking and law enforcement, as well as by creating an organizational infrastructure by government and management bodies, non-profit organizations and public movements.

Keywords: fraud, oblucation, philosophical and psychological resilience, mature personality, financial awareness, financial culture, responsibility.

For citation: Buryakov G. A., Kolesnikova E. V., Selivanova A. G. Resistance to fraud through philosophical and psychological valorization of personality on the basis of institutions and expansion of financial culture / G. A. Buryakov, E. V. Kolesnikova, A. G. Selivanova // *Philosophiya Prava : scientific-theoretical journal*. Rostov-on-Don. 2025. № 1 (112). – Pp. 28–34.

Корыстный интерес выступает движущей силой финансового мошенничества, а технологические достижения информационной сферы позволяют проводить жульнические действия в виртуальном пространстве в режиме дистанционного общения с потенциальной жертвой, что затрудняет работу правоохранительных структур. Эта деятельность подпадает под ст. 159 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), но в случае неоконченного преступления, данные действия должны рассматриваться со ссылкой на ст. 30 УК РФ¹.

Рост объемов хищений, проводимых на основе корыстных интересов², происходит синхронно расширению запросов жуликов: от первоначальных снятий денег со счетов доверчивых граждан до принуждения к продаже недвижимости и оформлению кредитов с последующим переводом средств на якобы безопасные счета. Прослеживается четкая преступная цель жульнических действий с передачей активов (средств от их продажи) в руки других лиц. По мнению психолога Р.С. Немова, осознаваемый и предполагаемый результат, удовлетворяющий целевую

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 28.12.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 08.01.2025). Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

² Там же. Ч. 4 ст. 158.

5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки)

потребность и действия по ее достижению, характеризует конкретный умысел [1], что соответствует пониманию мошеннических действий, зафиксированному в Постановлении Пленума Верховного суда Российской Федерации (далее – ВС РФ) от 30.11.2017 № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате»³ и от 07.07.2015 № 32 «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем»⁴, а также в разъяснениях прокуратуры⁵.

Важнейшим мошенническим поведенческим элементом, проецирующим конкретные результаты преступного ремесла, выступает финансовый ориентир, для достижения которого жулики не гнушаются применять любые средства. Философия Г.В. Гегеля исходит из того, что действия людей, преследующих конкретные цели, формируют закономерности развития⁶, в том числе прослеживается совершенствование механизма мошеннического изъятия средств как безвозмездной наживы [2], что соответствует пониманию корыстной цели. Позицию Пленума ВС РФ от 30.11.2017 № 48 поддерживают как ученые, так и практики⁷. Противодействие мошенничеству должно выстраиваться обществом в первую очередь на уровнях законотворчества и правоприменения.

Во многом проблемы слабой облуктации мошенничеству кроются в области философско-психологического, индивидуально-личностного восприятия гражданами различных угроз от действий преступников. Римский философ Л.А. Сенека, как представитель философии стоицизма, в своем трактате «О счастливой жизни» утверждал, что «душевный покой – высшая добродетель». Под душевным покоем мы можем понимать

психологически уравновешенное состояние личности, поэтому финансовые аферисты пытаются всеми способами вывести человека из состояния эмоциональной сбалансированности⁸.

Рассматривая мошеннические методы и приемы, можно отметить, что, прежде всего, применяя эффект неожиданности, жулики пытаются не допустить возможности применения жертвой законов логики, о которых писал еще древнегреческий философ Аристотель [3], их задача шокировать субъект воздействия, обременять фальшивой информацией, нагнетать сомнения⁹. Упор производится на базовые эмоции, страхи и соблазны: за свои сбережения; за кредиты, якобы оформляемые кем-то в эту минуту на твою фамилию; за своих близких; за здоровье; в качестве соблазнов – жажда легких и быстрых денег, хорошо оплачиваемой работы и т. д. В соответствии с философским учением Гегеля протекающие процессы требуют философского осмысления [4].

Эволюционные изменения, общественные сдвиги, развитие мышления, императивных норм и другие процессы в рамках философских изысканий происходят в системе понимания мироустройства. Любой обыватель занимает определенное место в обществе, на основе психологической разумности осуществляет свои действия с использованием полученных знаний и жизненного опыта, посредством чего происходит формирование эмоционального образа конкретного индивида. В рамках психологической резилентности каждая личность от природы наделена для преодоления стрессов индивидуальными способностями и возможностями их совершенствования. Философ З. Фрейд обращал внимание на реакцию человека к внешним раздражителям при анализе механизмов защиты сознания от неприятностей с целью сохранения психического равно-

³ О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате: постановление Пленума ВС РФ от 30 ноября 2017 г. № 48 (с изм. и доп. 29 июня 2021 г., 15 декабря 2022 г. Доступ из справ. правовой системы «Гарант».

⁴ О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем: постановление Пленума ВС РФ от 7 июля 2015 г. № 32. Доступ из справ. правовой системы «Консультант-Плюс».

⁵ Прокурор разъясняет. Ответственность за мошенничество, совершенное с использованием электронных средств платежа (Отдел государственных обвинителей). URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/web/proc_74/activity/legal-education/explain?item=61021393 (дата обращения: 01.06.2024).

⁶ Макаров М.Г. Категория «цель» в домарксистской философии. Л., 1974.

⁷ Архипов А.В. Корыстная цель как признак хищения // Уголовное право. 2016. № 1. С. 4–8; Теплова Д.О. Корыстные цель и мотив как признаки хищения // Российский следователь. 2013. № 13. С. 22–23; Карпова Н.А. Хищение чужого имущества: вопросы квалификации и проблемы дифференциации уголовной ответственности / под ред. Н.Г. Кадникова. М., 2011.

⁸ Философские трактаты / пер. с лат., вступ. ст., комм. Т.Ю.Бородай. СПб., 2001.

⁹ Широко известно высказывание Р. Декарта: «Уточните значение слов, и вы избавите человечество от полотины заблуждений».

веса, он ввел в оборот термин «защитные нейрорпсихозы», а способность индивида сдерживать негативные эмоции и оставаться уравновешенным в любых жизненных ситуациях может свидетельствовать о зрелой личности [5].

Россиянам необходимо обладать комплексом защитных психологических мер для противодействия мошенничеству, ее элементом может выступать эмоциональная регуляция. По мнению психолога П. Экмана, следующим этапом является когнитивное переосмысление как механизм управляемого снижения степени отрицательных эмоций¹⁰. Всем гражданам любых возрастов следует учиться практикам стабилизации возбудимости, способности когнитивного подавления и контроля своих эмоций, что способствует снижению негативных переживаний в субъективном восприятии. С точки зрения психолога М. Монтессори, любые впечатления человека формируют его сознание. Осознание собственной ценности человека, происходящее в подростковом возрасте, выступает психологическим саквояжем с постоянно пополняющимися знаниями, опытом, собственной индивидуальной оценкой в социуме, способностями противостояния стрессам, что известно как валоризация личности [6]. Процессы, связанные с воспитанием человека, его обучением, саморазвитием, саморефлексией, формированием психоэмоциональной устойчивости¹¹, приобретением новых компетенций, формируют когнитивную систему, на основе которой сознательно вырабатывается целеполагание дальнейшего развития и принятия ситуативных решений.

В соответствии с философско-психологической концепцией личности С.Л. Рубинштейна сознание человека задает приемы психологической координации и самоопределения [7]. Личностное развитие протекает эффективно в процессе ведения деятельности, реализация людей происходит по-разному, одни могут в подростковом возрасте достичь личностной зрелости, а другие останутся имматурными даже в старости. Изучая место человека в мироздании, в со-

ответствии с философским учением стоиков, представителем которого является Л.А. Сенека, контроль над человеческими эмоциями свидетельствует о духовной зрелости индивида, это эмоциональное состояние не обретают многие образованные и начитанные люди¹². В рамках философского учения об объективности реальности принимается во внимание рассмотрение любого количества внешних факторов, отражающих современную действительность¹³.

Любой человек может владеть большим объемом теоретических знаний, умений и навыков, что характеризует его финансовую грамотность, а умение применить свои знания, базовые установки и нравственные ценности в поведении, практика реализации финансовых решений – это уже более высокий уровень компетенций, соответствующих понятию «финансовая культура». При этом речь идет о возможности применения знаний широкого спектра. Финансовая культура охватывает умение применять знания в области финансов и финансового рынка, психологии, права, социологии, социальной психологии и т. д., при решении финансовых задач, что зависит от психического состояния человека, знаний порядка правового регулирования отношений, совокупности реализации социальных взаимодействий в обществе и др. Финансовая культура характеризует степень осознанности индивидов в момент акцептования финансового решения с учетом возможных явных и скрытых рисков. В настоящее время граждане массово проявляют интерес к повышению финансовой грамотности и методикам использования этих знаний в жизни, данный процесс стремительно приобретает форму культурной экспансии. Правительством РФ в рамках становления и системного развития финансовой культуры в 2023 г. принят соответствующий документ¹⁴. На начало 2025 г. индекс цифровой грамотности по стране составил 71 %, о чем отчитались эксперты платформы «Цифровой гражданин»¹⁵.

В российском обществе давно развернулась активная борьба с мошенничеством.

¹⁰ Экман П. Психология эмоций. Я знаю, что ты чувствуешь. СПб., 2022.

¹¹ Маклаков А.Г. Общая психология: уч. для вузов. СПб., 2023.

¹² Философские трактаты. Указ. соч.

¹³ Пейкофф Л. Введение в Объективизм. URL: https://vk.com/wall-55098695_24879 (дата обращения: 11.01.2025).

¹⁴ Об утверждении Стратегии повышения финансовой грамотности и формирования финансовой культуры до 2030 г.: распоряжение Правительства Российской Федерации от 24.10.2023 № 2958-р. URL: https://minfin.gov.ru/ru/document?id_4=304737-rasporyazhenie_pravitelstva_rossiiskoi_federatsii_ot_24.10.2023_2958-r_ob_utverzhdenii_strategii_povysheniya_finansovoi_gramotnosti_i_formirovaniya_finansovoi_kultury_do_2030_goda (дата обращения: 29.01.2025).

¹⁵ Воропаева В. В России перестал расти уровень цифровой грамотности. URL: <https://finance.mail.ru/2025-01-29/pivovary-predupredili-o-riske-dlya-rosta-rynka-v-rossii-64644669/?from=swap&swap=2> (дата обращения: 29.01.2025).

5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки)

Центральный банк, Министерство финансов, Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций, Роскомнадзор, а также другие министерства и ведомства информируют об этом на своих сайтах, а также создали платформы по ведению разъяснительной работы о мошеннических манипуляциях и противодействии им. Финансово-кредитные организации и крупные предприятия на своих электронных страницах постоянно рассказывают гражданам об опасности общения с мошенниками, их схемах и алгоритмах противодействия. ФСБ, МВД, Прокуратура России на своих электронных ресурсах выкладывают информацию о применении правового механизма противостояния как с одиночными мошенниками, так и с организованными мошенническими группировками. Множество некоммерческих организаций, общественных институтов проводят разъяснительную работу в сетях Интернет, операторы связи предоставляют информацию силовым структурам о выявленных телефонных номерах, с которых проводятся массовые звонки гражданам и т. д. О мошеннических уловках рассказывают по радио и телевидению, в интернете, информационные ролики постоянно повторяют в общественных местах и т. д.

Эффективность мошеннических действий определяется тем, что, по мнению нейрофизиологов, внешние раздражители прежде всего попадают исключительно в подкорковые образования человеческого мозга, регулирующие эмоциональное состояние и отвечающие за экзистенциональное состояние организма, поэтому импульсы подкорковых структур реагируют намного быстрее и в зависимости от степени угрозы могут задерживать поступление раздражающих импульсов в кору головного мозга, которая продуцирует рациональные и логические способности, что в первую очередь запускает механизмы импульсивного решения проблемы, т. е. без обдумывания. У лиц, находящихся в стрессовом состоянии, механизм критического осмысления притупляется, что проявляется в психологической неустойчивости. Даже практикующие психиатры, много лет работающие по специальности, проявляя психологическую дисгармонию, попадались на мошеннические уловки¹⁶.

Поскольку в настоящее время каждый

человек находится в виртуальном информационном поле, производным от его жизненного пространства, не должна вызывать удивления целевая ориентация мошенничества на применение технико-технологических новшеств. Технологии и их постоянное совершенствование конструируют мир, системный генезис информационных технологий отражает философское соответствие и осмысление темпов изменений, чтобы показать дух нового периода, что соответствует представлениям немецкого философа Г. Зиммеля и других ученых о развитии в истории [8].

По мнению философа К.Г. Юнга, исследовавшего психологические типы человека, именно в стрессовых ситуациях проявляется теневая сторона личности каждой персоны [9, с. 25–31]. При рассмотрении роли человека в системе финансовых отношений и финансовой культуры, по мнению психологов Ш. Тейлор, Л. Пипло и Д. Сирс, важнейшим элементом внутренней устойчивости является субъективное понимание человеком своей значимости, т. е. самооценка, самовосприятие и социальная когниция с учетом способностей, поведения и социальной адаптации индивида¹⁷. В рамках финансовой культуры важна именно финансовая осознанность личности, когда индивид способен к когнитивному целеполаганию и выработке механизма действия для достижения финансово-экономической стабильности с использованием конкретных инструментов. Финансовая осознанность расширяет перед личностью горизонты мышления и возможности увеличения дохода, в рамках философии избытка человек воспринимает деньги как неограниченные дополнительные возможности¹⁸.

Получение новых знаний, нового опыта по применению этих знаний, компетенций, совершенствование применяемых методов анализа, оценки, развитие памяти, логического мышления, психологического равновесия и прочих навыков, посредством которых любой индивид может противостоять всем препятствиям на жизненном пути, говорит об осознании личностной ценности, о зрелости и своем позиционировании в социуме. Эти качества, основанные на критическом мышлении, рационализме и экономическом скептицизме, свидетельствующие о высоком

¹⁶ Болотов С. Советы экспертов: как не дать мошенникам себя обмануть. URL: <https://rg.ru/2024/11/06/vam-zvonit-nachalnik.html> (дата обращения: 06.11.2024).

¹⁷ Тейлор Ш., Пипло Л., Сирс Д. Социальная психология. 10-е изд. СПб., 2004.

¹⁸ Бунтарка против минимализма: Бекка Ротфельд и ее философия избытка. URL: <https://kz.kursiv.media/2024-06-02/mksm-buntarka-protiv-minimalizma-bekka-rotfeld-i-ee-filosofiya-izbytk/> (дата обращения: 02.06.2024).

уровне валоризации, могут позволить нашим гражданам митигировать последствия мошеннических практик.

С учетом требований, регламентируемых Федеральным законом от 07.07.2003 № 126-ФЗ «О связи» (ст. 63 «Тайна связи») разрешается рестрикция связи, используемой для совершения мошеннических действий¹⁹. Кроме того, с 1 сентября 2025 г. постановлением Правительства РФ вводится ограничение на лицензирование персонального радиовызова для транслирования голосового сообщения, а также через «Антифрод»-систему будут блокироваться телефонные вызовы из других стран с подставных якобы российских стационарных номеров²⁰.

Методы воздействия телефонных жуликов не ограничиваются лишь финансовым мошенничеством. Они меняют схемы, для дестабилизации обстановки с помощью различных приемов и уловок насаждается идеология психологического террора, когда обманутых и доведенных до эмоционального безумия граждан всех возрастов методами социальной инженерии принуждают осуществлять противоправные действия: поджоги военкоматов, административных и других зданий, объектов железнодорожной, социальной и критической инфраструктуры (при наличии уголовной составляющей может быть применена ч. 2 ст. 167 УК РФ); разрушать социальное спокойствие путем нападения с холодным оружием на посетителей торговых центров; зажигать фейерверки в финансово-кредитных организациях и местах общественного пользования и т. д.

Действия телефонных мошенников при наличии уголовной компоненты могут быть классифицированы по ст. 205 (ч. 2 ст. 167 «Умышленное или уничтожение или повреждение имущества», ст. 205 «Террористический акт»)²¹. При этом ими проводится целенаправленное консультирование по совершению террористических действий путем подстрекательства, планирования, информационного пособничества и других

действий, подпадающих при определенных условиях под наказание ст. 3 Федерального закона от 06.03.2006 № 35-ФЗ (в ред. от 28.12.2024) «О противодействии терроризму»²².

Обманутые жертвы по прямому умыслу и указке телефонных мошенников идут на различные преступления, которые могут быть при наличии уголовных признаков квалифицированы по ст. 213, ст. 215.2, ч. 3 ст. 30, ст. 281, ст. 275 УК РФ²³.

Телефонные жулики как подстрекатели, организаторы и пособники с помощью методов социальной инженерии активно воздействуют на подростков с целью совершения ими противоправных действий, что при наличии определенных условий подпадает под ст. 33, ст. 150, ст. 151 УК РФ, с изменениями от 28 декабря 2024 г., вступившими в силу с 8 января 2025 г. Неоднократно были зафиксированы случаи поджогов подростками объектов общественной, транспортной и критической инфраструктур. Признание мошенников организованной группой понимается с учетом всех составляющих, как компромисс поделщиков по ст. 159 УК РФ, без обращения к ст. 33 УК РФ²⁴.

Федеральным законом от 05.05.2014 № 130-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»²⁵ в соответствии с ч. 5 ст. 78 «Освобождение от уголовной ответственности в связи с истечением сроков давности» предусмотрен мораторий использования фактора исковой давности по любым действиям террористической направленности, в т. ч. по ст. 205 УК РФ. С 11 декабря 2024 г. вступила в силу ст. 272.1 Уголовного кодекса («Незаконное использование и (или) передача, сбор и (или) хранение компьютерной информации, содержащей персональные данные, а равно создание и (или) обеспечение функционирования информационных ресурсов, предназначенных для ее незаконных хранения и (или) распространения»), в соответствии с которой предусматривается

¹⁹ О связи: федер. закон от 07.07.2003 № 126-ФЗ (последняя редакция). Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

²⁰ О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации: постановление Правительства РФ от 26.12.2024 № 1898. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

²¹ Уголовный кодекс РФ. Указ. соч.

²² О противодействии терроризму: федер. закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ (ред. от 28.12.2024). Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

²³ Уголовный кодекс РФ: ст. 213 «Хулиганство»; ст. 15.2 «Приведение в негодность объектов жизнеобеспечения»; ч. 3 ст. 30 «Приготовление к преступлению и покушение на преступление»; ст. 281 «Диверсия»; ст. 275 «Государственная измена». Указ. соч.

²⁴ Там же: ст. 33 «Виды соучастников преступления»; ст. 150 «Вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления»; ст. 151 «Вовлечение несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий»; ст. 159 «Мошенничество».

²⁵ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 05.05.2014 № 130-ФЗ (посл. ред.). Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки)

уголовное наказание за нелегитимный сбор, хранение, передачу и использование личных данных в сфере компьютерной информации, что также касается персональных данных обманутых россиян²⁶.

В условиях масштабных действий как телефонных, так и кибермошенников доктрина уголовного права должна работать на опережение, изучая опыт других стран с учетом культурно-религиозных и других особенностей.

Список источников

1. Немов Р.С. Психология: В 3 кн. Кн. 1: Общие основы психологии. М., 2004.
2. Лопашенко Н.А. Посягательство на собственность. М., 2012.
3. Ахманов А.С. Логическое учение Аристотеля. М., 2023.
4. Трельх Э. Историзм и его проблемы. М., 1994.
5. Фрейд З. Психология бессознательно-го. 2-е изд. СПб., 2010.
6. М. Монтессори. Помоги мне сделать это самому / сост., вступ. ст.: М.В. Богуславский, Г.Б. Корнетов. М., 2000.
7. Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. Человек и мир. СПб., 2003.
8. Зиммель Г. Избранное. Созерцание жизни. 2-е изд. / сост. С.Я. Левит. М.; СПб., 2017.
9. Юнг К.Г. Матрица безумия / ред.: А. Шестаков, В. Поликарпов. М., 2022.

References

1. Nemov R.S. Psychology: In 3 books. Book 1: General foundations of psychology. Moscow, 2004.
2. Lopashenko N.A. Encroachment on property. Moscow, 2012.
3. Akhmanov A.S. Logical teachings of Aristotle. Moscow, 2023.
4. Trelch E. Historicism and its problems. Moscow, 1994.
5. Freud Z. Psychology of the unconscious. 2nd ed. St. Petersburg, 2010.
6. M. Montessori. Help me do it myself / compiled, introduction: M.V. Boguslavsky, G.B. Kornetov. Moscow, 2000.
7. Rubinstein S.L. Being and consciousness. Man and the world. St. Petersburg, 2003.
8. Simmel G. Selected Works. Contemplation of Life. 2nd ed. / compiled by S. Ya. Levit. Moscow; St. Petersburg, 2017.
9. Jung K.G. The Matrix of Madness / ed.: A. Shestakov, V. Polikarpov. Moscow, 2022.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Буряков Геннадий Александрович, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономики и финансов. Ростовский государственный университет путей сообщения. 344038, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, пл. Ростовского Стрелкового Полка Народного Ополчения, 2.

Колесникова Елена Викторовна, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры учета, анализа и аудита. Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского. 295007, Российская Федерация, г. Симферополь, пр-т Академика Вернадского, 4.

Селиванова Анфиса Григорьевна, доцент кафедры экономики и финансов. Ростовский государственный университет путей сообщения. 344038, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, пл. Ростовского Стрелкового Полка Народного Ополчения, 2.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Buryakov Gennady Aleksandrovich, Grand PhD in Economics, Professor, Professor of the Department of Economics and Finance. Rostov State Transport University. 2, Rostov Rifle Regiment of the People's Militia square, Rostov-on-Don 344038 Russian Federation.

Kolesnikova Elena Viktorovna, PhD in Economics, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Accounting, Analysis and Audit. Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky. 4, Akademika Vernadskogo Ave., Simferopol 295007 Russian Federation.

Selivanova Anfisa Grigorievna, Associate Professor of the Department of Economics and Finance. Rostov State Transport University. Rostov State Transport University. 2, Rostov Rifle Regiment of the People's Militia square, Rostov-on-Don 344038 Russian Federation.

²⁶ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 30.11.2024 № 421-ФЗ (посл. ред.). Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

ОРГАНЫ ОПЕКИ И ПОПЕЧИТЕЛЬСТВА: НЕДОСТАТКИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, ПУТИ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ И СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ СИСТЕМЫ

Рыбалка Елена Александровна

Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Российская Федерация,
alena-61-rus@mail.ru

Введение: совершенствование деятельности органов опеки и попечительства в отношении несовершеннолетних детей – поручение, которое было дано Президентом РФ Правительству РФ и органам исполнительной власти субъектов Российской Федерации еще 5 марта 2021 г. Спустя год, в апреле 2022 г., на парламентских слушаниях выступила вице-спикер Государственной Думы, курирующий вопросы семьи, женщин и детей, резюмировав наличие комплексных проблем в системе органов опеки и попечительства, а также необходимость выполнения поручения Президента России. 31 мая 2024 г. с докладом перед главой государства выступила Уполномоченный при Президенте РФ по правам ребенка о целесообразности проведения всероссийской инспекции органов опеки, пообещав подготовить через год специальный доклад и конкретные меры по усовершенствованию системы органов опеки. Учитывая, что законодательство, устанавливающее основные положения о деятельности данных органов, не претерпевало существенных изменений в течение более 10 лет, приходим к выводу об актуальности исследуемой темы.

Материалы и методы: в основу научного исследования заложены нормы гражданского и семейного законодательства Российской Федерации, а также положения нормативных правовых актов, действовавших в СССР и регулировавших вопросы опеки и попечительства. При написании работы использованы общенаучные и частнонаучные методы. В первую группу входят исторический и догматический методы, а также методы диалектического анализа, синтеза, дедукции, индукции и описания. Ко второй группе относятся формально-юридический метод, методы толкования норм права и правового прогнозирования.

Результаты исследования: автором сформулированы основные этапы становления и развития системы органов опеки и попечительства, проведен анализ нормативно-правовой базы, регламентирующей в настоящее время деятельность указанных органов. Кроме того, определены основные проблемы, препятствующие совершенствованию деятельности органов опеки (недостатки в системе управления, нехватка квалифицированных кадров, обратная связь), и возможные пути их преодоления.

Выводы и заключения: государством ведется работа по пересмотру подходов к деятельности органов опеки и попечительства, однако по состоянию на январь 2025 г. назвать ее успешной не представляется возможным ввиду отсутствия положительного практического результата. Предполагаем, что к июню 2025 г. будет сформирован доклад о результатах проведенной всероссийской инспекции органов опеки и даны конкретные меры по усовершенствованию их системы. Однако, учитывая, что Уполномоченный при Президенте РФ не наделен властно-принудительными полномочиями, считаем вероятным, что процесс воплощения «в жизнь» таких мер будет довольно длительным, и в ближайшей перспективе существенные изменения в деятельности органов опеки усматриваться не будут.

Ключевые слова: опека, попечительство, опекун, государство, защита, совершенствование, система.

Для цитирования: Рыбалка Е. А. Органы опеки и попечительства: недостатки в деятельности, пути их преодоления и совершенствование системы / Е. А. Рыбалка // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2025. № 1 (112). – С. 35–41.

GUARDIANSHIP AND TRUSTEESHIP AUTHORITIES: SHORTCOMINGS IN THEIR ACTIVITIES, WAYS TO OVERCOME THEM AND IMPROVING THE SYSTEM

Rybalka Elena Alexandrovna

Rostov Law Institute of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russian Federation

Introduction: Improving the activities of guardianship and trusteeship authorities in relation to minors is an instruction given by the President of the Russian Federation to the Government of the Russian Federation and the executive authorities of the constituent entities of the Russian Federation on March 5, 2021. A year later, in April 2022, the Vice-Speaker of the State Duma, who oversees family, women and children issues, spoke at parliamentary hearings, summing up the complex problems in the guardianship and trusteeship system, as well as the need to fulfill the instructions of the President of Russia. On May 31, 2024, the Presidential Commissioner for Children's Rights made a report to the head of state on the advisability of conducting an all-Russian inspection of guardianship authorities, promising to prepare a special report and specific measures to improve the guardianship system in a year. Considering that the legislation establishing the basic provisions on the activities of these bodies has not undergone significant changes for more than 10 years, we come to the conclusion that the topic under study is relevant.

Materials and methods: the scientific research is based on the norms of civil and family legislation of the Russian Federation, as well as the provisions of regulatory legal acts that were in force in the USSR and regulated issues of guardianship and trusteeship. General scientific and specific scientific methods were used in writing the work. The first group includes historical and dogmatic methods, as well as methods of dialectical analysis, synthesis, deduction, induction and description. The second group includes the formal legal method, methods of interpreting legal norms and legal forecasting.

Results of the study: the author formulated the main stages of the formation and development of the guardianship and trusteeship system, analyzed the regulatory framework currently regulating the activities of these bodies. In addition, the main problems hindering the improvement of the activities of guardianship authorities (shortcomings in the management system, lack of qualified personnel, feedback) and possible ways to overcome them were identified.

Findings and conclusions: the state is working to revise approaches to the activities of guardianship and trusteeship authorities, but as of January 2025, it is impossible to call it successful due to the lack of a positive practical result. We assume that by June 2025, a report on the results of the all-Russian inspection of guardianship authorities will be compiled and specific measures will be given to improve their system. However, given that the Commissioner under the President of the Russian Federation is not vested with coercive powers, we consider it likely that the process of implementing such measures will be quite lengthy, and in the near future, significant changes in the activities of guardianship authorities will not be seen.

Keywords: guardianship, trusteeship, guardian, state, protection, improvement, system.

For citation: Rybalka E. A. Guardianship and trusteeship authorities: shortcomings in their activities, ways to overcome them and improving the system / E. A. Rybalka // *Philosophiya Prava : scientific-theoretical journal*. Rostov-on-Don. 2025. № 1 (112). – Pp. 35–41.

Защита прав детей – одна из основных задач государства. Однако до сих пор в системе федеральных органов государственной власти отсутствует орган, в чьих «руках» на основе единоначалия были бы сосредоточены рассмотрение и решение вопросов защиты семьи и детства.

Примечательно, что вопрос модернизации системы органов опеки назрел достаточно давно. Изложенное подтверждается не только резонансными случаями из практики органов опеки и попечительства, которые зачастую освещаются в СМИ и вызывают широкий общественный резонанс, но и вниманием, оказанным главой государства данной теме. Так, в 2021 г. Президентом Российской

Федерации было дано поручение Правительству РФ (с участием органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации) рассмотреть вопрос о принятии мер по совершенствованию деятельности органов опеки и попечительства, а также внести соответствующие изменения в законодательство Российской Федерации, исключив функции, избыточно за ними закрепленные и несвойственные им, а также установить положения о межведомственном взаимодействии в рамках осуществления полномочий органами опеки и попечительства [6].

В целях формирования «полной картины мира» о деятельности органов опеки и попечительства в России рассмотрим вопрос

становления и развития данного института через ретроспективную призму.

Следует вернуться в конец IX века, уже тогда в летописи упоминались случаи потери отца и последующая обязанность его близких родственников мужского пола быть опекуном его ребенку. В Русской Правде была закреплена норма, регламентирующая алгоритм действий в случае потери кормильца. Предусматривалось несколько вариантов развития событий: 1) в случае потери отца опекуном мог стать ближайший родственник; 2) в случае потери отца и заключения матерью нового брака в качестве опекуна мог выступить отчим; 3) перед смертью отец мог самостоятельно выбрать опекуна своему ребенку.

Следующим ключевым этапом стал XVIII век, ведь именно в указанный период вопрос становления органов опеки был детально пересмотрен и начал приобретать правовую форму. На магистраты, иными словами, высшие органы городского управления, были возложены обязанности назначать опекунов и контролировать их действия. Эпоха Екатерины II преподнесла определенные новшества в данной деятельности, вопрос выбора опекуна рассматривался через призму «сословности»: осиротевший ребенок с учетом его принадлежности к определенному сословию мог находиться в ведении различных учреждений. При этом Указ, изданный 7 ноября 1775 г. Екатериной II, устанавливал: требования, предъявляемые к опекуну; условия, препятствующие возникновению опеки; рекомендации по воспитанию ребенка и т. д.

Примечательно, что вплоть до XX века основу нормативно-правовой базы, регулирующей вопросы опеки и попечительства, составлял вышеотмеченный Указ Екатерины II. Иными словами, в России более века в выборе опекуна применялся принцип сословности. С учетом того факта, что над ребенком, оставшимся без родителей и не имевшим какое-либо состояние, опека не устанавливалась, уровень беспризорности и бродяжничества к началу 1900-х гг. оставался на высоком уровне, принимаемые государством меры не являлись эффективными, а устройство крестьянских детей оставалось без его должного внимания [1, с. 92–109].

В истории становления отечественного института опеки и попечительства, безусловно, важной страницей стала Октябрьская революция 1917 г., после которой в 1918 г. был принят Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве. Останавливаясь на последнем,

подчеркиваем общегосударственный статус опеки. Государство отдавало приоритет личным правам подопечного (а не имущественным), а также личным качествам опекуна – способности воспитать ребенка [4]. В 1928 г. было утверждено Положение об органах опеки и попечительства, в котором раскрывалось, какие структурные подразделения выступают в качестве органов опеки и попечительства (четыре вида) и их полномочия. В 1969 г. был принят очередной нормативный правовой акт, закрепивший основные положения об органах опеки и попечительства (исполнительные комитеты Советов народных депутатов различного уровня: район; город; район в городе; поселок; село) и о лицах, над которыми они устанавливались. Из особенностей: ключевой возраст ребенка – 15 лет – до его наступления применялась опека; после (до 18 лет) – попечительство [5]. Примечательно, что Кодекс о браке и семье РСФСР утратил силу только с 1 марта 1996 г., ознаменовав начало современного этапа в развитии правового регулирования института опеки и попечительства в целом и деятельности органов опеки и попечительства в частности.

Учитывая изложенное, полагаем целесообразным разграничить процесс становления и развития органов опеки и попечительства в России на четыре этапа:

I этап – этап зарождения и становления основ опеки и попечительства (до XVIII века);

II этап – этап формирования высших органов городского управления, наделенных обязанностями по назначению опекунов и контролю за их действиями в Императорской России;

III этап – этап развития деятельности органов опеки и попечительства в советский период;

IV этап – современный этап развития деятельности органов опеки и попечительства.

Рассмотрим более детально вопрос нормативно-правового регулирования деятельности органов опеки и попечительства в рамках IV этапа. Основные положения об органах опеки и попечительства берут истоки в ст. 34 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), из содержания которой следует, что организация деятельности в данной сфере возложена на уровень субъектов Российской Федерации. При этом законодатель устанавливает право выбора региону оставить орган опеки и попечительства в своем подчинении в качестве органа исполнительной власти субъекта Российской Федерации или передать его полномочия органу местного самоуправления.

5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки)

Данная норма свидетельствует о смешанной модели формирования органов опеки и попечительства в России. Зачастую субъект Российской Федерации наделяет муниципалитет соответствующими государственными полномочиями. Такая практика применяется в Ростовской области, Краснодарском крае, Республике Калмыкия и др. Однако ряд субъектов Российской Федерации (например, Тюменская область – областной департамент социального развития и его территориальные органы) подобную модель организации работы органов опеки и попечительства в своей практике не применяет.

Изучив позиции различных правоведов, отмечаем отсутствие единого мнения в части «идеального» подхода к организации деятельности данных органов. Так, А.Е. Тарасовой [12, с. 19–24] и П.В. Крашенинниковым [7] дана положительная оценка закреплению полномочий по опеке и попечительству в качестве государственных. Из содержания работ М.С. Чакаловой также следует, что она выступает за государственную природу полномочий по опеке и попечительству и негативно оценивает практику, которая приводит к размыванию полномочий [16].

Возвращаясь к ст. 34 ГК РФ, обращаем внимание, что ранее в абз. 2 ч. 1 данной нормы были перечислены нормативные правовые акты Российской Федерации, регламентирующие вопросы организации деятельности органов опеки и попечительства, однако данный абзац утратил силу с 8 августа 2024 г. [13], оставлена ссылка только на Федеральный закон, регулирующий отношения в исследуемой сфере (далее – Федеральный закон № 48-ФЗ) [15]. Кроме того, именно в соответствии со ст. 34 ГК РФ законодатель наделил органы опеки и попечительства надзорными функциями за деятельностью опекунов и попечителей [3].

Ключевым нормативным правовым актом в регулировании соответствующих правоотношений также является Семейный кодекс Российской Федерации (далее – СК РФ), в нормах которого неоднократно фигурирует такой субъект, как орган опеки и попечительства. Например, сотрудники данного органа принимают решение в вопросе изменения имени и фамилии ребенка до достижения им 14 лет (ст. 59 СК РФ), урегулируют разногласия между опекуном ребенка и несовершеннолетними родителями (ст. 62 СК РФ), принимают участие в рассмотрении дел о лишении родительских прав (ст. 70 СК РФ) и т. д. Глава 20 СК РФ также затрагивает полномочия, возложенные на орган опеки и попечительства [11].

Рассмотрев более детально положения Федерального закона № 48-ФЗ, определяющие сущность и устанавливающие полномочия органов опеки попечительства, отмечаем, что гл. 2 названного нормативного правового акта не претерпевала существенных изменений с 2013 г. (за исключением добавления дополнительной функции, возложенной на орган опеки и попечительства, по ведению учета опекунов, попечителей в специальной государственной информационной системе [14]).

С учетом функционала органов опеки и попечительства становится очевидным, что сотрудники данного ведомства должны обладать не только специальными знаниями, но и определенными качествами и навыками. Так, в 2013 г. Министерством труда и социальной защиты Российской Федерации был утвержден профессиональный стандарт «Специалист органа опеки и попечительства в отношении несовершеннолетних», который включает в себя развернутую информацию о трудовых функциях, в том числе обобщенных, трудовых действиях, необходимых умениях и знаниях [8]. Вопрос повышения квалификации также не оставлен без внимания федеральным органом исполнительной власти, Министерством образования и науки Российской Федерации утверждена примерная дополнительная профессиональная программа, содержащая примерный учебный план программы и рассчитанная ориентировочно на 72 академических часа [9]. Контроль же, в свою очередь, за деятельностью органов опеки и попечительства возложен на Федеральную службу по надзору в сфере образования и науки [10].

Ввиду изложенного усматривается отмеченная выше проблема отсутствия единого федерального ведомства, координирующего вопросы защиты семьи и детства, вследствие которой возникают пробелы в управлении системы органов опеки. Особенно остро ощущаются пробелы в межведомственном взаимодействии ввиду специфики деятельности органов опеки и попечительства, ее «уязвимости», выраженной в сохранении баланса между применением единых стандартов на практике и индивидуальным рассмотрением каждой ситуации. Принимая во внимание различную правоприменительную практику в российских регионах, разрозненность их подходов в координации деятельности органов опеки и ее финансировании, отмечаем практику фокусирования (замыкания) органов государственной власти субъектов Российской Федерации ис-

ключительно на собственной компетенции, в свою очередь, судьба ребенка и его семьи остается «в тени». Более того, государством ранее был взят курс на снижение избыточной административной нагрузки на органы опеки и попечительства путем сокращения количества проверок со стороны Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки в отношении указанных органов.

Отмеченные факты и конкретные вопиющие случаи бездействия сотрудников органов опеки обусловили необходимость проведения всероссийской инспекции органов опеки, по результатам которой будут сформулированы в том числе конкретные предложения по реформированию системы органов опеки (июнь–июль 2025 г.) [2].

Также следует отметить, что несмотря на разработанные профессиональный стандарт и примерную дополнительную программу по повышению квалификации остается проблемным вопросом отсутствие единого подхода к подготовке сотрудников, работающих с семьями и детьми-сиротами. Мерой, которая должна в корне изменить ситуацию с качеством подготовки специалистов органов опеки, является разработка учебных программ для освоения ее в высших учебных заведениях студентами, которые планируют связать свою профессиональную жизнь с деятельностью в сфере опеки и попечительства. Например, такая практика имеется в Московском государственном психолого-педагогическом университете, на базе которого проводится магистерская подготовка по профилю «Опека и попечительство в отношении несовершеннолетних».

Подводя итог, сформулируем три уязвимые стороны в деятельности органов опеки и попечительства:

1) отсутствие единого федерального ведомства, координирующего вопросы защиты семьи и детства, и, как следствие, пробелы в управлении системы органов опеки и попечительства;

2) недостаточный контроль со стороны уполномоченного органа государственной власти за деятельностью органов опеки и попечительства;

3) отсутствие на практике единого подхода к профессиональной подготовке сотрудников органов опеки.

Резюмируя изложенное и проведя анализ практики работы органов опеки в различных регионах России, приходим к выводу об отсутствии целесообразности создания на федеральном уровне структуры, которая возложит на себя функции «аппарата управления семейной политикой», а также иных дополнительных органов. При этом назрела необходимость усиления контроля за деятельностью органов опеки и попечительства, что подтверждается в том числе фактом проведения в 2024-2025 гг. всероссийской инспекции органов опеки.

Кроме того, ключевой упор следует сделать на организацию работы данных органов на местах, выстроив четкую вертикаль координации их деятельности во главе с ответственным исполнителем – конкретным региональным органом государственной власти.

В качестве второстепенных, но не менее важных мер организационного характера, способных улучшить работу органов опеки и попечительства, следует выделить разработку специальных учебных программ по соответствующему направлению на базе высших учебных заведений, а также увеличение объема информации о деятельности органов опеки и попечительства (статистические данные, отчеты и т. п.), размещаемой на официальных сайтах ведомств различных уровней в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, в целях ознакомления населения с их работой в сфере опеки и попечительства.

Список источников

1. Быкова О.Н. и Склярова Т.В. Призрение детей в России: патронат, опека, усыновление // Вестник ПСТГУ IV: Педагогика. Психология. 2007. № 3(6).
2. Встреча с Уполномоченным по правам ребенка Марией Львово-Беловой. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/74189> (дата обращения: 26.01.2025).
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): федер. закон от

References

1. Bykova O.N. and Sklyarova T.V. Child care in Russia: patronage, guardianship, adoption // Bulletin of PSTGU IV: Pedagogy. Psychology. 2007. № 3(6).
2. Meeting with the Commissioner for Children's Rights Maria Lvova-Belova. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/74189> (date of access: 26.01.2025).
3. Civil Code of the Russian Federation (part one): Federal Law of of November 30, 1994

5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки)

30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024, с изм. от 31.10.2024). Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Кодекс законов о браке, семье и опеке РСФСР. Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства РСФСР. 1926. № 82. Ст. 612. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс»

5. Кодекс о браке и семье РСФСР (утв. ВС РСФСР 30.07.1969) (ред. от 07.03.1995, с изм. от 29.12.1995). Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

6. Перечень поручений по итогам заседания Совета при Президенте по реализации государственной политики в сфере защиты семьи и детей (Пр-355, п. 2 «а»). URL: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/65100> (дата обращения: 25.01.2025).

7. Постатейный комментарий к Семейному кодексу РФ, Федеральному закону «Об опеке и попечительстве» и Федеральному закону «Об актах гражданского состояния» / О.Г. Алексеева, В.В. Андропов, А.А. Бухарбаева [и др.]; под ред. П.В. Крашенинникова. М., 2012.

8. Об утверждении профессионального стандарта «Специалист органа опеки и попечительства в отношении несовершеннолетних»: приказ Минтруда России от 06.09.2023 № 691н. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

9. Об утверждении примерной дополнительной профессиональной программы повышения квалификации для работников органов опеки и попечительства: приказ Минобрнауки России от 24.02.2015 № 121. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

10. Об утверждении Административного регламента исполнения Федеральной службой по надзору в сфере образования и науки государственной функции по осуществлению контроля за деятельностью органов опеки и попечительства в отношении несовершеннолетних граждан: приказ Минобрнауки РФ от 24.09.2010 № 957. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

11. Семейный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 23.11.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 05.02.2025). Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

12. Тарасова А.Е. Новая система опеки и попечительства над несовершеннолетними как элемент современного механизма обеспечения и защиты их прав и законных интересов // Законы России: опыт, анализ, практика. 2013. № 4.

№ 51-FL (as amended on August 8, 2024, as amended on October 31, 2024). Access from the legal system «ConsultantPlus».

4. Code of Laws on Marriage, Family, and Guardianship of the RSFSR. Collection of Laws and Orders of the Workers' and Peasants' Government of the RSFSR. 1926. № 82. Art. 612. Access from the legal system «ConsultantPlus».

5. The Code on Marriage and Family of the RSFSR (approved by the Supreme Council of the RSFSR on July 30, 1969) (as amended on March 7, 1995, as amended on December 29, 1995). Access from the legal system «ConsultantPlus».

6. List of instructions following the meeting of the Presidential Council for the implementation of state policy in the field of family and child protection (Pr-355, clause 2 «a»). URL: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/65100> (date of access: 25.01.2025).

7. Article-by-article commentary to the Family Code of the Russian Federation, the Federal Law «On Guardianship and Trusteeship» and the Federal Law «On Acts of Civil Status» / O.G. Alekseeva, V.V. Andropov, A.A. Bukharbaeva [et al.]; edited by P.V. Krasheninnikov. Moscow, 2012.

8. On approval of the professional standard «Specialist of the guardianship and trusteeship authority in relation to minors»: Order of the Ministry of Labor of Russia dated 06.09.2023 № 691n. Access from the legal system «ConsultantPlus»

9. On approval of the model additional professional program for advanced training for employees of guardianship and trusteeship authorities: Order of the Ministry of Education and Science of Russia dated 24.02.2015 № 121. Access from the legal system «ConsultantPlus».

10. On Approval of the Administrative Regulations for the Execution by the Federal Service for Supervision in Education and Science of the State Function of Monitoring the Activities of Guardianship and Trusteeship Authorities in Relation to Minors: Order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation of September 24, 2010 № 957. Access from the legal system «ConsultantPlus».

11. Family Code of the Russian Federation: Federal Law of of December 29, 1995 № 223-FL (as amended on November 23, 2024) (as amended and supplemented, entered into force on February 5, 2025). Access from the legal system «ConsultantPlus».

12. Tarasova A.E. New system of guardianship and trusteeship over minors as an element of a modern mechanism for ensuring and protecting

13. О внесении изменений в часть первую и статью 1202 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации: федер. закон от 08.08.2024 № 237-ФЗ. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс»

14. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам, связанным с распоряжением средствами материнского (семейного) капитала: федер. закон от 01.03.2020 № 35-ФЗ (ред. от 10.07.2023). Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

15. Об опеке и попечительстве: федер. закон от 24.04.2008 № 48-ФЗ (ред. от 08.08.2024). Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

16. Чакалова М.С. О предоставлении органам местного самоуправления прав на осуществление государственных полномочий // Муниципальная служба: правовые вопросы. 2009. № 1.

their rights and legitimate interests // Laws of Russia: experience, analysis, practice. 2013. № 4.

13. On Amendments to Part One and Article 1202 of Part Three of the Civil Code of the Russian Federation: Federal Law of 08.08.2024 № 237-FL. Access from the legal system «ConsultantPlus».

14. On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation on Issues Related to the Disposal of Maternity (Family) Capital Funds: Federal Law of 01.03.2020 № 35-FL (as amended on 10.07.2023). Access from the legal system «ConsultantPlus».

15. On Guardianship and Trusteeship: Federal Law of 24.04.2008 № 48-FL (as amended on 08.08.2024). Access from the legal system «ConsultantPlus».

16. Chakalova M.S. On granting local governments the rights to exercise state powers // Municipal service: legal issues. 2009. № 1.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Рыбалка Елена Александровна, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин. Ростовский юридический институт МВД России. 344015, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Rybalka Elena Alexandrovna, Grand PhD in Philosophy, Professor, Professor of the Department of Civil Law Disciplines. Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 83, Eremenko St., Rostov-on-Don 344015 Russian Federation.

ЭТАТИСТСКИЙ КОРПОРАТИВИЗМ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ МЫСЛИ ФРАНЦИИ

Татарченко Евгений Андреевич

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова,
Москва, Российская Федерация, tatarchenkoea@my.msu.ru

Введение: статья посвящена анализу влияния французского этатистского корпоративизма на конституционно-правовую систему Франции. Цель и задачи данной научной работы заключаются в исследовании механизмов интеграции принципов этатистского корпоративизма в правовые и социальные реалии Франции, а также в оценке их влияния на стабильность и справедливость в обществе.

Материалы и методы: основу исследования составили исторические труды, аналитические работы о французском этатизме и корпоративизме, а также современные исследования конституционного права Франции. Применялись методы: диалектический, анализ и синтез, дедукция и индукция, сравнительный, системный, формально-догматический, метод толкования и др.

Результаты исследования: в статье подробно излагаются основные принципы французского этатистского корпоративизма и их влияние на правовую практику во Франции.

Выводы и заключения: французский этатистский корпоративизм существенно влияет на организацию публичной власти и развитие социальных норм, поддерживая баланс между государственными и частными интересами. Этот подход способствует созданию устойчивой социально-экономической системы, что отражается в стабильности и справедливости правоприменения.

Ключевые слова: французский этатистский корпоративизм, конституционное право, конституционное право Франции, государственное регулирование, Конституционный совет Франции.

Для цитирования: Татарченко Е. А. Этатистский корпоративизм через призму конституционно-правовой мысли Франции / Е. А. Татарченко // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2025. № 1 (112). – С. 42–48.

Original paper

STATIST CORPORATISM THROUGH THE PRISM OF FRENCH CONSTITUTIONAL-LEGAL THOUGHT

Tatarchenko Eugeny Andreevich

M. V. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

Introduction: the article is devoted to the analysis of the influence of French statist corporatism on the constitutional and legal system of France. The purpose and objectives of this scientific work are to study the mechanisms of integration of the principles of statist corporatism into the legal and social realities of France, as well as to assess their impact on stability and justice in society.

Materials and methods: the basis of the study were historical works, analytical works on French statism and corporatism, as well as modern studies of the constitutional law of France. The following methods were used: dialectical, analysis and synthesis, deduction and induction, comparative, systemic, formal-dogmatic, method of interpretation, etc.

Results of the study: the article presents in detail the main principles of French statist corporatism and their impact on legal practice in France.

Findings and conclusions: French statist corporatism significantly influences the organization of public authority and the development of social norms, maintaining a balance between public and private interests. This approach contributes to the creation of a sustainable socio-economic system, which is reflected in the stability and fairness of law enforcement.

Keywords: French statist corporatism, constitutional law, constitutional law of France, state regulation, Constitutional Council of France.

For citation: Tatarchenko E. A. Statist corporatism through the prism of French constitutional-legal thought / E. A. Tatarchenko // Philosophiya Prava : scientific-theoretical journal. Rostov-on-Don. 2025. № 1 (112). – Pp. 42–48.

Философия французского этатистского корпоративизма играет существенную роль в развитии конституционно-правовой мысли Франции. Основываясь на принципе преобладания государственного интереса, парадигма французской модели публичной власти предусматривает активное вмешательство государства в экономическую и социальную сферы, стремясь к достижению стабильности через корпоративное сотрудничество различных социальных групп, предполагающее достижение не просто взаимовыгодного результата, а общего корпоративного блага [1, с. 25–28].

Анализ данной теоретической парадигмы обеспечивает более глубокое понимание причин и следствий политических решений современной Франции, способствует разработке более справедливых и эффективных конституционно-правовых моделей, а систематизация французского опыта позволяет обогатить доктрину родственных правовых систем. В этом контексте анализ исторических аспектов и современных проявлений этатистского корпоративизма не только обогащает теоретическую базу, но и способствует прогнозированию будущих направлений развития государственного строя Франции.

Конец XIX в. для Франции ознаменовался глубокими социальными и экономическими преобразованиями, связанными с индустриализацией и урбанизацией. Это был период роста буржуазии и усиления рабочего класса, что способствовало социальной напряженности и активизации классовой борьбы.

В этих условиях начинают формироваться идеи корпоративизма как способа преодоления социального разделения путем создания корпоративных структур, которые объединяли бы различные профессиональные и социальные группы в рамках общенациональных целей [2, с. 41–66].

После поражения во Франко-прусской войне 1870–1871 гг. и падения Второй империи Франция претерпела значительные политические и социально-экономические преобразования. Установление Третьей Республики и события Парижской Коммуны 1871 г. подчеркнули необходимость проведения социальных реформ и пересмотра государственной политики в отношении рабочего класса. Эти события подтолкнули к размышлениям о необходимости социальных реформ и изменении отношения государства к рабочему классу [3, с. 357–367].

Во времена Третьей Республики были предприняты шаги к демократизации общества и расширению прав рабочих. Среди

наиболее значимых реформ можно выделить принятие законов о свободе профсоюзов, собраний и печати, введение всеобщего и бесплатного начального образования, что к концу XIX в. снизило уровень неграмотности до 5 % населения, и улучшение условий труда, включая установление 10-часового рабочего дня и введение выходного дня в неделю [4, с. 11–28].

Стремление к расширению колониальных владений преследовало цель укрепления национальной экономики посредством обеспечения доступа к стратегически важным ресурсам и рынкам сбыта заморских территорий. Государство, поддерживая и осуществляя контроль над деятельностью крупных торговых компаний, таких как Французская Ост-Индская компания, стремилось установить монополию на торговлю и эксплуатацию колониальных ресурсов [16, с. 92–102]. Данная стратегия соответствовала принципам меркантилизма и являлась интегральной составляющей ее корпоративного этатизма, в рамках которого государство и крупный капитал должны были действовать в тесной взаимосвязи для усиления экономической мощи страны посредством освоения и эксплуатации заморских территорий.

Поиск эффективной корпоративной модели во Франции был возобновлен в межвоенный период (1918–1939 гг.). Этот период был отмечен усилением государственного контроля над экономикой, в частности через создание государственных корпораций и поддержку корпоративных объединений. Во Франции рост корпоративного влияния был частично мотивирован желанием справиться с экономическими последствиями Первой мировой войны и Великой депрессией.

Послевоенный период (1945–1970 гг.). После Второй мировой войны во Франции начинается новый этап развития этатистского корпоративизма, связанный с процессом восстановления и модернизации экономики. В этот период государство играет ключевую роль в экономическом планировании и реализации социальных программ, что способствует созданию социального государства.

Исследования показывают, что, хотя корпоративизм, возможно, и смягчил некоторые непосредственные классовые противоречия, вовлекая профсоюзы и работодателей в управление и разработку государственной политики, он не обязательно привел к улучшению долгосрочных экономических результатов [9, с. 34–35]. Более того, страны, широко внедрившие корпоративистские структуры, иногда переживали экономический застой

5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки)

и трудности с адаптацией к новым экономическим вызовам из-за жестких институциональных структур. Такая жесткость часто обусловлена корпоративистской практикой, сохраняющей наследственные корпоративные структуры, что потенциально препятствовало внедрению инноваций из-за снижения конкуренции между хозяйственными обществами [10, с. 1–10].

Некоторые зарубежные исследователи, в особенности те, которые не являются представителями французской философии, предлагают вести отчет развития этатистского корпоративизма с австрийского философа Отмара Шпанна [5, с. 103–111]. В его работах излагалось видение общества, построенного на основе корпоративизма, подчеркивалась важность социальных институтов и иерархических отношений в обществе.

Отмар Шпанн рассматривал общество как систему, организованную на основе корпоративных принципов, которые, по его мнению, обеспечивают ее упорядоченное и эффективное функционирование [6, с. 85–131]. Его идеи подчеркивают важность социальных институтов и роли лидерства, а также необходимость обеспечения распределительной справедливости на основе функционального неравенства, что отходит от классических представлений индивидуализма и свободы. Такой подход может привлекать тех, кто ищет альтернативы современным либеральным и индивидуалистическим моделям общественного устройства в более организованном и структурированном общественном порядке.

Однако ранние концепции корпоративизма были разработаны еще в Древней Греции. Платон развил концепцию тоталитарной и коммунитарной корпоративной системы, основанной на естественных классах и естественных социальных иерархиях, которая должна была быть организована в соответствии с функциями таким образом, чтобы группы сотрудничали для достижения социальной гармонии, акцентируя внимание на коллективных интересах и отвергая индивидуальные интересы [7, с. 349–458].

Французские философы, например, Фредерик Озанам, внесли значительный вклад в развитие корпоративизма и социального учения католической церкви. В книге *Frédéric Ozanam: A Life In Letters* автор излагает свои взгляды на государственную власть и общественные устройства. Он выражает поддержку идеи, что политический дух должен быть подчинен благу социального духа.

Фредерик Озанам не выступает ни за, ни против каких-либо государственных

устройств напрямую, но принимает их как инструменты для улучшения жизни человека. Эти выдержки показывают, что Озанам видел в государственной власти инструмент реализации высших моральных принципов и общественного блага, основываясь на христианской этике и божественном авторитете.

Противопоставляя учение Озанама трудам Шпанна, можно заметить, что Шпанн поддерживал авторитарную модель управления, где иерархические отношения и коллективные интересы преобладают над индивидуальными правами и свободами. Озанам же видел решение проблем общества в деятельности на микроуровне и поддержке со стороны церкви и общины, а не в кардинальной реформе государства.

Труды графа Альбера де Муна и социолога Фредерика Ле Пле, отражающие идеи корпоративизма в контексте французской социальной мысли конца XIX в., заслуживают более глубокого изучения. Они стремились решить «социальный вопрос», возникший вследствие упадка сельских общин и роста городского пролетариата, и искали альтернативы рационалистическому индивидуализму эпохи Просвещения. Однако некоторые исследователи предпочитают предлагать корпоративизм Ота Шпанна в качестве средства социального объединения и решения современных социальных проблем во Франции [8, с. 301–314]. Они не учитывают, что французский этатистский корпоративизм имеет уникальное происхождение, обусловленное реакцией на вызовы индустриализации, и не является прямым продолжением или адаптацией идей Шпанна.

Таким образом, основоположниками французского этатистского корпоративизма следует считать именно французских мыслителей, чьи работы и идеи были непосредственно связаны с контекстом французского общества и его потребностями.

Конец XX – начало XXI в. ознаменовались значительными изменениями в экономической и политической системе Франции. После длительного периода жесткого государственного вмешательства страна начала постепенно переходить к либерализации экономики. Этот процесс сопровождался приватизацией ряда государственных предприятий, дерегулированием отдельных секторов и созданием условий для более свободной конкуренции. Однако государство сохранило значительное влияние через регулирование стратегических отраслей, таких как энергетика, транспорт и здравоохранение, а также через меры социальной политики и поддержку ключевых отраслей Франции [13, с. 213–227].

В этот период в стране начал формироваться неокорпоративный этатистский корпоративизм – система, в которой государство активно взаимодействует с бизнесом и определенными группами интересов в процессе принятия решений [14, с. 153–165]. Однако несмотря на институционализированные каналы влияния гражданские группы и неправительственные организации все чаще прибегают к судебной защите как способу отстаивания нарушенных прав, особенно в сфере охраны окружающей среды. Например, экологические организации использовали этот подход после катастрофы с танкером Erika в 1999 г., когда они добились значительных компенсаций и пересмотра законодательства, обеспечивающего экологическую безопасность [15, с. 87–112].

Активное обращение в суд за защитой нарушенных прав в подобных ситуациях свидетельствует о том, что, несмотря на существование институционализированных каналов взаимодействия с государственными органами, гражданские объединения продолжают прибегать к судебному разрешению споров как самостоятельному и эффективному способу воздействия на политику, особенно в сфере защиты общественных интересов. Такая тенденция отражает не только приверженность принципам правового государства, но и является отличительной чертой французского этатистского корпоративизма, где судебная система выступает в роли одного из ключевых институтов для защиты прав и интересов граждан в условиях активного участия государства в экономической и социальной жизни.

Французский этатистский корпоративизм характеризуется рядом особенностей, которые находят отражение не только в конституционно-правовой доктрине, но и в решениях Конституционного совета Франции. Рассмотрим это на примере решения № 2023-5 RIP от 3 мая 2023 г. [11, с. 2–12], которым было отклонено предложение о вынесении на референдум по совместной процедуре законодателей и избирателей законопроекта, устанавливающего максимальный возраст выхода на пенсию в 62 года и повышение налогов на доход.

Законопроект предлагает удвоить налог на определенные доходы от активов до 19,2 %, направляя эти средства на финансирование пенсионной системы. Конституционный совет решил, что такое увеличение налога не соответствует требованиям конституционной реформы социальной политики,

поскольку оно просто увеличивает бюджет социального обеспечения за счет существующей налоговой базы, не внося существенных изменений в социальную политику.

В решении № 2023-5 RIP указано, что предложение не соответствует конституционным требованиям для проведения референдума по совместной инициативе законодателей и избирателей, поскольку, по мнению членов совета, законопроект не относится к социальной политике в том смысле, который заложен в ст. 11 Конституции Франции. Члены совета отметили, что предлагаемое увеличение налоговой ставки на доходы от активов лишь увеличивает бюджет определенной области социального обеспечения, не оказывая реального влияния на социальную политику [11, с. 2–12]. Таким образом, они заключили, что законопроект не соответствует требованиям для проведения референдумов. Однако при тщательном анализе текста законопроекта становится очевидно, что несмотря на отсутствие экономического обоснования предлагаемые изменения явно затрагивают социальную сферу.

Конституционный совет своим решением не только ограничил возможность вынести неоднозначный законопроект на референдум, но и подчеркнул несколько принципов, лежащих в основе «Блока конституционности» (с франц. «Le bloc de constitutionnalité») [12, с. 9–15]:

- *активного вмешательства государства в социальную сферу*. Это видно на примере решения Конституционного совета по делу № 2023-5 RIP: государство не только определяет социальные нормы, но и адаптирует их к новым условиям, что отражает суть этатистского корпоративизма;

- *преобладания государственного интереса*. В решении по делу № 2023-5 RIP можно увидеть, как Конституционный совет оценивает законодательные инициативы с точки зрения их соответствия общим государственным интересам и стабильности социального порядка;

- *баланса между коллективными интересами и индивидуальными правами*. Этатистский корпоративизм стремится к установлению гармонии между коллективными интересами и правами отдельных граждан. В решении Конституционного совета № 2023-5 RIP подчеркивается необходимость обеспечения справедливого баланса, когда обсуждается возможность изменения пенсионного возраста, чтобы не ущемить права граждан и при этом поддерживать социальную стабильность;

5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки)

– *корпоративного сотрудничества и социальной интеграции*. Важным аспектом французского этатистского корпоративизма является сотрудничество между различными социальными группами и их интеграция в процесс принятия государственных решений. Иллюстрацией этому служит практика Конституционного совета, который поощряет использование референдумов и гражданских инициатив, не противоречащих Конституции Франции, позволяя тем самым учитывать мнения разных слоев населения при принятии важных решений;

– *укрепления роли государственных институтов*. Французский этатистский корпоративизм предполагает значительную роль государственных институтов в регулировании общественной жизни. Последние осуществляют контроль и координацию в процессе законодательных изменений, обеспечивая соблюдение конституционных норм и стабильность правового порядка.

Названные принципы формируют уникальную конституционно-правовую доктрину Франции и находят свое отражение в практике публичной власти, обеспечивая эффективное и системное толкование нормативно-правовых актов.

С одной стороны, решение по делу № 2023-5 RIP иллюстрирует сильную роль Конституционного совета как защитника принципов этатистского корпоративизма, который требует тщательного контроля над любыми изменениями, затрагивающими баланс государственных и социальных интересов. Совет оценивает законодательные инициативы с позиции их влияния на общественный порядок, стабильность социальной системы и преобладание государственного интереса. Это соответствует целям этатистского корпоративизма – поддерживать гармонию между коллективными интересами и индивидуальными правами, а также укреплять государственную координацию и управление социальной сферой.

С другой стороны, Конституционный совет, защищая корпоративистские принципы, может препятствовать гибкому и необходимому для общества изменению. Решение по делу № 2023-5 RIP иллюстрирует тенденцию к сохранению статус-кво, даже когда общественные потребности требуют перераспределения и пересмотра социальной политики. Такая строгость может создавать ощущение оторванности государственной власти от актуальных социальных запросов, особенно в вопросах, касающихся налогообложения и пенсионных реформ, где повышение налогов без

структурных изменений воспринимается как недостаточный ответ на социальные вызовы, что может приводить к новым социальным потрясениям во французском обществе.

Сказанное позволяет сделать ряд выводов. Во-первых, французский этатистский корпоративизм считается эффективным для обеспечения социальной стабильности государства.

Во-вторых, формирование корпоративистских структур во Франции явилось ответом на вызовы индустриализации и урбанизации, а также попыткой урегулирования классовых противоречий в межвоенный период. Поддержка социальных программ и участие профсоюзов в государственном управлении сделали корпоративизм инструментом для достижения социальной гармонии и предотвращения конфликтов.

В-третьих, принципы, выработанные Конституционным советом, формируют уникальную конституционно-правовую доктрину и находят свое отражение во французской практике осуществления публичной власти, обеспечивая эффективное и системное толкование нормативно-правовых актов.

В-четвертых, этатистский корпоративизм, нацеленный исключительно на поддержание социального порядка, может привести к стагнации. Структурная жесткость корпоративистской модели нередко препятствует быстрой адаптации к изменяющимся социальным и экономическим условиям, что делает ее менее устойчивой к новым вызовам глобализации и технологическим изменениям.

В-пятых, без должного учета интересов различных социальных групп этатистский корпоративизм рискует трансформироваться в систему, характеризующуюся чрезмерным доминированием государственных институтов над общественными объединениями. Это обстоятельство может существенно ограничить потенциал инновационного развития, поскольку процесс интеграции интересов в современных условиях преимущественно осуществляется в рамках государственных структур, что значительно сужает возможности для более широкого и динамичного вовлечения французов в социально-общественную деятельность.

Французский этатистский корпоративизм, несомненно, сыграл важную роль в развитии социальной и правовой системы страны, создав эффективные механизмы для координации и регулирования общественных интересов. Однако его структура имеет свои ограничения в условиях современных вызовов, таких как глобализация и ускоря-

ющиеся изменения в экономике и технологиях. Для обеспечения своей жизнеспособности в будущем французский этатистский корпоративизм должен учитывать необходимость большей гибкости, расширения

участия независимых социальных групп и усиления адаптивности государственной системы к новым условиям и потребностям французского общества.

Список источников

1. Зудин А.Ю. Ассоциации – бизнес – государство. «Классические» и современные формы отношений в странах Запада. М., 2009.
2. Рикельме Ф. Социальный плюрализм, техническая возможность и политическая легитимация. К вопросу о корпоративной формуле Леона Дюги // *Acta Sociológica* 2012. № 58.
3. Эритэ Л. История Французской революции 1848 г. и Второй Республики: изложение, доступное всем / под ред. и с пред П.П. Румянцев. СПб., 1907.
4. Бочкарев С.В. Конституирование Третьей Республики во Франции: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 1999.
5. Хааг Дж. Отмар Шпанн и политика «тотальности»: корпоратизм в теории и практике: докт. дис. Университет Райса, 1969.
6. Шмиттер Ф. С. Все еще век корпоратизма? // *Обзор политики*. 1974. В. 1. Т. 36.
7. Адлер Ф.Х. Итальянские индустриалисты от либерализма к фашизму: политическое развитие индустриальной буржуазии, 1906–1934. Нью-Йорк, 1995.
8. Хокинс М. Корпоратизм и дискурсы третьего пути в межвоенной Франции // *Журнал политических идеологий*. 2002. № 7(3).
9. Морк Р., Юнг Б. Корпоратизм и призыв третьего пути // *Капитализм и общество*. 2010.
10. Кристиансен П.М. Корпоратизм (и нео-корпоратизм) // *Энциклопедия интересов, лоббизма и общественных связей* Палгрейв. Чам, 2020.
11. Решение № 2023-5 RIP от 3 мая 2023 г. URL: https://www.conseil-constitutionnel.fr/sites/default/files/as/root/bank_mm/decisions/20235rip/20235rip_doc.pdf (дата обращения: 25.11.2024).
12. Карпенко К.В. Эволюция понятия конституции при V Республике во Франции // *Черные дыры в российском законодательстве*. 2013. № 6.
13. Коэн Э. Промышленные политики во Франции: старое и новое // *Журнал промышленности, конкуренции и торговли*. 2007. № 7.
14. Каневский П.С. Генезис и современное состояние системы групп интересов во Франции // *Вестник Московского университета*. Серия 18: Социология и политология. 2020. № 1.

References

1. Zudin A.Yu. Associations - business - state. «Classical» and modern forms of relations in Western countries. Moscow, 2009.
2. Riquelme F. Social pluralism, technical possibility and political legitimation. On the issue of Leon Duguit's corporate formula // *Acta Sociológica* 2012. № 58.
3. Herite L. History of the French Revolution of 1848 and the Second Republic: an account accessible to all / edited and with the chairman P.P. Romyantsev. St. Petersburg, 1907.
4. Bochkarev S.V. Constitution of the Third Republic in France: diss. ... PhD in Law. St. Petersburg, 1999.
5. Haag J. Othmar Spann and the policy of «totality»: corporatism in theory and practice: Grand PhD diss. Rice University, 1969.
6. Schmitter F.S. Still the Age of Corporatism? // *Review of Politics*. 1974. V. 1. V. 36.
7. Adler F.H. Italian Industrialists from Liberalism to Fascism: The Political Development of the Industrial Bourgeoisie, 1906–1934. New York, 1995.
8. Hawkins M. Corporatism and Third Way Discourses in Interwar France // *Journal of Political Ideologies*. 2002. № 7(3).
9. Morck R., Jung B. Corporatism and the Specter of the Third Way // *Capitalism and Society*. 2010.
10. Christiansen P.M. Corporatism (and neo-corporatism) // *Encyclopedia of Interests, Lobbying and Public Relations* Palgrave. Cham, 2020.
11. Decision № 2023-5 RIP of May 3, 2023. URL: https://www.conseil-constitutionnel.fr/sites/default/files/as/root/bank_mm/decisions/20235rip/20235rip_doc.pdf (date of access: 25.11.2024).
12. Karpenko K.V. Evolution of the concept of the constitution under the V Republic in France // *Black holes in Russian legislation*. 2013. № 6.
13. Cohen E. Industrial policies in France: old and new // *Journal of industry, competition and trade*. 2007. № 7.
14. Kanevsky P.S. Genesis and Current State of the Interest Group System in France // *Bulletin of Moscow University. Series 18: Sociology and Political Science*. 2020. № 1.
15. Papadopoulou D. The Role of French Environmental Associations in Civil Liability for Environmental Damage: The Case of Erica // *Journal of Environmental Law*. 2008. № 21.

5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки)

15. Пападопулу Д. Роль французских экологических ассоциаций в гражданской ответственности за экологический ущерб: пример Эрики // Журнал экологического права. 2008. № 21.

16. Яшина М.В. Колониальная экспансия Франции в Карибском бассейне (XVII–XVIII вв.) // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2001. № 1.

16. Yashina M.V. Colonial Expansion of France in the Caribbean (17th–18th Centuries) // Bulletin of RUDN University. Series: International Relations. 2001. № 1.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Татарченко Евгений Андреевич, аспирант факультета государственного управления. Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова. 119991, Российская Федерация, г. Москва, Ломоносовский проспект, 27, корп. 4.
ORCID: 0009-0006-8815-8006

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Tatarchenko Eugeny Andreevich, postgraduate student of the Faculty of Public Administration. M. V. Lomonosov Moscow State University. 27, Lomonosovsky Ave., Moscow 119991 Russian Federation.

ЭВОЛЮЦИЯ ИНСТИТУТА АВТОРСКИХ И СМЕЖНЫХ ПРАВ В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ

Нестерова Надежда Владимировна

Ростовский институт защиты предпринимателя, Ростов-на-Дону, Российская Федерация,
nadinaladin@mail.ru

Куликова Татьяна Викторовна

Ростовский институт защиты предпринимателя, Ростов-на-Дону, Российская Федерация,
tana.72@mail.ru

Введение: четыреста лет эволюции авторского права показывают, что сфера авторского права в зарубежных правовых порядках служила полем битвы между частными и публичными интересами, а также между социальными интересами и интересами экономического развития. Развитие среды, в которой существует авторское и смежное право, никак не поменяло этот базовый конфликт, а, наоборот, усложнило и без того острые юридические проблемы.

Материалы и методы: в статье проведен сравнительный анализ международно-правовых актов в сфере защиты авторских и смежных прав.

Результаты исследования: сравнительный анализ эволюции становления и развития авторских и смежных прав в различных странах на современном этапе необходимо реформировать, руководствуясь нормами международного права.

Выводы и заключения: основным рупором развития авторского права являются законы и международные соглашения – именно законодательство позволяет разрешить насущные вопросы защиты авторского и смежного права в цифровую эпоху. Как отмечают зарубежные исследователи, за последние десятилетия обострилось внимание научного сообщества к историко-правовым исследованиям интеллектуального права, поскольку «без знания прошлого нельзя понять настоящего».

Ключевые слова: защита авторских прав, информационные посредники, директива, цифровая эпоха, закон, денежная компенсация, частные и публичные интересы, государство, интеллектуальная собственность.

Для цитирования: Нестерова Н. В., Куликова Т. В. Эволюция института авторских и смежных прав в международном праве / Н. В. Нестерова, Т. В. Куликова // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2025. № 1 (112). – С. 49–54.

Original paper

THE EVOLUTION OF THE INSTITUTE OF COPYRIGHT AND RELATED RIGHTS IN INTERNATIONAL LAW

Nesterova Nadezhda Vladimirovna

Rostov Institute of Entrepreneur Protection, Rostov-on-Don, Russian Federation

Kulikova Tatyana Viktorovna

Rostov Institute of Entrepreneur Protection, Rostov-on-Don, Russian Federation

Introduction: four hundred years of copyright evolution show that the copyright sphere in foreign legal systems has served as a battlefield between private and public interests, as well as between social interests and the interests of economic development. The development of the environment in which copyright and related rights exist has not changed this basic conflict in any way, but, on the contrary, has complicated the already acute legal problems.

Materials and methods: the article provides a comparative analysis of international legal acts in the field of copyright and related rights protection.

5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки (юридические науки)

Results of the study: a comparative analysis of the evolution of the formation and development of copyright and related rights in various countries at the present stage must be reformed, guided by the norms of international law.

Findings and conclusions: the main mouthpiece of copyright development is laws and international agreements – it is legislation that allows us to resolve pressing issues of copyright and related rights protection in the digital age. As foreign researchers note, in recent decades the attention of the scientific community to historical and legal studies of intellectual property has increased, since «without knowledge of the past, it is impossible to understand the present».

Keywords: copyright protection, information intermediaries, directive, digital age, law, monetary compensation, private and public interests, state, intellectual property.

For citation: Nesterova N. V., Kulikova T. V. The evolution of the institute of copyright and related rights in international law / N. V. Nesterova, T. V. Kulikova // Philosophiya prava : scientific-theoretical journal. Rostov-on-Don. 2025. № 1 (112). – Pp. 49–54.

Научно-технический прогресс, окончательно наметившийся во второй половине XX в., ознаменовал переход к потенциально новым способам информационного обмена – современные понятия об авторском и смежном праве в контексте их осуществления и защиты неразрывно связаны с этим информационным пространством.

Истоки личных неимущественных прав можно обнаружить уже в этических категориях Древней Греции и Древнем Риме. Так, например, С.Н. Гаврюшкин отмечает, что в соответствии с одним из обычаев Древней Греции «творения писателей и поэтов должны были доводиться до публики в неискаженном виде», а «в римском праве существовало понятие гонорара как формы оплаты творческого труда» [1, с. 48].

Современная доктрина связывает окончательное рождение современного авторского права с разработкой методов массовой печати в XV в. в Европе – именно печать ознаменовала возможность широкого круга субъектов знакомиться с результатами интеллектуальной деятельности. Для признания за автором результата интеллектуальной деятельности монополии на печать европейские правопорядки признавали за автором систему «привилегий» [2, с. 196]. Первую привилегию получил Антонио Сабеллико в 1846 г. на печать произведения «Декада Венецианских дел», предусматривающую штраф – 500 дукатов [3].

Однако, как отмечают европейские исследователи, данная система «привилегий» преследовала не столько цель защиты частных интересов автора, сколько публичный интерес: в условиях ограниченных технических возможностей по печати необходимо было распределить имеющиеся печатные ресурсы в соответствии с потребностями общества и государства. Так, например, привилегии распространялись только на новые книги и при этом могли быть отозваны, если книга не

была выпущена в печать в течение года после выдачи привилегии. О публично-правовом характере защиты авторских прав также свидетельствуют характер санкций за незаконную печать и поджог книг – такие действия рассматривались как нарушение публичного порядка и наказывались денежным штрафом в государственную казну. Таким образом, в данный период не приходится говорить о какой-либо адекватной системе защиты авторских прав.

Наибольшую критику система «привилегий» получила в связи с тем, что за автором работы не закреплялось достаточно правомочий по имущественному управлению результатом интеллектуальной деятельности – такие правомочия практически безусловно закреплялись за собственниками средств производства (т. е. за издательскими компаниями), а авторам предоставлялась лишь небольшая денежная компенсация. Именно поэтому в связи с увеличением количества и качества печатной техники, а также в связи с развитием светской литературы в конце XVII в. западное общество потребовало разработки иного, более привлекательного для авторов механизма закрепления статуса автора и защиты интеллектуальных прав. Именно это стало толчком к разработке национальных законов, закрепляющих авторские права.

Статут Королевы Анны, впервые в мировой истории признавший за автором полноту имущественных и неимущественных прав [4, с. 47], право автора на охрану опубликованного им произведения в течение 14 лет, с продлением отмеченного срока на 14 лет при жизни автора [5, с. 32], также запрещал тиражирование произведений без согласия автора [6].

Вышеупомянутый акт оказал глобальное влияние на зарождение авторского и смежного права в других странах. Скажем, в 1790 г. был принят первый Федеральный Закон США об авторском праве. Также подобного рода нор-

мы были закреплены в следующих государствах: Пруссия (1794 г.), Голландия (1796 г.), Италия (1826 г.), Испания (1834 г.). Во Франции в 1791 г. был принят Декрет, согласно которому произведения авторов рассматриваются как частная собственность [7, с. 117]. В итоге в начале XIX в. в большей части стран Европы уже реализовывалась защита авторских прав, приравненных к правам собственности.

Ключевой проблемой при формировании института авторского и смежного права в данную эпоху являлась проблема нахождения баланса между публичным и частными интересами. Публичный интерес требовал максимально свободного воспроизведения объектов авторского и смежного права и, как следствие, уменьшения срока действия авторского права. Частный интерес автора заключался в предоставлении автору полного экономического контроля над произведением как «над своей собственностью», т. е. не ограниченным по времени и переходящим по наследству благом. Законодателю приходилось балансировать между этими позициями и находить компромисс.

Изменение баланса частных и публичных интересов произошло в XIX в., когда авторы и предприниматели (издатели) объединились и создали новый международный режим интеллектуальной собственности, после чего появились первые международно-правовые акты по защите промышленной собственности и авторского права [8, с. 133]. Тогда же в юриспруденции были разработаны терминологии авторского и смежного права. Так, например, во второй половине XIX в. бельгийским ученым Эмилем Пикаром было сформулировано понятие интеллектуальной собственности. Он считал, что любые интеллектуальные права – замысел автора, умственный объект, а уже вещные права предусматривают собственность или материальный объект [9, с. 25].

Вследствие технического прогресса в издании книг, распространения прессы, развития книжной торговли, а также в связи с появлением высоких объемов переводной литературы назревала необходимость в наиболее надежном обеспечении охраны авторских прав.

Чтобы обеспечить такую защиту на территории других государств необходимо заключение соглашений, актов на международном уровне. Так, в ходе международных Конгрессов, в Брюсселе в 1858 г. обсуждали и занимались подготовкой документа по вышеуказанной проблеме, и в Париже в 1878 г.,

была ратифицирована резолюция о необходимости создания конвенции по охране авторских прав [7, с. 119].

9 сентября 1886 г. в г. Берне (Швейцария) было ратифицировано первое международное соглашение, преодолевшее территориальный характер в области авторского права – Бернская конвенция. Бесспорно, с этого начинается международная защита авторских прав.

Бернская конвенция закрепляет единые требования, гарантирующие эффективную защиту авторских прав на их произведения на международном уровне. Положения конвенции являются базой современного законодательства об авторском праве, несмотря на неоднократные редактирования и изменения.

Следует отметить, что в Бернской конвенции отсутствует упоминание программ для электронно-вычислительных машин как объекта авторского права, хотя это не означает, что они лишены правовой охраны, при всем при том, что перечень объектов авторского права имеет открытый характер. Последние изменения в Бернскую конвенцию были внесены в 1908 г. на Берлинской конференции, в указанный период времени такой объект авторских прав, как ЭВМ, был не распространен [5, с. 33].

Бернской конвенцией закреплены следующие правила защиты авторских прав: 1) возможность иностранным авторам защитить свои права на их произведения, т. е. преодоление территориального принципа охраны прав авторов; 2) принцип национального режима, который предполагает приравнивание прав и обязанностей представителей других государств-участников к закрепленным в законе в отношении национальных авторов [7, с. 120].

В конвенции закреплены минимальные требования охраны авторских прав, что позволяет другим государствам на свое усмотрение закрепить более высокий уровень на национальном уровне.

В ходе набирающего обороты технического развития появлялись новые объекты интеллектуальных прав, которые нуждались в защите авторских прав, обновлении и совершенствовании уже имеющегося законодательства. Так, в XX в. был принят ряд международных конвенций, направленных на защиту авторских прав и произведений от противозаконного распространения [7, с. 121].

В первую очередь Всемирная конвенция об авторском праве (1952 г.), оговаривающая особое средство защиты авторских прав и предупреждения их защиты – нанесение на произведение знака охраны авторских прав

5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки (юридические науки)

«©», в качестве фундаментального принципа конвенции предусматривает принцип национального режима. На втором месте целесообразно указать Международную конвенцию об охране прав исполнителей, изготовителей фонограмм и вещательных организаций (1961 г.), которая закрепила новые объекты интеллектуальных прав — смежных прав (в том числе закрепила понятия «фонограмма», «исполнитель», передача в эфир»), в свой черед закрепила на эти объекты принцип национального режима. На третьем месте Конвенция об охране интересов производителей фонограмм от незаконного воспроизводства их фонограмм (1971 г.), определяющая принцип охраны интересов иностранных производителей фонограмм от незаконного копирования, распространения и ввоза.

Эпоха цифровизации поставила перед обществом ряд новых проблем, которые невозможно разрешить рассмотренным регулированием.

Так, например, ключевой является проблема цифровых посредников. Информационный посредник является важнейшим элементом правоотношений в сфере авторского и интеллектуального права. Он выполняет функции по предоставлению технических возможностей передачи и хранения информации, организует и обеспечивает процесс обмена информацией, выступая в качестве проводника между правообладателем и пользователем [10, с. 180].

Деятельность информационного посредника в некоторых случаях предполагает временное воспроизведение объектов, защищенных авторским правом (например, кэширование). В некоторых работах такое воспроизведение называется переходным либо спонтанным. Оно учитывает характерную и решающую часть технологического процесса, осуществляется с целью передачи информации по Сети и, следовательно, не представляет для посредника самостоятельной экономической ценности. Так, любой из нас, заходя в код страницы в браузере, может скачать шрифты, используемые на странице (многие из которых используются владельцами сайтов по лицензии). При загрузке интернет-страницы подобное скачивание происходит в автоматическом режиме, в противном случае пользователю бы не отражалась информация с веб-сайта. Поэтому такое использование произведения (в данном случае шрифта) можно считать правомерным.

Обращаясь к зарубежному опыту, прежде всего стоит отметить законодательный опыт

США. Digital Millennium Copyright Act, принятый в 1998 г., стал результатом консенсуса между конкурирующими интересами главных игроков индустрии развлечений, информационными посредниками, правообладателями и библиотеками. Так, данный закон выделяет четыре типа информационных посредников, выделяемых по критерию онлайн-услуг, которые они обеспечивают: 1) провайдеры, позволяющие передавать информацию и предоставляющие пользователям доступ в Интернет (transitory digital network communications); 2) осуществляющие кэширование данных (system caching); 3) предоставляющие серверные мощности, услуги хостинга (information residing on systems or networks at direction of users); 4) отпускающие пользователю услуги по поиску информации, ссылки на сайт (information location tools).

Именно для данных категорий предоставляется так называемый режим «безопасной гавани» (англ. safe harbor), высвобождающий информационных контрагентов от ответственности за действия третьих лиц. В США подход к определению информационных посредников, равно как и к институту их ответственности, формировался постепенно, законодатель старался добиться выработки единого подхода к такому субъекту как информационный посредник, выделить основополагающие критерии, которые бы единообразно применялись в судебной практике. Необходимость такого подхода трактовалась разнообразием в оценке судами действий информационных посредников. В одном из ранних дел *Stratton Oakmont, Inc. v. Prodigy Services Co.* суд пришел к выводу о том, что провайдер должен считаться издателем, потому как он имел возможность исправлять, корректировать информацию на сайте, следовательно, должен нести ответственность за содержание публикуемой информации. Эксперты комитета по информации, технологиям и коммуникационной политике Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) уверены в том, что подобная практика способна снизить стремление компаний к саморегулированию и модерации контента. С целью не допустить подобный сценарий в США принимается Телекоммуникационный акт от 1 февраля 1996 г., содержащий статью 230, предусматривающую защиту информационных посредников от ответственности за информацию, размещенную третьими лицами. Данная статья закрепила, что ни один интернет-провайдер не может рассматриваться в качестве издателя или автора той или иной информации, предоставленной другими лицами.

Европейский законодатель выделяет три группы информационных контрагентов: 1) оказывающих простую передачу материалов (доступ к Сети); 2) непродолжительное размещение материала (кэширование); 3) непрерывное размещение материала (хостинг). В европейской Директиве 2000/31/ЕС Европейского Парламента и Совета от 8 июня 2000 г. «Об определенных аспектах услуг информационного общества, в частности электронной коммерции, на внутреннем рынке» более подробно определяются функциональные особенности каждого из посредников (в частности, указание на то, что такое кэширование информации, хостинг), тем самым для судебной практики дается более детальное руководство. Также Директива дает широкое определение услугам, которые оказывают информационные посредники. К таким услугам относятся те, которые предоставляются посредством электронного оборудования, как за вознаграждение, так и без него: возможность поиска, доступа, размещения, получения информации через коммуникационную сеть и др.

12 сентября 2018 г. Европейский Парламент проголосовал за принятие новой Директивы по вопросам авторского права – Директивы Европейского Парламента и Совета об авторском праве в условиях единого цифрового рынка [11, с. 57], что ознаменовало новый этап развития института информационных посредников. В частности, европейский законодатель сконцентрировался на более четком закреплении обязанностей информационных посредников по защите прав третьих лиц.

Во-первых, Директива обязывает информационных посредников прикладывать максимальные усилия по получению разрешения на использование объекта авторского и смежного права от правообладателей в случае, когда пользователи загружают контент без получения согласия правообладателей

(ст. 17(4) (а) директивы). Руководство по применению Директивы предусматривает, что небольшие информационные посредники должны самостоятельно связаться с теми правообладателями, контент которых наиболее часто появляется на их посреднической платформе. Видится, что для соответствия данному требованию необходимо сделать дисклеймер в вебсайт документа (или на вебсайте), в соответствии с которым правообладатель может обратиться к информационному посреднику с вопросом о предоставлении согласия.

Во-вторых, информационный посредник обязан принимать все необходимые меры по обеспечению недоступности контента, нарушающего чужие интеллектуальные права, если правообладатель предоставил релевантную и достаточную информацию (ст. 17(4) (b) директивы). В случае если правообладатель просит прекратить использование принадлежащего правообладателю результата интеллектуальной деятельности, необходимо использовать технические средства для того, чтобы обеспечивалась невозможность загрузки такого контента. Как указано в руководстве, для этого вполне возможно использовать технические решения недопущения нарушения авторских и смежных прав дифференцировать: content recognition technology, fingerprinting, hashing, watermarking, use of metadata, keyword search, премодерация и т. д. Кроме этого, Директива также накладывает обязанность по незамедлительной блокировке или удалению с ресурса защищенного авторским правом произведения (ст. 17(4) (c) Директивы). Необходимо отметить, что крупнейшие игроки рынка, являющиеся информационными посредниками, уже начали принимать действия по обеспечению соответствия требованиям данной Директивы (например, Apple с 7 июня 2021 г.).

Список источников

1. Гаврюшкин С.Н. Интеллектуальная собственность: личное право и публичный интерес // Интеллектуальная собственность. Промышленная собственность. 2019. № 10.
2. Соболев И.А. Свободные лицензии в авторском праве России. М., 2014.
3. Колесников Е.А. Некоторые материалы к истории авторского права в России. URL: <http://www.eakolesnikov.narod.ru/CopyrightRussia.html> (дата обращения: 15.02.2025).

References

1. Gavryushkin S.N. Intellectual property: personal law and public interest // IS. Industrial property. 2019. № 10.
2. Sobol I.A. Free licenses in Russian copyright: monograph. Moscow, 2014.
3. Kolesnikov E. A. Some materials on the history of copyright in Russia // <http://www.eakolesnikov.narod.ru/CopyrightRussia.html> (date of access: 15.02.2025).
4. Alyabyeva L. Literary profession in England in the XVI—XIX centuries. Moscow, 2004.

5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки (юридические науки)

4. Алябьева Л. Литературная профессия в Англии в XVI–XIX вв. М., 2004.

5. Блинов И.С. Эволюция правового регулирования интеллектуальной собственности: ретроспектива и зарождение проблемы пересечения прав интеллектуальной собственности // Юридическая наука. 2022. № 6.

6. Блинец И.А., Леонтьев К.Б. Общая теория интеллектуальной собственности. Ст. 3. Интеллектуальная собственность и исключительные права. URL: http://www.copyright.ru/ru/library/stati_knigi (дата обращения: 13.02.2025).

7. Полянская Е.М., Кадовбенко В.Д. История возникновения и развития авторского права в Российской Федерации и в зарубежных странах // Юридический вестник Самарского университета. 2018. № 4.

8. Константинов К.Б. Создание Бернской конвенции об охране литературных и художественных произведений: историко-правовой аспект // История государства и права. 2008. № 10.

9. Косинков В.В. Понятие интеллектуальных прав: теоретико-методологические аспекты // Философия права. 2015. № 5(72).

10. Фомина О.Н. Правовой статус информационного посредника // Вестник гражданского права. 2019. № 3.

11. В.Н. Глонина, А.А. Семенова. Директива ЕС об авторском праве: совершенная защита прав авторов в цифровой среде или катастрофа для Интернета? // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2018. № 22.

5. Blinov I.S. Evolution of legal regulation of intellectual property: a retrospective and the origin of the problem of the intersection of intellectual property rights // Legal science. 2022. № 6.

6. Gemini I.A., Leontiev K.B. General theory of intellectual property. Article 3. Intellectual property and exclusive rights // http://www.copyright.ru/ru/library/stati_knigi (date of access: 13.02.2025).

7. Polyanskaya E.M., Kadovbenko V.D. The history of the emergence and development of copyright in the Russian Federation and in foreign countries // Legal Bulletin of Samara University. 2018. № 4.

8. Konstantinov K.B. Creation of the Berne Convention on Protection... historical and legal aspect // The history of state and law. 2008. № 10.

9. Kosinkov V.V. The concept of intellectual rights: theoretical and methodological aspects // Philosophy of Law. 2015. № 5(72).

10. Fomina O.N. The legal status of an information intermediary // Bulletin of Civil Law. 2019. № 3.

11. V.N. Glonina, A.A. Semenova. The EU Copyright Directive: perfect protection of authors' rights in the digital environment or a disaster for the Internet? // Journal of the Intellectual Property Rights Court. 2018. № 22.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Нестерова Надежда Владимировна, кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права. Ростовский институт защиты предпринимателя. 344029, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Сержантова, 2/104.
ORCID: 0000-0001-8849-5797

Куликова Татьяна Викторовна, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин. Ростовский институт защиты предпринимателя. 344029, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Сержантова, 2/104.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Nesterova Nadezhda Vladimirovna, PhD in Law, Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law. Rostov Institute of Entrepreneur Protection. 2/104, Serzhanтова St., Rostov-on-Don 344029 Russian Federation.

Kulikova Tatiana Viktorovna, PhD in Law, Associate Professor, Head of the Department of Civil Law Disciplines. Rostov Institute of Entrepreneur Protection. 2/104, Serzhanтова St., Rostov-on-Don 344029 Russian Federation.

ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСКЛЮЧЕНИЯ ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА ИЗ ЕДИНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕЕСТРА ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ: СИСТЕМАТИЗАЦИЯ И ДОКТРИНАЛЬНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

Пономарева Наталья Витальевна

Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Российская Федерация,
ponomari2008@yandex.ru

Палазян Артур Сергеевич

Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина,
Краснодар, Российская Федерация, 005mst@mail.ru

Введение: институт исключения юридического лица из ЕГРЮЛ, впоследствии приобретший статус одного из наиболее востребованных механизмов прекращения юридических лиц, с момента его введения в 2005 году, изначально был концептуально определен как способ прекращения правосубъектности в административном порядке посредством решения, выносимого регистрирующим органом. Его первоначальная цель заключалась в обеспечении формальной корректности ЕГРЮЛ путем исключения юридических лиц, не выполнивших требования Федерального закона № 129-ФЗ. Институт исключения юридического лица из ЕГРЮЛ со временем трансформировался в многофункциональный механизм, обладающий как положительными, так и отрицательными сторонами. В настоящее время институт исключения порождает целый ряд противоречий, связанных с неопределенностью оснований, нарушением процессуальных норм и недостаточной защитой прав третьих лиц. Возникает необходимость систематизации и доктринальной интерпретации данных противоречий с целью выработки обоснованных рекомендаций по совершенствованию нормативного регулирования и практики применения института исключения. Эти изменения, вносящие новые элементы в понимание института исключения юридического лица из ЕГРЮЛ, и возникшие в связи с этим теоретические и практические вопросы обуславливают актуальность настоящего исследования.

Материалы и методы: при проведении исследования использованы формально-юридический, сравнительно-правовой, системно-структурный методы. Проведен критический анализ законодательства.

Результаты исследования: неудовлетворительное состояние законодательства о ликвидации не повод для создания параллельных ликвидации институтов; необходимо эффективно реформировать законодательство о ликвидации.

Выводы и заключения: институт исключения юридического лица из ЕГРЮЛ нуждается в переосмыслении и уточнении нормативной базы. Требуется четкая законодательная регламентация оснований для исключения, особенно в свете последних изменений, поскольку действующее регулирование не всегда однозначно и исключает из общего порядка только те юридические лица, создание которых предусмотрено специальными законами.

Ключевые слова: юридическое лицо, государственная регистрация, гражданская правоспособность, ЕГРЮЛ, редомициляция, прекращение юридического лица, ликвидация, исключение из ЕГРЮЛ, недостоверность сведений ЕГРЮЛ, запись о недостоверности сведений ЕГРЮЛ, субъект предпринимательской деятельности.

Для цитирования: Пономарева Н. В., Палазян А. С. Теоретико-правовые проблемы исключения юридического лица из Единого государственного реестра юридических лиц: систематизация и доктринальная интерпретация / Н. В. Пономарева, А. С. Палазян // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2025. № 1 (112). – С. 55–61.

THEORETICAL AND LEGAL PROBLEMS OF EXCLUSION
OF A LEGAL ENTITY FROM THE UNIFIED STATE REGISTER OF LEGAL ENTITIES:
SYSTEMATIZATION AND DOCTRINAL INTERPRETATION

Ponomareva Natalya Vitalievna

Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russian Federation

Palazyan Artur Sergeevich

Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin, Krasnodar, Russian Federation

Introduction: the institution of exclusion of a legal entity from the Unified State Register of Legal Entities, which subsequently acquired the status of one of the most popular mechanisms of legal entity termination since its introduction in 2005, was initially conceptualized as a way to terminate legal personality in an administrative manner by means of a decision issued by the registration authority. Its initial purpose was to ensure formal correctness of the Unified State Register of Legal Entities by excluding legal entities that failed to fulfill the requirements of Federal Law No. 129-FZ. Over time, the institution of exclusion of a legal entity from the Unified State Register of Legal Entities has transformed into a multifunctional mechanism with both positive and negative sides. Currently, the institute of exclusion generates a number of contradictions associated with the uncertainty of grounds, violation of procedural norms and insufficient protection of the rights of third parties. There is a need to systematize and doctrinal interpretation of these contradictions in order to develop reasonable recommendations to improve the normative regulation and practice of application of the institute of exclusion. These changes, introducing new elements in the understanding of the institute of exclusion of a legal entity from the Unified State Register of Legal Entities, and the theoretical and practical issues arising in this regard determine the relevance of this study.

Materials and methods: the study used formal-legal, comparative-legal, system-structural methods. A critical analysis of the legislation was conducted.

Results of the study: the unsatisfactory state of the legislation on liquidation is not a reason for creating parallel institutions for liquidation; it is necessary to effectively reform the legislation on liquidation.

Findings and conclusion: the institution of exclusion of a legal entity from the Unified State Register of Legal Entities needs to be rethought and the regulatory framework clarified. Clear legislative regulation of the grounds for exclusion is required, especially in light of recent changes, since the current regulation is not always unambiguous and excludes from the general order only those legal entities whose creation is provided for by special laws.

Keywords: legal entity, state registration, civil legal capacity, Unified State Register of Legal Entities, redomiciliation, termination of a legal entity, liquidation, exclusion from the Unified State Register of Legal Entities, unreliability of Unified State Register of Legal Entities information, record of unreliability of Unified State Register of Legal Entities information, business entity.

For citation: Ponomareva N. V., Palazyan A. S. Theoretical and legal problems of exclusion of a legal entity from the unified state register of legal entities: systematization and doctrinal interpretation / N. V. Ponomareva, A. S. Palazyan // *Philosophiya prava : scientific-theoretical journal*. Rostov-on-Don. 2025. № 1 (112). – Pp. 55–61.

Исключение юридического лица из Единого государственного реестра юридических лиц (далее – ЕГРЮЛ) является не только важным юридическим механизмом, но и значимым явлением в экономической жизни, оказывающим влияние на стабильность деловых отношений. История становления института исключения юридических лиц из ЕГРЮЛ представляет собой череду попыток преодоления правовых пробелов и коллизий, возникавших в связи с развитием гражданского оборота и усложнением экономических отношений. Первоначальное регулирование института исключения характеризовалось

фрагментарностью и нечеткостью, что приводило к многочисленным проблемам в правоприменительной практике.

Данный механизм, учрежденный в 2005 г. [1], стал следствием объективной потребности в упорядочении реестровой системы путем исключения из нее организаций. Его первоначальная цель заключалась в обеспечении формальной корректности ЕГРЮЛ путем исключения юридических лиц, не выполнявших требования Федерального закона от 8.08.2001 № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц». Институт исключения юридического лица из ЕГРЮЛ со

временем трансформировался в многофункциональный механизм, однако несмотря на свою практическую значимость данный институт характеризуется наличием существенных теоретико-правовых проблем, связанных с неоднозначным толкованием норм, отсутствием единого подхода к применению, а также недостаточной доктринальной разработанностью.

Институт прекращения правоспособности юридического лица в административном порядке, с одной стороны, призван обеспечить эффективность государственного управления и очищение ЕГРЮЛ от недействующих организаций, а с другой – должен гарантировать защиту прав и законных интересов субъектов гражданского оборота, включая учредителей, кредиторов и других заинтересованных лиц. Процедура прекращения оставалась в рамках административной модели, где определяющим фактором была воля государственного органа, при выявлении признаков недействующей организации на основании объективных критериев именно государственный орган инициировал процедуру прекращения действия субъекта экономической деятельности (первоначально ст. 21.1 Закона о государственной регистрации юридических лиц, впоследствии – ст. 64.2 ГК РФ) [3].

Исключение юридического лица из ЕГРЮЛ, первоначально задуманное как административная процедура «очистки» реестра от недействующих организаций, в настоящее время является сложным и многоаспектным правовым явлением. Эволюция данного института, выразившаяся в расширении оснований для исключения и изменении его процессуальных характеристик, выявила ряд теоретико-правовых противоречий, требующих доктринального анализа, а также наличие проблем, связанных с нарушением баланса между публичными и частными интересами, а также с недостаточностью правовых гарантий.

Институт прекращения правоспособности юридического лица в административном порядке, являясь одним из ключевых механизмов регулирования предпринимательской деятельности, претерпел значительные изменения с момента своего появления.

Институциональная самостоятельность исключения юридического лица из ЕГРЮЛ как способа прекращения юридического лица была имплицитно закреплена в соответствующих нормах и впоследствии получила доктринальное и судебное подтверждение [7]. Разъяснения высших судебных инстан-

ций и акты Конституционного Суда РФ, в частности Постановление от 18.05.2015 № 10-П «По делу о проверке конституционности п. 2 ст. 21.1 Федерального закона “О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей” в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью “Отделсервис”» [8], акцентировали внимание на отличиях данного механизма от процедуры ликвидации, указывая на его административно-правовой характер, реализуемый регистрирующим органом при наличии объективных признаков недействующей организации. Признание самостоятельности данного способа, в целом не вызывающего правовых коллизий, обусловлено прерогативой уполномоченного государственного органа в противодействии феномену недействующих юридических лиц.

Согласно толкованию, представленному в п. 1 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 20.12.2006 № 67 «О некоторых вопросах практики применения положений законодательства о банкротстве отсутствующих должников и прекращении недействующих юридических лиц» (далее – ППВАС РФ № 67) [7], юридическое лицо может быть квалифицировано как фактически прекратившее свою деятельность (недействующее юридическое лицо) при одновременном установлении следующих критериев: неисполнение обязанности по предоставлению налоговой декларации и отсутствие банковских операций в течение последних 12 месяцев, предшествующих решению регистрирующего органа. Отсутствие финансово-хозяйственной деятельности является одним из ключевых оснований для признания юридического лица недействующим. Данный признак должен быть подтвержден объективными данными и свидетельствовать о том, что юридическое лицо фактически не осуществляет никакой деятельности, что служит основанием для квалификации указанного субъекта предпринимательской деятельности как недействующего и для инициирования процедуры исключения из ЕГРЮЛ, закреплённой в Федеральном законе «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей».

В последние несколько лет в правовом регулировании процедуры исключения юридического лица из единого реестра [2] произошли существенные трансформации, сопряженные с фундаментальными преобразованиями. Законодательная динамика

5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки (юридические науки)

последних лет, направленная на либерализацию процедур государственной регистрации юридических лиц, привела к существенному расширению сферы применения института исключения из ЕГРЮЛ, в частности путем предоставления регистрирующему органу более широких полномочий и упрощения порядка исключения обусловило императивную потребность в адаптации релевантных процессуальных регламентов.

Первоочередной задачей в рамках проводимого исследования является дифференциация оснований, легитимизирующих применение института исключения юридического лица из Единого государственного реестра юридических лиц. Определение конкретных случаев, при которых представляется возможным и необходимым применение данного института, позволит выявить особенности его правовой природы и функциональной значимости.

Текущее нормативно-правовое регулирование института исключения юридического лица из ЕГРЮЛ предусматривает наличие восьми оснований для его применения, которые для удобства систематизации представляется целесообразным условно классифицировать согласно следующей структуре:

- Критерии, определенные ППВАС РФ № 67 [7], формируют правовую основу для прекращения правосубъектности недействующих юридических лиц, что влечет за собой их исключение из Единого государственного реестра юридических лиц.

- Исключение из государственного реестра может произойти также в случае сохранения недостоверных сведений в течение периода, превышающего шесть месяцев с момента внесения соответствующей записи.

- Исключение юридического лица из ЕГРЮЛ в силу объективной невозможности осуществления ликвидационной процедуры вследствие недостаточности активов для покрытия соответствующих издержек, а также отсутствия возможности возложения бремени несения расходов на учредителей (участников).

- Исключение юридического лица из ЕГРЮЛ на основании судебных актов, предусматривающих возврат заявления о признании несостоятельным (банкротом) или прекращение производства по делу о несостоятельности (банкротстве), возбужденному уполномоченным органом, ввиду объективной невозможности финансирования судебных расходов, что приводит к невозможности дальнейшего рассмотрения дела.

- Исключение на основании п. 4 ст. 7.8 За-

кона о противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, при выявлении соответствующих нарушений [4].

- Исключение юридических лиц, находившихся на территориях новых субъектов РФ и не осуществивших необходимые регистрационные действия в установленные сроки.

- Исключение субъектов малого и среднего предпринимательства по единогласному решению их учредителей (участников).

- Исключение в связи с редомициляцией в соответствии с Федеральным законом от 3.08.2018 № 290-ФЗ «О международных компаниях и международных фондах» (далее – Федеральный закон № 290) [5].

Принятие Федерального закона № 290, вступившего в силу в 2018 г. [5], стало одним из ключевых этапов эволюции рассматриваемого института права. Данный закон ввел особый порядок исключения международных компаний из ЕГРЮЛ, что существенно изменило существующую систему и породило новые вопросы правоприменения. Специализированная регламентация процесса исключения из ЕГРЮЛ в связи с регистрацией международной компании в иностранном государстве или на территории в порядке редомициляции является относительно новым явлением, при котором субъектом, инициирующим исключение, является само юридическое лицо, что указывает на существенные отличия от типовой процедуры, установленной Федеральным законом «О государственной регистрации юридических лиц» [2].

В то время как положения, касающиеся редомициляции, можно было интерпретировать как исключение или как начало формирования особого механизма прекращения деятельности юридического лица в связи с изменением юрисдикции, введение в 2023 г. возможности исключения субъектов малого и среднего предпринимательства из ЕГРЮЛ на основании решения учредителей, что кардинально меняет суть института. Институт исключения юридического лица из ЕГРЮЛ, изначально позиционируемый как административный механизм прекращения деятельности, претерпевает существенную эволюцию, утрачивая свой первоначальный функциональный характер.

Данная трансформация актуализирует вопрос о легитимности первоначальных оснований института и обнажает латентную проблему конкуренции между процедурой исключения из ЕГРЮЛ и ликвидацией юридического лица. В условиях усложненной

процедуры ликвидации и мотивов уклонения от обязательств участники юридических лиц нередко прибегали к «бросанию» своих организаций, зная, что это приведет к их административному прекращению деятельности. Попытки законодателя урегулировать эту коллизию путем внесения изменений в ст. 3 Федерального закона от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» специального пункта (3.1) [6], направленного на возможность привлечения лиц, управлявших исключенным из ЕГРЮЛ юридическим лицом или имевших фактическую возможность определять его действия, к субсидиарной ответственности по искам кредиторов; о целях этих изменений вполне ясно указал Конституционный Суд РФ в постановлении от 21.05.2021 № 20-П «По делу о проверке конституционности пункта 3.1 статьи 3 Федерального закона “Об обществах с ограниченной ответственностью” в связи с жалобой гражданки Г.В. Карпук» [9], что широкое распространение практики уклонения от ликвидации обществ с ограниченной ответственностью, имеющих непогашенные обязательства, с последующим исключением их из ЕГРЮЛ в административном порядке инициировало со стороны федерального законодательного органа государственной власти потребность в разработке правового механизма, компенсирующего негативные последствия прекращения деятельности обществ с ограниченной ответственностью без прохождения предварительных ликвидационных процедур.

Институт исключения юридического лица из ЕГРЮЛ с учетом изменений законодательства в период 2021–2024 гг. претерпел значительные трансформации, которые оказали существенное и многофакторное влияние на данный институт, определив его глубокую и многоаспектную модификацию, которая затронула не только его процессуальную составляющую, но и основополагающие принципы. В результате этой трансформации, очевидно, была произведена существенная корректировка как первоначальных целей, заложенных в этот институт, так и целей, обусловленных и конкретизированных правовыми позициями Конституционного Суда РФ, что ставит под сомнение его современную функциональную пригодность.

Введение в Закон о государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей ст. 21.3 (добровольная квазиликвидация), а также изменения, внесенные в ст. 21.1 в части возможности исключения юридического лица из ЕГРЮЛ

при наличии оснований, предусмотренных Законом о противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем (субститут принудительной ликвидации), позволяет говорить о появлении целей, совершенно чуждых тем, которые обосновывали самостоятельное существование этого института в нашем праве. Значительна неопределенность в части юридических лиц, к которым может быть применена процедура исключения из ЕГРЮЛ; большие вопросы возникают в части порядка исключения, а также последствий.

Оставлять этот институт в текущем состоянии нецелесообразно, поскольку это приводит к неопределенности в правах и обязанностях участников гражданского оборота.

В первую очередь необходимо определиться с тем, в каких случаях следует применять этот институт. К примеру, возможность исключения из ЕГРЮЛ в порядке ст. 21.3 Закона о государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей видится не просто спорным, а дефектным правовым решением. Появление указанной возможности – это и отражение неудовлетворительного состояния законодательства о ликвидации, которое не исправила даже реформа гражданского законодательства 2014 г. [10], и одновременно отказ от попыток приведения этого состояния в надлежащий вид.

Неоднозначным решением (поскольку опять же возникает замена ликвидации, только в этом случае принудительно) видится и изменение ст. 21.1 в части возможности исключения юридического лица из ЕГРЮЛ при наличии оснований, предусмотренных Законом о противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем. Неудовлетворительность регулирования, как думается, не повод для создания параллельных ликвидации институтов; необходимо наконец-то эффективно реформировать законодательство о ликвидации. Оба указанных случая, как думается, следует исключить из Закона о государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей. Исключение из ЕГРЮЛ при редомициляции как по основаниям, так и по порядку и последствиям видится совершенно отдельным институтом, требующим специального регулирования (возможно, и иного названия). Все остальные (кроме трех названных) случаи исключения из ЕГРЮЛ (по решению регистрирующего органа) должны иметь общее регулирование, различия между ними могут

5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки (юридические науки)

объясняться лишь спецификой тех обстоятельств, которые стали поводом для принятия решения об исключении.

Порядок исключения юридического лица из ЕГРЮЛ, равно как и его правовые последствия, имманентно требуют тщательного и детализированного рассмотрения ввиду их значимого влияния на правосубъектность юридических лиц. При этом изменения за последнее время заставляют задуматься и о форме регулирования, ведь предметом выступают правоотношения, возникающие в связи с государственной регистрацией юридических лиц и индивидуальных предпринимателей и имеющие существенную практическую значимость, поскольку определяют правовой статус субъектов предпринимательской деятельности и порядок их вступления в гражданский оборот, в то время как иные (существенно модифицирован-

ные) элементы этого института требуют и иной формы регулирования.

В заключение следует отметить, что институт исключения юридического лица из Единого государственного реестра юридических лиц несмотря на кажущуюся простоту представляет собой сложную и противоречивую правовую конструкцию, которая требует дальнейшего теоретического осмысления и совершенствования. От того, насколько эффективно будет работать этот институт, во многом зависит стабильность и доверие к институтам юридической регистрации, а следовательно, и экономическое развитие страны в целом. Таким образом, исследование данного института является не только теоретической необходимостью, но и задачей, имеющей важное практическое значение.

Список источников

1. О внесении изменений в Федеральный закон «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» и в ст. 49 Гражданского кодекса Российской Федерации»: федер. закон от 2.07.2005 № 83-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2005. № 27. Ст. 2722.
2. О государственной регистрации юридических лиц: федер. закон от 8.08.2001 № 129-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2001. № 33 (ч. 1). Ст. 3431.
3. О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации: федер. закон от 5.05.2014 № 99-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2014. № 19. Ст. 2304.
4. О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма: федер. закон от 7.08.2001 № 115-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2001. № 33 (ч. 1). Ст. 3418.
5. О международных компаниях и международных фондах: федер. закон от 3.08.2018 № 290-ФЗ. Доступ из справ. правовой системы «Гарант».
6. Об обществах с ограниченной ответственностью: федер. закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ. Доступ из справ. правовой системы «Гарант».
7. О некоторых вопросах практики применения положений законодательства о банкротстве отсутствующих должников и прекращении недействующих юридических лиц (п. 1): постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 20.12.2006 № 67. Доступ из справ. правовой системы «Гарант».
8. По делу о проверке конституцион-

Referances

1. On Amendments to the Federal Law «On State Registration of Legal Entities and Individual Entrepreneurs» and to Article 49 of the Civil Code of the Russian Federation»: federal law of 2.07.2005 № 83-FL // Coll. legislation of the Russian Federation. 2005. № 27. Art. 2722.
2. On State Registration of Legal Entities: federal law of 8.08.2001 № 129-FL // Coll. legislation of the Russian Federation. 2001. № 33 (Part 1). Art. 3431.
3. On Amendments to Chapter 4 of Part One of the Civil Code of the Russian Federation and on Recognizing as Invalid Certain Provisions of Legislative Acts of the Russian Federation: federal law of 5.05.2014 № 99-FL // Coll. legislation of the Russian Federation. 2014. № 19. Art. 2304.
4. On combating the legalization (laundering) of proceeds from crime and the financing of terrorism: federal law of 7.08.2001 № 115-FL // Coll. legislation of the Russian Federation. 2001. № 33 (Part 1). Art. 3418.
5. On international companies and international funds: federal law of 3.08.2018 № 290-FL. Access from the legal system «Garant».
6. On limited liability companies: federal law of 08.02.1998 № 14-FL. Access from the legal system «Garant».
7. On certain issues of practical application of the provisions of the legislation on bankruptcy of absent debtors and termination of inactive legal entities (paragraph 1): Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of 20.12.2006 № 67. Access from the legal system «Garant».
8. On the case of checking the constitutionality of paragraph 2 of Article 21.1 of the Federal Law «On State Registration of Legal Entities and

ности п. 2 ст. 21.1 Федерального закона «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «Отделсервис»: постановление Конституционного Суда РФ от 18.05.2015 № 10-П // Собр. законодательства РФ. 2015. № 22. Ст. 3304.

9. По делу о проверке конституционности п. 3.1 ст. 3 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» в связи с жалобой гражданки Г.В. Карпук: постановление Конституционного Суда РФ от 21.05.2021 № 20-П. Доступ из справ. правовой системы «Гарант».

10. О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации: федер. закон от 5.05.2014 № 99-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2014. № 19. Ст. 2304.

11. Алексеева О.Г., Арминов Е.Р., Бандо М.В. Гражданское право: учебник: в 2 т. / под ред. Б.М. Гонгало. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2018. Т. 2.

12. Баранова А.Н. Административно-правовая деятельность налоговых органов по принудительной ликвидации коммерческих организаций: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2010.

13. Баранова А.Н., Гусева Т.А., Чуряев А.В. Принудительная ликвидация юридических лиц: научно-практ. пособие. М., 2011.

14. Гришаев С.П. Эволюция законодательства о юридических лицах. Доступ из справ. правовой системы «Консультант-Плюс».

15. Субъекты предпринимательской деятельности: учебник / отв. ред. Е.В. Трофимова. М., 2024.

Individual Entrepreneurs» in connection with the complaint of the limited liability company «Otdelservis»: Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 18.05.2015 № 10-P // Coll. legislation of the Russian Federation. 2015. № 22. Art. 3304.

9. On the case of checking the constitutionality of paragraph 3.1 of Article 3 of the Federal Law «On Limited Liability Companies» in connection with the complaint of citizen G.V. Karpuk: Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 21.05.2021 № 20-P. Access from the legal system «Garant».

10. On Amendments to Chapter 4 of Part One of the Civil Code of the Russian Federation and on the recognition of certain provisions of legislative acts of the Russian Federation as invalid: federal law of 5.05.2014 № 99-FL // Coll. legislation of the Russian Federation. 2014. № 19. Art. 2304.

11. Alekseeva O.G., Arminov E.R., Bando M.V. Civil Law: textbook: in 2 vol. / ed. by B.M. Gongalo. 3rd ed., revised. and additional. Moscow, 2018. V. 2.

12. Baranova A.N. Administrative and legal activities of tax authorities in the forced liquidation of commercial organizations: author's abstract. diss. ... PhD in Law. Voronezh, 2010.

13. Baranova A.N., Guseva T.A., Churyaev A.V. Forced liquidation of legal entities: scientific and practical manual. Moscow, 2011.

14. Grishaev S.P. Evolution of legislation on legal entities. Access from the legal system «ConsultantPlus».

15. Entrepreneurial entities: textbook / ed. E.V. Trofimova. Moscow, 2024.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Пономарева Наталья Витальевна, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин. Ростовский юридический институт МВД России. 344015, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.

Палазян Артур Сергеевич, доктор юридических наук, заслуженный юрист Кубани, профессор кафедры государственного и международного права. Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина. 350044, Российская Федерация, г. Краснодар, ул. Калинина, 13.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Ponomareva Natalya Vitalievna, PhD in Law, Senior Lecturer of the Department of Civil Law Disciplines. Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 83, Eremenko St., Rostov-on-Don 344015 Russian Federation.

Palazyan Artur Sergeevich, PhD in Law, Honored Lawyer of Kuban, Professor of the Department of State and International Law. Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin. 13, Kalinina St., Krasnodar 350044 Russian Federation.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА
В АДВОКАТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ¹

Фатхи Валентина Игоревна

Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Российская Федерация,
v.i.fatkhi@mail.ru

Голенищев Эдуард Павлович

ООО «Нейрорешения», Ростов-на-Дону, Российская Федерация,
goledu@yandex.ru

Введение: быстрое развитие технологий искусственного интеллекта создает как беспрецедентные возможности для повышения скорости, эффективности и результативности юридической деятельности, так и серьезные риски, связанные с этическими, правовыми и социальными последствиями. В статье исследуется трансформирующее влияние искусственного интеллекта на профессию адвоката, анализируются как существующие вызовы и угрозы, так и перспективные возможности его применения. Проведенный в статье анализ является критически важным для формирования стратегии адаптации юридической профессии к новой технологической реальности.

Материалы и методы: методологическую основу данного исследования составляет совокупность методов научного познания, среди которых можно выделить такие частнонаучные методы, как формально-логический, системно-структурный методы, а также метод интерпретации.

Результаты исследования: результаты исследования демонстрируют значительный потенциал систем искусственного интеллекта для автоматизации рутинных задач и оптимизации процесса принятия юридически значимых решений, при этом уделяется внимание ряду серьезных проблем, связанных с обеспечением адвокатской тайны, предотвращением предвзятости алгоритмов, гарантированием прозрачности и подотчетности интеллектуальных систем.

Выводы и заключения: проведенное в статье исследование вносит существенный вклад в понимание сложной взаимосвязи между технологическим прогрессом и будущим юридической профессии. Авторы приходят к выводу, что уже сегодня перед юридическим сообществом стоит непростая и насущная задача – определить возможности и границы применения ИИ в юридической деятельности. Полагают, что решением данной задачи может стать разработка и включение в Кодекс профессиональной этики адвоката норм, которые устанавливают рамки или обозначают контуры использования ИИ в адвокатской деятельности

Ключевые слова: искусственный интеллект, адвокат, адвокатская деятельность, цифровизация, правотворчество, права человека, информационная безопасность.

Для цитирования: Фатхи В. И., Голенищев Э. П. Использование искусственного интеллекта в адвокатской деятельности: проблемы и перспективы / В. И. Фатхи, Э. П. Голенищев // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2025. № 1 (112). – С. 62–68.

Original paper

USE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN ADVOCACY:
PROBLEMS AND PROSPECTS

Fatkhi Valentina Igorevna

Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russian Federation

Golenishchev Eduard Pavlovich

NeuroSolutions LLC, Rostov-on-Don, Russian Federation

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта в рамках программы Фонда содействия инновациям «Старт-1-ИИ», договор 303ГС1ИИС12-В7/102662 от 20.12.2024 г.

Introduction: The rapid development of artificial intelligence technologies creates both unprecedented opportunities to increase the speed, efficiency and effectiveness of legal activities, as well as serious risks associated with ethical, legal and social consequences. The article examines the transformative impact of artificial intelligence on the legal profession, analyzes both existing challenges and threats, and promising opportunities for its application. The analysis carried out in the article is critically important for the formation of a strategy for adapting the legal profession to the new technological reality.

Materials and methods: the methodological basis of this study is a set of methods of scientific knowledge, among which we can highlight such specific scientific methods as formal-logical, system-structural methods, as well as the interpretation method.

Results of the study: the results of the study demonstrate the significant potential of artificial intelligence systems for automating routine tasks and optimizing the process of making legally significant decisions, while paying attention to a number of serious problems associated with ensuring attorney-client privilege, preventing bias in algorithms, guaranteeing transparency and accountability of intelligent systems.

Findings and conclusions: the research conducted in the article makes a significant contribution to understanding the complex relationship between technological progress and the future of the legal profession. The authors conclude that today the legal community is already facing a difficult and urgent task - to determine the possibilities and limits of the use of AI in legal activities. They believe that the solution to this problem can be the development and inclusion in the Code of Professional Ethics of a lawyer of norms that establish the framework or outline the contours of the use of AI in advocacy.

Keywords: artificial intelligence, lawyer, advocacy, digitalization, lawmaking, human rights, information security.

For citation: Fatkhi V. I., Golenishchev E. P. Use of artificial intelligence in advocacy: problems and prospects / V. I. Fathi, E. P. Golenishchev // *Philosophiya prava : scientific-theoretical journal*. Rostov-on-Don. 2025. № 1 (112). – Pp. 62–68.

Повсеместное внедрение генеративных нейросетей (систем искусственного интеллекта) не могло обойти стороной славившуюся своей консервативностью сферу юриспруденции. Долгое время деятельность юриста носила традиционный характер. Современные информационные технологии открывают широкие возможности для оптимизации и автоматизации рутинных задач, стоящих перед юристом, анализируют сложные наборы данных и даже прогнозируют юридически значимые результаты.

Все чаще искусственный интеллект (далее – ИИ) становится помощником юриста, что в итоге повышает эффективность, результативность и скорость его работы. Как подчеркивает Ирина Цветкова, «технологии в юридической сфере развиваются по следующим направлениям: автоматизация типовых юридических услуг, рост юридических онлайн-сервисов для клиентов, переход системы правосудия в онлайн, а также создание решений на основе искусственного интеллекта»¹.

Сегодня в Российской Федерации отсутствует специальное законодательство в сфере создания и практического применения генеративных нейросетей. Правовая регламентация отношений в сфере создания и практического применения ИИ в России

имеет недолгую историю. Первым юридическим документом, положившим начало разработке нормативной правовой базы ИИ в России, стала Национальная стратегия развития искусственного интеллекта до 2030 г. в Российской Федерации, утвержденная Указом Президента РФ от 10.10.2019 № 490. Во исполнение Стратегии разработан федеральный проект «Искусственный интеллект» национальной программы «Цифровая экономика».

Согласно легальному определению, технологии искусственного интеллекта – совокупность технологий, включающая в себя компьютерное зрение, обработку естественного языка, распознавание и синтез речи, интеллектуальную поддержку принятия решений и перспективные методы искусственного интеллекта².

Следует отметить, что с 1 января 2025 г. вводятся в действие национальные стандарты, закрепленные за техническим комитетом по стандартизации № 164 «Искусственный интеллект» (Приказы Росстандарта от 28 октября 2024 г. №№ 1541-ст, 1542-ст, 1550-ст, от 30 октября 2024 г. № 1553-ст, 1554-ст, 1555-ст, 1556-ст). Как справедливо подчеркивается в научной литературе, «на сегодняшний день в российском законодательстве отмечается фрагментарное нормативное

¹ Искусственный интеллект в суде, боты-юристы и краудфандинг правовых споров – как начинается LegalTech-революция. URL: <https://rb.ru/opinion/legaltech/> (дата обращения: 12.01.2025).

² О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации: указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки (юридические науки)

регулирование, выраженное, как правило, в стратегических документах, где технологии искусственного интеллекта отражаются как сквозные, способствующие развитию цифровой экономики» [1, с. 74].

В контексте практики адвокатской деятельности использование возможностей искусственного интеллекта в настоящее время находится в стадии активного изучения, адаптации и попытки апробации. Так, в процессе цифровизации адвокатской деятельности в России осуществляется последовательное внедрение и развитие общероссийской информационной системы автоматизированного распределения поручений на оказание юридической помощи по назначению, создана и функционирует Комплексная информационная система адвокатуры России, предназначенная для автоматизации части направлений адвокатской деятельности. В связи с этим в 2024 г. установлены новые законодательные основы создания и функционирования нейротехнологий в юридической сфере³. Пункт 10.1 ГОСТа Р 71476-2024 предусматривает возможность применения систем ИИ в законодательстве и праве в связи с возможностью ИИ «оказывать помощь в процессах принятия решений, а в ряде случаев их полностью автоматизировать, давать рекомендации и помогать в автоматизации определенных задач»⁴.

По сути, любая система, способная действовать автономно, без управления человеком, имитируя при этом когнитивные способности человека, представляет собой искусственный интеллект. Нейросети позволяют генерировать и перефразировать текст, редактировать фото- и видеоматериалы, с каждым годом включаются во все больше и большее количество мобильных приложений и компьютерных программ, в том числе и выпускаемых Yandex, Сбербанк и другими российскими IT-компаниями. Как подчеркнул адвокат Андрей Гольцблат, сейчас LegalTech-решения есть почти во всех отраслях права и типах юрфункций – от госорганов и судебной системы до юрдепартаментов и консалтинга⁵. К областям, наиболее

подходящим для автоматизации адвокатской деятельности, относятся документирование и запись информации (потенциал автоматизации оценивается на 86 %), сбор информации (70 %) и анализ данных или информации (69 %)⁶.

В настоящее время использование возможностей генеративных нейросетей в юридической деятельности находится в стадии активного изучения и адаптации, вызывая как восхищение, так опасения у профессиональных юристов, порождая многочисленные дискуссии о возможности замены человеческого интеллекта искусственным. Согласно данным научного исследования, проведенного американской компанией LexisNexis Legal & Professional, специализирующейся на внедрении систем искусственного интеллекта в юридическую практику, за последние шесть месяцев 2024 г. число юристов, ежемесячно использующих инструменты генеративного ИИ, увеличилось более чем в два раза⁷. При этом только 7 % из числа 7 950 юристов и студентов юридических факультетов США, Великобритании, Канады и Франции полагают, что генеративный ИИ не способен оказать влияние на правоприменительную деятельность. Представители юридической профессии в России более осторожно оценивают возможность использования систем искусственного интеллекта в своей деятельности. Так, согласно исследованию PravoTech в декабре 2023 г., только 35 % респондентов из более 1 200 практикующих юристов положительно оценивают возможности генеративных нейросетей. Среди основных рисков, на которые указали специалисты, отмечались развитие зависимости от технологий и снижение критического мышления (30 %), безопасность личных данных и конфиденциальность (20 %), а также повышенная вероятность ошибки (20 %)⁸.

Среди основных направлений использования систем ИИ в деятельности адвоката можно выделить следующие.

1. Применение методов искусственного интеллекта для решения задач автоматизи-

³ См. изменения в Федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации». URL: <http://internet.garant.ru> (дата обращения: 12.01.2025).

⁴ ГОСТ Р 71476-2024 Искусственный интеллект. Концепции и терминология искусственного интеллекта.

⁵ Искусственный интеллект в юруслугах: «Вы теперь и есть за меня будете?». URL: <https://pravo.ru/opinion/246560/> (дата обращения: 12.01.2025).

⁶ 3 Areas of 'Friction' Between Law Firms and Generative AI Developers. URL: <https://www.2civility.org/areas-of-friction-between-law-firms-and-generative-ai-developers/> (дата обращения: 12.01.2025).

⁷ Отчет LexisNexis Legal & Professional «Юристы вступают в новую эру генеративного искусственного интеллекта». URL: <https://www.lexisnexis.co.uk/research-and-reports/lawyers-cross-into-the-new-era-of-generative-ai.html> (дата обращения: 15.01.2025).

⁸ Опрошенные юристы назвали снижение безопасности данных риском применения ИИ в праве. URL: <https://tass.ru/obschestvo/19621355> (дата обращения: 21.01.2025).

зации деятельности адвоката, в частности, может быть представлено следующими моделями: а) нейросети распознавания речи, для получения транскрипций обращений клиентов; б) модели классификации правовой ситуации, описанной в транскрипции обращения клиента; в) модели семантического поиска нормативных правовых актов и документов правоприменительной практики, соответствующих правовой ситуации (транскрипции обращения) для выстраивания правовой позиции (моделирования стратегии поведения) по делу; г) нейросети для управления делами и коммуникацией с клиентами (системы автоматизации документооборота).

2. Применение методов искусственного интеллекта для составления юридически значимых документов, в частности: а) подготовка шаблона документов и автоматическое заполнение их данными, предоставленными пользователем или извлеченными из других источников (распознавание документов, извлечение из них данных и создание цифровых копий); б) обнаружение и выявление ошибок, противоречий и несоответствий в тексте документов, в том числе посредством анализа действующих нормативных правовых актов, а также материалов судебной практики.

3. Применение методов искусственного интеллекта для прогнозной аналитики: а) для выявления рисков при заключении различного рода сделок, проверки благонадежности контрагента; б) оценки эффективности выстроенной стратегии поведения в суде, для так называемого «предсказанного

правосудия» (predict decisions courts). ИИ в таком случае выполняет тщательный анализ судебных решений и определяет предмет и основание иска, выделяет ключевые аргументы, которые были приняты судом и положены в основу мотивировочной части судебного решения.

4. Применение методов искусственного интеллекта для осуществления первичной юридической консультации (чат-боты).

Несмотря на актуальность и потенциал использования ИИ на рынке в России сегодня отсутствуют ИТ-решения, реализующие рекомендации Федеральной палаты адвокатов РФ по ведению адвокатского производства. Как следствие, стандарта соответствующей «индустрии» не существует – каждый адвокат и/или адвокатское образование самостоятельно определяют способы работы и обеспечения ее качества [2, с. 385–402].

Для решения вышеуказанной проблемы российской компанией ООО «Нейрорешения» в 2025 г. создается специальное программное обеспечение – АРМ «Адвокатское производство», включающее перспективный ИИ-модуль распознавания и аннотации речи для семантического подбора нормативных правовых актов и автоматизированного формирования отдельных документов в целях выстраивания правовой позиции, структура которого представлена на рис. 1. Указанное программное обеспечение позволит посредством применения методов искусственного интеллекта автоматизировать деятельность адвоката.

Рис. 1. Структура АРМ «Адвокатское производство»

Риски трансформации профессии адвоката. Несомненно, автоматизация задач, выполняемых адвокатами, может привести к сокращению рабочих мест в юридической сфере. По прогнозу Агентства по разработке искусственного Интеллекта США, к 2023 г.

ИИ заменит 29 % юристов. Однако тенденция не повлияет одинаково на все вакансии в юриспруденции. Как показало исследование, искусственный интеллект возьмет на себя 44 % задач, которые обычно выполняют именно помощники и младшие юристы¹.

¹ ИИ ищет работу: топ-10 профессий, которые исчезнут или изменятся из-за нейросетей. URL: https://forbes.kz/articles/ii_ischet_rabotu_top-10_professiy_kotoryie_ischeznut_ili_izmenyatsya_iz-za_neyrosetey (дата обращения: 25.10.2024).

5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки (юридические науки)

Кроме того, полагаем, что все большее взаимодействие юриспруденции и инновационных технологий в сфере ИИ влечет за собой появление новых профессий, таких как инженеры-юристы по искусственному интеллекту, специалисты по векторным базам данных в юриспруденции, менеджеры по управлению ИИ в юридических организациях, специалисты контроля качества генеративных юридических заключений и т. д.

В сложившихся условиях требуется пересмотр программ обучения высшего образования, направленных на повышение грамотности юристов в области ИИ. Личный опыт членов проектной команды ООО «Нейрорешения» свидетельствует о том, что в связи с отсутствием на рынке специального ПО, в рамках образовательного процесса сегодня нет возможности формировать соответствующие профессиональные умения и навыки. Представляется, что появление на рынке АРМ «Адвокатское производство», разрабатываемого ООО «Нейрорешения», позволит включить его освоение в рабочие программы учебных дисциплин, сформирует навыки выпускников в работе с современными специализированными средствами автоматизации и, как следствие, обеспечит спрос на соответствующем рынке, а также необходимое качество услуг, предоставляемых адвокатами.

Говоря о трансформации профессии адвоката под воздействием ИИ-систем, можно говорить и о футуристических прогнозах. Так, Э.В. Талапина отмечает, что «учеными уже обсуждается возможная кибеогизация судей посредством вживления компьютерных схем и программ в человеческие тела судей или модификация их биологических характеристик для расширения интеллекта и возможностей памяти, повышения способности обрабатывать информацию, управлять ею и уменьшения симптомов страха перед принятием важного решения» [3, с. 47].

В январе 2023 г. в США планировалось участие в судебном заседании в качестве адвоката робота-юриста от компании DoNoPay Джошуа Браудера, который, распознавая речь судьи и другой стороны по делу, должен предлагать клиенту вытраивать стратегию защиты непосредственно в зале судебных заседаний. Однако робот-адвокат в итоге сам стал «ответчиком» по иску из-за отсутствия

высшего образования и лицензии на оказание юридических услуг².

Но уже сегодня использование возможностей ИИ в адвокатской деятельности имеет определенные последствия для самой профессии юриста, в числе которых можно назвать необходимость повышения компетенций в технической сфере. В частности, как справедливо отмечает А.Ю. Пелых, «несмотря на формальное отсутствие дефицита специалистов в адвокатуре, несоответствие трудовых компетенций требованиям нового времени может привести к профессиональному кризису профессии» [4, с. 180–186].

Риски предвзятости алгоритмов связаны прежде всего с тем, что ИИ-системы обучаются на данных, которые могут отражать предубеждения и стереотипы, которые характерны для их создателей. В частности, алгоритмы машинного обучения строят свои модели на основе данных, которые им предоставляются. Если эти данные содержат предубеждения против определенных групп (по расовому, этническому, гендерному, социально-экономическому признаку и т. д.), то ИИ будет воспроизводить и даже усиливать эти предубеждения в своих решениях. Так, в 2021 г. Amnesty International задокументировала, как алгоритмическая система, используемая налоговыми органами Нидерландов, проводила расовую дискриминацию получателей пособий по уходу за детьми³. Используемая в американском правосудии система COMPAS (Correctional Offender Management Profiling for Alternative Sanctions) хотя напрямую и не учитывает расовую принадлежность преступников, но отличается предвзятостью алгоритмов. Так, исследование, проведенное в 2016 г. по заказу портала ProPublica, выявило на выборке из 7000 заключенных гораздо большую ошибку предсказаний программой рецидива среди темнокожих осужденных: 44,9 %, что почти в два раза выше, чем для светлокожих преступников, – 23,5 %⁴.

Понимание этой проблемы имеет решающее значение для создания сбалансированной нормативной правовой базы в сфере использования систем ИИ в юридической практике.

Угрозы информационной безопасности в деятельности адвоката. Использование ИИ в адвокатской деятельности открывает но-

² В США хотят засудить первого в мире робота-адвоката. URL: // <https://rg.ru/2023/03/15/otbiraet-hleb-iuristov.html> (дата обращения: 25.10.2024).

³ СМИ узнали об отставке правительства Нидерландов из-за детских пособий. URL: <https://www.rbc.ru/politics/15/01/2021/60018cf69a79473a3bfce8e3> (дата обращения: 25.10.2024).

⁴ Программы определения рецидивистов оказались не точнее предсказаний человека. URL: <https://nauka.tass.ru/nauka/6819021> (дата обращения: 25.10.2024).

вые возможности, но одновременно создает и новые угрозы информационной безопасности, самые серьезные опасения сводятся к рискам для конфиденциальности, надежности и безопасности данных. Так, В. Зайцев выделяет три вида угроз информационной безопасности в деятельности адвоката: «нарушения конфиденциальности информации, нарушения целостности информации, нарушения доступности информации» [5].

Следует помнить, что вся информация, «которая хранится либо обрабатывается адвокатом в связи с осуществлением им его профессиональной деятельности и непосредственно при этом обусловлена оказанием юридической помощи доверителю» [6], Федеральным законом от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» отнесена к сведениям, составляющим адвокатскую тайну. Небрежная интеграция интеллектуальных систем в адвокатскую деятельность способна увеличить риск утечек персональных данных клиентов, «стать причиной несоответствия строгим отраслевым регуляциям или привести к распространению так называемого «теневого ИИ», который выходит за пределы формально утвержденных политик»⁵. Данное обстоятельство требует не только использования систем ИИ с актуальными механизмами защиты данных и приватности, но и проведения точной идентификации пользователя-адвоката.

Кроме того, программное обеспечение, используемое адвокатами и создаваемое главным образом индивидуальными предпринимателями и юридическими лицами, в дальнейшем может стать предметом сделок передачи исключительных прав другим, в том числе и зарубежным компаниям.

Полагаем, что в процессе разработки систем ИИ для осуществления адвокатской деятельности можно обратить внимание на разработанные и принятые в 2023 г. Руководящие принципы по разработке безопасных систем ИИ (англ. Guidelines for secure AI system development)⁶.

Риски, связанные с качеством оказания юридических услуг. Деятельность в сфере защиты прав граждан и юридических лиц является социально чувствительной и высоко значимой. В отличие от других сфер применения ИИ-систем, принимаемые адвокатом

решения часто затрагивают личные права и свободы, что предопределяет повышенные требования к прозрачности, справедливости и информационной безопасности применяемых моделей. Несомненно, аналитический потенциал систем искусственного интеллекта отличается поразительной скоростью. ИИ может эффективно обрабатывать большие объемы данных, но его способность понимать нюансы языка, контекст ситуации и неявные предпосылки ограничена. Кроме того, ИИ-системы не могут дать оценку таким категориям, как соблюдение принципа добросовестности сторон правоотношений, возможное злоупотребление правом и других. У них отсутствует интуиция, эмпатия, умение выстраивать отношения с клиентами и понимать их эмоциональное состояние, они не обладают самосознанием и не способны рассуждать как люди. А ведь, как справедливо отмечает вице-президент ФПА РФ Елена Авакян, «настоящего юриста отличает способность к истинной эмпатии. «Чтобы защитить человека, нужно его почувствовать»⁷. Искусственный интеллект на это не способен.

Также для пользователя прозрачность и интерпретируемость решений ИИ остаются проблематичными, а ведь качество результата напрямую зависит от качества данных, на которых модели ИИ обучаются/используются, что не может исключить возможность недобросовестного поведения разработчика. А в условиях отсутствия прецедента в качестве источника права, т. е. единообразной судебной практики, с учетом постоянно меняющихся правовых норм, возможности обжалования и отмены судебных актов в вышестоящих инстанциях подготовленное ИИ правовое заключение может не соответствовать критериям достоверности и представлять собой профессиональное и мотивированное суждение по запрошенной правовой теме. Адвокату может быть сложно оценить, как система пришла к определенному выводу, что затрудняет контроль качества предоставляемых услуг.

Таким образом, уже сегодня перед юридическим сообществом стоит непростая и насущная задача – определить возможности и границы применения ИИ в юридической деятельности. Полагаем, что решением данной задачи может стать разработка и вклю-

⁵ Обеспечение безопасности ИИ в корпоративной среде. URL: <https://www.securitylab.ru/analytics/556310.php> (дата обращения: 12.01.2025).

⁶ Guidelines for secure AI system development. URL: <https://isomer-user-content.by.gov.sg/36/7b1933b2-78b9-4550-b9d6-0d4f2c5c446b/guidelines-for-secure-ai-system-development.pdf> (дата обращения: 12.01.2025).

⁷ Настоящего юриста отличает способность к истинной эмпатии. URL: <https://fparf.ru/news/fpa/nastoyashchego-yurista-otlichaet-sposobnost-k-istinnoy-empatii/> (дата обращения: 12.01.2025).

5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки (юридические науки)

чение в Кодекс профессиональной этики адвоката норм, которые устанавливают рамки или обозначают контуры использования ИИ в адвокатской деятельности. Но уже сейчас можно выделить несколько ключевых принципов, которые должны соблюдаться при использовании нейросистем. В частности, к ним можно отнести принцип компетентности пользователя (адвокаты должны обладать достаточными знаниями и навыками для использования ИИ-инструментов в своей практике. Это включает понимание

принципов работы ИИ, его ограничений и потенциальных рисков); принцип сохранения адвокатской тайны при работе с ИИ-системами; принцип прозрачности (в том числе и обязанности адвоката информировать клиента об использовании ИИ и получать на это их согласие); принцип осуществления надлежащего контроля (адвокаты не должны полностью полагаться на решения ИИ-систем, которые рассматриваются только лишь как вспомогательный инструмент).

Список источников

1. Васильев А.А., Печатнова Ю.В. Место искусственного интеллекта среди элементов состава правоотношения // Цифровое право. 2020. № 4. Т. 1.
2. Оробинский В.В. Чему не учат на юрфаке: все части легендарной трилогии + новые главы. Изд. 5-е. Ростов н/Д, 2019.
3. Талапина Э.В. Искусственный интеллект в правосудии: небольшой обзор больших последствий // Российская юстиция. 2024. № 5.
4. Пелых А.Ю. Детерминанты социально-управленческих трансформаций в адвокатских образованиях // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2022. № 2. Т. 7.
5. В. Зайцев. Риски адвоката в условиях цифровизации // Адвокатская газета. 2024. № 10.
6. О. Елисеев. Цифровая безопасность адвоката // Адвокатская газета. 2023. № 15.

References

1. Vasiliev A.A., Pechatnova Yu.V. The place of artificial intelligence among the elements of the legal relationship // Digital law. 2020. № 4. V. 1.
2. Orobinsky V.V. What they don't teach at the law school: all parts of the legendary trilogy + new chapters. 5th ed. Rostov-on-Don, 2019.
3. Talapina E.V. Artificial intelligence in justice: a small overview of big consequences // Russian justice. 2024. № 5.
4. Pelykh A.Yu. Determinants of social and managerial transformations in advocacy entities // Bulletin of the Kemerovo State University. Series: Political, sociological and economic sciences. 2022. № 2. V. 7.
5. V. Zaitsev. Risks of a lawyer in the context of digitalization // Advocate newspaper. 2024. № 10.
6. O. Eliseev. Digital security of a lawyer // Advocate newspaper. 2023. № 15.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Фатхи Валентина Игоревна, кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры гражданско-правовых дисциплин. Ростовский юридический институт МВД России. 344015, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.

Голенищев Эдуард Павлович, кандидат технических наук, доцент, директор. ООО «Нейрорешения». 344041, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Смородиновская, 30.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Fatkhii Valentina Igorevna, PhD in Law, Associate Professor, Head of the Department of Civil Law Disciplines. Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 83, Eremenko St., Rostov-on-Don 344015 Russian Federation.

Golenishchev Eduard Pavlovich, PhD in Technical Sciences, Associate Professor, Director of NeuroSolutions LLC. 30, Smorodinovaya St., Rostov-on-Don 344041 Russian Federation.

**КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ СПОСОБА СОВЕРШЕНИЯ
ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ СЕМЬИ И НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ**

Акиев Арби Русланович

Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Российская Федерация,
Melhi530@mail.ru

Введение: автор анализирует различные подходы к пониманию способа преступления в уголовно-правовых науках и акцентирует внимание на специфике криминалистического подхода, отмечая его особую роль в раскрытии и расследовании преступлений отдельных групп и видов.

Материалы и методы: теоретической базой исследования являются ранее проведенные исследования ученых-криминалистов, методологическую основу исследования составляют диалектический метод познания социальных явлений, а также ряд специальных частнонаучных методов: обобщение, анализ, синтез, индукция и дедукция, с учетом рассматриваемой проблематики.

Результаты исследования: в работе обоснована необходимость систематизации и анализа типовых способов совершения преступлений против семьи и несовершеннолетних. Показано, что подобная систематизация необходима для выявления закономерностей преступной деятельности, разработки криминалистической характеристики рассматриваемых деяний, выявлению и описанию корреляционных связей способа преступления с другими элементами преступления, криминалистического прогнозирования новых способов совершения преступлений, а также пред- и посткриминального поведения субъектов и жертв преступлений и, как следствие, совершенствование методических рекомендаций по их раскрытию, расследованию и предупреждению.

Выводы и заключения: автор делает вывод о ключевой роли способа совершения преступления в криминалистическом познании преступной деятельности и необходимости дальнейшей разработки методов и рекомендаций, основанных на его изучении.

Ключевые слова: способ совершения преступления, криминалистическая характеристика, механизм преступления, преступления против семьи и несовершеннолетних, криминалистическое прогнозирование, расследование преступлений

Для цитирования: Акиев А. Р. Криминалистическое значение способа совершения преступлений против семьи и несовершеннолетних / А. Р. Акиев // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2025. № 1 (112). – С. 69–74.

Original paper

**FORENSIC SIGNIFICANCE OF THE METHOD
OF COMMITTING CRIMES AGAINST THE FAMILY AND MINORS**

Akiev Arbi Ruslanovich

St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, St. Petersburg, Russian Federation

Introduction: the author analyzes various approaches to understanding the method of crime in criminal law sciences and focuses on the specifics of the forensic approach, noting its special role in the disclosure and investigation of crimes of certain groups and types.

Materials and methods: the theoretical basis of the study is previously conducted research by forensic scientists, the methodological basis of the study is the dialectical method of cognition of social phenomena, as well as a number of special private scientific methods: generalization, analysis, synthesis, induction and deduction, taking into account the issues under consideration.

Results of the study: the work substantiates the need to systematize and analyze typical methods of committing crimes against the family and minors. It is shown that such systematization is necessary for identifying patterns of criminal activity, developing a forensic characteristic of the acts in question, identifying and describing correlations between the method of committing a crime and other elements of a crime, forensic forecasting of new methods of committing crimes, as well as pre- and post-criminal behavior

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

of subjects and victims of crimes and, as a consequence, improving methodological recommendations for their disclosure, investigation and prevention.

Findings and conclusions: *the author concludes that the method of committing a crime plays a key role in the forensic knowledge of criminal activity and the need for further development of methods and recommendations based on its study.*

Keywords: *method of committing a crime, forensic characteristics, mechanism of a crime, crimes against the family and minors, forensic forecasting, investigation of crimes*

For citation: *Akiev A. R. Forensic significance of the method of committing crimes against the family and minors / A. R. Akiev // Philosophiya prava : scientific-theoretical journal. Rostov-on-Don. 2025. № 1 (112). – Pp. 69–74.*

Способ преступления выступает важным объектом исследования для целого ряда наук уголовно-правового цикла, каждая из которых рассматривает его в разрезе собственных задач и методологии. В уголовном праве понимание способа преступления тесно связано с элементами состава преступления, в частности с объективной стороной деяния. Способ совершения преступления, наряду с временем, местом и орудиями, характеризует внешнее проявление преступного деяния. Так, В.Н. Кудрявцев подчеркивал, что «способ преступления представляет собой определенный порядок действий, последовательность движений и приемов, применяемых лицом при совершении преступления» [1, с. 71].

С точки зрения уголовного права способ может являться квалифицирующим признаком состава преступления, влияющим на тяжесть наказания. Криминология изучает связь способа преступления с личностью преступника, мотивацией, социальными условиями и другими факторами, способствующими совершению преступлений. Уголовно-исполнительное право рассматривает способ преступления как фактор, влияющий на процесс ресоциализации осужденных и предупреждение рецидива преступлений. Судебная психиатрия исследует связь между психическими расстройствами и выбором определенного способа совершения преступления.

Криминалистика, изучающая способ преступления на протяжении длительного времени, подходит к его исследованию с позиций своего объекта, предмета и задач. Это обуславливает существенную специфику криминалистических исследований, в том числе применительно к способам преступной деятельности разных групп и видов. В криминалистике способ преступления рассматривается как система действий, направленных на достижение преступного результата, и включающая в себя подготовку к

преступлению, совершение преступления и его сокрытие.

Формирование и развитие криминалистической теории (учения) о способе¹ преступления основано на трудах целой плеяды таких известных ученых-криминалистов, как Б.М. Шавер, С.А. Голунский, Р.С. Белкин, Г.Г. Зуйков, И.Ш. Жордания, А.М. Кустов, А.В. Варданян, С.И. Коновалов, О.В. Чельшева, А.А. Бессонов, А.С. Князьков [2; 3; 4; 5; 6; 7, с. 82–84; 8, с. 43–47; 9, с. 171–173; 10, с. 51–64] и многих других авторов, чьи работы позволили углубить понимание сущности способа и его роли в раскрытии и расследовании преступлений.

Анализ развития соответствующих теоретико-криминалистических положений позволяет сделать вывод, что в настоящее время сформировался, по сути, общий подход к криминалистическому пониманию способа преступления. Он рассматривается как комплекс взаимосвязанных и подчиненных общему преступному замыслу и достижению криминальной цели (последствий) действий (бездействий), предпринимаемых на этапах подготовки, совершения и сокрытия преступления, сопряженных с использованием различных орудий, средств и технологий, получающих свое отражение в объективной реальности в виде разнообразных следов, как материальных, так и идеальных. Данный подход акцентирует внимание на динамическом характере способа преступления, его обусловленности не только криминальной целью, но и имеющимися возможностями преступника, а также условиями внешней среды. Эта дефиниция, как представляется, четко отражает общую криминалистическую сущность способов преступлений против семьи и несовершеннолетних, позволяя анализировать не только сами действия преступника, но и мотивацию, обстоятельства, способствовавшие совершению преступления, и используемые им средства, что в конечном итоге способствует более эффек-

¹ В криминалистической литературе наряду с термином «способ преступления» нередко используется термин «способ совершения преступления». В настоящем исследовании эти термины рассматриваются как научные синонимы.

тивному раскрытию и расследованию таких преступлений.

Как следствие, способ преступления является одним из ключевых элементов познаваемой криминалистикой преступной деятельности и ее механизма. Именно поэтому формирование на основе анализа и обобщения эмпирического материала системы типовых сведений о таких способах выступает комплексной задачей криминалистического обеспечения раскрытия, расследования и предупреждения преступлений против семьи и несовершеннолетних.

Комплексный характер указанной задачи проявляется в следующем.

Во-первых, без определения и системного описания типовых способов таких деяний вряд ли возможно выявить и изучить основные обстоятельства совершения как отдельных преступлений против семьи и несовершеннолетних, так и закономерности преступной деятельности более сложного уровня, которую составляют или в структуру которой входят криминальные деяния рассматриваемой группы. Такой анализ особенно важен при выявлении и описании корреляционных связей способа преступления с другими элементами преступной деятельности (в частности, субъектом (субъектами) преступления, жертвой, местом, временем, обстановкой, объектом и мотивацией преступного посягательства). Так, зачастую «внешняя среда выступает в качестве одного из факторов, влияющих на выбор (а в некоторых случаях определяющих его) и реализацию способа совершения преступления» [11, с. 145].

Во-вторых, очевидна задача криминалистической систематизации (классификации) способов преступлений против семьи и несовершеннолетних, особенно с учетом современного состояния этого вида преступной деятельности и тенденций к дальнейшей криминальной трансформации способов существенной части преступлений рассматриваемой группы. Здесь стоит согласиться с мнением А.Ю. Головина, отметившего, что классификации способов преступления «играют важную роль в познании механизма его совершения и разработке его криминалистической характеристики» [12]. Отметим также позицию А.В. Варданяна и О.П. Грибунова, указавших, что систематизация способов преступлений является актуальнейшей задачей теоретико-прикладной направленности [13, с. 23–35].

В-третьих, система типовых сведений о способах преступлений против семьи и не-

совершеннолетних, представляющая собой совокупность данных о методах совершения, сокрытия и подготовки этих деяний, выступает важной частью их криминалистической характеристики. Эта система, как научно-информационная основа, крайне важна для разработки и совершенствования методических рекомендаций по их раскрытию и расследованию, являясь отправной точкой для построения версий и планирования расследования. Детализированные сведения о способах совершения преступлений против семьи и несовершеннолетних, включая особенности выбора жертвы, места и времени совершения преступления, орудий и средств, а также способы маскировки преступной деятельности позволяют следователям более эффективно выявлять закономерности и устанавливать обстоятельства, имеющие значение для дела.

В-четвертых, сформированные и постоянно актуализируемые типовые сведения о способах преступлений против семьи и несовершеннолетних могут быть непосредственно использованы в следственной деятельности и подготовке (повышении квалификации) сотрудников правоохранительных органов. Здесь необходимо подчеркнуть, что законодатель в ст. 73 УПК РФ выделяет способ преступления в числе обстоятельств, подлежащих установлению и доказыванию по уголовным делам. Как следствие, обладание специалистами-практиками знаниями о типовых способах преступлений против семьи и несовершеннолетних выступает необходимым элементом их профессиональной квалификации в сфере раскрытия и расследования таких деяний. Криминалистика, в свою очередь, должна обеспечить следственную практику такими сведениями, отражающими современную специфику способов рассматриваемой преступной деятельности.

В-пятых, система научно-собранных и обработанных данных о способах преступлений против семьи и несовершеннолетних обладает значительным потенциалом для решения задач криминалистического прогнозирования и должна активно использоваться в этой сфере. В частности, как нами уже отмечалось ранее [14, с. 88–96], использование научно-криминалистических прогнозов может быть направлено на перспективное познание и детальное описание не только возможных способов совершения таких деяний, но и на выявление тенденций их развития, а также пред- и посткриминального поведения субъектов и жертв преступной деятельности против семьи и несовершеннолетних.

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

Прогнозирование должно охватывать и другие элементы и закономерности механизма совершения преступлений, включая факторы, способствующие их совершению, а также закономерности отображения этих преступлений в виде следов-последствий. Более того, криминалистическое прогнозирование, основанное на анализе собранных данных, может позволить выявлять группы риска как среди потенциальных жертв, так и среди лиц, склонных к совершению преступлений рассматриваемой группы, что позволит разрабатывать и внедрять превентивные меры, направленные на снижение уровня преступности в данной сфере. Наконец, прогностическая деятельность может способствовать оптимизации стратегий и тактик расследования подобных преступлений, позволяя правоохранительным органам более эффективно выявлять, раскрывать и расследовать преступления против семьи и несовершеннолетних.

В-шестых, важной видится задача познания способов преступлений против семьи и несовершеннолетних с позиций криминалистической теории причинности. Учеными-криминалистами (И.М. Комаров, М.Е. Игнатъев и др.) [15, с. 75–82; 16] неоднократно справедливо подчеркивалось важное значение криминалистического изучения причинно-следственных связей и закономерностей в механизме события преступления, включая его способ как инструмента познания преступной деятельности. Кроме того, такое изучение позволит устанавливать обстоятельства, способствовавшие совершению преступлений против семьи и несовершеннолетних, разрабатывать и совершенствовать криминалистические рекомендации по предупреждению рассматриваемой преступной деятельности, адресованные как правоохранительным органам, так и институтам гражданского общества, занимающимся защитой прав детей и института семьи.

В-седьмых, актуализируемые результаты криминалистического изучения и описания способов преступлений против семьи и несовершеннолетних могут использоваться для обеспечения задач их криминалистической регистрации и развития цифровых инструментов поддержки следственной деятельности. Здесь особо стоит отметить перспективные возможности использования в собирании, исследовании и поиске информации о способах преступлений рассматриваемой группы современных компьютерных (цифровых) технологий, включая техноло-

гии искусственного интеллекта, разработка которых ведется ускоренными темпами, в том числе в России.

Опираясь на мнения ученых-криминалистов, рассматривающих задачи и возможности использования таких технологий в криминалистической деятельности (Д.В. Бахтеев, А.А. Бессонов, А.Ю. Головин, А.М. Кустов, Е.Р. Россинская и др.) [17; 18; 19, с. 25–33; 20, с. 28–31], можно прогнозировать их активное развитие и внедрение в криминалистическое обеспечение раскрытия, расследования и предупреждения преступлений против семьи и несовершеннолетних, поскольку это дает возможности оперативной обработки и использования обширных объемов различных криминалистических массивов данных (ведомственных, научных, общедоступных), дальнейшего совершенствования криминалистических учетов, повышения качества информационного взаимодействия следователей, дознавателей, оперативных сотрудников, специалистов, экспертов и других подразделений правоохранительных органов. В частности, очевидны перспективы применение цифровых технологий для изучения способов преступлений против семьи и несовершеннолетних, аккумулирования полученных данных и обеспечения возможности предоставления органам предварительного расследования ориентирующей информации о повторяемости (общих признаках) тех или иных способов (их серийности), связанных с ними преступниками, жертвах, следах и иных элементах преступной деятельности, а также других данных, которые могут быть использованы в решении криминалистических задач.

Из вышеизложенного следует, что способ преступления имеет важнейшее криминалистическое значение при исследовании преступлений отдельных групп и видов, в том числе преступлений против семьи и несовершеннолетних. Информация о способе совершения преступления позволяет установить личность преступника, определить мотивы преступления, установить обстоятельства, способствовавшие его совершению, выдвинуть версии о механизме преступления и определить круг необходимых доказательств. Анализ закономерностей и особенностей способов совершения данных преступлений, а также их взаимосвязь с личностью преступника и жертвы, обстоятельствами совершения преступления и другими факторами обладают значительным потенциалом для повышения эффективности рас-

крытия, расследования и предупреждения преступлений рассматриваемой группы.

Следует также отметить, что проведенное исследование не исчерпывает всех аспектов криминалистического значения способа совершения преступлений против семьи и несовершеннолетних. Дальнейшие исследования в данной области должны быть направлены на:

– изучение новых (высокотехнологичных) способов совершения преступлений против семьи и несовершеннолетних в контексте развития информационных технологий. В частности, анализ способов совершения преступлений в сети Интернет (кибербул-

линг, онлайн-груминг, распространение порнографии с участием несовершеннолетних и др.);

– разработку новых методов криминалистической тактики и стратегии расследования преступлений против семьи и несовершеннолетних с учетом специфики данной категории преступлений и особенностей жертв;

– совершенствование системы профилактики преступлений против семьи и несовершеннолетних на основе анализа криминалистических данных и изучения зарубежного опыта.

Список источников

1. Кудрявцев В.Н. Объективная сторона преступления. М., 1960.
2. Голунский С.А., Шавер Б.М. Криминалистика: методика расследования отдельных видов преступлений / под. ред. А.Я. Вышинского. М., 1939.
3. Белкин Р.С. Курс криминалистики: в 3 т. М., 1997. Т. 3.
4. Зуйков Г.Г. Криминалистическое учение о способе совершения преступления: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1970.
5. Кустов А.М. Криминалистическое учение о механизме преступления: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1997.
6. Жордания И.Ш. Структура и правовое значение способа совершения преступления. Тбилиси, 1977.
7. Варданыан А.В. Методологическое значение криминалистического учения о способе преступления для формирования классификации приемов по приготовлению к совершению преступлений в сфере земельных правоотношений // *Философия права*. 2013. № 4(59).
8. Челышева О.В. Понятие и криминалистическое описание способа преступления // *Криминалист*. 2008. № 2.
9. Бессонов А.А. Способ преступления как элемент его криминалистической характеристики // *Пробелы в российском законодательстве*. 2014. № 4.
10. Князьков А.С. Криминалистическая характеристика преступления в контексте его способа и механизма // *Вестник Томского государственного университета. Право*. 2011. № 1.
11. Игнатов А.Н., Пахомов С.В. Влияние качественно-пространственных особенностей местности на выбор и реализацию способа совершения преступления // *Общество и право*. 2016. № 3(57).

References

1. Kudryavtsev V.N. The objective side of the crime. Moscow, 1960.
2. Golunsky S.A., Shaver B.M. Forensic science: methods of investigating individual types of crimes / edited by A.Ya. Vyshinsky. Moscow, 1939.
3. Belkin R.S. Course in forensic science: in 3 v. Moscow, 1997. V. 3.
4. Zuikov G.G. Forensic science doctrine on the method of committing a crime: author's abstract. diss. ... Grand PhD in law. Moscow, 1970.
5. Kustov A.M. Forensic science doctrine on the mechanism of a crime: diss. ... Grand PhD in law. Moscow, 1997.
6. Zhordania I.Sh. Structure and legal significance of the method of committing a crime. Tbilisi, 1977.
7. Vardanyan A.V. Methodological significance of the forensic doctrine on the method of crime for the formation of a classification of techniques for preparing to commit crimes in the sphere of land legal relations // *Philosophiya prava*. 2013. № 4(59).
8. Chelysheva O.V. Concept and forensic description of the method of crime // *Criminalist*. 2008. № 2.
9. Bessonov A.A. Method of crime as an element of its forensic characteristics // *Gaps in Russian legislation*. 2014. № 4.
10. Knyazkov A.S. Forensic characteristics of crime in the context of its method and mechanism // *Bulletin of Tomsk State University. Law*. 2011. № 1.
11. Ignatov A.N., Pakhomov S.V. The influence of qualitative and spatial features of the terrain on the choice and implementation of the method of committing a crime // *Society and Law*. 2016. № 3(57).
12. Golovin A. Yu. Systemic tools and methods in forensic science. Tula, 2013.

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

12. Головин А.Ю. Системные средства и методы в криминалистической науке. Тула, 2013.

13. Варданыан А.В., Грибунов О.П. Современная доктрина методико-криминалистического обеспечения расследования отдельных видов преступлений // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2017. № 2(81).

14. Акиев А.Р. Задачи криминалистического прогнозирования в системе противодействия преступлениям против семьи и несовершеннолетних // Труды Академии управления МВД России. 2024. № 1(69).

15. Комаров И.М. К вопросу о распознавании криминалистических причинных связей в преступлении // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2017. № 4(30).

16. Игнатъев М.Е. Криминалистическая теория и практика установления причинно-следственных связей в расследовании преступлений: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2020.

17. Бахтеев Д.В. Концептуальные основы теории криминалистического мышления и использования систем искусственного интеллекта в расследовании преступлений: дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2022.

18. Бессонов А.А. Искусственный интеллект и математическая статистика в криминалистическом изучении преступлений. М., 2021.

19. Головин А.Ю. Технологии искусственного интеллекта в криминалистике: задачи, которые необходимо решить // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2024. № 2.

20. Россинская Е.Р. Проблемы собирания криминалистически значимой компьютерной информации при расследовании некоторых серийных преступлений и преступлений прошлых лет // Раскрытие и расследование преступлений серийных и прошлых лет: материалы Международной научно-практ. конф. (16 марта 2017 г.) / под общ. ред. А.И. Бастрыкина. М., 2017.

13. Vardanyan A.V., Gribunov O.P. Modern doctrine of methodological and forensic support for the investigation of certain types of crimes // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2017. № 2(81).

14. Akiev A.R. Tasks of forensic forecasting in the system of combating crimes against the family and minors // Works of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024. № 1(69).

15. Komarov I.M. On the issue of recognizing forensic causal relationships in a crime // Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2017. № 4(30).

16. Ignatiev M.E. Forensic theory and practice of establishing causal relationships in crime investigation: dis. ... Grand PhD in Law. Moscow, 2020.

17. Bakhteyev D.V. Conceptual foundations of the theory of forensic thinking and the use of artificial intelligence systems in crime investigation: dis. ... Grand PhD in Law. Yekaterinburg, 2022.

18. Bessonov A.A. Artificial intelligence and mathematical statistics in the forensic study of crimes. Moscow, 2021.

19. Golovin A.Yu. Artificial intelligence technologies in forensics: problems that need to be solved // Siberian criminal procedure and forensic readings. 2024. № 2.

20. Rossinskaya E.R. Problems of collecting forensically significant computer information during the investigation of some serial crimes and crimes of past years // Disclosure and investigation of serial and past crimes: materials of the International scientific and practical. conf. (March 16, 2017) / edited by A.I. Bastrykin. Moscow, 2017.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Акиев Арби Русланович, кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры криминалистики. Санкт-Петербургский университет МВД России. 198206, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилотова, 1.
ORCID: 0000-0001-6540-9606

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Akiev Arbi Ruslanovich, PhD in Law, Associate Professor, Head of the Department of Criminalistics. St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 1, Pilyutov Pilot St., St. Petersburg 198206 Russian Federation.

К ВОПРОСУ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ СТОМАТОЛОГИЧЕСКОГО СТАТУСА ДЛЯ ИДЕНТИФИКАЦИИ ЛИЧНОСТИ НЕОПОЗНАННОГО ТРУПА

Антонов Владимир Александрович

Байкальский государственный университет, Иркутск, Российская Федерация,
Vladimir21061963@list.ru

Стукалов Сергей Юрьевич

Медико-санитарная часть МВД России по Республике Адыгея, Майкоп, Российская Федерация,
sstukalov3@mvd.ru

Барсуков Сергей Сергеевич

Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Российская Федерация,
barsukov1982@yandex.ru

Введение: в статье исследуются возможности использования особенностей строения зубного аппарата для идентификации личности. Проблема идентификации неопознанных трупов является одной из наиболее актуальных в судебно-медицинской экспертизе. Стоматологический статус – совокупность врожденных и приобретенных в течение жизни уникальных особенностей строения челюстно-лицевой системы. Объекты изучения судебной стоматологии – лицевые кости черепа и их части, зубы и зубные протезы, а также медицинская документация, содержащая информацию о состоянии зубочелюстного аппарата и проведенных медицинских вмешательствах.

Материалы и методы: методологию исследования составили положения диалектики как всеобщего метода познания, эмпирико-теоретические общенаучные методы (наблюдение, описание, измерение), логико-теоретические методы (анализ, синтез, индукция, сравнение, исторический метод, системный метод), а также собственно криминалистические методы.

Результаты исследования: в статье приводятся анатомические и физиологические особенности строения зубочелюстной системы, аномалии развития зубов и зубного ряда, а также виды физиологических и патологических прикусов. Описываются основные стоматологические конструкции, которые также могут являться важнейшими идентификационными признаками. Указываются основные методы идентификации личности неопознанного трупа по стоматологическому статусу. Отмечаются достоинства данного способа идентификации и препятствия для его широкого использования.

Выводы и заключения: зубы устойчивы к процессам гниения, воздействию огня и других агрессивных факторов внешней среды, в связи с чем стоматологические методы отождествления личности являются ведущими ввиду практичности и высокой диагностической значимости. При этом идентификационные признаки подразделяются на три основные группы – анатомические, аномалии зубочелюстной системы и индивидуальные признаки, приобретенные в течение жизни.

Ключевые слова: криминалистическая идентификация, стоматологический статус, зубочелюстная система, зубной ряд, одонтоскопия, физиологический прикус, патологический прикус, ортогнатия, прогения, трема, диастема, коронки, виниры, штифто-культевые конструкции.

Для цитирования: Антонов В. А., Стукалов С. Ю., Барсуков С. С. К вопросу об использовании стоматологического статуса для идентификации личности неопознанного трупа / В. А. Антонов, С. Ю. Стукалов, С. С. Барсуков // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2025. № 1 (112). – С. 75–81.

ON THE ISSUE OF USING DENTAL STATUS TO IDENTIFY
THE IDENTITY OF AN UNIDENTIFIED CORPSE

Antonov Vladimir Alexandrovich

Baikal State University, Irkutsk, Russian Federation

Stukalov Sergey Yuryevich

Medical and Sanitary Unit of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation in the Republic of Adygea, Maykop, Russian Federation

Barsukov Sergey Sergeevich

Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Rostov-on-Don, Russian Federation

Introduction: the article examines the possibilities of using the structural features of the dental apparatus for personal identification. The problem of identifying unidentified corpses is one of the most pressing in forensic medical examination. Dental status is a set of congenital and acquired during life unique structural features of the maxillofacial system. The objects of study of forensic dentistry are the facial bones of the skull and their parts, teeth and dentures, as well as medical documentation containing information on the state of the dental apparatus and medical interventions performed.

Materials and methods: the research methodology consisted of the provisions of dialectics as a general method of cognition, empirical-theoretical general scientific methods (observation, description, measurement), logical-theoretical methods (analysis, synthesis, induction, comparison, historical method, systems method), as well as forensic methods proper.

Results of the study: the article presents the anatomical and physiological features of the structure of the dental system, anomalies in the development of teeth and dentition, as well as types of physiological and pathological bites. The main dental structures are described, which can also be the most important identification features. The main methods of identifying an unidentified corpse by dental status are indicated. The advantages of this method of identification and obstacles to its widespread use are noted.

Findings and conclusions: teeth are resistant to rotting processes, exposure to fire and other aggressive environmental factors, and therefore dental identification methods are leading due to their practicality and high diagnostic significance. At the same time, identification features are divided into three main groups – anatomical, anomalies of the maxillary system and individual signs acquired during life.

Keywords: forensic identification, dental status, dental system, dentition, odontoscopy, physiological bite, pathological bite, orthognathia, progenia, trema, diastema, crowns, veneers, pin-and-stump structures.

For citation: Antonov V. A., Stukalov S. Yu., Barsukov S. S. On the issue of using dental status to identify the identity of an unidentified corpse / V. A. Antonov, S. Yu. Stukalov, S. S. Barsukov // *Philosophiya prava : scientific-theoretical journal*. Rostov-on-Don. 2025. № 1 (112). – Pp. 75–81.

Проблема идентификации неопознанных трупов, а также их отдельных частей и костных останков является одной из наиболее актуальных в судебно-медицинской экспертизе в связи с увеличением числа крупных катастроф, террористических актов, военных конфликтов и других событий подобного рода, связанных с массовой гибелью людей. В результате активной эксплуатации автомобильного, авиационного и железнодорожного транспорта происходят чрезвычайные ситуации, приводящие к многочисленным человеческим жертвам со значительным раз-

рушением тел [1, с. 29–33]. Также необходимо отметить ключевое значение результатов идентификации неопознанного трупа при расследовании насильственных преступлений, сопровождающихся попытками сокрытия следов.

Все существующие на данный момент методы решения вопроса идентификации личности неопознанного трупа можно разделить на две группы: методы предварительной идентификации, основанные на изучении и опознании предметов и вещей, обнаруженных на месте происшествия, и методы

анализа и сравнения идентификационных признаков, являющихся уникальными для каждого конкретного человека [2, с. 73–77].

Методы первой группы не являются надежными, т. к. находятся в зависимости от субъективности восприятия, что может стать причиной ошибочных выводов. Методы второй группы отличаются высокой степенью объективности, к ним в первую очередь необходимо отнести молекулярно-генетическую идентификацию [3, с. 169–175; 4, с. 52–57], идентификацию по дактилоскопическим данным, а также идентификацию по стоматологическому статусу [5, с. 180–184].

Зубочелюстная система – совокупность анатомически объединенных органов, взаимодействующих между собой и принимающих участие в выполнении пищеварительной, дыхательной и речеобразующей функции. Зубы – органы ротовой полости, служащие для первичной механической обработки пищи. У зуба различают следующие

анатомические части: коронку, утолщенную часть, выступающую из зубной альвеолы (лунки); корень – часть, находящуюся внутри альвеолы; шейку – суженную часть между коронкой и корнем. Для описания особенностей рельефа и локализации патологических процессов выделяют следующие поверхности коронки – закрытая, вестибулярная (лицевая), лингвальная (язычная), контактная [6].

Полость, располагающаяся внутри зуба, заполнена волокнистой соединительной тканью с сосудами и нервами (пульпа). Основа зуба – твердая ткань, которая называется дентин. В области коронки дентин покрыт эмалью, а в области корня – цементом. Эмаль – наиболее твердая ткань тела человека, с высоким содержанием минеральных солей. Цемент по своему строению сходен с костной тканью, при этом не содержит сосудов, вследствие чего не подвержен преобразованиям (рис. 1).

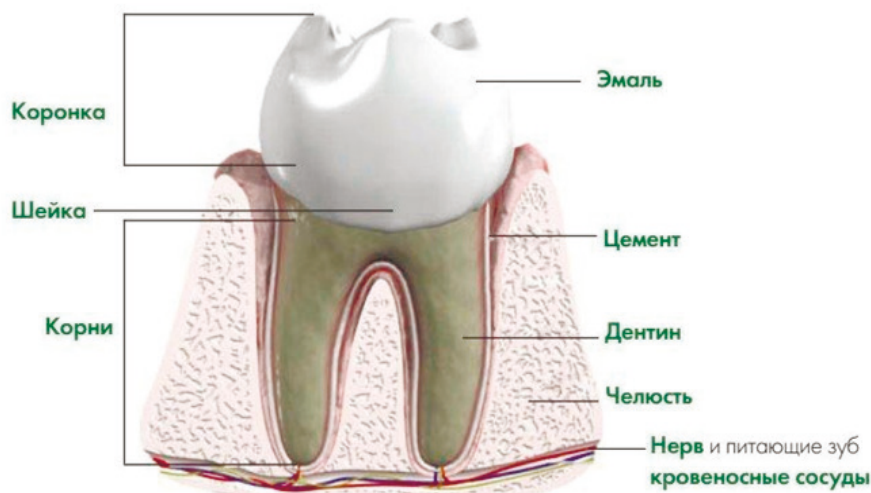

Рис. 1. Строение зуба

Выступающие коронки образуют зубные дуги (ряды) – верхнюю и нижнюю. Каждая их дуг взрослого человека в норме содержит по 16 зубов: четыре резца, два клыка, четыре малых коренных зуба (премоляра), шесть больших коренных зубов (моляров). Расположение зубов фиксируется зубной формулой. При обследовании отсутствующие зубы в формуле прочеркивают, требующие лечения – обводят кружком. Индивидуальность зубного ряда также определяется его формой. Существуют аномальные формы зубных рядов – V-образная, трапециевидная, седловидная, асимметричная, общесуженная, общерасширенная.

При визуальном изучении и описании

особенностей строения зуба (одонтоскопии) отмечают следующие индивидуальные особенности в нескольких нормах: форма структур, наличие и количество морфологических образований (валиков, бугорков жевательной поверхности, гребешков, борозд, ямок), их качественные характеристики, пространственные расположения образований и т. д.

В течение жизни происходит постепенное изнашивание зубов, называемое стертостью, которая зависит от возраста, принимаемой пищи и индивидуальных особенностей строения зубов. Стертость определяется в баллах от 0 до 6 по М.М. Герасимову. По стертости в совокупности с другими признаками износа

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

зубов определяют примерный возраст человека. С годами также меняется цвет эмали в связи с пропитыванием зубных тканей пигментами, сглаживается характерный микрорельеф эмали, образуются сколы.

Коронки мужских и женских резцов несколько различаются по размерам, однако данные гендерные различия не превышают физиологического разброса. Тем не менее существуют таблицы, содержащие данные одонтометрии постоянных зубов у лиц мужского и женского пола [7].

Рассмотрим основные нарушения развития зубов. Гипердентия наблюдается, как правило, во фронтальном отделе, реже – в

области моляров и премоляров. Сверхкомплектные зубы обычно развиваются вне зубной дуги. При гиподентии наиболее часто отсутствуют третьи моляры, вторые премоляры и постоянные латеральные резцы. Наиболее распространенными среди аномалий положения зубов являются смещения одного или нескольких зубов из зубного ряда в сторону неба или в преддверие рта. К аномалиям величины зубов относят макродентию и микродентию. Также существуют аномалии формы анатомических частей или всего зуба в целом. Различают шиповидные (рис. 2), конусовидные, кубовидные зубы.

Рис. 2. Макродентия, микродентия, шиповидные зубы

Тремы – межзубные промежутки более двух миллиметров. Они могут находиться в любых отделах, однако наиболее часто встречаются между верхними резцами (диастема). Истинные тремы и диастемы наблюдаются при полном зубном ряде. Существуют и различные нарушения образования дентина, эмали, цемента, пульпы, тканей парадонта.

Прикус – соотношение верхнего и нижнего зубных рядов при смыкании челюстей. Различают физиологические прикусы, когда процесс жевания, речь и форма лица не нарушены, и патологические. Постоянный прикус формируется к 12–14 годам. На рис. 3 изображены следующие виды физиологических прикусов: прямой, ортогнатия, прогения, бипрогнатия.

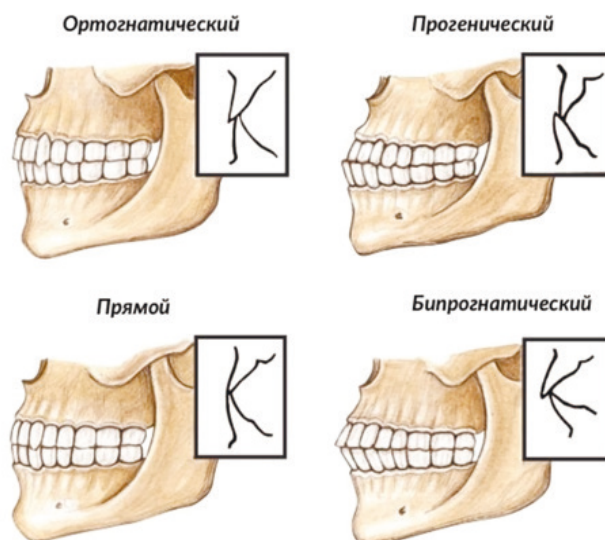

Рис. 3. Виды нормального физиологического прикуса

При прямом прикусе режущие края верхних и нижних резцов соприкасаются. Ортогнатия – прикус, при котором зубы верхней челюсти значительно перекрывают зубы нижней челюсти.

Прогения характеризуется обратными отношениями. В случае бипрогнатии происходит наклон вперед как верхних, так и нижних зубов, при этом верхние перекрывают нижние.

К патологическим прикусам относят выраженные степени прогнатии и прогении, а также закрытый, открытый и перекрестный прикусы (рис. 4). Закрытый (глубокий) прикус устанавливают в том случае, когда верхние резцы полностью закрывают нижние.

Открытый прикус (прямой или боковой) характеризуется отсутствием контакта между зубами. При перекрестном прикусе происходит пересечение зубных рядов при смыкании челюстей.

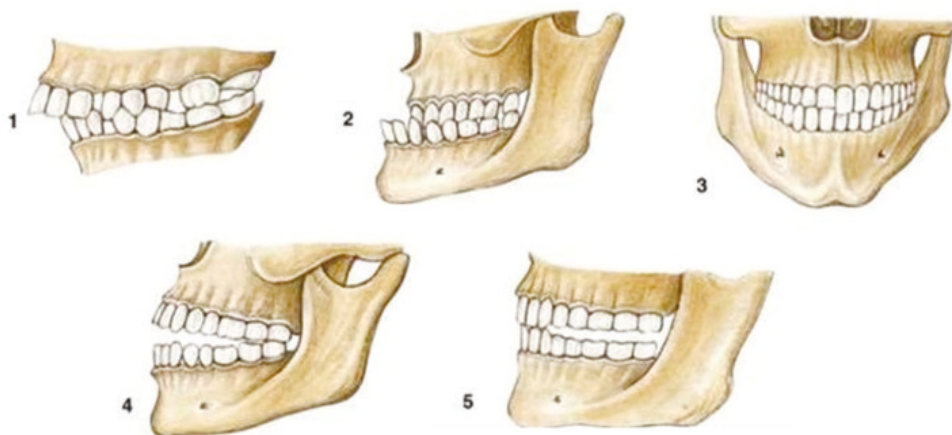

Рис. 4. Виды патологического прикуса: 1 – значительная степень прогнатии; 2 – значительная степень прогении, 3 – перекрестный прикус; 4 – открытый прикус (прямой); 5 – открытый прикус (боковой)

Одним из наиболее распространенных способов решения проблем нарушений целостности зубов, вызванных заболеваниями и травмами, является пломбирование. Современные виды пломб различаются по материалу, используемому для их изготовления: цементные (минеральные и полимерные), пластмассовые (акриловые и эпоксидные), керамические, композитные, фотополимерные.

Для восстановления внешнего вида, эстетики потерянных зубов, жевательной и речевой функции, сохранения оставшихся зубов, предупреждения деформаций челюстей и височно-челюстных суставов используются разнообразные стоматологические конструкции.

Дентальная имплантация заключается в установке в костную ткань искусственной опоры, на которой крепится искусственный зуб. Каждая имплантационная система имеет свои особенности формы, размера, состава используемого материала и технологии установки. Помимо внутрикостных существуют конструкции, устанавливаемые непосредственно в полости рта – коронки, виниры, штифто-культевые конструкции, протезы, брекет-системы, которые также различаются материалами изготовления и способом установки.

Коронка – наиболее распространенный вид несъемной ортопедической конструкции, который полностью покрывает поверх-

ность зуба. Виниры – керамические накладки, устанавливаемые на фронтальной группе зубов, выполняющие исключительно эстетическую функцию. Штифтово-культевые конструкции устанавливают под коронку при наличии серьезных дефектов твердых тканей зуба. Съемные и частично съемные протезы используют при полном или частичном отсутствии зубов, как правило, пожилые люди.

Стоматологические конструкции, обнаруженные в ходе осмотра неопознанного трупа, имеют важное значение для его идентификации. Качественные прижизненные рентгенограммы, результаты компьютерной томографии зубов, челюсти и окружающих тканей содержат необходимую информацию о наличии, особенностях расположения и форме имплантатов, ортодонтических и ортопедических конструкций.

Таким образом, можно выделить три основные группы идентификационных признаков: анатомические (особенности формы зубов и их анатомических частей, прикуса), аномалии зубочелюстной системы, а также индивидуальные признаки, полученные в течение жизни, в том числе в результате терапевтического, хирургического и ортопедического лечения. При этом значимость для идентификации каждого из признаков обратно пропорциональна частоте его встречаемости.

В процессе судебно-стоматологической

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

идентификации происходит посмертный анализ имеющихся в распоряжении останков (зубов, челюстно-лицевых костей), изучение прижизненных признаков на основании фотографий, рентгеновских снимков и другой медицинской документации предполагаемого лица, а также сравнительное исследование и формулировка суждений о наличии или отсутствия тождества.

Идентификация личности неопознанного трупа по стоматологическому статусу проводится следующими основными методами: сравнительное исследование передних зубов трупа с изображениями зубов на прижизненных фотографиях предполагаемого лица; сравнительное исследование рентгенограммы челюстно-лицевого аппарата трупа и прижизненной рентгенограммы предполагаемого лица, сравнение посмертного стоматологического статуса с прижизненным, зафиксированным в медицинской документации. Первый метод используется при наличии фотографии, выполненной при жизни, с изображением лица с приоткрытым ртом (необходимо, чтобы были видны передние зубы). Сравнение с посмертной фотографией, выполненной в том же масштабе и ракурсе, проводится с использованием репеража, метода скольжения и метода наложения. Аналогично во втором случае посмертная рентгенограмма проводится в той же проекции и с такого же расстояния, что и прижизненная.

Ключевым обстоятельством для успешной идентификации по стоматологическому статусу является наличие корректно заполненной медицинской документации. На практике нередко отмечается несоответствие реальных особенностей состояния зубочелюстной системы человека с данными, указанными в медицинской карте стоматоло-

логического пациента, к заполнению которой у некоторых специалистов присутствует формальное отношение, в особенности при профилактических приемах. Информация об особенностях стоматологического статуса содержится в многочисленных медицинских учреждениях, в том числе в частных стоматологических кабинетах. Необходимые данные могут находиться сразу в нескольких учреждениях, при этом наиболее полную информацию можно обнаружить по месту последнего обращения.

Зубы устойчивы к процессам гниения, воздействию огня и других агрессивных факторов внешней среды. Зачастую при работе с телами и их частями, которые подверглись поздним трупным изменениям, стоматологические методы отождествления личности являются ведущими ввиду практичности, экономичности и высокой диагностической значимости. При этом в некоторых случаях данные методы являются единственно возможными. Также в случаях обгорания трупа и при значительных дефектах зубного ряда особое значение приобретает исследование рельефа твердого неба [8, с. 45–46].

Комплексное судебно-медицинское исследование стоматологического статуса в совокупности с другими данными играет ключевую роль в уточнении возраста, половой, профессиональной принадлежности человека. Также по структуре зубов можно предположить расово-этническое происхождение индивида [9, с. 48–50].

Ключевая проблема судебно-стоматологической идентификации состоит в отсутствии единой базы, содержащей информацию о стоматологическом статусе пациентов. Выходом из данной ситуации представляется создание единого электронного банка данных.

Список источников

1. Пашина Г.А. Судебная стоматология – новый самостоятельный раздел судебной медицины // Судебно-медицинская экспертиза. 2008. № 1. Т. 51.
2. Дусева Н.Ю. Возможности идентификации личности неопознанных трупов по дентальным имплантатам, ортопедическим и ортодонтическим конструкциям // Общество: политика, экономика, право. 2022. № 2(103).
3. Попов В.В. Идентификация личности молекулярно-генетическими методами // Юрист-Правовед. 2018. № 3(86).
4. Варданян А.В. Интеграция методов ДНК-анализа в криминалистику в контексте

References

1. Pashinyan G.A. Forensic dentistry – a new independent section of forensic medicine // Forensic medical examination. 2008. № 1. V. 51.
2. Duseva N.Yu. Possibilities of identification of the personality of unidentified corpses by dental implants, orthopedic and orthodontic structures // Society: politics, economics, law. 2022. № 2 (103).
3. Popov V.V. Identification of personality by molecular genetic methods // Jurist-Pravoved. 2018. № 3 (86).
4. Vardanyan A.V. Integration of DNA analysis methods in forensics in the context of modern trends in the evolution of scientific

современных тенденций эволюции научного знания // Фундаментальные и прикладные исследования в сфере судебно-экспертной деятельности и ДНК-регистрации населения Российской Федерации: Материалы Всероссийской научно-практ. конф. с международным участием (17–18 октября 2019 г.). Уфа, 2019.

5. Шатов Д.В. К вопросу о возможностях стоматологической идентификации // Юристъ-Правоведъ. 2021. № 4(99).

6. Гайворонский И.В., Петрова Т.Б. Анатомия зубов человека: уч. пособие. СПб., 2005.

7. Судебная стоматология: определение пола. URL: https://studme.org/353611/meditsina/opredelenie_pola?ysclid=lrtakcj259504134448 (дата обращения: 30.12.2024).

8. Манин А.И. Современные возможности идентификации личности по стоматологическому статусу // Проблемы экспертизы в медицине. 2014. № 1(53). Т. 14.

9. Яценко С.В. К вопросу об использовании особенностей строения зубного аппарата для идентификации личности // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2015. № 3(29).

10. Варданыан А.В. Судебная экспертиза в структуре доказательств по уголовным делам: некоторые современные проблемы // Философия права. 2019. № 2(89).

knowledge // Fundamental and applied research in the field of forensic activities and DNA registration of the population of the Russian Federation: Proceedings of the All-Russian scientific and practical. conf. with international participation (October 17-18, 2019). Ufa, 2019.

5. Shatov D.V. On the Possibilities of Dental Identification // Jurist-Pravoved. 2021. № 4 (99).

6. Gaivoronsky I.V., Petrova T.B. Anatomy of Human Teeth: teaching aid. St. Petersburg, 2005.

7. Forensic Dentistry: Determination of Gender. URL: https://studme.org/353611/meditsina/opredelenie_pola?ysclid=lrtakcj259504134448 (date of access: 30.12.2024).

8. Manin A.I. Modern Possibilities of Personal Identification by Dental Status // Problems of Expertise in Medicine. 2014. № 1(53). V. 14.

9. Yatsenko S.V. On the issue of using the structural features of the dental apparatus for personal identification // Bulletin of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2015. № 3(29).

10. Vardanyan A.V. Forensic examination in the structure of evidence in criminal cases: some modern problems // Filosofiya Prava. 2019. № 2(89).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Антонов Владимир Александрович, кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики, судебных экспертиз и юридической психологии. Байкальский государственный университет. 664003, Российская Федерация, г. Иркутск, ул. Ленина, 11.

Стукалов Сергей Юрьевич, кандидат философских наук, начальник Медико-санитарной части МВД России по Республике Адыгея. 385006, Российская Федерация, г. Майкоп, ул. Строителей, 16.

Барсуков Сергей Сергеевич, старший преподаватель кафедры криминалистики и оперативно-разыскной деятельности. Ростовский юридический институт МВД России. 344015, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Antonov Vladimir Alexandrovich, PhD in Law, Associate Professor of the Department of Criminalistics, Forensic Expertise and Legal Psychology. Baikal State University. 11, Lenin St., Irkutsk 664003 Russian Federation.

Stukalov Sergey Yuryevich, PhD in Philosophy, Head of the Medical and Sanitary Unit of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation in the Republic of Adygea. 16, Stroiteley St., Maykop 385006 Russian Federation.

Barsukov Sergey Sergeevich, senior lecturer at the Department of Criminology and Operational Investigative Activities. Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 83, Eremenko St., Rostov-on-Don 344015, Russian Federation.

ОБ ОТДЕЛЬНЫХ АСПЕКТАХ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОКУРОРАМИ ПОЛНОМОЧИЙ
В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ

Бабенко Светлана Владимировна

Ростовский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), Ростов-на-Дону, Российская Федерация, babenkoosokina@yandex.ru

Тишкин Дмитрий Николаевич

Волгодонский филиал Ростовского юридического института МВД России, Волгодонск, Российская Федерация, dntishkin@list.ru

Кучерова Екатерина Петровна

Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Российская Федерация, ku4erova034@yandex.ru

Введение: в статье рассматриваются основные направления прокурорского надзора за исполнением законодательства о противодействии коррупции.

Материалы и методы: в статье использованы логический метод научного познания, статистический, формально-юридический, а также метод анализа и синтеза.

Результаты исследования: актуализирована необходимость усиления прокурорского надзора за исполнением федерального законодательства в сфере реализации ключевых направлений государственной антикоррупционной политики.

Выводы и заключения: опираясь на анализ отечественной правоприменительной практики, предложены некоторые корректировки в законодательство, позволяющие повысить эффективность и результативность деятельности надзорного ведомства в исследуемой сфере.

Ключевые слова: национальная безопасность, субъекты политического управления, организованная преступность, коррупция, противодействие коррупционным проявлениям, деятельность органов прокуратуры, прокурорский надзор, полномочия прокурора.

Для цитирования: Бабенко С. В., Тишкин Д. Н., Кучерова Е. П. Об отдельных аспектах реализации прокурорами полномочий в сфере противодействия коррупции / С. В. Бабенко, Д. Н. Тишкин, Е. П. Кучерова // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2025. № 1 (112). – С. 82–87.

Original paper

ON CERTAIN ASPECTS OF THE IMPLEMENTATION OF PROSECUTORS' POWERS
IN THE FIELD OF ANTI-CORRUPTION

Babenko Svetlana Vladimirovna

Rostov Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia), Rostov-on-Don, Russian Federation

Tishkin Dmitry Nikolaevich

Volgodonsk branch of the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Volgodonsk, Russian Federation

Kucheroва Ekaterina Petrovna

Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Volgograd, Russian Federation

Introduction: the article examines the main areas of prosecutorial supervision over the implementation of anti-corruption legislation.

Materials and methods: the article uses the logical method of scientific knowledge, statistical, formal-legal, as well as the method of analysis and synthesis.

Results of the study: the need to strengthen prosecutorial supervision over the implementation of federal legislation in the sphere of implementing key areas of state anti-corruption policy has been updated.

Findings and conclusions: based on the analysis of domestic law enforcement practice, some adjustments to the legislation are proposed to improve the efficiency and effectiveness of the supervisory agency in the area under study.

Keywords: national security, subjects of political governance, organized crime, corruption, counteracting corruption, activities of prosecutorial authorities, prosecutorial supervision, prosecutor's powers.

For citation: Babenko S. V., Tishkin D. N., Kucherova E. P. On certain aspects of the implementation of prosecutors' powers in the field of anti-corruption / S. V. Babenko, D. N. Tishkin, E. P. Kucherova // *Philosophiya prava : scientific-theoretical journal. Rostov-on-Don. 2025. № 1 (112).* – Pp. 82–87.

Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, утвержденная Указом Президента РФ от 02.07.2021 № 400¹, особое внимание уделяет устранению причин и условий, порождающих коррупцию, препятствующую реализации стратегических национальных проектов и служащую, по мнению многих исследователей, фундаментальной основой распространения множественных форм организованной преступности [1; 2], одновременно актуализируя «нарастающую тенденцию антиэтичностного масштаба организованно-преступной деятельности, проникшей на различные уровни государственного управления» [3, с. 139]. В этих целях реализация Национальной стратегии противодействия коррупции позволит не только сформировать в обществе атмосферу непримиримости названного негативного явления, но и повысить уровень ответственности за коррупционные преступления и совершенствовать правоприменительную практику в указанной сфере.

Прокурорский надзор за исполнением законов о противодействии коррупции с учетом широты предоставленных прокурорам полномочий и масштабов работы в указанном направлении следует рассматривать как основную меру профилактики проявлений коррупционной составляющей.

Нарушения антикоррупционного законодательства выявляются в ходе проведения проверок, оценке и результатов в виде принятия мер реагирования при реализации надзорных полномочий, предусмотренных Федеральным законом от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 2202-1)². По данным Генпрокуратуры России, за 2022 г.

в экономической сфере сотрудниками прокуратуры выявлено более 967 тыс. нарушений, в целях их устранения внесено более чем 249 тыс. представлений, в суды направлено около 60 тыс. исков, в порядке п. 2 ч. 2 ст. 37 УПК РФ в органы расследования направлено свыше 7 тыс. материалов для решения вопроса об уголовном преследовании³.

Так, практика прокурорских проверок свидетельствует о том, что по большей части коррупционные нарушения допускаются при распоряжении бюджетными средствами и госимуществом при осуществлении закупок и при предоставлении государственных (муниципальных) услуг, что позволяет выделить названную сферу надзора как одно из основных направлений деятельности прокуроров, осуществляющих надзор за исполнением законов о контроле за соответствием доходов и расходов государственных и муниципальных служащих. Базируясь на изложенных фактах, необходимо сделать акцент на том, что с момента предоставления Федерального законом от 03.12.2012 № 230-ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» (далее – Федеральный закон № 230-ФЗ) соответствующих полномочий, только за 9 месяцев 2023 г. суды удовлетворили иски прокуроров об изъятии у чиновников незаконного нажитого имущества более чем на 220 млрд руб.⁴.

В интервью СМИ в декабре 2023 г. Генпрокурор России И.В. Краснов в качестве примера привел вопиющий факт незаконной деятельности чиновника одного из управлений ФПС России, который в течение длительного времени, занимаясь организацией тушения пожаров, стал владельцем 34

¹ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400. URL: <https://base.garant.ru/401425792/> (дата обращения: 05.11.2024).

² О прокуратуре Российской Федерации: федер. закон от 17.01.1992 № 2202-1 (с изменениями и дополнениями). URL: <https://base.garant.ru/10164358/> (дата обращения: 05.11.2024).

³ Статданные Генпрокуратуры России об основных показателях деятельности органов прокуратуры за 12 мес. 2022 г. и Судебная практика по гражданским делам. URL: <https://genproc.gov.ru/stat/data/1888262/> (дата обращения: 05.11.2024).

⁴ Генпрокурор Краснов: У коррупционеров в 2023 г. изъято имущества на 220 млрд руб. URL: <https://rg.ru/2023/12/09/genprokuror-krasnov-u-korrupcionerov-v-2023-godu-izyato-imushchestva-na-220-mlrd-rublej.html?ysclid> (дата обращения: 05.11.2024).

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

объектов недвижимости: жилых домов, земельных участков, коммерческих помещений и квартир в Барнауле и Сочи. Указанные объекты, а также семь автомобилей премиум-класса было приобретено на доходы, которые он не смог подтвердить. Прокуратурой было предъявлено исковое заявление об обращении всего указанного имущества, общая стоимость которого превысила 400 млн руб., в доход государства⁵.

Уже в марте 2024 г. И.В. Краснов огласил СМИ следующую информацию: «Всего в 2023 г. суды удовлетворили иски прокуратуры на 400 млрд руб., большую часть этих средств уже взыскали в госбюджет. Среди изъятого имущества – 4 000 объектов недвижимости, автомобилей и иной дорогостоящей собственности, приобретенной на неподтвержденные доходы. Выявлено почти 50 000 чиновников, нарушающих антикоррупционные запреты. 560 должностных лиц были уволены в связи с утратой доверия»⁶.

Еще одним примером, свидетельствующим об эффективности прокурорских проверок, является гражданское дело по иску прокурора края об обращении в доход РФ денежных средств, эквивалентных стоимости имущества, в отношении которого госслужащим не представлено сведений, подтверждающих его приобретение на законные доходы. Так, в ходе проверки достоверности и полноты представленных начальником отдела дознания ОП УМВД РФ г. Краснодара сведений факт приобретения земельных участков, жилых домов и квартир свидетельствует о несоответствии расходов госслужащим по приобретению этих объектов общему доходу ее и ее несовершеннолетних детей за три предшествующих года. Вывод прокурора о неподтверждении законности источников получения денежных средств в размере 4 622 770,11 руб. послужил основанием для обращения в суд. Решением суда исковые требования прокурора удовлетворены в полном объеме⁷.

Активно развивающееся законодательство и формирование правоприменительной практики в сфере противодействия коррупции вызвали необходимость постоянно корректировать поставленные перед органами

прокуратуры задачи, расширяя полномочия и функции прокуроров в этой сфере.

Одной из наиболее эффективных мер профилактики коррупционных практик стало возложение на прокуроров полномочий по проведению антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов (далее – НПА) и их проектов, правовые и организационные основы которой установлены Федеральным законом от 17.07.2009 № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» (далее – Федеральный закон № 172-ФЗ)⁸. Анализ деятельности органов прокуратуры в указанной сфере свидетельствует о наличии в действующих и принимаемых НПА на всех уровнях норм, формулировки которых допускают возможность к злоупотреблению полномочиями. В данном случае речь идет и о противоречивости норм, и о неопределенности используемых терминов, и о создании искусственных барьеров, создающих благоприятные условия для проявления коррупции. Поэтому «проверка НПА и их проектов, являясь одним из ключевых направлений антикоррупционной деятельности прокуроров, ориентирована в первую очередь на исключение коррупциогенных факторов из НПА, регулирующих наиболее значимые сферы (расходование бюджетных средств, защита социальных прав граждан, природопользование, поддержка предпринимательства, промышленная безопасность и др.)» [4].

В целях совершенствования организации прокурорской деятельности исследуется и изучается общественное мнение, которое выступает объективным индикатором оценки результативности антикоррупционной работы прокуроров.

Вместе с тем при реализации прокурором полномочий по проведению антикоррупционной экспертизы НПА и их проектов существует ряд проблем, требующих корректировки законодательства, регламентирующего указанную сферу деятельности прокурора. В первую очередь к числу основных проблем необходимо отнести проблему, которая связана с несовершенством Методики проведения антикоррупционной

⁵ Там же.

⁶ Суды изъяли у чиновников-взяточников имущество на 400 млрд руб. в 2023 г. URL: <https://pravo.ru/news/252252/> (дата обращения: 05.11.2024).

⁷ Определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 18.06.2020 по делу №88-6624/2020, 2-4418/2019. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?searchFilters=&BASENODE=g4&bases=&req=dos&cacheid=F13054327094FC90C3A10E8795F16FE3&mode=backrefs&base=KSOJ004&n=11347&rnd=qGD25A#ckzreRUlnDmKbYS> (дата обращения: 05.11.2024).

⁸ Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов: федер. закон от 17.07.2009 № 172-ФЗ (с изменениями и дополнениями). URL: <https://base.garant.ru/195958/> (дата обращения: 05.11.2024).

экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов⁹. Суть названной Методики сводится к проверке НПА на предмет наличия в них коррупционных факторов, т. е. каких-либо возможностей произрастания (продуцирования) в будущем причин коррупции и (или) способов ее осуществления.

Анализ положений, содержащихся в п. 3 и 4 этой Методики, позволяет прийти к выводу о наличии в ней лишь исчерпывающего перечня коррупционных факторов, тогда как этот документ должен содержать и иные составные элементы, совокупность которых способствовала бы целесообразности и эффективности проведения антикоррупционной экспертизы (например, цели, задачи, принципы, основные практические наработки и рекомендации с указанием ранее допускаемых ошибок и неточностей, которых следовало бы избегать в будущем, и т. д.). Оценочный характер выводов о наличии в НПА коррупционных факторов, которые основаны на предположениях о «возможных коррупционных проявлениях» в будущем, является одной из причин отказа в удовлетворении требований прокурора при отстаивании своей позиции в суде.

Таким образом, в целях повышения эффективности прокурорского надзора, полагаем необходимым предусмотреть в Федеральном законе № 172-ФЗ исчерпывающий перечень критериев отнесения структурных элементов НПА к коррупционным, а также наряду с внесением требования и обжалованием в суд предусмотреть использование прокурором такой меры реагирования, как принесение протеста на противоречащий закону НПА. Отметим, что в Федеральном законе № 2202-1¹⁰ вообще отсутствует упоминание о «требовании» как о мере прокурорского реагирования. Так, в ст. 6 названного закона закреплена обязательность исполнения требований прокурора, вытекающих из его полномочий, которые предусмотрены, в частности, в ст. 9.1, но эта обязательность сводится только к обязательности рассмотреть требование прокурора,

а не к обязательности должностного лица изменить или отменить НПА, содержащий коррупционные факторы.

Полагаем также необходимым внести корректировки в п. 2 ч. 1 ст. 2 Федерального закона № 230-ФЗ¹¹, расширив круг субъектов, к числу которых необходимо отнести не только супруга (супругов) и несовершеннолетних детей лиц, которые замещают должности, указанные в п. 1 ч. 1 названной статьи Закона, но и иных членов семьи госслужащего в целях проверки законности полученных ими доходов, и о соответствии доходам, расходов. Отметим также, что факты коррупции, выявленные в том числе прокурорами, явились поводом для возбуждения уголовных дел, по результатам расследования которых более 10 тыс. коррупционеров привлечены к уголовной ответственности¹². Так, «решением районного суда за совершение восьми эпизодов коррупционных преступных деяний осуждена директор районного фонда поддержки малого и среднего предпринимательства, которая присвоила денежные средства фонда в размере 12 млн руб.»¹³

В течение 2023 г. ущерб от совершенных преступлений коррупционной направленности составил 31 млн руб. и был возмещен в ходе предварительного расследования в размере 11 млн руб., наложен арест на имущество обвиняемых и подозреваемых на сумму более 71 млн руб., у фигурантов уголовных дел изъяты деньги и ценности на сумму 7 млн руб., что обеспечит возмещение вреда, причиненного преступлениями. Кроме того, органами прокуратуры в рамках гражданского и уголовного судопроизводства на основании 8 исков инициировано взыскание ущерба, причиненного актами коррупции, на сумму более 335 млн руб.¹⁴

Рассматривая коррупцирование должностных лиц через призму триединой системы способа совершения преступления, можно сказать, что оно относится к тактическим и спланированным преступлениям, все чаще совершаемым в составе организованных групп. Одним из особых рисков трансформации тактических преступлений является

⁹ Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов: постановление Правительства РФ от 26.02.2010 № 96 (с изменениями и дополнениями). URL: <https://base.garant.ru/197633/> (дата обращения: 05.11.2024).

¹⁰ О прокуратуре Российской Федерации. Указ. соч.

¹¹ О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам: федер. закон от 03.12.2012 № 230-ФЗ (с изменениями и дополнениями). URL: <https://base.garant.ru/70271682/> (дата обращения: 05.11.2024).

¹² Генпрокурор Краснояр: У коррупционеров в 2023 г. изъято имущества на 220 млрд рублей. Указ. соч.

¹³ Статданные Генпрокуратуры России об основных показателях деятельности органов прокуратуры за 12 мес. 2022 г. и Судебная практика по гражданским делам. Указ. соч.

¹⁴ Подведены предварительные итоги результатов работы органов прокуратуры и правоохранительных органов в 2023 г. в сфере противодействия коррупции. URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_sibfo/mass-media/news/news-regional?item=92071282 (дата обращения: 05.11.2024).

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

возможность того, что организованные преступные группы будут уделять больше внимания формированию коррупционных отношений с государственными должностными лицами в целях получения информации, которая сводит к минимуму риск обнаружения и уголовного преследования.

Кроме того, множественные исследования ученых-практиков показали и доказали, что коррупция является ключевым инструментом в арсенале организованных преступных группировок [5; 6; 7]. Организованная преступность и коррупция в России, как серьезная угроза стабильности экономико-политического сегмента, стали поводом для принятия мер, направленных на регулирование отраслей, способствующих преступному поведению, а также упрощению выявления лиц и фактов совершения преступления. Одной из таких мер является введение 03.12.2012 Федеральным законом «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона № 230-ФЗ ст. 13.3 в Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ¹⁵, из положений которой следует, что организации в зависимости от специфики деятельности юридических лиц и государственных органов на основании Методических рекомендаций обязаны разрабатывать и принимать меры по предупреждению и противодействию коррупции.

Эффективным инструментом в борьбе с коррупцией является привлечение к административной ответственности по ст. 19.28 КоАП РФ за незаконное вознаграждение от имени юридического лица. В 2023 г. судами общей юрисдикции было рассмотрено 652 дела за совершение правонарушений, которые в основном выражались в осуществлении таких действий (бездействие), как, например, предоставление преимуществ в ходе разрешительных процедур, содействие в заключении различных договоров, в том числе гос. контрактов, подписание актов приемки выполненных работ по договорам, неприме-

нение мер принудительного исполнения¹⁶.

Сотрудничавшим с коррупционером фирмам назначаются крупные штрафы. В результате принятых прокурорами мер сумма административных штрафов за такого рода коррупционные правонарушения ежегодно возрастает. В то же время взыскиваемость штрафов остается пока на низком уровне, и основной причиной является неплатежеспособность должников к моменту исполнения судебного решения в результате умышленной и целенаправленной ликвидации юридических лиц. Вышеизложенное с учетом роста и масштабов коррупционных преступлений позволяет согласиться с авторами, по мнению которых сегодня как никогда назрела необходимость внедрения в отечественное законодательство уголовной ответственности юридических лиц за коррупционные преступления.

В целях совершенствования механизма уголовного судопроизводства «п. 2 ч. 2 ст. 37 УПК РФ целесообразно было бы изложить в редакции, предусматривающей полномочия прокурора выносить постановление о возбуждении уголовного дела по фактам выявленных им нарушений уголовного закона» [8, с. 39–41]. В целях преодоления несогласованности следует исключить из ч. 1 ст. 140 УПК РФ п. 4.

С позиции субъектов политического управления вышеуказанные предложения по корректировке законодательства позволяют реализовать меры тактического характера, а для реализации всего спектра мероприятий профилактического (упреждающего) характера необходим комплекс политико-правовых решений стратегического уровня: «устранение антагонизма между социумом и элитой на платформе легитимизированной государственной идеи, сопровождаемое реактивными процессами в экономике и промышленности» [9, с. 80], тем самым лишая коррупционные процессы их базиса.

Список источников

1. Овчинский В.С. Мафия: новые мировые тенденции. М., 2016.
2. Куракин А.В., Сухаренко А.Н. Современные уголовно-правовые средства нейтрализации угроз экономической безопасности России // Российская юстиция. 2020. № 11.

¹⁵ О противодействии коррупции. Указ. соч.

¹⁶ Судебная статистика. Административные правонарушения (показатели по отдельным правонарушениям). URL: <https://stat.api-пресс.рф/stats/adm/t/31/s/1> (дата обращения: 05.11.2024).

References

1. Ovchinsky V.S. Mafia: new global trends. Moscow, 2016.
2. Kurakin A.V., Sukharensko A.N. Modern criminal-legal means of neutralizing threats to Russia's economic security // Russian Justice. 2020. № 11.

3. Тишкин Д.Н., Бабенко С.В., Костенко Н.С. Организованная преступность как глобально-криминальная система // Философия права. 2023. № 2(105).

4. Кокойло О.Н. Проблемы прокурорского надзора за исполнением законодательства в сфере противодействия коррупции и пути их разрешения // Вестник студенческого научного общества Донецкого национального университета. 2023. № 15. Т. 4.

5. Долгова А.И. Организованная преступность, терроризм и коррупция: тенденции и совершенствование борьбы с ними // Организованная преступность, терроризм, коррупция в их проявлениях и борьба с ними. М., 2005.

6. Клейменов М.П., Клейменов И.М. Профилактика преступлений, совершаемых с использованием служебного положения // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2023. № 1. Т. 20.

7. Фадеев В.Н., Тэсс Л.В. Онтология и антология криминологии будущего. Ч. 3 // Вестник экономической безопасности. 2019. № 3.

8. Бабенко С.В. Реализация процессуальных полномочий прокурора в досудебном производстве // Законность. 2019. № 12(1022).

9. Тишкин Д.Н., Бабенко С.В., Напханенко И.П. Возможные направления корректировки государственной политики России по противодействию организованной преступности в условиях «организационной войны» // Философия права. 2021. № 2(97).

3. Tishkin D.N., Babenko S.V., Kostenko N.S. Organized crime as a global criminal system // Philosophy of Law. 2023. № 2 (105).

4. Kokoylo O.N. Problems of prosecutorial supervision over the implementation of legislation in the field of combating corruption and ways to resolve them // Bulletin of the Student Scientific Society of Donetsk National University. 2023. № 15. Vol. 4.

5. Dolgova A.I. Organized Crime, Terrorism, and Corruption: Trends and Improvements in the Fight Against Them // Organized Crime, Terrorism, Corruption in Their Manifestations and the Fight Against Them. Moscow, 2005.

6. Kleymenov M.P., Kleymenov I.M. Prevention of Crimes Committed with the Use of Official Position // Bulletin of Omsk University. Series: Law. 2023. № 1. Vol. 20.

7. Fadeev V.N., Tess L.V. Ontology and Anthology of Criminology of the Future. Part 3 // Bulletin of Economic Security. 2019. № 3.

8. Babenko S.V. Implementation of Procedural Powers of the Prosecutor in Pre-Trial Proceedings // Legality. 2019. № 12(1022).

9. Tishkin D.N., Babenko S.V., Napkhanenko I.P. Possible directions for adjusting Russia's state policy to combat organized crime in the context of an «organizational war» // Philosophy of Law. 2021. № 2(97).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Бабенко Светлана Владимировна, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики. Ростовский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России). 344019, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. 9-я линия / Советская, 2/32.

Тишкин Дмитрий Николаевич, кандидат политических наук, заместитель начальника кафедры тактико-специальной подготовки. Волгодонский филиал Ростовского юридического института МВД России. 347360, Российская Федерация, г. Волгодонск, ул. Степная, 40.

Кучерова Екатерина Петровна, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры философии. Волгоградская академия МВД России. 400075, Российская Федерация, г. Волгоград, ул. Историческая, 130.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Babenco Svetlana Vladimirovna, PhD in Law, Associate Professor of the Department of Criminal Procedure and Criminology. Rostov Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia). 2/32, 9th line/ Sovetskaya St., Rostov-on-Don 344019 Russian Federation.

Tishkin Dmitry Nikolaevich, PhD in Political Sciences, Deputy Head of the Department of Tactical and Special Training. Volgodonk branch of the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 40, Stepnaya St., Volgodonk 347360 Russian Federation.

Kucherova Ekaterina Petrovna, PhD in Economics, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Philosophy. Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 130, Historical St., Volgograd 400075 Russian Federation.

НЕКОТОРЫЕ ЗНАЧИМЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЛИЦ, СОВЕРШАЮЩИХ
НЕПРАВОМЕРНЫЙ ДОСТУП К КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ

Ганжа Максим Владиславович

Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Российская Федерация,
Putrin.p@yandex.ru

Введение: при исследовании причин и механизмов криминального поведения в области неправомерного доступа к компьютерной информации важно учитывать социально-демографические факторы и индивидуально-психологические особенности. В настоящее время накопленный массив статистических данных и научных исследований позволяет определить некоторые доминирующие характеристики личности компьютерного преступника. Они необходимы для более эффективного проведения предварительного расследования, поскольку позволяют в определенной мере прогнозировать модель поведения правонарушителя, его возможные мотивы и способы противодействия.

Материалы и методы: в работе применялись общенаучные методы анализа, синтеза, обобщения и системный подход к оценке факторов, формирующих мотивацию и поведение преступников. Эмпирическую базу образуют материалы судебной статистики, а также приговоры по ст. 272 УК РФ.

Результаты исследования: установлено, что большинство преступлений совершается лицами мужского пола в возрасте от 18 до 30 лет, однако отмечается рост среди несовершеннолетних и лиц старшего возраста при наличии мотива мести или корысти. Значительная часть преступников не обладает выдающимися техническими знаниями, но демонстрирует базовый уровень компьютерной грамотности. Основными мотивами являются корыстные побуждения, самоутверждение, месть, а также политический или протестный интерес. Психофизиологические особенности некоторых преступников (синдром Аспергера, шизоидная акцентуация) могут способствовать совершению взломов и сокрытию следов.

Выводы и заключения: личность современного компьютерного преступника характеризуется широким спектром социально-демографических и психологических черт: от юных «любителей» до высококвалифицированных специалистов. Процесс дальнейшей цифровизации и массовое внедрение технологий повышают риск вовлечения в преступную деятельность все более молодых и социально адаптированных людей. В целях совершенствования расследования требуется учитывать индивидуально-психологические факторы, систему мотивов и уровень специальных знаний преступников, что позволит более эффективно разрабатывать и применять криминалистические методики.

Ключевые слова: преступления в сфере компьютерной информации, неправомерный доступ, криминалистическая характеристика, личность преступника.

Для цитирования: Ганжа М. В. Некоторые значимые особенности лиц, совершающих неправомерный доступ к компьютерной информации / М. В. Ганжа // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2025. № 1 (112). – С. 88–94.

Original paper

SOME SIGNIFICANT FEATURES OF PERSONS WHO COMMIT
UNLAWFUL ACCESS TO COMPUTER INFORMATION

Ganzha Maxim Vladislavovich

Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russian Federation

Introduction: when studying the causes and mechanisms of criminal behavior in the field of unauthorized access to computer information, it is important to take into account socio-demographic factors and individual psychological characteristics. Currently, the accumulated array of statistical data and scientific research allows us to determine some dominant characteristics of the personality of a computer criminal. They are necessary for more effective preliminary investigation, since they allow us to predict to a certain extent the model of behavior of the offender, his possible motives and methods of counteraction.

Materials and methods: the work used general scientific methods of analysis, synthesis, generalization and a systematic approach to assessing the factors that shape the motivation and behavior of criminals. The empirical base is formed by the materials of judicial statistics, as well as sentences under Art. 272 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Results of the study: it was found that most crimes are committed by males aged 18 to 30 years, however, an increase is noted among minors and older people with a motive of revenge or self-interest. A significant part of the criminals do not have outstanding technical knowledge, but demonstrate a basic level of computer literacy. The main motives are selfish motives, self-affirmation, revenge, as well as political or protest interest. Psychophysiological characteristics of some criminals (Asperger's syndrome, schizoid accentuation) can contribute to hacking and covering up traces.

Findings and conclusions: the personality of a modern computer criminal is characterized by a wide range of socio-demographic and psychological traits: from young «amateurs» to highly qualified specialists. The process of further digitalization and the mass introduction of technologies increase the risk of involving increasingly younger and more socially adapted people in criminal activity. In order to improve the investigation, it is necessary to take into account individual psychological factors, the system of motives and the level of special knowledge of criminals, which will allow for more effective development and application of forensic techniques.

Keywords: crimes in the field of computer information, unauthorized access, forensic characteristics, personality of the criminal.

For citation: Ganzha M. V. Some significant features of persons who commit unlawful access to computer information / M. V. Ganzha // *Philosophiya prava : scientific-theoretical journal*. Rostov-on-Don. 2025. № 1 (112). – Pp. 88–94.

Личность преступника выносится в отдельную категорию изучения причин преступности. Как отмечает С.В. Пахомов, «криминалистическое познание личности преступника связано с необходимостью выявления его социальных и поведенческих свойств, обуславливающих возникновение мотивационного компонента преступной деятельности» [1].

Изучение личности в уголовно-правовых науках напрямую обусловлено спецификой неправомерного доступа к компьютерной информации. Данные преступления отличаются сложностью и многогранностью, формируя неоднородную характеристику субъекта, который может сочетать различные особые навыки и черты.

При этом личность преступника традиционно рассматривается с учетом пола, возраста, национальности, физических и интеллектуальных особенностей, гражданства, образования, профессии, социального положения и судимостей. Как и у любого человека, она формируется под влиянием внутрен-

них (психофизиологических) и внешних (социально-демографических) факторов, включая систему воспитания, совокупность знаний и навыков, приобретенных в ходе труда и жизненного опыта.

Все перечисленные аспекты тесно взаимосвязаны и проявляются под действием объективных жизненных обстоятельств. Именно поэтому рассмотрение данных категорий представляется необходимым применительно к расследованию неправомерного доступа к компьютерной информации.

1. Пол. По мнению С.И. Ушакова, М.Ю. Дворецкого, В.А. Мещерякова и др. ученых-специалистов, преобладающее число компьютерных преступлений совершается лицами мужского пола (рис. 1) [2; 3; 4]. Однако следует отметить, что в настоящее время существует тенденция к увеличению количества лиц женского пола, совершающих преступления в сфере компьютерной информации. Это отмечал еще в 2008 г. В.В. Дьяков [5]. Такая тенденция сохраняется и на сегодняшний день.

Рис. 1. Пол преступника, совершившего неправомерный доступ к компьютерной информации

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

Исходя из результатов анализа, можно сделать вывод о том, что количество женщин, совершающих неправомерный доступ к компьютерной информации, в целом возрастает. Это связано в том числе с тем, что увеличился общий объем совершающихся по ст. 272 УК РФ преступлений.

2. *Возраст.* При рассмотрении возраста компьютерного преступника важно учитывать уровень развития и доступность цифровых технологий для молодежи. Старшее поколение, как правило, менее уверенно пользуется компьютерами, тогда как дети с ранних лет осваивают смартфоны. По мнению В.Н. Черкасова и А.Б. Нехорошева, возраст злоумышленников чаще всего колеблется от 18 до 30 лет [6, с. 468]. Однако дальнейшее массовое внедрение гаджетов неминуемо ведет к еще большему снижению среднего возраста лиц, совершающих компьютерные преступления.

Следовательно, преступность будет омолаживаться. Подобного мнения придерживаются также В.В. Поляков и Н.В. Людкова, описывая криминалистическую характеристику личности компьютерного преступника [7].

С.И. Ушаков и М.Ю. Дворецкий полагают, что возраст злоумышленников в IT-сфере обычно колеблется между 15 и 45 годами [2, с. 144; 3, с. 157]. В.А. Мещеряков считает верхнюю границу условной: пожилые люди с мотивом мести и достаточными знаниями

также способны совершать подобные преступления. Он делит их на две группы, первая из которых – лица 14–20 лет, чаще всего школьники и студенты, мотивированные любопытством или самоутверждением и не имеющие выраженного девиантного поведения.

Ко второй группе относятся лица от 21 года и старше, которые обладают необходимыми специальными знаниями, применяют методы противодействия следствию и считаются более опасными [4, с. 137]. При этом квалифицированный состав (ч. 3 ст. 272 УК РФ), предусматривающий использование служебного положения, требует особого субъекта, что поднимает нижний возрастной порог до 18 лет. Верхняя граница остается условной, поскольку старшее поколение все увереннее осваивает цифровые технологии. Еще 10–15 лет назад 40-летних «айти-специалистов» было трудно представить, однако сейчас ситуация иная, и тенденция к расширению возрастных рамок продолжится.

Исходя из возраста, а также когнитивных способностей, встает вопрос об уровне интеллекта, а также о наличии либо отсутствии образования. Совершенно не обязательно, что все компьютерные преступники являются техническими гениями или имеют высшее образование в данной сфере. Необходимо в первую очередь провести анализ материалов уголовных дел, судебной статистики и вывести соответствующие закономерности:

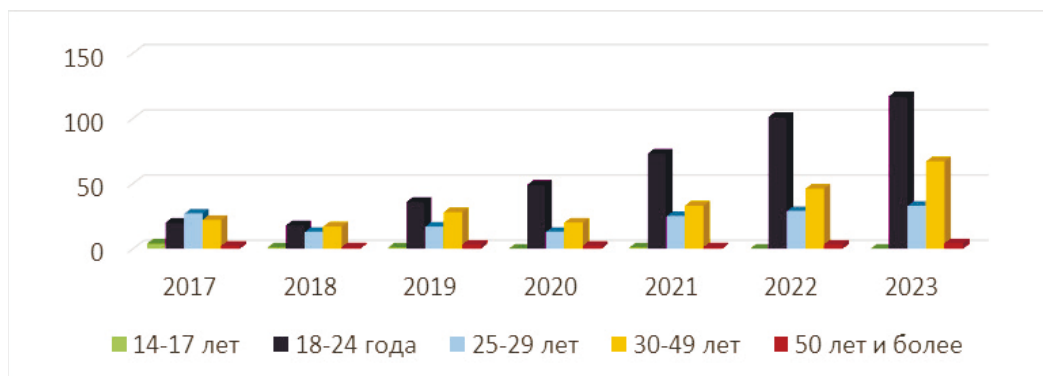

Рис. 2. Возраст преступников, совершивших неправомерный доступ к компьютерной информации

В целом заметна тенденция существенного увеличения числа преступников в двух категориях: 18–24 года и 30–49 лет (рис. 2).

3. *Образование и интеллект.* Г.Т. Мегрелишвили считает мнение о выдающихся способностях компьютерных преступников достаточно распространенным, приписывая такие характеристики субъекта, как наличие высшего технического или юридического образования [8]. При этом самые сложные компьютерные преступления, совершенные

профессионалами в данной области, имеют очень низкую раскрываемость, по мнению

В.В. Полякова [9]. По нашему мнению, этому способствует и высокая латентность, а также коррелирующая с этим явлением закономерность применения высококвалифицированными специалистами-преступниками полноструктурного способа совершения преступления, включающего в себя методы сокрытия совершенного преступления.

В соответствии с исследованием О.Р. Афа-

насьевой, Н.В. Гончаровой и В.И. Шиян высшее образование имеется у более 32 % от общего количества осужденных лиц за 2015–2021 гг., среднее профессиональное – более 33 %, среднее общее – более 25 %. По их мнению, такой уровень образования связан с необходимостью обладания специальными познаниями и обладанием определенной квалификацией для совершения преступлений в сфере компьютерной информации [10].

По мнению Ю.А. Мерзлова, наиболее точную характеристику портрета компьютерного преступника выражает человек, обладающий опытом в области компьютерных технологий, специалист, обладающий профильным образованием либо высшим юридическим/экономическим. Такой преступник обладает большей психологической устойчивостью, а также способен планировать сокрытие следов совершения компьютерного преступления [11, с. 58]. В том же

ключе мыслит и К.А. Ефремов, считающий, что самую большую опасность представляют профессиональные компьютерные преступники, чья доля в общей массе преступлений в сфере компьютерной информации составляет 70–80 % [12, с. 93].

Исследование, проведенное В.В. Поляковым и Л.А. Поповым, показывает на территории Алтайского края следующую специфику: большая часть компьютерных преступников обладает средним техническим, незаконченным высшим и высшим образованием; среднее специальное встречалось реже. При этом уровень специальных знаний был невысоким [7; 13].

Результаты нашего исследования демонстрируют общий рост в каждой из категорий, отмечая особенно наличие высшего и среднего профессионального образования (рис. 3).

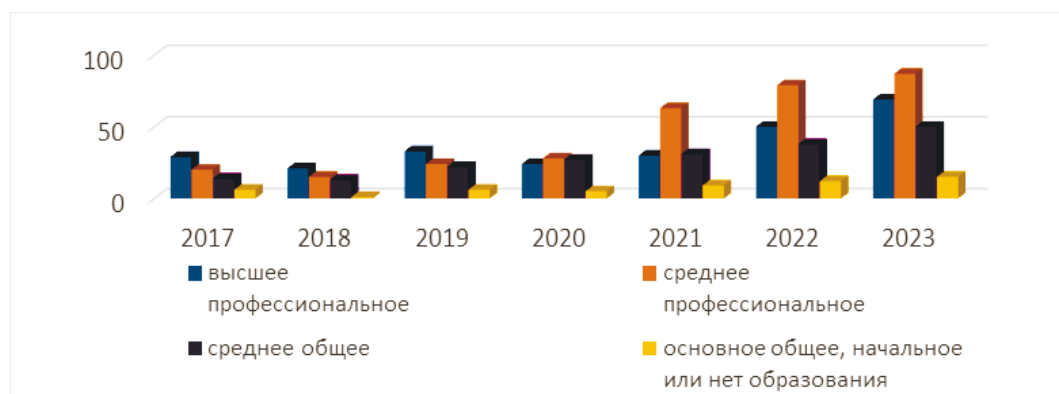

Рис. 3. Образование лиц, совершивших неправомерный доступ к компьютерной информации

Исходя из полученных результатов, полагаем, что преступник, совершающий неправомерный доступ к компьютерной информации, с высокой долей вероятности – молодой человек, не обладающий какими-либо выдающимися техническими или иными специальными знаниями, но разбирающийся в основах работы с техникой и программами.

Увеличение эффективности предварительного расследования и профилактики неправомерного доступа к компьютерной информации во многом зависит от понимания мотивов правонарушителя. По мнению специалистов, к основным из них относятся корысть, хулиганство, политический «игровой» интерес, месть, психические отклонения и стремление к самоутверждению [13; 14].

Особую специфику имеют преступления несовершеннолетних. Следуя группам В.А. Мещерякова, лица 14–20 лет чаще действуют из любопытства, самоутверждения или жажды славы [4], хотя корысть также не исключается. Во второй группе (21 год и

старше) нередко встречаются более опасные мотивы, такие как месть, что подтверждает пример бывшего инженера Cisco, в 30-летнем возрасте заблокировавшего 16 тыс. аккаунтов WebEx Teams [15].

По мнению А.С. Лакомова, важно учитывать протестные и деструктивные мотивы [16, с. 55], которые зачастую пересекаются с политическими. Так, в 2020 г. DDoSecrets и Anonp00ts опубликовали 269 Гб данных, содержащих материалы полиции и ФБР, с целью опозорить правительство США [17; 18; 19]. Нельзя с уверенностью утверждать о точном мотиве злоумышленников, но последствия указывают на угрозу национальной безопасности. Еще один пример – атака 2010 г. на иранский ядерный завод в Натанзе, где с помощью несанкционированного доступа и специального ПО была постепенно нарушена работа объекта.

Хотя подобные случаи встречаются не слишком часто, их основным мотивом по-прежнему остается корысть [20]. При этом некоторые правонарушители настолько

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

погружены в мир информационных технологий, что их деятельность может быть связана с психическими расстройствами [21]. Широко известны примеры Адриана Ламо (взлом баз Microsoft и The New York Times), Гари Маккиннона (проникновение в сети вооруженных сил США и НАСА) и Райана Клирли (атаки Lulz Security на сайты ФБР и ЦРУ), страдавших синдромом Аспергера [22; 23; 24]. О.К. Тихомиров также указывает на шизоидную акцентуацию у части подобных злоумышленников [25, с. 59–60.].

Современный компьютерный преступник нередко оказывается предприимчивым авантюристом с правовым нигилизмом [14, с. 115]. Он стремится к славе и использует

высокие профессиональные навыки как инструмент самоутверждения, выходя за рамки прежнего стереотипа «замкнутого социопатичного гения». Особенно заметна эта тенденция в странах СНГ, где невысокая оплата труда специалистов повышает их склонность к такой деятельности, тогда как у профессионалов, получающих достойные гонорары, за рубежом подобная мотивация снижается.

В целом нет единого социально-криминологического образа такого правонарушителя: прежние стереотипы устарели, а в быстро меняющейся цифровой среде типичные черты злоумышленников расширяются, что затрудняет расследование неправомерного доступа к компьютерной информации.

Список источников

1. Пахомов С.В. Криминалистическая теория и практика расследования преступлений, совершаемых в сфере агропромышленного комплекса: дис. ... д-ра юрид. наук. Ростов н/Д, 2023.
2. Ушаков С.И. Преступления в сфере обращения компьютерной информации (теория, законодательство, практика): дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2000.
3. Дворецкий М.Ю. Преступления в сфере компьютерной информации (уголовно-правовое исследование): дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2005.
4. Мещеряков В.А. Основы методики расследования преступлений в сфере компьютерной информации: дис. ... д-ра юрид. наук. Воронеж, 2001.
5. Дьяков В.В. О личности преступника как компоненте системы криминалистической характеристики преступлений в сфере компьютерной информации // Бизнес в законе. 2008. № 2.
6. Черкасов В.Н., Нехорошев А.Б. Кто живет в «киберпространстве»? // Управление защитой информации. 2003. № 4.
7. Поляков В.В., Людкова Н.В. Характеристика личности киберпреступников // Теоретические и практические проблемы организации раскрытия и расследования преступлений: сб. материалов Всероссийской научно-практ. конф. (22 апреля 2016 г.). Хабаровск, 2016.
8. Мегрелишвили Г.Т. Криминологический и психологический портрет личности преступников в сфере высоких технологий // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 299.

References

1. Pakhomov S.V. Forensic theory and practice of investigating crimes committed in the sphere of the agro-industrial complex: dis. ... Grand PhD in Law. Rostov-on-Don, 2023.
2. Ushakov S.I. Crimes in the sphere of circulation of computer information (theory, legislation, practice): dis. ... PhD in Law. Rostov-on-Don, 2000.
3. Dvoretzky M.Yu. Crimes in the sphere of computer information (criminal-legal research): dis. ... PhD in Law. Volgograd, 2005.
4. Meshcheryakov V.A. Fundamentals of the methodology of investigating crimes in the sphere of computer information: dis. ... Grand PhD in Law. Voronezh, 2001.
5. Dyakov V.V. On the Personality of a Criminal as a Component of the System of Forensic Characteristics of Crimes in the Sphere of Computer Information // Business in Law. 2008. № 2.
6. Cherkasov V.N., Nekhoroshev A.B. Who Lives in «Cyberspace»? // Information Security Management. 2003. № 4.
7. Polyakov V.V., Lyudkova N.V. Characteristics of the Personality of Cybercriminals // Theoretical and Practical Problems of Organizing the Detection and Investigation of Crimes: Collection of Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conf. (April 22, 2016). Khabarovsk, 2016.
8. Megrelishvili G.T. Criminological and Psychological Portrait of the Personality of Criminals in the Sphere of High Technologies // Bulletin of Tomsk State University. 2007. № 299.
9. Polyakov V.V. Investigative situations in cases of illegal remote access to computer information // Reports of Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics. 2010. № 1(21).

9. Поляков В.В. Следственные ситуации по делам о неправомерном удаленном доступе к компьютерной информации // Доклады Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники. 2010. № 1(21).
10. Афанасьева О.Р., Гончарова Н.В., Шиян В.И. Криминология: учебник и практикум для академического бакалавриата. М., 2017.
11. Мерзлов Ю.А. Криминологический портрет лиц, совершающих преступления в сфере компьютерной информации // Правопорядок: история, теория, практика. 2015. № 1.
12. Ефремов К.А. Личность преступника, совершающего преступления в сфере компьютерной информации // Общество: политика, экономика, право. 2016. № 7.
13. Поляков В.В., Попов Л.А. Особенности личности компьютерных преступников. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-lichnosti-kompyuternyh-prestupnikov> (дата обращения: 03.03.2024).
14. Маслакова Е.А. Лица, совершающие преступления в сфере информационных технологий: криминологическая характеристика // Среднерусский вестник общественных наук. 2014. № 1(31).
15. Ex-Cisco engineer who nuked 16k WebEx accounts goes to prison. URL: <https://www.bleepingcomputer.com/news/security/ex-cisco-engineer-who-nuked-16k-webex-accounts-goes-to-prison> (дата обращения: 17.01.2024).
16. А. С. Лакомов Киберпреступность: современные тенденции // Академическая мысль. 2019. № 2(7).
17. Distributed Denial of Secrets. URL: <https://ddosecrets.news/article/blueleaks> (дата обращения: 17.01.2024).
18. Index of /BlueLeaks. URL: <https://data.ddosecrets.com/BlueLeaks> (дата обращения: 17.01.2024).
19. BlueLeaks: активисты опубликовали данные 200 полицейских органов в открытом доступе. URL: <https://xakep.ru/2020/06/23/blueleaks/> (дата обращения: 17.01.2024).
20. Романова Л.И. Личность интернет-преступника // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2018. № 3.
21. Ушатиков А.И. Прикладная криминальная психология: уч. пособие. Рязань, 2012.
22. Ex-Hacker Adrian Lamo Institutionalized, Diagnosed with Asperger's. URL: <https://www.wired.com/2010/05/lamo/> (дата обращения: 17.01.2024).
23. Saving Private Manning. URL: <https://web.archive.org/web/20110312223002/http://www.sovsekretno.ru/magazines/article/2702> (дата обращения: 17.01.2024).
10. Afanasyeva O.R., Goncharova N.V., Shiyani V.I. Criminology: textbook and practical course for the academic bachelor's degree. Moscow, 2017.
11. Merzlov Yu.A. Criminological portrait of persons committing crimes in the field of computer information // Law and order: history, theory, practice. 2015. № 1.
12. Efremov K.A. Personality of a criminal committing crimes in the field of computer information // Society: politics, economics, law. 2016. № 7.
13. Polyakov V.V., Popov L.A. Personality characteristics of computer criminals. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-lichnosti-kompyuternyh-prestupnikov> (date of access: 03.03.2024).
14. Maslakova E.A. Persons committing crimes in the field of information technology: criminological characteristics // Central Russian Bulletin of Social Sciences. 2014. № 1(31).
15. Ex-Cisco engineer who nuked 16k WebEx accounts goes to prison. URL: <https://www.bleepingcomputer.com/news/security/ex-cisco-engineer-who-nuked-16k-webex-accounts-goes-to-prison> (date of access: 17.01.2024).
16. A.S. Lakomov Cybercrime: modern trends // Academic thought. 2019. № 2 (7).
17. Distributed Denial of Secrets. URL: <https://ddosecrets.news/article/blueleaks> (date of access: 17.01.2024).
18. Index of /BlueLeaks. URL: <https://data.ddosecrets.com/BlueLeaks> (date of access: 17.01.2024).
19. BlueLeaks: activists published data of 200 police agencies in the public domain. URL: <https://xakep.ru/2020/06/23/blueleaks/> (date of access: 17.01.2024).
20. Romanova L.I. Personality of an Internet criminal // Asia-Pacific region: economics, politics, law. 2018. № 3.
21. Ushatikov A.I. Applied criminal psychology: teaching aid. Ryazan, 2012.
22. Ex-Hacker Adrian Lamo Institutionalized, Diagnosed with Asperger's. URL: <https://www.wired.com/2010/05/lamo/> (date of access: 17.01.2024).
23. Saving Private Manning. URL: <https://web.archive.org/web/20110312223002/http://www.sovsekretno.ru/magazines/article/2702> (date of access: 17.01.2024).

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

23. Спасти рядового Мэннинга. URL: <https://web.archive.org/web/20110312223002/http://www.sovsekretno.ru/magazines/article/2702> (дата обращения: 17.01.2024).

24. Под залог выпущен хакер-аутист, атаковавший сайты ФБР и ЦРУ. URL: <https://ria.ru/20110627/394291187.html> (дата обращения: 17.01.2024).

25. Тихомиров О.К. Информационный век и теория Л.С. Выготского // Психологический журнал. 2003. № 1.

24. Autistic hacker who attacked FBI and CIA websites released on bail. URL: <https://ria.ru/20110627/394291187.html> (date of access: 17.01.2024).

25. Tikhomirov O.K. The Information Age and the Theory of L.S. Vygotsky // Psychological Journal. 2003. № 1.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ганжа Максим Владиславович, адъюнкт. Ростовский юридический институт МВД России. 344015, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ganzha Maxim Vladislavovich, adjunct. Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 83, Eremenko St., Rostov-on-Don 344015 Russian Federation.

КОРРУПЦИОННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ КАК УГРОЗА НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ

Григорян Давид Кромвелович

Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Российская Федерация,
davo-davo23@mail.ru

Клевакин Александр Витальевич

Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Российская Федерация,
aklevakin-22@ranepa.ru

Введение: коррупция как вид противоправной деятельности является одним из наиболее распространенных преступлений в большинстве стран мира, включая Российскую Федерацию. Проблемы коррумпированности должностных лиц, а также методы противодействия подобным видам преступлений до сих пор остаются привлекательной темой научных исследований, однако наиболее сложной и важной проблемой является коррупция среди политической элиты, т. к. подобного рода преступления отличаются высокой латентностью и создают большую угрозу государственной стабильности и национальной безопасности страны, поэтому требуют более детального рассмотрения в рамках научных исследований для выработки новых концепций и подходов для определения и профилактики коррупционных преступлений.

Материалы и методы: в процессе исследования авторы опирались на совокупность научных методов познания, таких как системно-структурный, формально-логический и конкретно-социологический методы, а также обращались к когнитивным приемам, а именно: наблюдение, сравнение, обобщение. Помимо перечисленных методов авторы прибегали к основным положениям теории элит и уголовного права. Эмпирическую базу исследования составили научные публикации, актуальные статистические данные о состоянии преступности.

Результаты исследования: в статье рассматривается феномен коррупции в среде политической элиты, освещаются проблемы определения элитарной преступности, а также приведены основные угрозы, связанные с различными проявлениями коррупции и новые концептуальные подходы к преодолению угроз, определены основные тенденции развития мер борьбы с коррупцией в нашем государстве.

Выводы и заключения: на современном этапе развития государства сформировался запрос на результативную борьбу с коррумпированностью политической элиты для обеспечения ее циркуляции и достижения наибольшей эффективности принятия решений и обеспечения функционирования государственных органов, однако для полной минимизации фактора коррупции необходимы качественные, структурные изменения в аппарате власти и использование современных концептуальных подходов для решения проблемы.

Ключевые слова: коррупция, политические элиты, административно-управленческие элиты, элитарная преступность, национальная безопасность, противодействие коррупции.

Для цитирования: Григорян Д. К., Клевакин А. В. Коррупционные преступления политической элиты как угроза национальной безопасности России / Д. К. Григорян, А. В. Клевакин // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2025. № 1 (112). – С. 95–101.

CORRUPTION CRIMES OF THE POLITICAL ELITE AS A THREAT TO RUSSIA'S NATIONAL SECURITY

Grigoryan David Cromvelovich

Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Rostov-on-Don, Russian Federation

Klevakin Alexander Vitalyevich

South Russian Institute of Management – branch of the Russian Presidential Academy of National
Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russian Federation

Introduction: *corruption as a type of illegal activity is one of the most common crimes in most countries of the world, including the Russian Federation. The problems of corruption of officials, as well as methods of combating such types of crimes still remain an attractive topic for scientific research, but the most complex and important problem is corruption among the political elite, since such crimes are characterized by high latency and pose a great threat to state stability and national security of the country, therefore, they require more detailed consideration within the framework of scientific research to develop new concepts and approaches to identify and prevent corruption crimes.*

Materials and methods: *in the course of the study, the authors relied on a set of scientific methods of cognition, such as system-structural, formal-logical and specific-sociological methods, and also turned to cognitive techniques, namely: observation, comparison, generalization. In addition to the listed methods, the authors resorted to the basic provisions of the theory of elites and criminal law. The empirical basis of the study was made up of scientific publications, current statistical data on the state of crime.*

Results of the study: *the article examines the phenomenon of corruption among the political elite, highlights the problems of defining elite crime, and also presents the main threats associated with various manifestations of corruption and new conceptual approaches to overcoming threats, defines the main trends in the development of measures to combat corruption in our country.*

Findings and conclusions: *at the current stage of development of the state, a demand has been formed for an effective fight against corruption of the political elite to ensure its circulation and achieve the greatest efficiency of decision-making and ensure the functioning of state bodies, however, to completely minimize the corruption factor; qualitative, structural changes in the apparatus of power and the use of modern conceptual approaches to solving the problem are necessary.*

Keywords: *corruption, political elites, administrative and managerial elites, elite crime, national security, combating corruption.*

For citation: *Grigoryan D. K., Klevakin A. V. Corruption crimes of the political elite as a threat to Russia's national security / D. K. Grigoryan, A. V. Klevakin // Philosophiya prava : scientific-theoretical journal. Rostov-on-Don. 2025. № 1 (112). – Pp. 95–101.*

Общественная элита является неотъемлемой частью социума, начиная с самых начальных этапов развития человечества, а впоследствии и с появлением протогосударственных образований. Элита выделяется из общего множества людей своими исключительными навыками, с помощью которых концентрирует вокруг себя значительные ресурсы и полномочия. Особую роль в жизни общества и государства играет именно политическая элита, которая обладает реальной политической властью и способностью влиять на социально-экономические процессы. Другим не менее важным признаком политической элиты, который выходит из самой этимологии слова, является ее «из-

бранность». Представители элиты должны выступать своеобразным образцом для поведения, ориентиром, на который должны равняться остальные граждане, но даже привилегированные представители общества имеют также негативные индивидуальные черты, слабости и пороки, которые ведут к противоправной деятельности различной степени тяжести.

Элитарная преступность продолжает сохранять к себе исследовательский интерес ввиду большей завуалированности посягательств по сравнению с «рядовыми» преступлениями и отсутствия четкого выделения политической элиты на законодательном уровне согласно принципу равенства всех

граждан перед законом. Несмотря на это стоит учесть, что особым правовым статусом в виде безусловной неприкосновенности наделены Президент РФ, судьи, члены Совета Федерации и Государственной думы согласно Конституции РФ, а для региональных и местных депутатов, присяжных, членов Счетной палаты, уполномоченного по правам человека в РФ, кандидатов в президенты и бывших президентов, прокуроров и следователей, членов избирательной комиссии с правом решающего голоса, адвокатов согласно Уголовно-процессуальному кодексу предусмотрен особый порядок возбуждения уголовного дела, но даже этот список не отражает полный состав политической элиты.

Для возможности более объективно охарактеризовать противоправную деятельность политической элиты исследователь Д.К. Григорян, доцент, определяет элитарную преступность как «различные по своей направленности деяния, совершенные представителями элиты» [3, с. 62–66]. В другой своей работе Д.К. Григорян выделяет характерные черты, присущие элитарным преступлениям на основе нескольких систем классификации, что позволяет их объективно выделить из числа остальных преступлений. Такими характерными чертами являются:

1. Преимущественно экономический характер преступлений благодаря широким должностным полномочиям.

2. Основной интерес составляет возможный размер полученных благ, а не личность потерпевшей стороны.

3. Неочевидность преступления ввиду сокрытия следов с использованием должностных полномочий.

4. Намеренный характер преступных действий [1, с. 62–63].

Несомненно, наиболее распространенными противоправными действиями являются действия, связанные с коррупцией. По статистике Судебного департамента при Верховном Суде РФ, по статьям, связанным с коррупцией, осуждено 22 014 человек за 2023 г. [11]. Но стоит учесть, что это общая статистика и узнать точное количество преступников, включенных в состав политической элиты, очень проблематично, т. к. статистика не учитывает социальное положение и род деятельности преступника. Еще один аспект, который требует внимания, – постоянность коррупционных преступлений. Их количество остается практически неизменным на протяжении нескольких лет, тенденции к снижению количества отсутствуют [12].

Схема 1. На горизонтальной оси представлено количество осужденных, а на вертикальной – размер взятки, фигурирующий в деле

Коррупционные преступления политической элиты могут значительно отличаться от характера и размера, но несут огромную опасность для государства и общества. Из-за коррупции наносится ущерб государственному бюджету, снижается уровень жизни населения страны, падает доверие граждан к политическим лидерам, институтам и всей политической системе в целом, особо крупные коррупционные скандалы угрожают престижу страны в рамках международного

сообщества. В ходе осуществления специальной военной операции и противостояния России с коллективным Западом коррупция становится одной из основных угроз национальной безопасности страны, подвергает угрозе не только благосостояние граждан, но и их жизнь и здоровье. В качестве наглядного примера стоит рассмотреть целый ряд громких арестов высокопоставленных сотрудников Министерства обороны Российской Федерации. Черда арестов началась 14 мая

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

2024 г. с Юрия Кузнецова, генерал-лейтенанта, начальника Главного управления кадров Министерства обороны [8], обвиняемого в получении взятки в особо крупном размере, 17 мая суд арестовал генерал-майора, бывшего командующего 58-й армией Ивана Попова по обвинению в хищении суммы более 100 млн рублей [7], 22 мая арестован генерал-лейтенант Вадим Шамарин – начальник Главного управления связи Вооруженных сил РФ [9]. Всего было арестовано восемь человек и двое задержаны за период май–сентябрь 2024 г., еще девять высокопоставленных сотрудников Вооруженных сил РФ были уволены или же сняты с должности.

Другим ярким примером является так

называемое «дело судей» в Ростове-на-Дону, где были арестованы Елена Золотарева, председатель областного суда Ростовской области, и Татьяна Юрова, заместитель председателя областного суда [10]. Совокупность этих уголовных дел позволяет сделать вывод, что распространение коррупции происходит вне зависимости от ветви и уровня власти, что создает колоссальную угрозу национальной безопасности России.

В рамках коррупционных деяний с помощью аналитики статистики МВД России можно выделить ряд конкретных преступлений, которые совершались наиболее часто представителями элиты за 2023 г. [13].

Схема 2. Соотношение наиболее часто совершаемых преступлений представителями политической элиты

Получение взятки (ст. 290 УК РФ) подразумевает получение должностным лицом денег, ценных бумаг или другого имущества за совершение действия или бездействия в рамках своих полномочий. Доля совершенных преступлений по этой статье составляет около 34 %.

Присвоение и растрата (ст. 160 УК РФ) подразумевает корыстное использование государственных ресурсов в личных корыстных целях. Доля такого вида преступлений составляет около 26 %.

Мошенничество (ст. 159 УК РФ) является также одним из наиболее популярных преступлений, при этом большая часть правонарушений связана с недвижимостью. Часто должностные лица, используя свои должностные полномочия, переоформляют на себя или своих близких государственную, муниципальную или бесхозную собственность. Доля подобных преступлений составляет около 20,5 %.

Злоупотребление должностными полномочиями (ст. 285 и 286 КР РФ) подразуме-

вает использование должностным лицом своих должностных полномочий вопреки интересам службы, преследование корыстных и других личных интересов. Доля преступлений составляет около 19 %.

Отдельной категорией преступлений стоит выделить незаконное участие должностных лиц в предпринимательской деятельности (ст. 289 УК РФ). Подобный вид преступлений подразумевает собой учреждение или управление организацией, осуществляющей предпринимательскую деятельность, либо должностное лицо может быть как учредителем, так и управляющим коммерческой организацией. Основное распространение подобные преступления получили в период 1990-х гг. во время перехода российской экономики на рыночную модель. При этом частым явлением был транзит представителей политической элиты в бизнес-элику и наоборот, когда предприниматель получал место в системе власти. Опасность таких преступлений обусловлена губительным влиянием на экономическое

состояние государства путем активного лоббирования интересов коммерческой организации в структуре власти, принятием законов, которые бы давали преимущество конкретным организациям в осуществлении коммерческой деятельности. Подобного рода преступные деяния наносят серьезный ущерб экономике страны ввиду нарушения принципов осуществления свободной рыночной деятельности, монополизации целых секторов экономики, подрыва доверия к национальным экономическим институтам, что может спровоцировать отток иностранных инвестиций и привести к глобальным, системным проблемам в экономике.

Д.К. Григорян в своей статье [2, с. 64–67] выделяет основную характеристику, которая является особо важной угрозой для национальной безопасности России – систематический, постоянный характер преступных связей, должностного лица и руководителя курируемой организации, вытекающий в особую сплоченность и конспиративность преступной связи, в отличие от дачи взятки и других видов коррупционных преступлений, которые могут носить непостоянный или вообще разовый характер. Подобное сращивание коммерческих организаций с представителями власти ведет к пагубной тенденции принятия политических решений в интересах извлечения прибыли конкретными лицами, а не в интересах общественного благополучия, государственной стабильности и обеспечения национальной безопасности. Поэтому необходимо максимальное внимание к преступлениям такого вида и разработка новых средств профилактики и борьбы с ними.

Наше государство проводит планомерную политику борьбы с проявлениями коррупции начиная с создания Совета при Президенте РФ по борьбе с коррупцией в 2003 г. В последующие годы меры по противодействию коррупции продолжают совершенствоваться (принята «Национальная стратегия противодействия коррупции» и национальные планы противодействия коррупции), однако по заявлениям М.С. Игнатенко, аспиранта кафедры политических наук Поволжского института управления имени П.А. Столыпина, мы могли наблюдать и «процесс либерализации УК РФ в части противодействия должностной преступности» [4, с. 87–89], что является недопустимым для интересов национальной безопасности Российской Федерации в условиях международного политического кризиса.

Сейчас как никогда важна ставка на сохранение правопорядка внутри страны и,

как следствие, опора на внутренний и внешний суверенитет и централизацию власти. В условиях проведения специальной военной операции формируется запрос на мобилизацию государственных ресурсов как со стороны общества, так и эффективного выполнения военных задач и задач государственного управления, где не допустимы проявления преступности среди политической элиты и административных должностных лиц.

Можно констатировать, что Россия с 2022 г. вошла в новый этап развития государства и уже проводит дискурсивные и кадровые изменения, направленные на более усиленную борьбу с проявлениями элитарной криминальности, однако для государственной мобилизации требуются структурные, фундаментальные изменения в подходах обеспечения власти, формирования требований к государственному служащему, взаимодействия с бизнесом, которые впоследствии станут благоприятной основой для разработки и внедрения новых нормативных актов.

Так, М.С. Игнатенко предлагает ввести закон о «регулировании лоббистской деятельности», который сделает прозрачным и предсказуемым процесс представления интересов различных групп давления, обеспечит правила и порядок взаимодействия бизнеса и власти, что положительно скажется на предотвращении преступлений среди должностных лиц, т. к. выведет лоббирование из серой правовой зоны по аналогии с нормативным закреплением понятия «лоббирование» и регулированием деятельности групп давления в США.

Лоббизм как легальный вид политической деятельности закрепился в США в 1938 г. с принятием Федерального закона «О регистрации иностранных агентов» (FARA), который закрепил обязательство маркировать литературу, авторы которой спонсировались из-за рубежа. Дальнейшее развитие практика лоббизма получила в 1995 г. с принятием Федерального закона «О раскрытии информации о лоббировании» («LDA») [5, с. 106–110], который закрепляет такое понятие, как «лоббистская деятельность», и определяет порядок взаимодействия групп давления с государством. Подобное решение окончательно вывело деятельность лоббистов в правовое поле, способствовало прозрачности финансовых операций между заинтересованными лицами и более демократичному законотворческому процессу за счет представительства различных групп влияния.

Р.Т. Мухаев, исследователь, доктор политических наук, профессор РЭУ имени

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

Г.В. Плеханова, предлагает другие меры борьбы с преступлениями коррупционной направленности, такие как введение персональной ответственности за реализацию Национального плана противодействия коррупции, введение в УК РФ института уголовной ответственности для юридических лиц по аналогии с уже устоявшимися институтами в Австрии, КНР, Великобритании и ряда других стран (обсуждения о возможности введения подобного вида ответственности велись в рамках XI Петербургского международного юридического форума), а также наделение следователей полномочиями запрашивать сведения, которые попадают под действия банковской тайны не только по действующим уголовным делам, но и по материалам доследственных проверок, возвращение в УК РФ статьи о конфискации незаконно присвоенного имущества [6, с. 224–227].

Однако стоит отметить, что на данный момент можно наблюдать зарождение новых

концептуальных основ, которые только начинают зарождаться в сфере противодействия элитарной преступности и коррупционным преступлениям. В частности, это ужесточение карательных мер в общей системе противодействия экономической преступности, обновление кадрового состава исполнительной и судебной власти, привлечение к уголовной ответственности широкого круга административно-управленческой элиты в органах власти.

Наступивший международный политический кризис создает новые вызовы, которые предстоит преодолеть России, они вынуждают государственный аппарат создавать новые мобилизационные механизмы и институты, которые бы способствовали укреплению вертикали государственной власти для сохранения внутренней социальной, экономической, политической стабильности, а также международной политической субъектности.

Список источников

1. Григорян Д.К. Криминалистическая классификация преступлений, совершаемых представителями элиты, как методологическое основание для формирования методико-криминалистических рекомендаций по повышению результативности расследования // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2023. № 3.
2. Григорян Д.К. Незаконное участие в предпринимательской деятельности в контексте исследования элитарной преступности: актуальные вопросы регламентации и правоприменения // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2023. № 1.
3. Григорян Д.К. Элитарная преступность как деструктивный социальный феномен: методико-криминалистические аспекты исследования // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2023. № 2.
4. Игнатенко М.С. Концептуальные основы политики противодействия должностной преступности: состояние и перспективы // Вестник Поволжской академии государственной службы. 2024. № 2.
5. Купряшин Г.Л., Дробышева Е.С., Стародубцев А.С. Латентное в публичном: изъяны регулирования лоббизма в США // Государственное управление. Электронный вестник. 2023. № 96.

References

1. Grigoryan D.K. Forensic classification of crimes committed by representatives of the elite as a methodological basis for the formation of methodological and forensic recommendations to improve the effectiveness of investigations // Bulletin of the Tula State University. Economic and legal sciences. 2023. № 3.
2. Grigoryan D.K. Illegal participation in entrepreneurial activity in the context of the study of elite crime: topical issues of regulation and law enforcement // Bulletin of the Tula State University. Economic and legal sciences. 2023. № 1.
3. Grigoryan D.K. Elite crime as a destructive social phenomenon: methodological and forensic aspects of the study // Siberian criminal procedure and forensic readings. 2023. № 2.
4. Ignatenko M.S. Conceptual Foundations of the Policy of Combating Official Crime: Status and Prospects // Bulletin of the Volga Region Academy of Public Administration. 2024. № 2.
5. Kupryashin G.L., Drobysheva E.S., Starodubtsev A.S. Latent in the Public: Flaws in Regulating Lobbying in the USA // Public Administration. Electronic Bulletin. 2023. № 96.
6. Mukhaev R.T. Anti-Corruption Policy in Russia in the Context of New Realities: Current Problems of Theory and Practice // Knowledge. Understanding. Skill. 2022. № 2.
7. Arrest of the Former Commander of the 58th Army, Major General Ivan Popov. URL: <https://tass.ru/proisshestviya/21032867> (date of access: 11.10.2024).

6. Мухаев Р.Т. Политика противодействия коррупции в России в контексте новых реалий: актуальные проблемы теории и практики // Знание. Понимание. Умение. 2022. № 2.

7. Арест бывшего командующего 58-й армией генерал-майора Ивана Попова. URL: <https://tass.ru/proisshestviya/21032867> (дата обращения: 11.10.2024).

8. Арест бывшего начальника Главного управления кадров Министерства обороны Юрия Кузнецова. URL: <https://tass.ru/proisshestviya/22045083> (дата обращения: 11.10.2024).

9. Арест бывшего начальника Главного управления связи Вооруженных сил РФ Вадима Шамарина. URL: <https://tass.ru/proisshestviya/20880575> (дата обращения: 11.10.2024).

10. «Дело судей» в Ростове-на-Дону. URL: <https://161.ru/text/criminal/2023/07/19/72509018/> (дата обращения: 11.10.2024).

11. О судебной статистике по коррупционным преступлениям за 2023 г. URL: <https://corrupt.pnzreg.ru/news/obshchestvo/458872/> (дата обращения: 09.10.2024).

12. Портал Судебного департамента РФ. Статистика коррупционных преступлений. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=150> (дата обращения: 09.10.2024).

13. Статистические данные МВД о состоянии преступности. URL: <https://мвд.рф/reports> (дата обращения: 13.10.2024).

8. Arrest of former head of the Main Directorate of Personnel of the Ministry of Defense Yuri Kuznetsov. URL: <https://tass.ru/proisshestviya/22045083> (date of access: 11.10.2024).

9. Arrest of former head of the Main Directorate of Communications of the Armed Forces of the Russian Federation Vadim Shamarin. URL: <https://tass.ru/proisshestviya/20880575> (date of access: 11.10.2024).

10. «The Case of Judges» in Rostov-on-Don. URL: <https://161.ru/text/criminal/2023/07/19/72509018/> (date of access: 11.10.2024).

11. On judicial statistics on corruption crimes for 2023. URL: <https://corrupt.pnzreg.ru/news/obshchestvo/458872/> (date of access: 09.10.2024).

12. Portal of the Judicial Department of the Russian Federation. Statistics of corruption crimes. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=150> (date of access: 09.10.2024).

13. Statistical data of the Ministry of Internal Affairs on the state of crime. URL: <https://мвд.рф/reports> (date of access: 13.10.2024).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Григорян Давид Кромвелович, кандидат политических наук, доцент, начальник кафедры информационного обеспечения ОВД. Ростовский юридический институт МВД России. 344015, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.

Клевакин Александр Витальевич, преподаватель факультета политологии и этнополитики. Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. 344002, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Grigoryan David Cromvelovich, PhD in Political Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Information Support for Internal Affairs. Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 83, Eremenko St., Rostov-on-Don 344015 Russian Federation.

Klevakin Alexander Vitalyevich, Lecturer at the Faculty of Political Science and Ethnopolitics. The South Russian Institute of Management – branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. 70, Pushkinskaya St., Rostov-on-Don 344002 Russian Federation.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ:
ПРОГНОЗИРОВАНИЕ И МОДЕЛИРОВАНИЕ

Закатов Александр Александрович

Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Российская Федерация

Замылин Евгений Иванович

Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Российская Федерация, efrommm@mail.ru

Введение: одним из направлений по обеспечению неотвратимости наказания за совершенные преступления следует признать правильно налаженную деятельность по розыску скрывшихся преступников и иных объектов. Будучи направленной на всестороннее, полное и объективное исследование всех обстоятельств, она носит ярко выраженный гносеологический характер. Особое место в разработке теоретических положений криминалистического учения о розыске и практического применения их в розыскной деятельности занимают такие общенаучные методы познания, как прогнозирование и моделирование. В научной и практической деятельности они тесно связаны, поскольку прогноз – это своего рода модель поведения скрывающегося преступника.

Материалы и методы: определены кругом поставленных задач, которые ориентированы на оптимизацию розыскной деятельности посредством использования различных методов познания. Использованы всеобщий метод познания, отражающий диалектическую взаимосвязь теории и практики, а также ряд общенаучных методов, играющих важную роль в разработке теоретических положений криминалистического учения о розыске и практическом применении их в розыскной деятельности.

Результаты исследования: изложены базовые критерии использования в научных исследованиях методов познания, определены основные особенности их применения в розыскной деятельности. Сформулирован ряд авторских определений, акцентировано внимание на прогнозе как вероятной модели поведения лица, скрывающегося от правосудия. Представлено положение, где моделирование не ограничено мыслительным процессом, в процессе розыска имеет место и физическое моделирование.

Выводы и заключения: методы криминалистики как науки должны быть соотносимы с методами практической деятельности, удовлетворять запросы следственной практики по научно обоснованным рекомендациям применительно к процессу розыска.

Ключевые слова: следователь, методы познания, розыскная деятельность, прогнозирование, моделирование.

Для цитирования: Закатов А. А., Замылин Е. И. Методологические основы розыскной деятельности: прогнозирование и моделирование / А. А. Закатов, Е. И. Замылин // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2025. № 1 (112). – С. 102–108.

Original paper

METHODOLOGICAL FOUNDATIONS OF INVESTIGATIVE
ACTIVITIES: FORECASTING AND MODELING

Zakatov Alexander Alexandrovich

Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russian Federation

Zamylin Evgeny Ivanovich

Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russian Federation

Introduction: one of the areas for ensuring the inevitability of punishment for committed crimes should be recognized as a properly organized activity to search for absconding criminals and other objects. Being aimed at a comprehensive, complete and objective study of all circumstances, it has a clearly expressed

epistemological character. A special place in the development of theoretical provisions of the forensic doctrine of search and their practical application in search activities is occupied by such general scientific methods of cognition as forecasting and modeling. In scientific and practical activities, they are closely related, since the forecast is a kind of model of the behavior of a hiding criminal.

Materials and methods: are determined by the range of tasks set, which are focused on optimizing search activities through the use of various methods of cognition. The general method of cognition, reflecting the dialectical relationship of theory and practice, as well as a number of general scientific methods that play an important role in the development of theoretical provisions of the forensic doctrine of search and their practical application in search activities are used.

Results of the study: the basic criteria for the use of cognitive methods in scientific research are outlined, the main features of their application in search activities are determined. A number of the author's definitions are formulated, attention is focused on the forecast as a probable model of behavior of a person hiding from justice. A position is presented where modeling is not limited to the thought process; physical modeling also takes place in the search process.

Findings and conclusions: the methods of forensic science as a science should be correlated with the methods of practical activity, satisfy the demands of investigative practice according to scientifically based recommendations in relation to the search process.

Keywords: investigator, methods of cognition, investigative activity, forecasting, modeling.

For citation: Zakatov A. A., Zamylin E. I. Methodological foundations of investigative activity: forecasting and modeling / A. A. Zakatov, E. I. Zamylin // *Philosophiya prava : scientific-theoretical journal*. Rostov-on-Don. 2025. № 1 (112). – Pp. 102–108.

Мысль человека бесконечно углубляется от явления к сущности, от сущности первого, так сказать, порядка к сущности второго порядка и т.д. без конца.

В.И. Ленин

Заглядывай вперед или окажешься позади.

Б. Франклин

В криминалистическом научном исследовании, как и в деятельности по расследованию преступлений, зачастую применяются одноименные методы познания, гносеологическая сущность которых, несмотря на различие преследуемых целей, одна и та же, независимо от сферы применения. Но в то же время методы криминалистики как науки и методы практической деятельности следует различать по своему содержанию, целям, средствам и условиям. Так, еще в середине 70-х гг. прошлого века в одном из своих фундаментальных трудов профессор Р.С. Белкин, исследуя проблемы использования методов познания в науке и практике, сформулировал их различие, которое, по его мнению, выражается: 1) в форме применения этих методов; 2) в положении субъекта, их применившего (ученый-криминалист или следователь); 3) в условиях познания истины (научное исследование или процесс расследования); 4) характере объектов познания [1, с. 261]. В более поздних работах позиция по данному вопросу автором была подкорректирована, но, по сути, осталась той же [2, с. 368–369; 3, с. 384–385, 387].

Практическая деятельность по собира-

нию, оценке и проверке доказательств, теоретическую основу которой составляет целый ряд наук, по своему содержанию, целям, средствам и условиям, строго говоря, отличается от научного исследования. Однако последовательно и до конца провести такое отграничение представляется нереальным. Оно трудно для любой науки, поскольку методы, используемые для научных исследований, затем нередко внедряются в практику. Подобное присуще криминалистике, где практическая деятельность правоприменителей (следователя, работников оперативных служб, эксперта-криминалиста и др.), по своей сути, носит познавательный, поисковый характер и в этом отчасти соотносимо с научной деятельностью. Здесь налицо единство теории и практики: научная теория не существует без практики, на базе которой она возникает и в единстве с которой получает свое развитие. Методы криминалистики как науки должны быть соотносимы с методами практической деятельности, удовлетворять запросы практики по раскрытию и расследованию уголовно наказуемых деяний, в том числе и в процессе проведения розыскных мероприятий.

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

Специфику условий применения методов познания в деятельности по расследованию уголовно наказуемых деяний, включая и розыскную деятельность, по нашему мнению, определяют следующие особенности:

а) объект познания – событие преступления;

б) субъект познания – лицо, специально уполномоченное производить расследование (следователь, дознаватель);

в) цели познания – установление обстоятельств по делу, в том числе установление и обнаружение места нахождения лица, совершившего преступление; возмещение материального ущерба, причиненного преступлением, для чего отчасти необходимо обнаружение имущества, ставшее объектом корыстного посягательства; и др.;

г) согласование процесса познания с законом и подзаконными нормативными актами, регулирующими процесс розыска субъектами, занятыми поисковыми мероприятиями;

д) ограничение познания определенными сроками (как правило, они закреплены в нормах УПК России и урегулированы подзаконными нормативными актами);

е) осуществление познания в условиях противодействия со стороны заинтересованных лиц (если рассматривать конкретно, применительно к тематике нашего исследования, сокрытие объектов розыска, уклонение от уголовной ответственности выступают в качестве одного из проявлений противодействия расследованию).

В криминалистике разработаны и представлены критерии оценки существующих и вновь возникающих методов криминалистических исследований [3, с. 283–284]. Основным оценочным критерием здесь выступает, бесспорно, практика. В нашем случае это розыскная деятельность соответствующего должностного лица, основанная на сознательном целеполагании и рациональном использовании им достижений теории и практики в данной сфере правоприменения. Как таковая деятельность по расследованию преступлений вообще (в том числе розыск скрывшихся преступников или иных объектов, имеющих значение по делу, как отдельной отрасли), направленная на всестороннее, полное и объективное расследование всех его обстоятельств, носит ярко выраженный гносеологический характер.

Позволим себе «подвести» базовые критерии использования в научных исследованиях методов познания применительно к розыскной практике, а именно:

– эффективность. Применение данного

метода обусловлено результативностью розыскной работы, достижением ее основной цели – установления места нахождения разыскиваемых объектов;

– простота и надежность. Данный метод предопределен доступностью и получением достоверных результатов, которые в целом оптимизируют мероприятия, проводимые по поиску и обнаружению искомого объекта;

– безопасность. Данный метод познания направлен на решение задачи по обеспечению личной безопасности должностных лиц, участвующих в проведении розыска и задержании фигурантов по делу, скрывающихся от следствия и суда;

– допустимость. Метод познания, в ходе реализации которого берутся за основу наличие законных оснований для объявления в розыск определенного лица или имущества (то есть допустимость розыскных мероприятий зависит от конкретных обстоятельств по делу и урегулирована соответствующими правовыми нормами), соответствие этическим нормам со стороны субъекта реализации и критериям безопасности участвующих в этом процессе лиц;

– экономичность. Данный метод исследования должен основываться на рациональном и эффективном использовании сил и средств, которыми располагают субъекты розыскной деятельности, то есть поставленная цель должна быть достигнута более коротким путем и с наименьшими затратами;

– научность. Данный метод предусматривает проведение розыскных мероприятий с учетом последних достижений науки, применения современных научно-технических средств и приемов.

В философской, науковедческой и юридической литературе подробно раскрыто содержание общенаучных и специальных методов исследования, в том числе и используемых в криминалистике. Поэтому, считаем, нет необходимости рассматривать каждый из них. Уделим внимание лишь двум взаимосвязанным методам, имеющим, по нашему мнению, особое значение для теории и практики розыска: это прогнозирование и моделирование. Являясь общенаучными методами познания, они играют важную роль в разработке теоретических положений криминалистического учения о розыске и практического применения их в розыскной деятельности.

Построение мысленных моделей, замещающих в познавательном процессе реальный объект, имеет особо важное значение среди методов функционирования частной

научной теории. Хотя такие модели лишь приближенно отражают действительность, в них обычно довольно точно реализуются утверждения теории. Прогнозирование и моделирование в научной и практической деятельности обычно тесно связаны между собой, поскольку прогноз – это своего рода модель какого-либо явления. В частности, для организации розыскной деятельности существенное значение имеют навыки, способности следователя к прогнозированию поведения скрывшегося преступника. Построенное на научной основе предвидение следователем наиболее вероятного хода развития событий, уловок или ухищрений скрывающегося, а также иных заинтересованных в ходе дела лиц позволяет найти оптимальные пути решения задач розыска.

Что же следует понимать под предвидением (прогнозированием), каковы его научные методики и роль в розыскной деятельности следователя?

Известно, что в связи с прогрессом научно-технической революции и необходимостью прогнозирования ее направлений и последствий резко возрос интерес к проблемам предвидения (соответственно, и упреждение тех или иных негативных последствий). Сформировалось и имеет место даже такое научное направление, как прогностика. Проблему предвидения принято относить к одной из важных гносеологических и методологических проблем. В философской литературе термин предвидения имеет обычно два основных значения: во-первых, его понимают как результат некоторого процесса и, во-вторых, как сам процесс, акт деятельности в целом.

Под прогнозированием (предвидением) как рабочем инструменте следователя в деле обнаружения разыскиваемых объектов авторы, прежде всего, подразумевают деятельность, направленную от известного к неизвестному. Предполагаемый же результат этой деятельности есть не что иное, как прогноз.

Предвидение нередко осуществляется посредством предположения или догадки, утверждения, которое, в отличие от аксиомы, постулатов, требует доказательства; в этом случае данный метод принято называть гипотетическим. Однако смешивать прогноз с гипотезой было бы существенной ошибкой. В логическом плане гипотеза представляет собой предположения следователя, которые составляют основу, предпосылку для вывода. Но в отличие от гипотезы, результат предвидения – прогноз – всегда относится к

будущему (например, какие шаги по сокрытию в тот или иной момент будет предпринимать лицо, объявленное в розыск, обладая информацией о тех или иных направлениях деятельности правоохранительных органов по его поиску), в то время как гипотеза может использоваться и для получения знаний о прошлом (например, о распределении ролей разыскиваемых лиц на момент совершения уголовно наказуемого деяния, их месте, занимаемом в иерархии организованной преступной группы и пр.) и настоящем (где сейчас может находиться разыскиваемый объект, с какой периодичностью будут приниматься меры по смене места нахождения разыскиваемым лицом и т. д.).

Поскольку разработка научных основ розыскной деятельности следователя относится к содержанию криминалистики, то и индивидуальное прогнозирование поведения скрывающегося преступника, в также лиц, утаивающих иные объекты розыска, будет являться криминалистическим. Отсюда: под *индивидуальным криминалистическим прогнозированием* мы понимаем процесс предвидения следователем будущего поведения разыскиваемого лица, его уловок и ухищрений, а также поведения лиц, скрывающих объекты розыска, с целью их обнаружения и использования в ходе производства по уголовному делу. *Индивидуальным криминалистическим прогнозом же*, в свою очередь, следует признать научно обоснованный вывод (предположение) о местонахождении искомых объектов, а именно: фигурантов, скрывающихся от следствия и, соответственно, находящихся в розыске, а также иных (материальных) утаиваемых объектов, имеющих доказательственное значение по делу.

Индивидуальный прогноз следователя (дознателя) всегда будет лишь вероятным предположением, поскольку личностная форма поведения того или иного индивида, находящегося в розыске, обусловлена лишь ему присущими сознательными действиями в тех или иных жизненных ситуациях, которые довольно часто противоречат общепринятым нормам и правилам; они исключают их однозначную и строгую детерминацию. Это, без сомнения, объективное свойство присуще всякой самоорганизующейся системе, высшим и наиболее сложным видом которой является так называемый *homo sapiens* – человек разумный. Деятельность следователя в этом случае в значительной степени базируется на вероятностных суждениях не только о прошлом и настоящем, но и о будущем. Как уже отмечалось, эти суждения могут быть

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

как гипотезами, так и (в последнем случае) прогнозами. Гипотезы лежат в основе большинства следственных версий, прогнозы – в основе специфического вида следственных версий – розыскной. Прогноз в такой версии всегда выступает как модель будущего развития того или иного явления, в частности, как индивидуальная модель поведения личности, скрывающейся от следствия и суда или имеющей отношение к скрыванию иных объектов розыска.

Моделирование здесь, как правило, является мыслительным процессом именно должностного лица, в производстве которого находится уголовное дело. Но, надо признать, и не только. Так, в частности, при составлении психологического портрета фигуранта по делу, находящегося в розыске, следователь прибегает к помощи такого специалиста, как профайлер. Будучи компетентным в области психологии, криминалистики, криминологии, последний, анализируя поведение, характеристики, психологический профиль интересующей нас категории лиц, и пр., на основе доступной информации дает рекомендации относительно соответствующих поисковых мероприятий следователя, их направлений. Однако мыслительный процесс не является панацеей, в процессе розыска особое место занимает и физическое моделирование, например, использование помощи специалистов при составлении композиционных портретов разыскиваемого посредством использования соответствующих компьютерных программ, которые позволяют подготовить его фоторобот (субъективный портрет) по описаниям лиц, вовлеченных в процесс расследования.

Криминалистическая модель, обладая свойствами репрезентации (замещения реального объекта) и экстраполяции (получения данных о реальном объекте) должна, помимо этого, быть соотносима с элементами расследуемого уголовно наказуемого деяния. Эти свойства – неотъемлемая принадлежность любой модели. И поскольку современный уровень развития науки не позволяет построить идеальную модель поведения человека, можно говорить лишь о гипотетических моделях. А значит, для прогнозирования в данном контексте принципиальное значение играет творческое воображение и интуиция соответствующего должностного лица, осуществляющего комплекс розыскных мероприятий.

Как таковое развитое творческое воображение позволяет моделировать варианты поведения разыскиваемого лица и возможные изменения ситуации по его поиску, позволяя отчасти возместить дефицит информации по делу. Мысленному моделированию способствует владение следователем методом рефлексивного мышления, основу которого составляют профессиональный и жизненный опыт последнего, именно здесь немаловажное место отведено познаниям в области психологии. Как верно подметила профессор Т.В. Аверьянова, «главным смыслом рефлексии является изменение средств, методов, приемов интеллектуального творчества в процессе преобразования информации, получаемой следователем от различных ее носителей (материальных, «идеальных»))» [4, с. 6–7].

Наличие развитого рефлексивного мышления у конкретного должностного лица – это возможность познать внутреннюю сущность фигуранта по делу, противодействующего расследованию, выстроить наиболее вероятную модель его поведения, в результате чего воздействовать на мыслительный процесс, управляя им в предпочтительном для поисковых мероприятий направлении, предвосхитить развитие ситуации на определенный временной период. Способность правильно реконструировать поведение скрывающегося лица, имитировать ход его размышлений и их последствия, а значит, предопределять поведенческие установки, позволяет следователю просчитать разыскиваемого, обнаружить и задержать его.

Наряду с эмпирическим криминалистическому прогнозированию присущ и интуитивный характер. Интуиция может помочь лицам, ведущим розыск, составить правильный прогноз поведения противодействующих расследованию лиц и принять верное решение в сложившейся ситуации. Однако надо признать, что психофизиологический механизм интуиции пока еще мало изучен. Об этом наглядно свидетельствует не прекращающаяся на протяжении более полувека дискуссия, в том числе и в научном мире за рубежом¹.

В интуитивно принятом решении не видно логических оснований вывода, однако он возможен лишь в результате напряженной умственной деятельности и определенного прошлого опыта. Общими условиями фор-

¹ Мы не ставили перед собой задачи по освещению научной полемики относительно пользы или «бесполезности» интуиции в правоприменительной деятельности, имеющей место на страницах различных литературных источников. Более подробно о затронутой проблеме, где представлены позиции целого ряда ученых, в том числе авторская, см.: Замылин Е.И. Несколько слов об интуиции в профессиональной деятельности следователя // Аубакировские чтения: материалы Международной научно-практ. конф. (19 февраля 2024 г.). Алматы, 2024. С. 90–93.

мирования и проявления следственной интуиции следует признать поисковую ситуацию на основе непрерывных мыслительных процессов, направленных на решение проблем, стоящих перед следователем, его попытки в данном направлении. Применительно именно к данной ситуации уместно заметить, что «здесь проявляется закон перехода количества в качество. Мозг как бы нарабатывает критическую массу материала, который вдруг взрывается и рождает идею» [5, с. 68].

В результате прогноза поведенческих установок разыскиваемых лиц следователь, кроме опоры на интуицию и собственный опыт, должен обладать знаниями о психологических особенностях интересующих нас лиц, в том числе о возможных следственно значимых компонентах их поведения, как основу для проведения соответствующих поисковых мероприятий. Отчасти это определено возрастом фигуранта, его профессией, семейным положением, опытом противоправной деятельности, окружением, традициями и обычаями, которые, безусловно, являются своеобразным фундаментом формирования его мировосприятия, эффективностью деятельности правоохранительных органов и т. д. Отсюда прогноз поведенческих установок фигуранта по делу, находящегося в розыске, обусловлен целым рядом объективных и субъективных факторов, в поисковых мероприятиях все это в целом взаимосвязано и взаимозависимо.

К общенаучным методам прогнозирования относятся также способы научного исследования, которыми располагает логика: наблюдение и эксперимент, анализ и синтез, индукция и дедукция, аналогия, классификация и систематизация, генетический метод и др. Не давая характеристику каждому из этих методов, отметим только широкую распространенность для целей прогнозирования поведения разыскиваемых лиц метода аналогии. Особенно большое значение он имеет для построения типовых розыскных версий следователя.

Характерными для прогнозирования являются также экстраполяционные методы, они находят применение при прогнозировании эволюционных ситуаций, изменяющихся во времени, когда происходит своеобразный синтез информации об объекте розыска, охватывающей определенный временной промежуток. Анализируя поведение в прошлом различных категорий разыскиваемых лиц, самого преступника, если ранее он привлекался к уголовной ответственности и скрывался от следствия и суда, а также поступки

лиц, укрывающих те или иные объекты розыска, следователь, исходя из сложившейся тактической ситуации, формирует прогноз поведения лиц, в отношении которых он осуществляет розыскную деятельность, моделирует их поведение. Взяв за основу изложенное, позволим себе представить подобную деятельность должностного лица в виде оригинального ряда: «прошлое – настоящее – будущее».

Перспективным в розыскной деятельности следователя следует признать применение еще одного метода прогнозирования – это метод экспертных оценок. Будучи сходным с интуитивным, он обладает спецификой реализации, которая проявляется в так называемой «коллективной генерации идей» или «мозговом штурме». Суть данного метода можно определить как групповое мышление специалистов различного профиля знаний. Следователь (руководитель группы следователей), возглавляющий расследование в целом и розыскную деятельность в частности, практикуя совместные совещания с другими следователями, оперативными работниками, экспертами и иными специалистами, может прибегать к коллективной генерации высказываемых идей (даже самых невероятных на первый взгляд), направленных на решение розыскных задач.

Вполне закономерным фактом здесь является то, что комплекс поисковых мероприятий по установлению места нахождения объектов розыска – это совокупность взаимосвязанных и чередующихся в различной последовательности действий компетентных лиц, обладающих необходимым запасом знаний и практическим опытом. Поэтому центральным и необходимым фактором, обеспечивающим эффективность розыска, является взаимодействие. Используя совершенные методы прогностической деятельности, следователь повышает эффективность работы по организации и проведению поисковых мероприятий.

Подведя итог вышеизложенному, отметим: индивидуальное криминалистическое прогнозирование в розыскной деятельности обусловлено предвидением следователя будущего поведения разыскиваемого лица, его уловок и ухищрений, а также поведения лиц, скрывающих объекты розыска, преследующего цель по их обнаружению и использованию их в ходе расследования. Индивидуальным криминалистическим прогнозом является научно обоснованный вывод (предположение) о поведении скрывающегося лица, а также о местонахожде-

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

нии скрываемых объектов. Индивидуальный прогноз всегда будет лишь вероятным предположением, поскольку личностная форма поведения индивида, находящегося в розыске, обусловлена лишь ему присущими сознательными действиями в тех или иных жизненных ситуациях, которые исключают их однозначную и строгую детерминацию. Прогноз выступает в качестве индивидуальной модели поведения фигуранта по делу, скрывающегося от правосудия. Моделирова-

ние здесь, как правило, является мыслительным процессом следователя, а также иных вовлекаемых в данный процесс лиц; особое место в процессе розыска занимает и физическое моделирование. Развитое творческое воображение следователя позволяет моделировать варианты поведения разыскиваемого лица и возможные изменения ситуации по его поиску, позволяя отчасти возместить дефицит информации по делу.

Список источников

1. Белкин Р.С. Курс советской криминалистики: в 3 т. М., 1977. Т. 1.
2. Белкин Р.С. Курс криминалистики: 3 т. М., 1997. Т. 1.
3. Белкин Р.С. Избранные труды. М., 2008.
4. Аверьянова Т.В. Соотношение методов эвристики с внутренним убеждением следователя // Труды Академии управления МВД России. М., 2012. № 1.
5. Белявский А.В. Тайны предвидения (прогностика и будущее). М., 1977.

References

1. Belkin R.S. Course of Soviet criminalistics: in 3 v. Moscow, 1977. V. 1.
2. Belkin R.S. Course of criminalistics: 3 v. Moscow, 1997. V. 1.
3. Belkin R.S. Selected works. Moscow, 2008.
4. Averianova T.V. Correlation of heuristic methods with the investigator's inner conviction // Works of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Moscow, 2012. № 1.
5. Belyavsky A.V. Secrets of foresight (prognostics and the future). Moscow, 1977.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Закатов Александр Александрович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, профессор кафедры криминалистики. Волгоградская академия МВД России. 400075, Российская Федерация, г. Волгоград, ул. Историческая, 130.

Замылин Евгений Иванович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры криминалистики. Волгоградская академия МВД России. 400075, Российская Федерация, г. Волгоград, ул. Историческая, 130.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Zakatov Aleksander Aleksandrovich, Grand PhD in Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Professor of the Department of Criminalistics. Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 130, Historical St., Volgograd 400075 Russian Federation.

Zamylin Evgeny Ivanovich, Grand PhD in Law, Professor, Professor of the Chair of Criminalistics. Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 130, Historical St., Volgograd 400075 Russian Federation.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНОЙ КРИМИНАЛИЗАЦИИ КИБЕРПРЕСТУПНОСТИ

Карпика Анатолий Григорьевич

Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Российская Федерация
akarpika@yandex.ru

Захаров Николай Дмитриевич

Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Российская Федерация
nzakharov19@mvd.ru

Введение: киберпреступность является глобальной проблемой по причине ее транснационального характера и эволюционирующей природы. Согласно отчету о защите от киберугроз за 2024 г., опубликованному CyberEdge Group, такие киберпреступления, как утечка данных, кража персональных данных и др., не только затрагивают 72 % организаций по всему миру, но и практически всех, кто имеет доступ к интернет-сервисам [1]. В качестве правовой основы противодействия этому явлению начиная с 2001 г. большинство стран приняли законодательство о киберпреступности на национальном уровне.

Материалы и методы: из ряда международных договоров в области противодействия киберпреступлениям на первом этапе были отобраны те, которые охватывают наибольшее количество участников. На последующих этапах анализировалось их содержание и взаимная связь. Кроме этого анализировались известные примеры и теоретически возможные результаты гармонизации национальных законодательств и международных договоров.

Результаты исследования: проведен анализ международных договоров в области противодействия киберпреступлениям, сформулирована проблема терминологии и единого понимания действий, которые могут быть квалифицированы как киберпреступления.

Выводы и заключения: необходимо увязать глобальные коллективные действия по борьбе с киберпреступностью с глобальной и трансграничной криминализацией киберпреступности. В отсутствие единого сообщества государств, разделяющих одни и те же нормы, правила и взгляды, государствам необходимо в первую очередь выполнять свои обязательства в вопросах сотрудничества и предотвращения потенциальных рисков возникновения и распространения инцидентов кибербезопасности.

Ключевые слова: киберпреступление, криминализация преступлений, международные нормы и соглашения, информационное право, взаимодействие стран, правоохранительная деятельность.

Для цитирования: Карпика А. Г., Захаров Н. Д. Актуальные вопросы транснациональной криминализации киберпреступности / А. Г. Карпика, Н. Д. Захаров // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2025. № 1 (112). – С. 109–114.

Original paper

ACTUAL ISSUES OF TRANSNATIONAL CRIMINALIZATION OF CYBERCRIME

Karpika Anatoly Grigorievich

Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russian Federation

Zakharov Nikolay Dmitrievich

Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs, Volgograd, Russian Federation

Introduction: cybercrime is a global problem due to its transnational nature and evolving nature. According to the Cyber Defense Report 2024 published by CyberEdge Group, cybercrimes such as data leaks, identity theft, etc., not only affect 72% of organizations worldwide, but also almost everyone who

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

has access to Internet services [1]. Since 2001, most countries have adopted cybercrime legislation at the national level as a legal basis for countering this phenomenon.

Materials and methods: from a number of international treaties in the field of countering cybercrime, those that cover the largest number of participants were selected at the first stage. At the subsequent stages, their content and interrelationship were analyzed. In addition, known examples and theoretically possible results of harmonization of national legislation and international treaties were analyzed.

Results of the study: an analysis of international treaties in the field of countering cybercrime was carried out, the problem of terminology and a common understanding of actions that can be classified as cybercrime was formulated.

Findings and conclusions: it is necessary to link global collective action to combat cybercrime with global and cross-border criminalization of cybercrime. In the absence of a unified community of states that share the same norms, rules and views, states must first and foremost fulfill their obligations in matters of cooperation and prevention of potential risks of the emergence and spread of cybersecurity incidents.

Keywords: cybercrime, criminalization of crimes, international norms and agreements, information law, interaction of countries, law enforcement.

For citation: Karpika A. G., Zakharov N. D. Actual issues of transnational criminalization of cybercrime / A. G. Karpika, N. D. Zakharov // *Philosophiya prava : scientific-theoretical journal*. Rostov-on-Don. 2025. № 1 (112). – Pp. 109–114.

В исследованиях, посвященных противодействию киберпреступности на транснациональном уровне, как правило, обсуждаются различные аспекты, связанные с этим явлением, несмотря на это само понятие «киберпреступность» до сих пор является обсуждаемым. Обширные дискуссии о видах киберпреступности в основном сводятся к трехсторонней классификации, основанной на технологиях совершения преступлений. Таким образом, исследования показывают, что границы киберпреступности до сих пор до конца неясны и продолжают вызывать споры [2]. Например, такое событие, как «подстрекательство к совершению преступлений на почве национальной, расовой или религиозной ненависти» в Сети может представлять собой пример проявления транснациональной киберпреступности и одного из наиболее наказуемых преступлений, подлежащих рассмотрению как национальными судебными органами, так и международными юридическими организациями.

Кроме этого, большинство авторов признает, что разрыв в регулировании, обусловленный экономическими и институциональными факторами государств, является серьезным препятствием для транснационального законодательства в области киберпреступности. Так, некоторые государства, например, Камбоджа и Эфиопия, применяют патерналистский подход, который признает национальную безопасность, а не права человека в качестве социального приоритета, который необходимо защищать в киберпространстве.

Высказываются мнения о необходимости международной уголовной ответственности за такие преступления, как разжигание не-

нависти посредством свободного выражения мнений в Сети, в связи с их потенциальной социальной опасностью, т. к. исключительно административная ответственность не позволит осуществлять их профилактику.

Исследователи также расходятся во мнениях относительно эффективного решения и гармоничного сочетания таких инструментов, как международные договоры, национальные законодательства, в силу сложности их гармонизации в интересах глобального подхода к борьбе с киберпреступностью.

Отмеченное помогает сформулировать основные факторы, препятствующие глобальным коллективным действиям по противодействию киберпреступности. К ним относятся: эволюционирующий характер киберпреступности; национальные различия как в менталитете, так и в законодательствах; политические предпочтения на транснациональном уровне. Тем не менее анализ источников [3; 4; 5] позволил выявить тот факт, что понятие «киберпреступность» рассматривается как случившийся факт без учета того, как оно трактуется в соответствии с ранее принятыми договорами; развивается ли это понятие на транснациональном уровне и каким образом; и, наконец, как эволюция киберпреступности проясняет потенциальные стратегии глобального сотрудничества в борьбе с ней.

В связи с этим интерес представляет явление, известное как транснациональная криминализация, которую можно определить как определенные действия, выходящие за рамки международных границ, нарушающие законы нескольких государств или оказывающие влияние на другую страну. Из этого можно сделать вывод о том, что, по сути,

транснациональная криминализация не криминализирует сами действия, а направлена на поиск общих принципов судебного преследования на равных условиях для всех государств.

Другими словами, косвенное пресечение преступной деятельности в соответствии с международным правом посредством национального уголовного законодательства является инструментом пресечения злоумышленного поведения. На практике же законодателям всегда требуется убедить собственных граждан в том, что международное вмешательство во внутренние дела государства является оправданным и легитимным.

Как правило, транснациональная криминализация может привести к двум последствиям. Одно из них заключается в том, что у государства есть основания для экстерриториального контроля и (или) вынесения судебных решений с экстерриториальными последствиями путем установления своей юрисдикции в отношении лиц, имущества и действий за пределами территории, ограниченной лишь в определенных случаях ранее существовавшими «запретительными нормами» международного права.

Другой целью является изменение внутреннего уголовного законодательства с учетом международных процессов законотворчества и дальнейшего влияния на другие национальные законы. Так, некоторые государства, такие как Россия, Казахстан, Китай, Бразилия, также влияют на процесс транснациональной криминализации, которая исторически подчинялась процессам борьбы с преступностью государств Европы и Северной Америки, направленной на блокирование преступных потоков, исходящих из развитых и развивающихся государств.

Несомненно, различные источники норм права, как национальные, так и международные, сосуществуют в международно-правовой сфере, т. к. практически все государства действуют с учетом собственных интересов, а также в соответствии со сложившемся балансом расстановки сил на международной арене. Это зачастую приводит к возникновению как региональных, так и глобальных противоречий в вопросе транснациональной криминализации.

Одним из примеров является Римский статут Международного уголовного суда, в котором не отражена позиция таких ключевых международных игроков, как США, Россия, КНР, заключающаяся в отказе от автоматической юрисдикции и предпочтении системы добровольного присоединения.

Таким образом, Римский статут фактически утратил свою цель – обеспечить всеобщее участие в борьбе с преступностью.

На практике ответ на вопрос, может ли цикл нормативных изменений в конечном итоге привести к изменению ранее существовавших правил, зависит от убедительности, которая обусловлена поддержкой большинства ключевых игроков на международной арене, согласованностью с доминирующими в международном праве юридическими обоснованиями и достаточностью нормативной базы.

Транснациональная криминализация киберпреступности во многом затруднена, поскольку мы живем по сути во фрагментированном, с точки зрения права, мире. В настоящее время действует ряд международных договоров о борьбе с киберпреступностью, распределенных между странами неравномерно и имеющих некоторое дублирование правовых норм.

Большинство международных договоров имеют локальный характер с разной силой воздействия. Так, Будапештская конвенция является самым первым международным договором о преступлениях, совершенных через Интернет и другие компьютерные сети, и касается, в частности, нарушений в области соблюдения авторских прав, компьютерного мошенничества, детской порнографии и нарушений безопасности компьютерных сетей. Она объединяет все государства – члены ЕС, 11 американских стран, включая США, пять африканских государств, пять азиатских государств и два государства Океании. Она обладает не только наибольшей институциональной мощностью, но и значительным производственным потенциалом для распространения знания и дискурсивной практики, поскольку многие тихоокеанские островные страны, не являющиеся участниками конвенции, внедрили ее положения во внутреннее законодательство.

Соглашение о сотрудничестве в обеспечении международной информационной безопасности между государствами – членами Шанхайской организации сотрудничества (далее – ШОС) объединяет Беларусь, Индию, Иран, Казахстан, Китай, Кыргызстан, Пакистан, Россию, Таджикистан, Узбекистан и частично пересекается с Соглашением о создании Содружества Независимых Государств.

Арабская конвенция о борьбе с преступлениями, связанными с использованием информационных технологий, также практически не пересекается с другими договорами,

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

возможно, потому, что арабские государства намерены проявлять гибкость в обеспечении сбалансированности власти скоординированным образом, опираясь на самобытность ислама.

Разнообразие киберпреступлений, варьирующихся от прямых атак на системы и сети до манипулирования социальными сетями и краж «цифровой личности», наиболее учитывается только в Соглашениях СНГ и ШОС, где приводится определение «информационной преступности» как использования информационных ресурсов и (или) воздействия на них в информационном пространстве в противоправных целях [6, с. 47–51]. Вместе с этим понятие «киберпреступность», согласно всем международным договорам, включает в себя две категории правонарушений, а именно киберзависимые правонарушения, которые представляют собой «вредоносную деятельность, которая не существовала бы вне цифровой сферы», и киберпреступления, связанные с использованием цифровых технологий, которые усиливают существующие формы правонарушений [7, с. 132–137].

Во-первых, все международные договоры признают несанкционированный доступ к компьютерам или компьютерным системам, вредоносное программное обеспечение и атаки «отказ в обслуживании» как преступления, связанные с киберзависимостью, но государства по-прежнему могут по своему усмотрению применять [создавать] своеобразное представление элементов конвенций в ряде различных положений национальных законодательств. Например, в отличие от США, Великобритания не квалифицирует действия, которые «превышают разрешенный доступ» для получения информации, как незаконный доступ, хотя обе страны являются участниками Будапештской конвенции.

Во-вторых, международные договоры значительно расходятся в отношении преступлений, связанных с использованием киберресурсов.

По сути, национальное уголовное законодательство и менталитет служат ключевым фактором, обуславливающим это. Например, Соглашение СНГ не требует от государств запрещать мошенничество и подделку документов в киберпространстве, учитывая различия во внутреннем уголовном законодательстве государств – участников СНГ: ст. 281-282 Уголовного кодекса Республики Таджикистан касаются обычного подлога без какого-либо цифрового элемента.

Директива по борьбе с киберпреступностью Экономического сообщества Западноафриканских государств требует полного запрета порнографии, которая является «неэтичной» с точки зрения исламских норм, распространенных в обоих регионах. Кроме того, в Конвенции Африканского союза о кибербезопасности и защите персональных данных, предусмотрены нормативные меры для рассмотрения в качестве отягчающих обстоятельств использование информационно-коммуникационных технологий для совершения таких преступлений, как «отмывание денег».

Одной из проблем является отсутствие соглашения о том, когда следует привлекать к ответственности за киберпреступления. Анализ доступных источников показал, что, во-первых, в некоторых международных договорах, таких как Соглашение СНГ и ШОС, отсутствуют запреты на «попытки и соучастие», что говорит о том, что в государствах отсутствует согласованный стандарт для ограничения рисков, связанных с киберпреступностью. Попытки и соучастие – действия, свидетельствующие о том, что за ними скорее всего последует преступление. Это может помешать достижению цели международных договоров – обозначить диапазон ранее существовавших (докриминальных) правонарушений, которые государство будет рассматривать как публичные правонарушения, и за которые граждане, следовательно, будут привлечены к ответственности.

Таким образом, можно с уверенностью констатировать тот факт, что между государствами существуют разногласия по целому ряду вопросов, связанных с киберпреступлениями. Так, государства пришли к общему согласию в отношении запрета незаконного доступа, незаконного перехвата, вмешательства в цифровые системы, информацию, устройства, неправильного использования устройств, подделки документов, связанных с компьютерами, и использование поддельных данных во внутреннем уголовном законодательстве, но государства – участники Будапештской конвенции настаивают на том, что эти преступления должны быть полностью виртуальными. Например, Австрия указывает, что транснациональные преступления, связанные с киберпреступлением, не должны включать перехват стационарных телефонных линий, которые работают без компьютеров, поскольку такое преступление не имеет международного аспекта, который оправдывал бы его включение в Конвенцию ООН.

Напротив, Россия, Иран, Беларусь, Буркина-Фасо, Венесуэла и Египет считают, что достаточно простого транснационального нормативного акта, поскольку киберпреступность должна включать в себя требование «квалифицировать в качестве преступления в соответствии со своим внутренним законодательством преднамеренное создание, распространение и/или использование программного обеспечения или другой цифровой информации, заведомо предназначенных для незаконного вмешательства в критически важную информационную инфраструктуру.

Кроме этого, заметны противоречия между основными государствами – участниками Будапештской конвенции и Соглашением ШОС и СНГ по изменению состава преступлений против личности и по вопросу о том, следует ли квалифицировать преступления с использованием компьютерных технологий в рамках будущей глобальной конвенции.

Большинство претензий вызвано опасениями, что государства могут распространить уголовные наказания, которые служат исключительно внутренним потребностям в решении моральных проблем, на международную правовую систему, поскольку любые обязательства применять уголовные законы для наказания за киберпреступления могут оказывать сдерживающее воздействие на свободу выражения мнений. Тем не менее попытки расширить сферу охвата преступлений против личности и преступлений, совершаемых при содействии киберпреступлений, могут позволить государствам добиваться глобальной легитимности использования уголовного законодательства для компенсации институциональной неспособности реагировать на менее серьезные ки-

берпреступления с помощью сравнительно «мягких» правовых санкций на национальном уровне, хотя это может привести к потенциальному дублированию других международных правил и норм.

В связи с этим важнейший вопрос заключается не в том, могут ли государства применять уголовное законодательство к этим преступлениям, а в том, как сделать вмешательство государства в полной мере эффективным, не ставя под угрозу само право.

Глобальные коллективные действия против киберпреступности целесообразно увязывать с гармонизацией глобального регулирования киберпреступности, которое должно быть направлено на достижение удовлетворительного результата путем последующих улучшений. В результате этого более справедливо и практично будет требовать от государств – участников соглашений соблюдения процедурных обязательств, таких как периодический обмен информацией и представление отчетности о подотчетности в соответствии с законодательством. Насущная необходимость совместной борьбы с киберпреступностью и глобальностью киберпространства не означает предоставления государствам права вмешиваться во внутренние или внешние дела другого государства и принуждать государства отказываться от привилегий, которые касаются защиты политических организаций, внутренних и международных отношений. В то же время государства должны в первую очередь обеспечить выполнение обязательств по сотрудничеству и предотвращению ущерба, в условиях отсутствия единого сообщества государств, придерживающихся в целом одних и тех же норм, правил и взглядов.

Список источников

1. Отчет о защите от киберугроз за 2024 год. URL: <https://cyberedgegroup.com/resources/insights-from-the-2024-cyberthreat-defense-report/> (дата обращения: 16.12.2024).
2. Ванг К. Глобальное переосмысление киберпреступности: поток конкурирующих нормативных полномочий. URL: <https://www.cambridge.org/core/journals/leiden-journal-of-international-law/article/global-reframing-of-cybercrime-an-emerging-common-interest-in-flux-of-competing-normative-powers/749B9BAD0E8BC8ADD25DB77259C1FF08#fn1/> (дата обращения: 16.12.2024).
3. Кузьмина А.Ю., Иванов С.В. Международное сотрудничество в области проти-

References

1. Insights from the 2024 Cyberthreat Defense Report. Available at: <https://cyberedgegroup.com/resources/insights-from-the-2024-cyberthreat-defense-report/> (date of access: 16.12.2024).
2. Wang K. Global Reframing of Cybercrime: An Emerging Common Interest in Flux of Competing Normative Powers. Available at: <https://www.cambridge.org/core/journals/leiden-journal-of-international-law/article/global-reframing-of-cybercrime-an-emerging-common-interest-in-flux-of-competing-normative-powers/749B9BAD0E8BC8ADD25DB77259C1FF08#fn1/> (date of access: 16.12.2024).

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

водействия киберпреступности // Научные исследования и разработки. 2021.

4. Директива NIS (Directive (EU) 2016/1148). Европейский союз, 2016. О мерах по обеспечению высокого уровня безопасности сетей и информационных систем в ЕС. URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/dir/2016/1148/oj> (дата обращения: 16.12.2024).

5. Доклад Специального комитета по разработке всеобъемлющей международной конвенции о противодействии использованию информационно-коммуникационных технологий в преступных целях о работе его возобновленной заключительной сессии. URL: <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/v24/056/77/pdf/v2405677.pdf> (дата обращения: 16.12.2024).

6. Карпика А.Г. Актуальные вопросы противодействия преступлениям, совершаемым с использованием технологии дипфейков // Информационные технологии в деятельности правоохранительных органов: современное состояние, проблемы и перспективы: сб. научных статей (6 апреля 2023 г.). Орел, 2023.

7. Карпика А.Г. Социальные и правовые аспекты вовлечения в киберпреступную деятельность // Юрист-Правоведь. 2024. № 2(109).

3. Kuzmina A.Yu., Ivanov S.V. International cooperation in the field of combating cybercrime // Research and development. 2021.

4. NIS Directive (EU) 2016/1148). European Union, 2016. On measures to ensure a high level of security of EU networks and information systems. URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/dir/2016/1148/oj> (date of access: 16.12.2024).

5. Report of the Ad Hoc Committee on the drafting of a comprehensive international convention against the use of information and communications technologies for criminal purposes on the work of its resumed final session. URL: <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/v24/056/77/pdf/v2405677.pdf> (date of access: 16.12.2024).

6. Karpika A.G. Current issues of counteracting crimes committed using deepfake technology // Information technologies in the activities of law enforcement agencies: current state, problems and prospects: collection of scientific articles (April 6, 2023). Orel, 2023.

7. Karpika A.G. Social and legal aspects of involvement in cybercriminal activity // Jurist-Pravoved. 2024. № 2(109).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Карпика Анатолий Григорьевич, кандидат технических наук, доцент, доцент кафедры информационного обеспечения органов внутренних дел. Ростовский юридический институт МВД России. 344015, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.

Захаров Николай Дмитриевич, кандидат юридических наук, начальник научно-исследовательского отдела. Волгоградская академия МВД России. 400075, Российская Федерация, г. Волгоград, Историческая ул., 130.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Karpika Anatoly Grigorievich, PhD in Technical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Information Support of Internal Affairs Bodies. Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 83, Eremenko St., Rostov-on-Don 344015 Russian Federation.

Zakharov Nikolay Dmitrievich, PhD in Law, Head of the Research Department. Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 130, Historical St., Volgograd 400075 Russian Federation.

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ СПОСОБОВ МАСКИРОВКИ ПРЕСТУПНОЙ И ПОСТКРИМИНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Коряк Юлия Дмитриевна

Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Российская Федерация,
julia.koryak@mail.ru

Введение: анализируя состояние преступности за девять месяцев 2024 г., можно сделать вывод о росте числа нераскрытых преступлений. Из общего количества преступлений нераскрытыми остались 632,2 тыс. (при этом на тяжкие и особо тяжкие преступления приходится 32,6 %), что на 3,6 % больше аналогичного показателя за девять месяцев 2023 г. Также на 2,9 % увеличилось количество преступлений (611,9 тыс.), которые остались нераскрытыми связи с неустановлением лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого [1]. По нашему мнению, вышеуказанное свидетельствует о том, что чаще всего преступники пытаются замаскировать свою преступную и посткриминальную деятельность с помощью различных приемов и способов.

Материалы и методы: в качестве теоретической основы настоящего исследования нами используется общенаучный метод систематизации знаний и деятельностный подход к определению объекта криминалистической науки, в качестве эмпирической основы – анализ правоприменительной практики и статистических данных, результаты анкетирования лиц, осуществляющих предварительное расследование по уголовным делам.

Результаты исследования: разработана классификация способов маскировки преступной и посткриминальной деятельности, которая может быть использована в процессе раскрытия и расследования тяжких и особо тяжких корыстно-насильственных преступлений.

Выводы и заключения: по мнению автора, в целях совершенствования процесса расследования тяжких и особо тяжких корыстно-насильственных преступлений необходимо изучить криминалистическую классификацию способов маскировки преступной и посткриминальной деятельности. В качестве оснований для классификации автором предлагается выбрать особенности механизма преступной и посткриминальной деятельности, а также криминалистическое учение о внешнем облике человека.

Ключевые слова: криминалистика, маскировка, приемы и способы маскировки, преступная и посткриминальная деятельность, классификационный подход

Для цитирования: Коряк Ю. Д. Криминалистическая классификация способов маскировки преступной и посткриминальной деятельности / Ю. Д. Коряк // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2025. № 1 (112). – С. 115–119.

Original paper

FORENSIC CLASSIFICATION OF METHODS OF DISGUISED CRIMINAL AND POST-CRIMINAL ACTIVITY

Koryak Yulia Dmitrievna

Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russian Federation

Introduction: Analyzing the state of crime for the first nine months of 2024, we can conclude that the number of unsolved crimes has increased. Of the total number of crimes, 632,2 thousand remained unsolved (with serious and especially serious crimes accounting for 32,6%), which is 3,6% more than the same indicator for the first nine months of 2023. Also, the number of crimes (611,9 thousand) that remained unsolved due to the failure to identify the person to be charged increased by 2,9% [1]. In our opinion, the above indicates that most often criminals try to disguise their criminal and post-criminal activities using various techniques and methods.

Materials and methods: as a theoretical basis for this study, we use the general scientific method of systematizing knowledge and an activity-based approach to defining the object of forensic science, as an

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

empirical basis - an analysis of law enforcement practice and statistical data, the results of a survey of persons conducting preliminary investigations of criminal cases.

Results of the study: *a classification of methods for disguising criminal and post-criminal activity has been developed, which can be used in the process of solving and investigating serious and especially serious mercenary-violent crimes.*

Findings and conclusions: *according to the author, in order to improve the process of investigating serious and especially serious mercenary-violent crimes, it is necessary to study the forensic classification of methods for disguising criminal and post-criminal activity. As a basis for classification, the author proposes to choose the features of the mechanism of criminal and post-criminal activity, as well as the forensic doctrine of a person's appearance.*

Keywords: *forensics, disguise, disguise techniques and methods, criminal and post-criminal activity, classification approach*

For citation: *Koryak Yu. D. Forensic classification of methods of disguising criminal and post-criminal activity / Yu. D. Koryak // Philosophiya prava : scientific-theoretical journal. Rostov-on-Don. 2025. № 1 (112). – Pp. 115–119.*

Неотъемлемой частью криминалистической науки является изучение криминалистической классификации приемов противодействия и способов их сокрытия, поэтому предлагаем в настоящем исследовании классифицировать приемы и способы маскировки преступной и посткриминальной деятельности (далее – приемы и способы маскировки) в целях совершенствования процесса расследования тяжких и особо тяжких корыстно-насильственных преступлений.

О значимости классификационного подхода в криминалистике говорит не одно поколение ученых, среди которых необходимым считаем отметить труды Р.С. Белкина [2], В.П. Лаврова [3], В.А. Образцова [4], Н.П. Яблокова [5], И.Ф. Герасимова [6], А.В. Варданяна [7], А.Ю. Головина [8], А.С. Андреева [9] и др. Нельзя не согласиться с мнением указанных авторов, поскольку для методики расследования преступлений особенно важным является выделение именно криминалистически значимых признаков и их систематизация.

Криминалистическую классификацию можно рассматривать с нескольких сторон: как средство познания сущности предметов

и явлений; как метод систематизации знаний, благодаря которому представляется возможным выявить закономерности формирования и реализации приемов и способов маскировки, а также использовать полученную информацию в качестве средств борьбы с преступной и посткриминальной деятельностью. Значение разработки такой классификации состоит в том, что она может выступать в качестве основы для построения и проверки следственных версий, определения тактики производства следственных действий и выработки методики расследования отдельных видов тяжких и особо тяжких корыстно-насильственных преступлений. Помимо этого, она может способствовать оперативному установлению личности преступника, что представляет особую значимость, исходя из причин увеличения количественных показателей нераскрытых преступлений.

Для начала автором проведено анкетирование сотрудников органов предварительного расследования (следователи/дознаватели), в рамках которого был задан вопрос: «С какими приемами и способами маскировки при расследовании уголовных дел вы сталкивались?» (рис. 1).

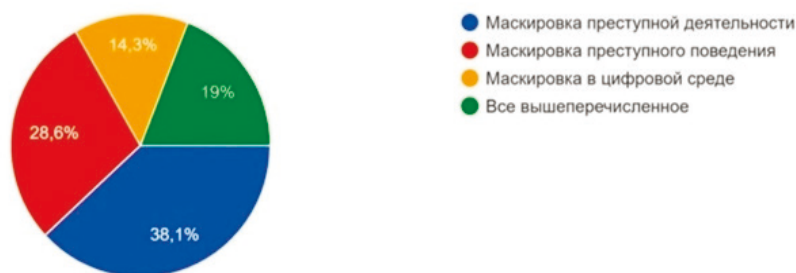

Рис. 1. Результаты анкетирования следователей и дознавателей органов внутренних дел

Согласно результатам исследования, большинство сотрудников (38,1 %) сталкивалось с маскировкой преступной деятельности, что свидетельствует о необходимости изучения ее различных проявлений, а также приемов и способов.

В своих исследованиях автор приходит к выводу о том, что в криминалистической науке всестороннее и полное изучение приемов и способов маскировки возможно с позиции системно-деятельностного подхода [9]. Это объясняется тем, что преступная деятельность, наряду с деятельностью по ее раскрытию и расследованию, является двуединым объектом науки криминалистики [7]. Поэтому считаем, что в качестве оснований для классификации приемов и способов маскировки могут быть использованы свойства и особенности механизма преступной и посткриминальной деятельности:

1. В зависимости от субъектного состава:

- приемы и способы маскировки, используемые основными субъектами (виновным и связанными с ним лицами);
- приемы и способы маскировки, используемые дополнительными субъектами (потерпевший, свидетель).

2. В зависимости от количественного признака:

- единоличная маскировка (используемая одним конкретным субъектом);
- групповая маскировка (используемая несколькими субъектами).

3. По виду деятельности:

- маскировка преступной деятельности;
- маскировка посткриминальной деятельности;
- маскировка преступного поведения как части преступной деятельности.

4. По содержанию способа совершения преступления:

- маскировка путем активных действий (например, дача заведомо ложных показаний);
- маскировка путем бездействий (например, отказ от дачи показаний).

5. В зависимости от регулярности реализации на стадиях способа совершения преступления:

- маскировка как регулярное действие (субъект целенаправленно маскирует свои действия и поведение в ходе совершения преступления, процесса расследования и после него);

- маскировка как разовое действие.

6. По факту осуществления сокрытия:

- маскировка, используемая на всех ста-

диях способа совершения преступления;

- маскировка, входящая в стадию сокрытия.

7. В зависимости от структуры действий, составляющих способ сокрытия преступления [10]:

- маскировка как прием (самостоятельная);
- маскировка как способ (комбинированная).

8. В зависимости от деятельности и поведения в ходе расследования тяжких и особо тяжких преступлений:

- маскировка содействия – «псевдосодействие» (оговор, самооговор, лжесвидетельство и т. д.);

- маскировка лжи (умалчивание, утаивание, сообщение заведомо ложных показаний и т. д.);

- маскировка виновной осведомленности (поведение виновных и других лиц, связанных с событием преступления, ход производства отдельных следственных действий).

В ходе раскрытия и расследования преступлений часто возникает необходимость определить по следам и иным отображениям связь человека предмета или иного объекта с расследуемым событием [11]. Однако, по нашему убеждению, процесс идентификации может быть затруднен или практически невозможен ввиду использования преступниками приемов и способов маскировки. Поэтому в качестве основы для их классификации предлагаем взять криминалистическое учение о внешнем облике человека:

I. В зависимости от устойчивости признаков в течение времени:

- маскировка постоянных признаков (присущие человеку в течение всей его жизни при нормальном развитии);

- маскировка временных признаков (возникающие и исчезающие в течение жизни: пигментные пятна, бородавки и т. д.).

II. В зависимости от степени связи с личностью:

- маскировка общефизических признаков (пол, возраст, рост и т. д.);

- маскировка анатомо-морфологических признаков (признаки отдельных частей тела и лица);

- маскировка функциональных признаков (походка, осанка, речь, жестикуляция и т. д.)

- маскировка особых примет и бросающихся признаков (родимые пятна, горб, бородавки, следы оспы, татуировки и т. д.).

III. В зависимости от источника информации:

- маскировка субъективного источника

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

(мысленного образа, сохранившегося в памяти, с целью невозможности его описания и опознания);

– маскировка объективного источника (например, фото- и видеоматериала).

Дифференциация приемов и способов маскировки свидетельствует о возможности выделить характеризующие их признаки:

- относительная устойчивость;
- повторяемость;
- типичность.

Далее, в рамках проведенного анкетирования мы постарались выделить наиболее типичные приемы и способы маскировки при расследовании отдельных видов корыстно-насильственных преступлений. Итак, по

мнению респондентов, при расследовании уголовных дел по ст. 161 УК РФ наиболее типичными приемами и способами маскировки являются: маскировка внешности (57,1 %), маскировка следов преступления (47,6 %) и маскировка сущности преступника (38,1 %) (рис. 2); при расследовании уголовных дел по ст. 162 УК РФ – маскировка внешности преступника (61,9 %) и маскировка следов преступления (61,9 %) (рис. 3); при расследовании уголовных дел по ст. 111 УК РФ – маскировка следов преступления (66,7 %), маскировка внешности преступника (42,9 %), маскировка сущности преступника (38,1 %) (рис. 4).

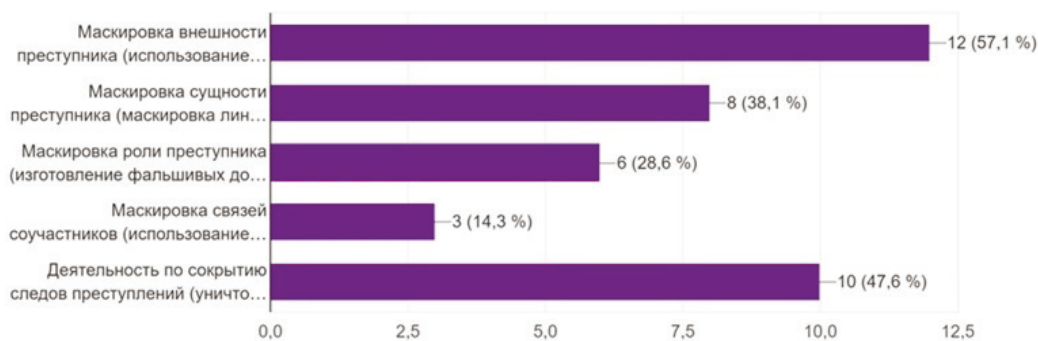

Рис. 2. Типичные приемы и способы маскировки при расследовании уголовных дел по ст. 161 УК РФ

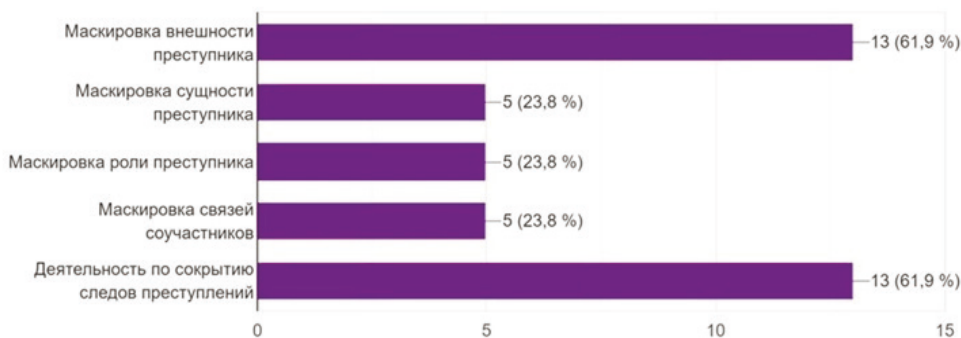

Рис. 3. Типичные приемы и способы маскировки при расследовании уголовных дел по ст. 162 УК РФ

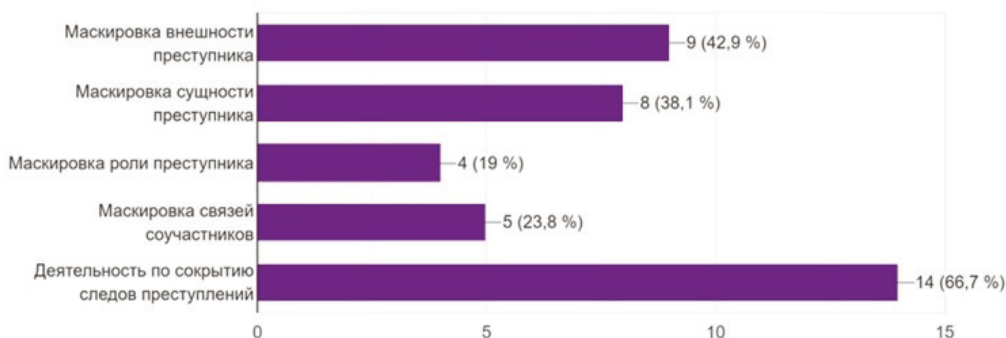

Рис. 4. Типичные приемы и способы маскировки при расследовании уголовных дел по ст. 111 УК РФ

Таким образом, следует иметь в виду, что не все приемы и способы маскировки конкретного преступления охватываются единым замыслом и совершаются с общей целью. Изложенное препятствует созданию универсальной, применимой для всех видов преступлений, классификации приемов и способов маскировки. Выявление же и систематизация типичных, во многом неса-

мостоятельных, но повторяющихся приемов и способов маскировки, позволяет разработать эффективную модель борьбы с их проявлениями. Однако следует отметить, что вследствие информатизации современного общества в ближайшее время предвидим появление новых цифровых приемов и способов маскировки, которые также будет необходимо изучать и систематизировать.

Список источников

1. Состояние преступности. URL: <https://мвд.рф/folder/101762> (дата обращения: 23.12.2024).
2. Белкин Р.С. Курс криминалистики: в 3 т. М., 1997. Т. 3.
3. Образцов В.А. Криминалистическая классификация преступлений. Красноярск, 1988.
4. Яблоков Н.П. Криминалистическая методика расследования (некоторые теоретические положения). М., 1985.
5. Герасимов И.Ф. Некоторые проблемы раскрытия преступлений. Свердловск, 1975.
6. Варданын А.В. Криминологическая характеристика и социально-правовые меры предупреждения изнасилований: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1996.
7. Головин А.Ю. Базовые криминалистические классификации преступлений. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/bazovye-kriminalisticheskie-klassifikatsii-prestupleniy> (дата обращения: 23.12.2024).
8. Андреев А.С. Ложное алиби и криминалистические методы его разоблачения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2001.
9. Андреев А.С., Коряк Ю.Д. Маскировка как прием противодействия раскрытию и расследованию корыстно-насильственных преступлений // Юристъ-Правоведъ. 2024. № 2(109).
10. Коряк Ю.Д. Виновная осведомленность и особенности ее маскировки при допросе в процессе расследования тяжких и особо тяжких преступлений // Юристъ-Правоведъ. 2024. № 4(111).
11. Белкин А.Р. Криминалистические классификации. М., 2000.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Коряк Юлия Дмитриевна, адъюнкт. Ростовский юридический институт МВД России. 344015, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Koryak Yulia Dmitrievna, adjunct. Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 83, Eremenko St., Rostov-on-Don 344015 Russian Federation.

References

1. The state of crime. URL: <https://мвд.рф/folder/101762> (date of access: 23.12.2024).
2. Belkin R.S. Course of criminalistics: in 3 volumes. Moscow, 1997. V. 3.
3. Obraztsov V.A. Forensic classification of crimes. Krasnoyarsk, 1988.
4. Yablokov N.P. Forensic investigation methods (some theoretical provisions). Moscow, 1985.
5. Gerasimov I.F. Some problems of crime detection. Sverdlovsk, 1975.
6. Vardanyan A.V. Criminological characteristics and socio-legal measures to prevent rape: author's abstract. diss. ... PhD in Law. Moscow, 1996.
7. Golovin A.Yu. Basic forensic classifications of crimes. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/bazovye-kriminalisticheskie-klassifikatsii-prestupleniy> (date of access: 23.12.2024).
8. Andreev A.S. False alibi and forensic methods of its exposure: author's abstract. dis. ... PhD in Law. Rostov-on-Don, 2001.
9. Andreev A.S., Koryak Yu.D. Camouflage as a technique for counteracting the disclosure and investigation of mercenary-violent crimes // Jurist-Pravoved. 2024. № 2(109).
10. Koryak Yu.D. Guilty awareness and the peculiarities of its disguise during interrogation in the process of investigation of serious and especially serious crimes // Jurist-Pravoved. 2024. № 4(111).
11. Belkin A.R. Forensic classifications. Moscow, 2000.

К ВОПРОСУ ОБ ОСНОВНЫХ ЭЛЕМЕНТАХ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ
ХАРАКТЕРИСТИКИ НЕЗАКОННОГО ПОЛУЧЕНИЯ КРЕДИТА

Кубякин Евгений Олегович

Академия управления МВД России, Москва, Российская Федерация,
tspopz@yandex.ru

Кочкин Антон Андреевич

Краснодарский университет МВД России, Краснодар, Российская Федерация,
kochkin@a-kochkin.ru

Шараева Яна Анатольевна

Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Российская Федерация,
yana-sharaeva@mail.ru

Введение: сфера кредитования в Российской Федерации является одной из наиболее востребованных площадок для совершения противоправных деяний в целях изыскания денежных средств от организаций, специализирующихся на получении прибыли с процентов по выданным кредитам. Нередко злоумышленники мошенническим способом пытаются незаконным путем завладеть денежными средствами через банковские и небанковские кредитные организации. Однако некоторые представители юридических лиц могут пытаться обогатиться посредством предоставления в банк заведомо ложных сведений, что влечет наступление ответственности по ст. 176 УК РФ, если сумма ущерба превышает три миллиона пятьсот тысяч рублей.

Материалы и методы: в рамках настоящей работы использовались статистические данные портала правовой статистики Генеральной прокуратуры РФ, анализировались требования положений нормативных правовых актов Российской Федерации и изучались исследования, посвященные криминалистической характеристике незаконного получения кредита. Для рассмотрения основных элементов криминалистической характеристики незаконного получения кредита использовались такие методы, как сравнительно-правовой анализ, классификация и теоретический анализ.

Результаты исследования: полученные результаты актуализируют значимость криминалистической характеристики для установления следов преступления и формирования доказательственной базы в целях изобличения виновности злоумышленника и всестороннего проведения предварительного следствия. В частности, представилось возможным выделить основные элементы криминалистической характеристики незаконного получения кредита, проанализировать их, уделив особое внимание механизму слеодообразования.

Выводы и заключения: незаконное получение кредита в условиях относительной финансовой депривации является средством наиболее простого обогащения недальновидных предпринимателей. Анализ криминалистической характеристики рассматриваемого состава преступления позволяет не только повысить эффективность расследования такого рода противоправных деяний, но и описать следственные ситуации, что существенным образом облегчает возможность установления личности злоумышленника и сбор доказательств его виновности.

Ключевые слова: незаконное получение кредита, криминалистическая характеристика, криминалистика, следователь, бизнес, преступление, кредитование, банк.

Для цитирования: Кубякин Е. О., Кочкин А. А., Шараева Я. А. К вопросу об основных элементах незаконного получения кредита / Е. О. Кубякин, А. А. Кочкин, Я. А. Шараева // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2025. № 1 (112). – С. 120–126.

ON THE ISSUE OF THE MAIN ELEMENTS
OF ILLEGAL RECEIPT OF A LOAN**Kubyakin Evgeny Olegovich**

Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russian Federation

Kochkin Anton Andreevich

Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Krasnodar, Russian Federation

Sharaeva Yana Anatolyevna

Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russian Federation

Introduction: the lending sector in the Russian Federation is one of the most popular platforms for committing illegal acts in order to obtain funds from organizations specializing in making a profit from interest on issued loans. Often, criminals fraudulently try to illegally seize funds through banking and non-banking credit organizations. However, some representatives of legal entities may try to enrich themselves by providing the bank with knowingly false information, which entails liability under Art. 176 of the Criminal Code of the Russian Federation if the amount of damage exceeds three million five hundred thousand rubles.

Materials and methods: within the framework of this work, statistical data from the legal statistics portal of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation were used, the requirements of the provisions of regulatory legal acts of the Russian Federation were analyzed, and studies devoted to the forensic characteristics of illegal loan acquisition were studied. To consider the main elements of the forensic characteristics of illegal loan acquisition, such methods as comparative legal analysis, classification and theoretical analysis were used.

Results of the study: the obtained results actualize the importance of forensic characteristics for establishing traces of a crime and forming an evidence base for the purpose of exposing the guilt of the offender and comprehensively conducting a preliminary investigation. In particular, it was possible to identify the main elements of the forensic characteristics of illegal loan acquisition, analyze them, paying special attention to the mechanism of trace formation.

Findings and conclusions: illegal loan acquisition in conditions of relative financial deprivation is the easiest way for short-sighted entrepreneurs to enrich themselves. Analysis of the forensic characteristics of the considered crime composition allows not only to increase the efficiency of investigation of such illegal acts, but also to describe investigative situations, which significantly facilitates the possibility of identifying the offender and collecting evidence of his guilt.

Keywords: illegal loan acquisition, forensic characteristics, forensics, investigator, business, crime, lending, bank.

For citation: Kubyakin E. O., Kochkin A. A., Sharaeva Ya. A. On the issue of the main elements of illegal receipt of a loan / E. O. Kubyakin, A. A. Kochkin, Ya. A. Sharaeva // *Philosophiya prava : scientific-theoretical journal*. Rostov-on-Don. 2025. № 1 (112). – Pp. 120–126.

Незаконное получение кредита выступает одним из проблемных составов преступлений, что обусловлено несколькими факторами. Во-первых, расследование данного состава преступления требует от следователя определенных познаний в области гражданского законодательства и законодательства, регулирующего банковскую деятельность, основания принятия и реализацию бюджета Российской Федерации. Во-вторых, при расследовании преступлений в сфере кредитования стоит учитывать и тот факт, что данные составы предусмотрены разными статьями действующего уголовного законодательства Российской Федерации [1], что требует обязательного размежевания норм (например, разграничение таких составов, как незакон-

ное получение кредита и мошенничество, разница которых состоит в том, что в первом случае у лица отсутствует умысел по невыполнению кредитных обязательств) стадии возбуждения уголовного дела и четкого понимания содержания ст. 176 УК РФ. В-третьих, в целях всестороннего и полного расследования незаконного получения кредита целесообразно формировать качественную методику расследования и тактику производства отдельных следственных действий для получения необходимых доказательств.

Это свидетельствует о важности и необходимости проведения исследования в целях установления ключевых элементов криминалистической характеристики незаконного получения кредита.

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

Кроме этого, важно отметить, что в современных условиях кредиты выступают одним из источников удовлетворения потребностей не только физических лиц, но также и различных организаций, особенно тогда, когда речь идет о создании и развитии юридического лица, подпадающего под категорию малого и среднего бизнеса. Финансовое положение малого и среднего бизнеса, имеющего поддержку со стороны государства, вынуждает представителей некоторых организаций в условиях конкуренции идти на крайние меры и совершать преступления, связанные с получением кредита незаконным способом. Данное обстоятельство побуждает правоохранительные органы разрабатывать и совершенствовать превентивные меры и инструментарий, включающий криминалистическую тактику и методику, который направлен на повышение эффективности производства предварительного следствия.

При расследовании преступлений в целях определения наиболее полного перечня обстоятельств и доказательств следователь руководствуется криминалистической характеристикой преступления. Следует заметить, что криминалистическая характеристика преступления несколько расходится с требованиями положений ст. 73 УПК РФ [2], в которой перечислены обстоятельства, подлежащие доказыванию [3, с. 146–148]. Однако при этом данные обстоятельства выступают в качестве отправной точки определения элементов криминалистической характеристики. Криминалистическая характеристика, представляющая собой относительно фиксированный перечень тех элементов, которые в ходе предварительного следствия необходимо установить следователю, все же – в зависимости от определенной категории преступлений – требует «поправки» на специфику совершенного общественно опасного деяния [4, с. 6–10].

В связи с этим в целях полноты проводимого исследования следует коснуться в первую очередь специфики определения криминалистической характеристики любого преступления, после чего разграничить ее элементы с положениями ст. 73 УПК РФ и выделить особенности криминалистической характеристики незаконного получения кредита.

Что касается криминалистической характеристики, то в нее необходимо включать следующие элементы:

- характеристика предмета преступного посягательства;
- характеристика лица, совершившего общественно опасное деяние;

- характеристика места и времени совершения преступления;
- характеристика лица, получившего вред в результате совершения преступления;
- механизм слеодообразования;
- характеристика способов совершения преступления.

Представленные элементы криминалистической характеристики не претендуют на универсальность. В различных работах, посвященных исследованию данного вопроса, можно встретить множество «дополнительных» элементов криминалистической характеристики, включающие, например, орудие совершения преступления [5, с. 122–128; 6, с. 39–45].

Криминалистическая характеристика включает в себя множество аспектов, которые не регламентируются действующим уголовно-процессуальным законодательством. Например, когда речь идет о субъекте преступления, то с позиции криминалистической характеристики здесь следует учитывать пол, возраст, уровень образования, а также род деятельности лица, совершившего преступления, его мотивы и цели преступного посягательства. Данный аспект криминалистической характеристики должен содержать такие сведения о лице, которые могут помочь следователю воссоздать картину совершенного преступления и тем самым облегчить задачу по его раскрытию и расследованию.

Как правило, когда речь идет о личности преступника на этапе предварительного следствия, то на основании положений ст. 73 УПК РФ следователь устанавливает личные данные лица (ФИО, год рождения, адрес проживания, адрес регистрации, наличие судимости, место работы, гражданство, уровень образования). Кроме того, следователь на основании ч. 4 ст. 21 УПК РФ направляет запросы в психоневрологический и наркологический диспансеры по месту регистрации злоумышленника, получает характеристику лица, например, у участкового уполномоченного полиции, обслуживающего территорию, на которой проживает подозреваемый (обвиняемый), при необходимости направляет запрос в суд для получения копии приговора (если лицо имеет судимость). Порядок получения характеризующего материала не представляет особого научного интереса ввиду его очевидности, в связи с чем нецелесообразно более останавливаться на особенностях его истребования.

Стоит заметить, что непосредственно криминалистическая характеристика лица, совершившего преступление, включает в себя

психологические особенности его личности, сведения о реальном уровне когнитивных способностей человека (не ограничиваясь формальным получением копии документа, подтверждающего уровень образования подозреваемого злоумышленника), хотя необходимость в истребовании именно такого рода сведения не предусмотрена ст. 73 УПК РФ.

Относительно важности криминалистической характеристики для расследования преступлений А.А. Бессонов пишет: «Что касается назначения криминалистической характеристики преступлений, то это прежде всего проявляется в том, что она выступает информационной (методологической) основой формирования частных криминалистических методик (включая рекомендации об особенностях организации первоначального этапа расследования и взаимодействия следователя с оперативно-розыскными службами, о тактике производства отдельных следственных действий и т. д.)» [7, с. 47].

Таким образом, криминалистическая характеристика преступлений выступает своего рода краеугольным камнем предварительного следствия, потому что позволяет организовать расследование на всех его этапах, основываясь на детальных характеристиках обстоятельств, указанных в ст. 73 УПК РФ. Именно она во многом определяет порядок взаимодействия сотрудников следственных органов системы МВД России с другими подразделениями правоохранительных органов, а также предоставляет примерный алгоритм сбора данных для формирования доказательственной базы.

Переходя к криминалистической характеристике незаконного получения кредита, отметим, что предметом преступного посягательства чаще всего выступает именно кредит, т. е. денежные средства в размере свыше 3,5 млн руб., которые в соответствии с ранее заключенным кредитным договором не выплачивались злоумышленником своевременно или не выплачивались проценты по кредиту. Исходя из диспозиции ч. 1 ст. 176 УК РФ, предметом преступного посягательства могут быть льготные условия кредитования, т. е. получение пониженной процентной ставки по кредиту, увеличение срока выплаты кредита без изменения процентной ставки или же предоставление каникул (без учета страховки или без учета специально оговоренных в договоре случаев).

Важно обратить внимание на то, что специальные (льготные) условия кредитования могут оговариваться в договоре, но при учете определенного статуса лица или орга-

низации (все зависит от банковской организации, которая предоставляет кредит; если, например, говорить о физических лицах, то это могут быть пенсионеры; из юридических лиц к этой категории могут быть отнесены организации, занимающиеся малым и средним бизнесом: несетевые продуктовые магазины, швейные ателье). Документы, заблаговременно фальсифицированные лицом, направлены на получение таких условий по кредиту.

Кроме того, в качестве предмета преступного посягательства может выступать государственный целевой кредит, получение которого осуществляется путем заключения кредитного договора с учетом действующего бюджетного законодательства Российской Федерации, нормативных правовых актов Правительства РФ и иных подзаконных актов, регламентированных государственными органами Российской Федерации в этом направлении.

Под кредитом в данном случае следует понимать предоставление денежных средств (вещей) банковской или иной не банковской кредитной организацией по кредитному договору на условиях возвратности, платности и срочности.

Если говорить о лице, совершившем преступление, что в 70 % случаев субъектом данного преступления выступают лица мужского пола в возрасте 35–45 лет, имеющие высшее образование и специальные познания в области кредитования и банковской деятельности, которые ранее неоднократно в связи с осуществлением предпринимательской деятельности получали денежные средства путем заключения соответствующих соглашений с банковскими организациями. Отдельную категорию составляют лица, являющиеся сотрудниками кредитных организаций (35 %). Как правило, это лица мужского пола в возрасте 25–35 лет, которые способствовали совершению незаконного получения кредита путем сокрытия реальных сведений о состоянии юридического лица. Нередко в преступлениях, связанных с незаконным получением кредита, познания сотрудников банковских организаций, их статус и полномочия, которыми они наделены, являются незаменимым средством для реализации преступного умысла [8].

Что касается места и времени совершения преступления, то, исходя из судебно-следственной практики по делам данной категории преступлений [9] и диспозиции ст. 176 УК РФ, можно заключить, что незаконное получение кредита осуществляется преиму-

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

щественно в дневное время суток, т. е. в то время, когда работают организации (в том числе и государственные), осуществляющие кредитование индивидуальных предпринимателей и иных юридических лиц. Отдельно стоит остановиться на времени совершения преступления, когда при этом участвуют сотрудники банковской (государственной) организации. При наличии определенного статуса и полномочий это лицо может помочь в осуществлении фальсификации документов юридического лица в ночное время. Но когда речь идет о том, что непосредственно во время получения кредита сотрудник организации, которая предоставляет данный кредит, содействует в реализации преступного умысла, данное правило не действует. Местом совершения преступления может быть банк, иная организация, специализирующаяся на выдаче кредита, или государственное учреждение, в котором лицо пытается получить целевой кредит [10].

Кроме того, нельзя забывать о том, что по данной категории дел может быть несколько мест совершения преступления. В связи с этим Н.А. Марочкин и Т.А. Лёшина отмечают: «Местом совершения преступления является, как правило, конкретная бюджетная организация – получатель бюджетных средств или же орган местного самоуправления, получивший бюджетные средства. Особенностью данного преступления является то, что здесь имеются два (или более) места совершения преступления: во-первых, это непосредственно та организация, где подготавливалось и совершалось преступление, т. е. расходовались средства не на цели их получения, определенные утвержденным бюджетом и т. д.; во-вторых, непосредственно то место, где денежные средства передавались должностным лицом виновному» [11, с. 58].

Переходя к описанию лица, которому причинен вред в результате незаконного получения кредита, важно отметить, что в данном случае потерпевшей стороной может быть либо банк, либо небанковская организация, выдавшая кредит, либо государство или гражданин, что прямо следует из диспозиций ч. 1 и 2 ст. 176 УК РФ. Комментируя данный тезис, Е.Н. Булычев пишет: «Как видим, деяния, предусмотренные частью первой и частью второй статьи 176 УК РФ, защищают несколько разные группы общественных отношений (объекты): часть первая направлена на защиту установленного порядка предоставления кредита индивидуальному предпринимателю или организации, т. е. охраняет права и интересы таких

лиц, как банковская организация, и иных кредиторов, а часть вторая защищает порядок государственного целевого кредитования и, разумеется, в первую очередь, стоит на страже интересов государства» [12, с. 57].

Здесь важно отметить, что граждане, страдающие в данном случае от противоправных действий злоумышленника, могут относиться к особым категориям лиц. В эту же категорию попадают «инклюзивные лица», т. е. люди, которые не могут без дополнительной помощи (в том числе и финансовой) трудиться и удовлетворят свои витальные потребности. Это обусловлено тем, что зачастую целевые кредиты выдаются для реализации государственной и муниципальной политики по поддержке социальных гарантий граждан, что ежегодно учитывается при составлении бюджета государства и соответствующего муниципального образования.

Сложность при расследовании преступлений в сфере кредитования заключается в том, что физические лица в качестве потерпевших по уголовному делу появляются только в некоторых случаях, когда представляется возможным инкриминировать злоумышленнику совершение преступления, ответственность за которое предусмотрена ч. 2 ст. 176 УК РФ.

Характеристика механизма следообразования при расследовании данной категории преступлений может складываться по-разному, но целесообразно остановиться на нескольких ключевых аспектах.

Во-первых, по данной категории дел следователя интересуют, в частности, те документы, которые предоставлялись для получения кредита незаконным путем, поэтому для понимания следовой картины следует в первую очередь обращать внимание на них, поскольку именно в этих документах могут содержаться сведения о лице, совершившем преступное деяние. К ним можно отнести кредитный договор, фиктивные гарантийные письма, ложные данные об учредителях, контрагентах или руководителях (руководителях) организации, а также иные документы, содержащие сведения об обосновании получения кредита, льготных условий кредитования, целей, на которые необходимо потратить денежные средства, если речь идет о получении целевого кредита, указанного в ч. 2 ст. 176 УК РФ.

Во-вторых, особое внимание следует уделять электронным носителям информации, поскольку большой массив данных, которые имеют значение для уголовного дела (например, данные бухгалтерского или складского

учета) могут храниться на компьютере или ином электронном носителе.

В-третьих, отдельный интерес представляют неофициальные документы, в которых также происходит фиксация движения денежных средств ИП или другого юридического лица [13, с. 110–115]. В них помимо интересующей следствие информации могут быть образцы подчерка подозреваемого (обвиняемого). Не стоит забывать и про место совершения преступления, потому что на том месте, где, например, происходила передача денежных средств, могут остаться следы пальцев рук злоумышленника на документах, в создании или фальсификации которых он принимал участие [14, с. 164–171].

В заключение отметим, что криминалистическая характеристика, являясь неотъемлемым компонентом криминалистической методики, предоставляет следователю ряд преимуществ, связанных с получением необходимого объема информации для формирования доказательственной базы при расследовании незаконного получения кредита. Важной особенностью криминалистической

характеристики выступает возможность выдвигания следователем частных версий, касающихся в том числе способов совершения преступлений в сфере кредитования. Данный аспект особенно актуализируется в последнее время, когда законодателем приняты меры, связанные с увеличением временных интервалов получения кредитов и займов после заключения соответствующего соглашения с банком (закон вступит в силу с 1 сентября 2025 г.) [15].

В дальнейшем в целях полного анализа криминалистической характеристики незаконного получения кредита требуется изучить и классифицировать основные способы совершения рассматриваемого преступления, что существенным образом сможет дополнить не только саму характеристику, но и представить возможность для определения типичных следственных ситуаций.

Список источников

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ. URL: http://ivo.garant.ru/proxy/share?data=q4Og0aLnpN5Pvp_qlYqy57XkvOOL6eH9q_LVT7bpvpfrofLUvuC42rnVsdnylgDz5KjCucylwvKE8JbijeO-Lf9kOmc_a7y00-zyl3Qv_SO6rWq6pjhjOC76IkQ4f0= (дата обращения: 15.02.2025).
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ. URL: http://ivo.garant.ru/proxy/share?data=q4Og0aLnpN5Pvp_qlYq14rfjvOiB6eH9q_LVT7bpvpfrofLUvuC42rnVsdnylgDz5KjCucylwvKE8JbijeO-Lf9kOmc_a7y00-zyl3Qv_SO6rWq6pjhjuC55YgX6f0= (дата обращения: 15.02.2025).
3. Прошин В.М. Прикладное значение криминалистической характеристики преступлений // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2023. № 2.
4. Неймарк М. Криминалистическая характеристика преступлений: терминологический аспект // Юрислингвистика. 2023. № 30(41).
5. Князьков А.С. О критериях значимости криминалистической характеристики преступления // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 304.
6. Мартынов А.Н. Криминалистическая характеристика преступлений: проблема структурированности // Вестник

References

1. Criminal Code of the Russian Federation: federal law of June 13, 1996 № 63-FZ. URL: http://ivo.garant.ru/proxy/share?data=q4Og0aLnpN5Pvp_qlYqy57XkvOOL6-eH9q_LVT7bpvpfrofLUvuC42rnVsdnylgDz5KjCucylwvKE8JbijeO-Lf9kOmc_a7y00-zyl3-Qv_SO6rWq6pjhjOC76IkQ4f0= (date of access: 15.02.2025).
2. Criminal Procedure Code of the Russian Federation: federal law of December 18, 2001 № 174-FZ. URL: http://ivo.garant.ru/proxy/share?data=q4Og0aLnpN5Pvp_qlYq14rfjvOiB6eH9q_LVT7bpvpfrofLUvuC42rnVsdnylgDz5KjCucylwvKE8JbijeO-Lf9kOmc_a7y00-zyl3Qv_SO6rWq6pjhjuC55YgX6f0= (date of access: 15.02.2025).
3. Proshin V.M. Applied significance of forensic characteristics of crimes // Humanities, socio-economic and social sciences. 2023. № 2.
4. Neimark M. Forensic characteristics of crimes: terminological aspect // Jurislinguistics. 2023. № 30(41).
5. Knyazkov A.S. On the criteria for the significance of the forensic characteristics of a crime // Bulletin of Tomsk State University. 2007. № 304.
6. Martynov A.N. Forensic characteristics of crimes: the problem of structuring // Bulletin of the South Ural State University. Series: Law. 2014. № 2.

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2014. № 2.

7. Бессонов А.А. О сущности криминалистической характеристики преступлений // Вестник Поволжской академии государственной службы. 2014. № 6(45).

8. Портал правовой статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации. URL: http://crimestat.ru/offenses_rate (дата обращения 15.02.2025).

9. Сайт судебных и нормативных актов Российской Федерации. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 15.02.2025).

10. О банках и банковской деятельности: федер. закон от 2 декабря 1990 г. № 395-І. URL: http://ivo.garant.ru/proxy/share?data=q4Og0aLnpN5Pvp_q1Yq56LPovuf1_Jzz57_eSb-i6pXz6r_cuei537Ha8pTwmEWp8bnAtc3yi_Cc4oTiiPy5_LTpg_ye8-q_1FW92L7Bjum1oeuo4YjhjOSz4Ild (дата обращения: 15.02.2025).

11. Марочкин Н.А. Отдельные элементы криминалистической характеристики нецелевого расходования бюджетных средств // Проблемы экономики и юридической практики. 2006. № 1-2.

12. Булычев Е.Н. Особенности уголовной ответственности за незаконное получение кредита (ст. 176 УК РФ) и ее соответствие конституционному принципу равной защиты всех форм собственности // Евразийская адвокатура. 2018. № 6(37).

13. Пахомов С.В. Перспективы использования данных государственных информационных ресурсов о юридических лицах и индивидуальных предпринимателях в процессе установления криминалистически значимой информации // Государственная научно-техническая политика в сфере криминалистического обеспечения правоохранительной деятельности : сб. научных статей по материалам Международной научно-практ. конф. (26 мая 2023 г.). М., 2023.

14. Пахомов С.В, Зиновьева Н.С. Закономерности отражения криминалистически значимой информации в документах финансово-хозяйственной деятельности агропромышленных организаций // Философия права. 2024. № 3(110).

15. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 13 февраля 2025 г. № 9-ФЗ. URL: http://ivo.garant.ru/proxy/share?data=q4Og0aLnpN5Pvp_q1Yqx6bWMpPCavNO24r6bGvGiu9qy6bvWv-Kxk_yb8t2oykmj5KOQ6p7yg-CM5ZnikOO686nwg7TRsvu90k6k4rnR87rxt-C55IDijuS6rQ== (дата обращения: 17.02.2025).

7. Bessonov A.A. On the essence of the forensic characteristics of crimes // Bulletin of the Volga Region Academy of Public Administration. 2014. № 6(45).

8. Portal of legal statistics of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation. URL: http://crimestat.ru/offenses_rate (date of access 15.02.2025).

9. Website of judicial and regulatory acts of the Russian Federation. URL: <https://sudact.ru/> (date of access: 15.02.2025).

10. On banks and banking activities: federal law of December 2, 1990 № 395-І. URL: http://ivo.garant.ru/proxy/share?data=q4Og0aLnpN5Pvp_q1Yq56LPovuf1_Jzz57_eSb-i6pXz6r_cuei537Ha8pTwmEWp8bnAtc3yi_Cc4oTiiPy5_LTpg_ye8-q_1FW92L7Bjum1oeuo4YjhjOSz4Ild (date of access: 15.02.2025).

11. Marochkin N.A. Individual elements of the forensic characteristics of the misappropriation of budget funds // Problems of Economics and Legal Practice. 2006. № 1-2.

12. Bulychев E.N. Features of criminal liability for illegal receipt of a loan (Article 176 of the Criminal Code of the Russian Federation) and its compliance with the constitutional principle of equal protection of all forms of ownership // Eurasian Advocacy. 2018. № 6(37).

13. Pakhomov S.V. Prospects for using data from state information resources on legal entities and individual entrepreneurs in the process of establishing forensically significant information // State scientific and technical policy in the field of forensic support of law enforcement activities: collection of scientific articles based on the materials of the International scientific and practical. conf. (May 26, 2023). Moscow, 2023.

14. Pakhomov S.V, Zinovieva N.S. Patterns of reflection of forensically significant information in documents of financial and economic activities of agro-industrial organizations // Philosophiya prava. 2024. № 3(110).

15. On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation: Federal Law of February 13, 2025 № 9-FZ. URL: http://ivo.garant.ru/proxy/share?data=q4Og0aLnpN5Pvp_q1Yqx6bWMpPCavNO24r6bGvGiu9qy6bvWv-Kxk_yb8t2oykmj5KOQ6p7yg-CM5ZnikOO686nwg7TRsvu90k6k4rnR87rxt-C55IDijuS6rQ== (date of access: 17.02.2025).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Кубякин Евгений Олегович, доктор социологических наук, доцент, почетный работник сферы образования Российской Федерации, профессор кафедры теории и методологии государственного управления. Академия управления МВД России. 125993, Российская Федерация, г. Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, 8.

Кочкин Антон Андреевич, преподаватель кафедры теории и истории права и государства. Краснодарский университет МВД России. 350005, Российская Федерация, г. Краснодар, ул. Ярославская, 128.

Шараева Яна Анатольевна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса. Ростовский юридический институт МВД России. 344015, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Kubyakin Evgeny Olegovich, Grand PhD in Sociology, Associate Professor, Honored Worker of Education of the Russian Federation, Professor of the Department of Theory and Methodology of Public Administration. Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 8, Zoya and Alexander Kosmodemyanskikh St., Moscow 125993 Russian Federation.

Kochkin Anton Andreevich, lecturer at the Department of Theory and History of Law and the State. Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 128, Yaroslavskaya St., Krasnodar 350005 Russian Federation.

Sharaeva Yana Anatolyevna, PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor Department of Criminal Procedure. Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 83, Eremenko St., Rostov-on-Don 344015 Russian Federation.

**КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ ПОЗНАНИЕ ПРОВОКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ:
ПОНЯТИЕ, ФОРМЫ, ЗАКОНОМЕРНОСТИ**

Кулахсзян Сюзанна Карленовна

Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Российская Федерация,
skulahszyan@mail.ru

Введение: в статье на основе рассмотренных научных предпосылок, анализа следственной и судебной практики впервые в криминалистике предложено понятие провокации преступления и ее формы, а также рассмотрены выявленные предметные закономерности, связанные с провокацией преступления и криминалистическими методами ее выявления и разоблачения.

Материалы и методы: данные официальной статистики о состоянии преступности в 2021–2024 гг., результаты исследования 137 уголовных дел общеуголовной направленности, содержащих провокационную противоправную деятельность, 105 уголовных дел по ст. 285, 286, 303, 304 УК РФ, содержащих провокацию преступления. Проведен анализ 152 диссертационных исследований по проблемам провокации преступлений (уголовное право, криминология, теория оперативно-розыскной деятельности, криминалистика). Теоретической основой исследования выступил системный, деятельностный подход, методы анализа и синтеза криминалистических данных.

Результаты исследования: выявлены современные предпосылки криминалистического познания провокации преступления и разработки на этой основе криминалистических методов ее выявления и разоблачения; определены структурные направления криминалистического познания провокации преступления и криминалистических методов ее выявления и разоблачения; предложены впервые в криминалистике понятия провокации преступления в широком и в узком значении, а также раскрыты формы; выявлены закономерности провокации преступления и криминалистических методов ее разоблачения.

Выводы и заключения: построение эффективной системы криминалистических методов выявления и разоблачения провокации преступления невозможно без определения ее криминалистического понятия, форм, видов и познания закономерностей.

Ключевые слова: криминалистика, структура, провокационная деятельность, склонение, фальсификация, инсценировка, шантаж, уголовное преследование, криминальная, оперативно-розыскная, жертва, регулярности, выявление, разоблачение.

Для цитирования: Кулахсзян С. К. Криминалистическое познание провокации преступления: понятие, формы, закономерности / С. К. Кулахсзян // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2025. № 1 (112). – С. 128–134.

Original paper

**FORENSIC KNOWLEDGE OF THE PROVOCATION OF A CRIME:
CONCEPT, FORMS, PATTERNS**

Kulakhszyan Suzanna Karlenovna

Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russian Federation

Introduction: in the article, based on the considered scientific premises, analysis of investigative and judicial practice, for the first time in forensic science the concept of provocation of a crime and its forms is proposed, and also the identified subject patterns associated with provocation of a crime and forensic methods of its detection and exposure are considered.

Materials and methods: official statistics data on the state of crime in 2021–2024, the results of the study of 137 criminal cases of a general criminal nature containing provocative illegal activity, 105 criminal cases under Art. 285, 286, 303, 304 of the Criminal Code of the Russian Federation containing provocation of a crime. An analysis of 152 dissertations on the problems of provocation of crimes (criminal law, criminology, theory of operational-search activities, forensic science) was carried out. The theoretical basis of the study was a systemic, activity-based approach, methods of analysis and synthesis of forensic data.

Results of the study: modern prerequisites for forensic knowledge of crime provocation and development on this basis of forensic methods for its detection and exposure are identified; structural directions of forensic knowledge of crime provocation and forensic methods for its detection and exposure are defined; the concepts of crime provocation in a broad and narrow sense are proposed for the first time in forensic science, and the forms are disclosed; patterns of crime provocation and forensic methods for its exposure are revealed.

Findings and conclusions: the construction of an effective system of forensic methods for detecting and exposing crime provocation is impossible without defining its forensic concept, forms, types and knowledge of patterns.

Keywords: forensic science, structure, provocative activity, inducement, falsification, staging, blackmail, criminal prosecution, criminal, operational-search, victim, regularities, detection, exposure.

For citation: Kulahsryan S. K. Forensic knowledge of the provocation of a crime: concept, forms, patterns / S. K. Kulahsryan // *Philosophiya prava : scientific-theoretical journal*. Rostov-on-Don. 2025. № 1 (112). – Pp. 128–134.

Наука криминалистика изучает преступную и связанную с ней посткриминальную деятельность, а также деятельность по раскрытию и расследованию преступлений не одно столетие [1]. Преступная и связанная с ней посткриминальная деятельность весьма разнообразна в проявлениях социально-правовой действительности и при этом закономерна, как и процессы ее выявления и разоблачения. Последствия раскрытия и расследования преступлений как составляющей уголовного преследования для граждан, в зависимости от результатов производства по уголовному делу, дуалистически разнообразны (от устранения отрицательных последствий такого преследования и реабилитации до применения 13 видов наказания, предусмотренных УК РФ) [2, с. 45–55].

Одним из негативных последствий как преступной и связанной с ней посткриминальной деятельности, так и оперативно-розыскной, криминалистической и уголовно-процессуальной деятельности выступает провокационная деятельность (поведение в целом и провокация преступления в частности). Для раскрытия общих и особенных черт криминалистического познания необходимо последовательно рассмотреть ряд вопросов, а именно: современные предпосылки (социально-экономические, цифровые, состояние борьбы с преступностью) криминалистического познания провокации преступления и разработки на этой основе криминалистических методов ее выявления и разоблачения; структурные направления криминалистического познания провокации преступления и криминалистических методов ее выявления и разоблачения; основные термины и понятия криминалистического познания в контексте языка криминалистики и криминалистической систематики; закономерности провокации преступления и криминалистических методов ее разоблачения.

1. Провокационные действия как средство повышения карьерного роста, борьбы с конкурентами, разрешения конфликтов граждан, получения выгоды, ухода от уголовной ответственности проникли во все сферы российского общества. Наиболее отчетливо такая деятельность (поведение) отражается в цифровой действительности: различные пранки, треш-стримы, буллинг, сватинг, фейки стали обыденностью, с которой сталкивается отдельно взятый пользователь [3, с. 7–13]. С началом специальной военной операции граждане столкнулись со шквалом манипулятивных технологий и провокаций, в том числе и преступлений, которые на государственном уровне недружественных стран агрессивно таргетируются с помощью информационно-телекоммуникационных технологий, включающих использование искусственного интеллекта и дипфейков.

Анализируя данные официальной статистики [4] применительно к вопросам криминалистического познания провокации преступления и криминалистических методов ее выявления и разоблачения, следует выделить ряд моментов. Криминализация общественных отношений в Российской Федерации по-прежнему остается достаточно высокой (1763,9 тыс. преступлений), и 91,9 % из них регистрируются и расследуются органами внутренних дел. При этом следует иметь в виду, что система органов внутренних дел испытывает существенный некомплект (–18,8 %), количество опытных сотрудников снижается из года в год, а индикативные показатели антикриминальной деятельности, напротив, с каждым годом увеличиваются. Указанное не может не сказываться на качестве раскрытия и расследования преступлений и возникновении провокационной преступной деятельности со стороны субъектов оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД), дознавателей и ряда других лиц.

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

Практически треть зарегистрированных преступлений в нашей стране – тяжкие и особо тяжкие (32,0 %, при этом третий год имеется тенденция их роста). Мошенничества в сравнении с другими видами хищений имеют устойчивую тенденцию роста (+3,6 %) [4], остается практически неучтенным количество покушений колл-центров и других организованных преступных групп, в том числе транснационального характера. Одной из доказанных гипотез проведенного нами исследования выступило положение о том, что чем выше степень тяжести совершенного преступления, тем чаще проявляются провокационные действия субъектов преступления. Провокация преступления нередко выступает составляющей способов совершения таких тяжких и высокоорганизованных преступлений (в среднем от 3–5 %), как убийство (провокация ДТП), мошенничество (автоподстава), вымогательство (вступление в половую связь с несовершеннолетней с последующими требованиями материального характера «родственников жертвы», уничтожение или повреждение имущества [5].

Элементы провокационных действий наиболее встречаемы в таких способах сокрытия, как фальсификация (подброс паспорта невиновного или иных объектов с идентификационными свойствами) и инсценировка (переодевание в одежду убитого). Тогда как для субъектов преступления, в чьи должностные обязанности входит раскрытие и расследование преступлений, важен определенный вид преступления, входящий в показатели его служебной деятельности (например, коррупционное преступление, преступления в сфере незаконного оборота наркотиков и т. д.). К примеру, рост преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков коррелируется с количеством жалоб, заявлений, ходатайств о провокации преступления, что требует разработки отдельных криминалистических рекомендаций по проверке таких доводов, а проверка или выявление и разоблачение провокации выступает для следователя одной из задач расследования.

Согласно данным статистики, представленным Судебным Департаментом Верховного Суда РФ, за 2017–2021 гг. общее число осужденных по ст. 304 УК РФ оставляет 0, в 2022 г. – 2, в 2023 г. – 1, в 2024 – 0 осужденных [6]. Рост преступлений, в целом и тяжких, в частности в сфере информационно-телекоммуникационных технологий (+14,3%) [4], требует не только законодательных инициатив по включению новых составов пре-

ступления в УК РФ, но и разработки криминалистических методов расследования, в том числе и связанных с провокацией преступления. Данные следственной и судебной практики свидетельствуют, что провокация преступления, провокационные действия как элемент подготовки, совершения преступлений террористической и экстремистской направленности достаточно распространены (15 % изученных нами уголовных дел). Президент Российской Федерации В.В. Путин призвал сотрудников МВД РФ «более активно и решительно пресекать провокации экстремистов, подрывающих межнациональный мир и межконфессиональное согласие» [7].

Итак, латентность, связь провокации преступления с тяжкими и особо тяжкими преступлениями, особенно коррупционными, должностными, преступлениями в сфере незаконного оборота наркотиков, преступлениями террористической и экстремистской направленности, а также крайне малое количество криминалистических исследований на уровне кандидатских и отсутствие докторских диссертаций (нами выявлено только две диссертации [8; 9], тогда как теоретиками уголовного права, теоретиками оперативно-розыскной деятельности и учеными-криминологами таких исследований на соответствующих уровнях проведено и успешно защищено более 150), требуют криминалистического познания провокации преступления и криминалистических методов ее выявления и разоблачения.

2. Структурные направления криминалистического познания провокации преступления и криминалистических методов ее выявления и разоблачения, с учетом предметно-объектной организации и задач данной науки, а также разработанности данной тематики. Отметим, что проводимое на протяжении двух лет исследование вопросов совершенствования расследования провокации взятки, коммерческого подкупа либо подкупа в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд потребовало рассмотрения провокации преступления в широком криминалистическом понимании, что наиболее соответствует объекту, предмету криминалистики и потребностям правоприменения в области борьбы с преступностью, складывающимся на сегодняшний день, согласующимся с идеями ученых в области уголовного права, оперативно-розыскной деятельности и криминологии в том, что в широком смысле провокация возможна по

любому виду преступления. С точки зрения уголовно-правовой оценки провокация в узком смысле может быть квалифицирована по ст. 285, 286, 303, 304 УК РФ, при этом нами использованы собственно криминалистические данные о выявлении и разоблачении провокации преступления или действий, ее составляющих, не только при расследовании таких преступлений, но и при совершении иных преступлений (как и способов сокрытия и противодействия расследованию [10, с. 81–88]).

К таковым направлениям, по нашему мнению, относятся: раскрытие сущности, понятия и форм провокации преступления; осуществление криминалистической классификации провокации преступления и раскрытие ее значения для интересов правосудия; выявление и исследование факторов, детерминирующих как формирование и реализацию провокации преступления, так и влияющих на ее выявление и разоблачение; характеристика криминалистических методов выявления и разоблачения провокации преступления; типизирование ситуаций выявления и разоблачения провокации преступления; формирование системы версий при проверке провокации преступлений; рассмотрение особенностей тактики следственных действий при выявлении и разоблачении провокации преступления; уточнение структуры криминалистической характеристики провокации взятки, коммерческого подкупа либо подкупа в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд и рассмотрение взаимосвязей элементов; раскрытие особенностей возбуждения уголовных дел о преступлениях указанной категории и определение типичных следственных ситуаций, присущих первоначальному этапу расследования провокации взятки, коммерческого подкупа либо подкупа в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд; формулирование рекомендаций по совершенствованию тактики проведения типичных следственных действий и использования специальных знаний в ходе расследования провокации взятки, коммерческого подкупа либо подкупа в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд.

Указанный перечень соответствует плану проводимого исследования и его этапам и, по нашему мнению, позволит наиболее полно отразить содержание криминалистической проблематики провокации преступления и криминалистических методов ее выявления и разоблачения.

3. Применительно к теме, к основным терминам и понятиям криминалистического познания в контексте языка криминалистики и проводимого исследования относятся: криминалистическое понятие «провокация преступления», термин «криминалистические методы выявления и разоблачения провокации преступления», формы провокации преступлений. В уголовно-правовых науках сложилось уголовно-правовое, криминологическое и оперативно-розыскное понимание провокации преступления, тогда как в науке криминалистике имеются лишь определенные предпосылки. Для восполнения указанного пробела криминалистического понимания провокации преступления необходимо учитывать традицию предметно-объектной организации криминалистики, заложенную Р.С. Белкиным и Н.П. Яблочковым, и рассматривать как: а) в широком значении – как вид человеческой противоправной провокационной деятельности, сегментированной в преступную деятельность и проявляющейся в процессе оперативно-розыскной, криминалистической и уголовно-процессуальной деятельности; б) в узком значении – как систему умышленных предательских (по отношению к интересам правосудия) действий (поступков) субъектов ОРД, субъектов предварительного расследования и иных участников, образующих способы преступлений, предусмотренных ст. 285, 286, 303, 304 УК РФ.

В широком значении противоправная провокационная деятельность представляет собой совокупность умышленных и иных способов воздействия провокатора и вспомогательных участников, подталкивающих к совершению преступления, и/либо фальсификации, инсценированию совершенного преступления других лиц, в целях их уголовного преследования и связанных с ним последствий. В отличие от узкого понимания, провокатором в широком значении может выступать не только виновный в совершении любого преступления, предусмотренного УК РФ, но и жертва с соответствующим провокационным поведением (не всегда содержащим умышленные действия), а также участники стороны защиты в процессе предварительного расследования в целях уголовного преследования либо дискредитации следователя или дознавателя [11, с. 638–645].

В узком значении провокация преступления представляет собой систему умышленных действий (поступков) по подготовке, совершению и сокрытию искусственного формирования доказательств совершенного

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

преступления или шантажа лица (без его согласия и соответствующих действий), предусмотренных ст. 285, 286, 303, 304 УК РФ. Термин «криминалистические методы выявления и разоблачения провокации преступления» связан со второй составляющей проводимого исследования и представляет собой собирательные характеристики и признаки криминалистической деятельности, подчиненной указанной задаче. Ввиду значимости для построения систем знаний, применительно к теме, данный аспект будет рассмотрен в отдельной статье.

Формы провокации преступления нами подразделяются на криминальные (любого преступления или специальные, см. выше), непроцессуальные (оперативно-розыскные) и процессуальные (участников со стороны обвинения или защиты) [12, с. 3–14].

Основываясь на положениях криминалистической систематики, следует отметить, что система криминалистических знаний о провокации преступления и криминалистических методах ее выявления и разоблачения связана с такими разделами, как общая теория криминалистики, криминалистическая техника, криминалистическая тактика и криминалистическая методика, при этом такая связь проявляется во взаимодействии с такими категориями криминалистики, как способ преступления, способ сокрытия (фальсификация, инсценировка), способ противодействия (психическое или физическое воздействие, шантаж, угрозы и т. д.), криминалистическая характеристика преступлений (по ст. 285, 286, 303, 304 УК РФ и ряда других), тактический прием (комбинация/операция) и проблема его допустимости.

4. Закономерности провокации преступления и криминалистических методов ее разоблачения подразделяются на закономерности формирования и реализации провокации преступления, а также закономерности выявления и разоблачения провокации. Прежде чем раскрыть содержание этих групп, необходимо определить их место в предмете

криминалистики. Первая группа закономерностей входит либо связана с закономерностями механизма преступления и механизмов посткриминальной деятельности, а также с закономерностями возникновения информации о преступлении и его участниках. Вторая группа закономерностей входит в закономерности раскрытия и расследования преступлений.

Результаты исследования уголовных дел, обвинительных приговоров и анализа статистических данных, диссертационных исследований по уголовно-правовым наукам позволили сделать вывод, что к закономерностям формирования и реализации провокации преступления относятся: связь между тяжестью преступления и плотностью провокационных действий участников события и его расследования [13, с. 38–45; 14, с. 26–31]; связь способа провокации преступления со свойствами личности и его должностным положением; связь способа провокации преступления с искусственно созданными доказательствами совершения лицом преступления или шантажом; причинно-следственные отношения в поведении провоцируемого лица; закономерности возникновения информации о провокации преступления (отражение действий, повторяемость и типичность материальных и идеальных следов).

Среди закономерностей выявления и разоблачения провокации следует выделить: повторяемость поведения провокатора, вспомогательных участников и жертвы; типичность возникающих задач при расследовании провокации преступления; ситуационность расследования провокации преступления. Предложенный перечень закономерностей, применительно к теме исследования, не является исчерпывающим и требует дальнейшего дополнения с учетом проводимого познания провокации преступления и криминалистических методов ее выявления и разоблачения, а также конструктивных замечаний, пожеланий ученых-криминалистов и практиков.

Список источников

1. Андреев А.С. Сущность посткриминальной деятельности и концепция ее познания в криминалистике: монография. Ростов н/Д, 2023.
2. Варданян А.В. Интеграция уголовно-правовых знаний в контексте закономерностей развития юридической науки // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2023. № 1(25).

References

1. Andreev A.S. The essence of post-criminal activity and the concept of its cognition in forensic science: monograph. Rostov-on-Don, 2023.
2. Vardanyan A.V. Integration of criminal-legal knowledge in the context of patterns of development of legal science // Forensic science: yesterday, today, tomorrow. 2023. № 1(25).

3. Варданыан А.В. Проблема систематизации цифровых методов оперативно-розыскной деятельности, используемых в борьбе с дистанционными хищениями, и их криминалистическое значение // Юрист-Правовед. 2022. № 2(101).

4. Состояние преступности в России за январь–ноябрь 2024 г. Министерство внутренних дел Российской Федерации, ФКУ «Главный информационно-аналитический центр». М., 2024.

5. Варданыан А.В., Андреев А.С., Делов Н.С. Криминалистическая характеристика умышленного уничтожения или повреждения имущества: уч. пособие. М., 2024.

6. Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <https://cdep.ru> (дата обращения: 10.01.2025).

7. Поздравление Президента РФ В.В. Путина с Днем сотрудника внутренних дел. Стенограмма от 10.11.2023. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/72712/> (дата обращения: 10.01.2025).

8. Губанова О.В. Особенности расследования провокации взятки либо коммерческого подкупа: дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2006.

9. Домашенко Н.А. Особенности расследования провокации взятки или коммерческого подкупа: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2011.

10. Варданыан А.В. Некоторые уголовно-процессуальные аспекты преодоления противодействия расследованию преступлений, совершенных представителями административно-управленческой элиты // Всероссийский криминологический журнал. 2024. № 1.

11. Варданыан А.В., Макаренко И.А. Дискредитация субъектов раскрытия и расследования преступлений и криминалистические методы ее нейтрализации // Всероссийский криминологический журнал. 2022. № 5.

12. Андреев А.С. Тактические операции, направленные на создание позитивной посткриминальной деятельности в раскрытии, расследовании и предупреждении преступлений // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2022. № 1.

13. Андреев А.С. Начальная посткриминальная деятельность и ее влияние на исходную следственную ситуацию расследования тяжких и особо тяжких преступлений // Правовой порядок и правовые ценности. 2024. № 2. Т. 2.

14. Андреев А.С. Посткриминальная деятельность как объект познания в криминалистике и проблемы криминалистического обеспечения правоохранительных органов: материалы VIII Национальной научно-практ. конф. (19–22 сентября 2024 г.). Ростов н/Д, 2024.

3. Vardanyan A.V. The problem of systematization of digital methods of operational-search activities used in the fight against remote thefts, and their forensic significance // Jurist-Pravoved. 2022. № 2(101).

4. The state of crime in Russia for January–November 2024. Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Federal State Institution «Main Information and Analytical Center». Moscow, 2024.

5. Vardanyan A.V., Andreev A.S., Delov N.S. Forensic characteristics of intentional destruction of or damage to property: manual. Moscow, 2024.

6. Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation. URL: <https://cdep.ru> (date of access: 10.01.2025).

7. Congratulations of the President of the Russian Federation V.V. Putin on the Day of the Internal Affairs Officer. Transcript from 10.11.2023. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/72712/> (date of access: 10.01.2025).

8. Gubanova O.V. Features of the investigation of the provocation of a bribe or commercial bribery: dis. ... PhD in Law. Voronezh, 2006.

9. Domashchenko N.A. Features of the investigation of the provocation of a bribe or commercial bribery: author's abstract. dis. ... PhD in Law. Rostov-on-Don, 2011.

10. Vardanyan A.V. Some criminal procedural aspects of overcoming resistance to the investigation of crimes committed by representatives of the administrative and managerial elite // All-Russian Criminological Journal. 2024. № 1.

11. Vardanyan A.V., Makarenko I.A. Discrediting the subjects of disclosure and investigation of crimes and forensic methods of its neutralization // All-Russian Criminological Journal. 2022. № 5.

12. Andreev A.S. Tactical operations aimed at creating positive post-criminal activity in the disclosure, investigation and prevention of crimes // Bulletin of the Tula State University. Economic and legal sciences. 2022. № 1.

13. Andreev A.S. Initial post-criminal activity and its influence on the initial investigative situation of the investigation of serious and especially serious crimes // Legal order and legal values. 2024. № 2. V. 2.

14. Andreev A.S. Post-criminal activity as an object of knowledge in forensic science and problems of forensic support of law enforcement agencies: materials of the VIII National scientific-practical. conf. (September 19–22, 2024). Rostov-on-Don, 2024.

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кулахсзян Сюзанна Карленовна, *адъюнкт адъюнктуры. Ростовский юридический институт МВД России. 344015, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.*

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kulakhszyan Suzanna Karlenovna, *adjunct. Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 83, Eremenko St., Rostov-on-Don 344015 Russian Federation.*

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ СОХРАННОСТИ, УЧЕТА, ПЕРЕДАЧИ И РЕАЛИЗАЦИИ ВЕЩЕСТВЕННЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В ЦЕЛЯХ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ВОЗМЕЩЕНИЯ ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯМИ

Курилов Сергей Иванович

Академия управления МВД России, Москва, Российская Федерация,
skurilov78@mail.ru

Введение: в статье рассмотрены проблемные вопросы теоретического и практического характера, связанные с сохранностью, учетом, передачей и реализацией изъятых в ходе досудебного производства вещественных доказательств и арестованного имущества в целях обеспечения возмещения вреда, причиненного преступлениями.

Материалы и методы: в ходе исследования использовались общенаучные методы: анализ, синтез. При помощи статистического метода изучено состояние дел в рассматриваемом направлении деятельности и определены проблемы, что в совокупности с другими методами позволило сформулировать предложения по совершенствованию указанной сферы деятельности. Эмпирическую основу исследования составили обобщенная судебная практика, статистические данные, приказы МВД России и постановления Правительства РФ, а также статистические данные, свидетельствующие о положении деятельности по соблюдению обеспечения возмещения вреда, причиненного преступлениями, и сохранности вещественных доказательств.

Результаты исследования: на основании анализа правоприменительной практики и статистических сведений выделены проблемные вопросы, связанные с сохранностью, учетом, передачей и реализацией вещественных доказательств в целях обеспечения возмещения вреда, причиненного преступлениями, а также предложены мероприятия по повышению эффективности и совершенствованию организации деятельности данного направления.

Выводы и заключения: обосновывается вывод о том, что решение рассматриваемых указанных проблемных вопросов требует комплексного подхода, включающего как законодательные реформы, так и организационные улучшения. Комплексный подход к совершенствованию законодательства и организационных механизмов хранения, учета, передачи, реализации вещественных доказательств и изъятых предметов позволит не только повысить качество работы государственных органов, но и обеспечить защиту прав граждан в процессе обеспечения возмещения вреда, причиненного преступлениями.

Ключевые слова: возмещение вреда, преступления, вещественные доказательства, сохранность, обеспечение.

Для цитирования: Курилов С. И. Проблемные вопросы сохранности, учета, передачи и реализации вещественных доказательств в целях обеспечения возмещения вреда, причиненного преступлениями / С. И. Курилов // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2025. № 1 (112). – С. 135–141.

Original paper

PROBLEMATIC ISSUES OF PRESERVATION, ACCOUNTING, TRANSFER AND SALE OF MATERIAL EVIDENCE IN ORDER TO ENSURE COMPENSATION FOR DAMAGE CAUSED BY CRIMES

Kurilov Sergey Ivanovich

Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russian Federation

Introduction: the article examines problematic issues of a theoretical and practical nature related to the preservation, accounting, transfer and sale of material evidence seized during pre-trial proceedings and seized property in order to ensure compensation for damage caused by crimes.

Materials and methods: the study used general scientific methods: analysis, synthesis. Using the statistical method, the state of affairs in the area of activity under consideration was studied and problems

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

were identified, which, in combination with other methods, made it possible to formulate proposals for improving this area of activity. The empirical basis of the study was generalized judicial practice, statistical data, orders of the Ministry of Internal Affairs of Russia and decrees of the Government of the Russian Federation, as well as statistical data indicating the status of activities to ensure compensation for damage caused by crimes and the preservation of material evidence.

Results of the study: based on the analysis of law enforcement practice and statistical data, problematic issues related to the preservation, accounting, transfer and sale of material evidence in order to ensure compensation for damage caused by crimes are identified, and measures are proposed to increase the efficiency and improve the organization of activities in this area.

Findings and conclusions: the conclusion is substantiated that the solution of the considered problematic issues requires a comprehensive approach, including both legislative reforms and organizational improvements. A comprehensive approach to improving legislation and organizational mechanisms for the storage, accounting, transfer, sale of material evidence and seized items will not only improve the quality of work of government agencies, but also ensure the protection of citizens' rights in the process of ensuring compensation for damage caused by crimes.

Keywords: compensation for damage, crimes, material evidence, preservation, provision.

For citation: Kurilov S. I. Problematic issues of preservation, accounting, transfer and sale of material evidence in order to ensure compensation for damage caused by crimes / S. I. Kurilov // *Philosophiya prava : scientific-theoretical journal*. Rostov-on-Don. 2025. № 1 (112). – Pp. 135–141.

Возмещение вреда, причиненного преступлениями, является важным элементом правовой системы, направленным на восстановление справедливости и защиту прав потерпевших, а также одним из приоритетных направлений деятельности государства. Данная деятельность позволяет компенсировать потери, связанные с преступлением, и способствует социальной реабилитации пострадавшего. Для многих потерпевших возмещение вреда является не только материальной поддержкой, но и способом восстановления чувства справедливости. Так, согласно статистическим данным за 2024 г., потерпевшим преступлениями причинен общий ущерб на сумму 627,9 млрд руб., из них по тяжким и особо тяжким преступлениям на сумму 394,9 млрд руб., что на 6,9 % больше, чем в 2023 г. за аналогичный период [9, с. 39].

Одним из способов обеспечения возмещения вреда, причиненного потерпевшим преступлениями, является сохранность, учет, передача и реализация вещественных доказательств, которые впоследствии могут служить компенсацией ущерба, причиненного потерпевшим преступлениями. Однако в связи с этим имеются проблемные вопросы как теоретического, так и практического характера, требующие разрешения.

Так, например, в академических кругах широко обсуждается вопрос о том, как следует определять вещественные доказательства. Ю.П. Боруленков высказывает мнение, что сложность формулировки определения вещественных доказательств обусловлена нечеткостью интерпретации самого понятия в процессуальном праве [3, с. 57–74].

Эта проблематика оказывает, в частно-

сти, существенное влияние на практическую работу правоохранительных структур и на развитие юридической науки в целом. В контексте определения вещественных доказательств Л.Т. Ульянова их характеризует как элементы из материального мира, сохраняющие свои особенности, которые оказывают поддержку в процессе выяснения обстоятельств, имеющих значимость для проведения следствия [11, с. 76]. В то же время М.К. Треушников подчеркивает роль этих объектов как незаменимых элементов в процедуре идентификации ключевых фактов, имеющих отношение к расследуемому инциденту [10, с. 61]. А.Я. Вышинский подчеркивает значимость вещественных доказательств как элементов, играющих ключевую роль не только в демонстрации существования преступления и идентификации лица, причастного к его совершению, но также в возможности обоснования его невиновности, например, путем подтверждения алиби [4, с. 147].

В свою очередь, А.А. Барыгин рассматривает вещественные доказательства через призму информации, отображающей характеристики, состояние и динамику изменений объекта, напрямую связанного с преступлением [1, с. 114–115]. В научных трудах В.Я. Дорохова акцентируется внимание на определении вещественных доказательств как материальных объектов и условий [5, с. 109–114]. В определении, предложенном Н.А. Селивановым, основное внимание уделяется характеристике вещественных доказательств [8, с. 11].

А.Р. Белкин, рассматривая вещественные доказательства как источники доказательственной базы, указывает, что не сам объект

является доказательством, а его свойства, которые обладают значимостью для дела, предоставляя фактические данные [2, с. 33]. А. А. Эйсман указывал на то, что объекты, служащие вещественными доказательствами, фактически изолируются из первоначальной среды их нахождения [12, с. 131].

На данный момент законодателем в соответствии с ч. 3 ст. 81 УПК РФ установлены процедуры, определяющие обращение с вещественными доказательствами по окончании расследования уголовного дела. В случаях прекращения уголовного дела и преследования обязанность по принятию решения о судьбе вещественных доказательств возлагается на следователя, дознавателя, как указано в п. 9 ч. 1 ст. 213 УПК РФ. Во всех остальных обстоятельствах решение по этому вопросу находится в ведении суда согласно п. 10–12 ч. 1 ст. 299 УПК РФ.

В соответствии с нормативными актами определенные категории объектов, обладающих уникальными характеристиками, требуют особого подхода к вопросу их хранения в рамках уголовного судопроизводства. Специфика этих объектов, включая их физические свойства или законодательный статус, может обуславливать необходимость их передачи на ответственное хранение, уничтожение или же передачу для использования по прямому назначению. Примерами таких объектов могут служить вещи больших размеров (лесоматериал) или вещества (этиловый спирт), а также игровое оборудование, живые существа и др. В связи с этим ст. 82 УПК РФ устанавливает основания и порядок действий с объектами, чье длительное хранение невозможно по указанным причинам.

Однако на практике имеется масса проблемных вопросов, связанных с системой хранения вещественных доказательств. Эти проблемы касаются как правовых, так и организационных аспектов. Отсутствие четких стандартов и процедур хранения нередко приводит к утрате имущества, что подрывает доверие граждан к правоприменительным органам [7, с. 67–70].

Проблема усугубляется отсутствием ранее четкого нормативного регулирования и лишь относительно недавним введением Правил, утвержденных Постановлением Правительства РФ от 28 сентября 2023 г. № 1589¹ (далее – Правил), которые хоть и устанавливают порядок хранения, учета, инвентаризации предметов, но их применение пока находится на этапе становления. В связи с этим возникают определенные трудности, связанные с отсутствием устоявшейся судебной практики и недостаточной адаптацией правоохранительных органов к новым требованиям.

Кроме того, следует отметить, что в организации деятельности территориальных органов МВД России существует недостаток специализированных помещений, предназначенных для длительного хранения изъятых предметов. В таких условиях часто используются временные хранилища, не соответствующие установленным нормам. Примером может служить дело, рассмотренное в Краснодарском крае. Так, изъятое имущество, включая дорогостоящую технику, было размещено в условиях, не обеспечивающих требуемые параметры температуры и влажности. В результате длительного хранения техника была повреждена, что привело к невозможности ее дальнейшего использования. Суд постановил, что следственные органы не обеспечили должных условий хранения, что повлекло материальный ущерб для владельца имущества².

Недостаток должного финансирования и материальной базы нередко становится причиной того, что изъятые предметы не могут быть должным образом сохранены. В ряде регионов, особенно удаленных от крупных городов, склады правоохранительных органов не приспособлены для хранения специфических предметов, таких как транспортные средства или драгоценности. По одному из уголовных дел в Московской области изъятые ценные предметы хранились в обычном складском помещении, не оборудованном системами безопасности. Как следствие, они

¹ Постановление Правительства РФ от 28.09.2023 № 1589 «Об утверждении Правил учета и хранения изъятых в ходе досудебного производства, но не признанных вещественными доказательствами по уголовным делам предметов и документов до признания их вещественными доказательствами по уголовным делам или до их возврата лицам, у которых они были изъяты, и арестованного имущества, учета, хранения и передачи вещественных доказательств по уголовным делам, а также возврата вещественных доказательств по уголовным делам в виде денег их законному владельцу и о признании утратившими силу некоторых актов и отдельного положения акта Правительства Российской Федерации». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_436169/ (дата обращения: 08.01.2025).

² Обобщение судебной практики о разрешении вопросов о вещественных доказательствах URL: <https://okrugvyksa.ru/pravo/obobshhenie-sudebnoj-praktiki-o-razreshenii-voprosov-o-veshhestvennyh-dokazatelstvah.html> (дата обращения: 15.01.2025).

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

были частично утрачены, что вызвало недовольство владельца и привело к подаче гражданского иска о возмещении ущерба³.

Коррупционные риски и злоупотребления в процессе хранения изъятых предметов представляют собой одну из наиболее острых проблем правоприменительной практики. Одним из ключевых примеров, которые демонстрируют масштаб проблемы, является дело, рассмотренное в 2023 г. в одном из районных судов Московской области. Следственные органы изъяли крупную сумму наличных денег в рамках расследования уголовного дела, однако изъятые средства не были должным образом учтены и впоследствии были утрачены. В ходе разбирательства выяснилось, что ответственные сотрудники не только не зарегистрировали изъятое имущество в системе учета, но и использовали часть средств в личных целях. Суд признал данное действие коррупционным и осудил виновных к значительным штрафам и лишению свободы⁴.

Еще один резонансный случай произошел в Краснодарском крае, когда изъятое имущество, включая драгоценности, было утрачено в ходе следственного процесса. Из-за слабого контроля и отсутствия прозрачности в учете предметы не были возвращены законным владельцам. Впоследствии было установлено, что сотрудники следственного органа намеренно скрыли данные о местонахождении драгоценностей и присвоили их. Судебное разбирательство по этому делу завершилось осуждением сотрудников за злоупотребление служебными полномочиями и хищение государственного имущества⁵.

Таким образом, в практической деятельности органов внутренних дел следует выделить актуальные проблемы, связанные с вопросами организации деятельности по хранению вещественных доказательств и иных изъятых предметов в целях обеспечения возмещения вреда, причиненного потерпевшим преступлениями:

- ненадлежащее хранение изъятых предметов, вещественных доказательств, в результате чего допускается их утрата, а также совершение неправомерных действий в отношении изъятого имущества;

- упущения в организации исполнения нормативных правовых актов, определяю-

щих полномочия сотрудников полиции по обеспечению сохранности вещественных доказательств, а также низкий уровень ведомственного и процессуального контроля в данной сфере деятельности;

- нерешенные проблемы в хранении изъятых предметов и вещественных доказательств, скоропортящихся товаров, предметов и продукции (в том числе рыбы, икры, останков животных и др.), требующих особых условий сохранения (заморозки);

- в большинстве территориальных органов МВД России – ограниченное количество или отсутствие специализированных мест для хранения крупногабаритных вещественных доказательств, а также трудности с организацией их перевозки;

- недостаточный уровень взаимодействия с органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации и местного самоуправления по проработке вопросов о выделении (подбору) земельных участков в целях создания складов (стоянок) для хранения крупногабаритного имущества, признанного и не признанного в качестве вещественных доказательств в интересах МВД России;

- отсутствие в системе МВД России единого учета изъятого, в том числе признанного вещественным доказательством, имущества;

- проблематика, связанная с деятельностью ответственных лиц, на которых возложен значительный объем обязанностей (учет, хранение, выдача, передача вещественных доказательств, возврат вещественных доказательств в виде денег, учет и хранение иных изъятых предметов, не признанных вещественными доказательствами, и арестованного имущества, принятие мер к исполнению решения (определения, постановления, приговора) суда, постановления прокурора, следователя, дознавателя, органа дознания, касающихся изъятых предметов, вещественных доказательств, арестованного имущества).

Для устранения основных вышеуказанных актуальных проблем, а также повышения эффективности работы по совершенствованию организации деятельности по хранению изъятых предметов и вещественных доказательств в целях обеспечения возмещения вреда, причиненного преступлени-

³ Собственник утраченных вещдоков может требовать компенсацию за них до завершения уголовного дела. URL: <https://knpartners.com.ua/espch-sobstvennik-utrachennyihveshhdokov-mozhet-trebovat-kompensatsiyu-zanih-do-zaversheniya-ugolovnogo-dela/> (дата обращения: 15.01.2025).

⁴ Собственник утраченных вещдоков может требовать компенсацию за них до завершения уголовного дела. URL: <https://knpartners.com.ua/espch-sobstvennik-utrachennyihveshhdokov-mozhet-trebovat-kompensatsiyu-zanih-do-zaversheniya-ugolovnogo-dela/> (дата обращения: 15.01.2025).

⁵ Там же.

ями, предлагается:

– для организации движения вещественных доказательств и изъятых предметов, не признанных вещественными доказательствами, арестованного имущества от признания его вещественными доказательствами до реализации и уничтожения, применить в деятельности органов внутренних дел систему учета этого имущества, в том числе находящихся на счетах денежных средств и недвижимого имущества. В связи с этим предлагается создание единой автоматизированной системы учета вещественных доказательств и изъятых предметов, «Вещдок» (СУВД ИСОД МВД России), предусматривающей в том числе возможность идентификации изъятого имущества;

– для организации деятельности ответственных лиц, на которых возложены обязанности учета, хранение, выдача, передача вещественных доказательств и изъятых предметов, не признанных вещественными доказательствами, возврат вещественных доказательств в виде денег и арестованного имущества, принятие мер к исполнению решения (определения, постановления, приговора) суда, постановления прокурора, следователя, дознавателя, органа дознания, касающихся иных изъятых предметов, вещественных доказательств, арестованного имущества, предлагается наделение Департамента по материально-техническому и медицинскому обеспечению МВД России полномочиями по координации данной деятельности в МВД России, учету, юридическому сопровождению (заключение договоров с юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями), передаче, транспортировке, хранению, реализации, утилизации или уничтожению изъятого имущества и вещественных доказательств, поскольку в названном подразделении уже имеется достаточный опыт работы в указанной сфере и оно отвечает всем предъявляемым критериям для ее осуществления (в должностные обязанности сотрудников ДТ МВД России не входит осуществление оперативно-розыскной или процессуальной деятельности; имеются специалисты в сфере закупок, по учету и контролю изымаемых предметов);

– для проработки вопроса о создании профильных структурных подразделений, отвечающих за сохранность, учет, выдачу, передачу, возврат и уничтожение вещественных доказательств и изъятых предметов, не признанных вещественными доказательствами,

реализацию и осуществление ведомственного контроля на межрегиональном и региональном уровнях, а также введения соответствующих должностей на районном уровне, необходимо внесение изменений в приказ МВД России от 12 апреля 2011 г. № 333 «О некоторых организационных вопросах и структурном построении территориальных органов МВД России» в части изменения организационно-штатного построения территориальных органов МВД России;

– для организации создания складов (стоянок) для хранения крупногабаритных вещественных доказательств и изъятых предметов, не признанных вещественными доказательствами, необходимо направлять обращения в Росимущество, а также выстраивать эффективное взаимодействие с органами местного самоуправления субъектов Российской Федерации об оказании содействия в решении проблемных вопросов по подбору и последующему закреплению необходимых земельных участков для создания складов (стоянок).

Резюмируя вышеизложенное, следует прийти к выводу, что решение указанных проблемных вопросов требует комплексного подхода, включающего как законодательные реформы, так и организационные улучшения. Введение новых технологий, ужесточение контроля за хранением и улучшение инфраструктуры позволят значительно повысить качество правоприменительной практики в этой области и защитить интересы всех сторон, вовлеченных в процесс обращения с изъятым имуществом.

Исходя из сказанного, необходимо разработать и предложить рекомендации по совершенствованию ведомственного законодательства организации хранения изъятых предметов. В частности, в целях устранения правовой неопределенности и неоднозначности применения на практике используемых дополнений, внесенных в уголовно-процессуальное законодательство в виде п. 4 в ст. 81 и в ч. 6 ст. 115, а также существующих в деятельности органов предварительного расследования организационных и иных проблем, кроме того, в целях разрешения правового пробела, связанного с конкретизацией требований постановления от 28 сентября 2023 г. № 1589, применительно к органам внутренних дел целесообразно внести предложение об издании вместо приказа МВД России от 30.12.2016 г. № 946⁶ соответствующего приказа в системе МВД России

⁶ Приказ МВД России от 30.12.2016 № 946 «Об организации деятельности в органах внутренних дел Российской Федерации по обеспечению сохранности и учета вещественных доказательств и иных изъятых предметов и документов». Доступ из справ. правовой системы СТРАС «Юрист» (дата обращения: 15.01.2025).

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

[6, с. 85–97] об утверждении Инструкции о порядке сохранения, учета, передачи и реализации изъятых в ходе досудебного производства вещественных доказательств и арестованного имущества в целях обеспечения возмещения вреда, причиненного преступлениями.

В новом приказе должны быть отражены вопросы, касающиеся внедрения современных технологий и разработок четких стандартов повышения эффективности обеспечения сохранности вещественных доказательств в органах внутренних дел, что позволит минимизировать риски утраты имущества, нарушений прав граждан на возмещение ущерба. Кроме того, в нем должна быть закреплена четкая система инвентаризации и автоматизации

учета вещественных доказательств и изъятых предметов, что позволило бы снизить количество утрат имущества. Введение строгих стандартов хранения и учета таких предметов поможет минимизировать юридические и материальные риски для правоохранительных органов и собственников имущества. Комплексный подход к совершенствованию законодательства и организационных механизмов хранения, учета, передачи и реализации вещественных доказательств и изъятых предметов позволит не только повысить качество работы государственных органов, но и обеспечить защиту прав граждан в процессе обеспечения возмещения вреда, причиненного преступлениями.

Список источников

1. Барыгина А.А. Особенности оценки отдельных видов доказательств в уголовном судопроизводстве. М., 2013.
2. Белкин А.Р. Теория доказывания в уголовном судопроизводстве. М., 2005.
3. Боруленков Ю.П. Юридическое познание в процессуальной, оперативно-розыскной и частной детективной деятельности. Владимир, 2009.
4. Вышинский А.Я. Теория судебных доказательств в советском праве. М., 1950.
5. Дорохов В.Я. Природа вещественных доказательств // Советское государство и право. 1971. № 10.
6. Курилов С.И., Зайцев М.А. Об актуальности организации деятельности по хранению изъятых предметов, не признанных вещественными доказательствами // Уголовный процесс и криминалистика: правовые основы, теория, практика, дидактика: сб. научных статей по материалам Международной научно-практ. конф. М., 2023. Ч. 1.
7. Петрова О.А. Суд как субъект изъятия доказательств в уголовном процессе // Актуальные проблемы судебной, правоохранительной, правозащитной, уголовно-процессуальной деятельности и национальной безопасности: материалы Международной научно-практ. конф. (17–18 марта 2022 г.) / отв. ред. В.А. Семенцов. Краснодар, 2022. Ч. 2.
8. Селиванов Н.А. Вещественные доказательства. М., 1971.
9. Состояние преступности в России (за декабрь–январь 2024 г.). М., 2024.
10. Треушников М.К. Судебные доказательства. М., 2017.

References

1. Barygina A.A. Features of the assessment of individual types of evidence in criminal proceedings. Moscow, 2013.
2. Belkin A.R. Theory of proof in criminal proceedings. Moscow, 2005.
3. Borulenkoy Yu.P. Legal knowledge in procedural, operational-search and private detective activities. Vladimir, 2009.
4. Vyshinsky A.Ya. Theory of judicial evidence in Soviet law. Moscow, 1950.
5. Dorokhov V.Ya. The nature of material evidence // Soviet state and law. 1971. № 10.
6. Kurilov S.I., Zaitsev M.A. On the relevance of organizing activities for the storage of seized items not recognized as material evidence // Criminal procedure and forensic science: legal foundations, theory, practice, didactics: collection of works. scientific articles based on the materials of the International Scientific and Practical Conf. Moscow, 2023. Part 1.
7. Petrova O.A. The court as a subject for the seizure of evidence in criminal proceedings // Actual problems of judicial, law enforcement, human rights, criminal procedural activities and national security: materials of the International Scientific and Practical Conf. (March 17-18, 2022) / ed. V.A. Semenov. Krasnodar, 2022. Part 2.
8. Selivanov N.A. Material evidence. Moscow, 1971.
9. The state of crime in Russia (for December-January 2024). Moscow, 2024.
10. Treushnikov M.K. Judicial evidence. Moscow, 2017.

11. Ульянова Л.Т. Предмет доказывания и доказательства в уголовном процессе России. М., 2008.

12. Эйсман А.А. Заключение эксперта. Структура и научное обоснование. М., 1967.

11. Ulyanova L.T. Subject of proof and evidence in criminal proceedings in Russia. Moscow, 2008.

12. Eisman A.A. Expert opinion. Structure and scientific substantiation. Moscow, 1967.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Курилов Сергей Иванович, кандидат юридических наук, начальник кафедры управления расследования преступлений. Академия управления МВД России. 125993, Российская Федерация, г. Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, 8.
ORCID: 0000-0002-7243-9624

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kurilov Sergey Ivanovich, PhD in Law, Head of the Department of Crime Investigation Department. Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 8, Zoya and Alexander Kosmodemyanskikh St., Moscow 125993 Russian Federation.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ КРИПТОВАЛЮТЫ

Лемайкина Светлана Владимировна

Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Российская Федерация,
slemaikina2@mvd.ru

Введение: блокчейн и технологии распределенного реестра меняют информационный мир, в результате криптовалюты все чаще используются не только большим количеством розничных инвесторов, но и финансовыми учреждениями и даже странами. Тем не менее существует значительное количество видов криптовалют, и их регулирование, скорее всего, будет зависеть от их правового статуса, использования и природы. В соответствии с этим различные государства могут регулировать криптовалюту в различных правовых категориях и осуществлять надзор в зависимости от их варианта использования и характера.

Материалы и методы: в статье изучены и проанализированы наилучшие подходы к регулированию криптовалют и цифровых активов с учетом существующей нормативно-правовой базы, руководящих принципов регулирования, предложений, постановлений, исторического правоприменения, стандартов сообщества и передового опыта в отдельных странах и организациях.

Результаты исследования: проведенный анализ показал, что такая технология распределенных реестров накладывает на своих пользователей конкретные нормы, которые требуют от регулятора принятия определенных мер. Самое главное, что правительство или любой другой регулятор, заинтересованный в функционировании своей нормативно-правовой базы, должен проверить совместимость новых технологий и лежащих в их основе норм с существующими законами и принципами.

Выводы и заключения: в ходе исследования установлено, что не все криптоактивы одинаковы, и каждый из них обладает присущими ему характеристиками. В результате при создании нормативно-правовой базы для криптоактивов государственные органы и лица, принимающие решения, должны учитывать правовую природу, варианты использования, особенности и категорию каждого криптоактива.

Ключевые слова: криптовалюта, блокчейн, токены, транзакции, цифровая валюта, криптоактив, нормативно-правовая база.

Для цитирования: Лемайкина С. В. Актуальные вопросы правового регулирования криптовалюты / С. В. Лемайкина // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2025. № 1 (112). – С. 142–146.

Original paper

CURRENT ISSUES OF LEGAL REGULATION OF CRYPTOCURRENCY

Lemaikina Svetlana Vladimirovna

Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russian Federation

Introduction: blockchain and distributed ledger technologies are changing the information world, as a result, cryptocurrencies are increasingly being used not only by a large number of retail investors but also by financial institutions and even countries. However, there are a significant number of cryptocurrencies, and their regulation will most likely depend on their legal status, use, and nature. Accordingly, different states may regulate cryptocurrencies under different legal categories and exercise supervision depending on their use case and nature.

Materials and methods: the article examines and analyzes the best approaches to regulating cryptocurrencies and digital assets, taking into account the existing legal framework, regulatory guidelines, proposals, regulations, historical enforcement, community standards, and best practices in individual countries and organizations.

Results of the study: the conducted analysis showed that such distributed ledger technology imposes specific norms on its users, which require the regulator to take certain measures. Most importantly, the

government or any other regulator interested in the functioning of its regulatory framework should check the compatibility of new technologies and the underlying norms with existing laws and principles.

Findings and conclusions: the study found that not all crypto assets are the same, and each of them has its own characteristics. As a result, when creating a regulatory framework for crypto assets, government agencies and decision makers must take into account the legal nature, use cases, features and category of each crypto asset.

Keywords: cryptocurrency, blockchain, tokens, transactions, digital currency, crypto asset, regulatory framework.

For citation: Lemaikina S. V. Current issues of legal regulation of cryptocurrency / S. V. Lemaikina // *Philosophiya prava : scientific-theoretical journal. Rostov-on-Don. 2025. № 1 (112).* – Pp. 142–146.

В настоящее время мировой финансовый сектор переживает революцию, вызванную появлением новой формы денег – криптовалюты. Значительный интерес к ним наблюдался с момента создания в 2009 г. и обусловлен их большим потенциалом в качестве платежного средства в цифровой экономике XXI в. Криптовалюта стала революционной финансовой технологией, позволяющей осуществлять одноранговые транзакции без посредников. По мере роста ее популярности растут и опасения по поводу ее влияния на финансовую стабильность, защиту прав потребителей и незаконную деятельность. Это привело к требованию создать нормативно-правовую базу для регулирования использования криптовалют и торговли ими, включая регулирование криптовалют. Технологии, как блокчейн и технология распределенных реестров, накладывают на пользователей конкретные нормы, которые требуют от регулятора принятия определенных мер. Самое главное, что правительство или любой другой регулятор, заинтересованный в функционировании своей нормативно-правовой базы, должен проверить совместимость новых технологий и лежащих в их основе норм с существующими законами и принципами. Так, на сегодня в мире существует более 17 тыс. криптовалют, и у каждой из них есть свои особенности и варианты использования.

Основное назначение биткойна – это хранение ценности, как у золота, но его также можно использовать в качестве платежного средства. Другие криптовалюты ориентированы на трансграничные расчеты и транзакции. Еще одним чрезвычайно конкурентным и популярным направлением является категория смарт-контрактов, где протоколы первого уровня, такие как Ethereum, Solana, Avalanche, Cardano и Polkadot, могут предлагать автоматически исполнять условия контракта и позволяют заключать сделки без посредников [1].

К другим категориям можно отнести токены – это способ представления актива или ценности в блокчейне. Иными словами, это

виртуальная валюта, акции и другие ценные бумаги, произведения искусства, объекты недвижимости. Некоторые виды токенов – невзаимозаменяемые токены (NFT), биржевые токены, стейблкоины, токены управления, служебные токены и токены безопасности [2]. В соответствии с этим при определении правового статуса криптовалюты необходимо учитывать их назначение и характер.

При определении правового статуса и характера конкретного цифрового актива или криптовалюты регулирующие органы и лица, принимающие решения, могут учитывать несколько факторов: назначение, вариант использования, технический уровень, базовая стоимость, полезность, взаимозаменяемость, механизм распределения, уровень децентрализации, наличие ожидаемой прибыли или обеспечение каким-либо активом или фиатной валютой. В качестве цифровых активов могут выступать права или часть бизнеса, доля в капитале, возврат определенной суммы или распределение прибыли. Также они могут быть представлены в виде документов, имеющих ценность, или финансовых инструментов. Их можно применять для получения доступа к определенным товарам или услугам, которые обычно предоставляются с помощью технологии распределенного реестра, такой как платформы DLT – электронная система баз данных, распределенная между несколькими сетевыми узлами или устройствами.

По мере появления новых технологических разработок становится очевидной необходимость в общих юридических терминах и юридических классификациях. В соответствии с этим в 2017 г. правительство Австралии объявило криптовалюты, цифровые валюты и криптобиржи законными и подчинило их регулированию в сфере борьбы с отмыванием денег и финансированием терроризма. Несмотря на то что для блокчейна и технологий распределенного реестра не существует специального регулирования, правительство придерживается прогрессивного и невмешательского подхода к бизнесу, связанному с криптовалютами. В 2019 г. Ав-

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

стралийская комиссия по ценным бумагам и инвестициям (ASIC) приняла решение о том, что криптовалюты и другие цифровые активы могут регулироваться и включаться в нормативно-правовую базу страны в сфере корпоративного и финансового регулирования [3].

Управление финансового надзора Германии (BaFin) официально классифицировало биткоин и другие криптовалюты как «законные финансовые инструменты», и страна соблюдает строгие меры по борьбе с отмыванием денег, применяя пятую директиву Европейского союза по борьбе с отмыванием денег [4].

Будучи одной из первых стран, которая в 2017 г. создала нормативно-правовую базу для использования и контроля криптовалют, Эстония стала криптоцентром для компаний, работающих в сфере криптовалют. В данной стране криптовалюты регулируются как «ценности, представленные в цифровой форме». Компании, связанные с криптовалютами, могут подать заявку на получение лицензии поставщика услуг виртуальной валюты [5].

Валютно-финансовое управление Гонконга (НКМА) выпустило ряд циркуляров, консультаций и дискуссионных документов, в которых подробно описывается подход к регулированию криптоактивов. Согласно последнему документу Совет по финансовой стабильности определяет криптоактивы как вид частных цифровых активов, которые в первую очередь зависят от криптографии и распределенного реестра или аналогичных технологий [6].

Криптовалюты в Японии регулируются Законом о платежных услугах. Японские законодатели предпочли использовать термин «криптоактив» вместо «виртуальной» или «цифровой» валюты. Криптоактивы считаются собственностью, а не законным платежным средством. Эта собственность может использоваться для покупки и (или) заимствования товаров и услуг, а также для взаимного обмена на другие виды собственности [7].

Подход США к регулированию криптовалюты характеризуется сочетанием федерального и регионального регулирования. Нормативно-правовая база направлена на поиск баланса между инновациями, защитой инвесторов и целостностью рынка. На уровне штатов при регулировании криптовалюты действуют свои собственные правила, которые могут существенно различаться [8].

Швейцарию часто называют мировым ли-

дером в области регулирования криптовалют благодаря ее активной и поддерживающей позиции в отношении цифровых активов. Правительство Швейцарии создало нормативно-правовую среду, которая поощряет инновации и обеспечивает защиту потребителей. В Швейцарии создана четкая правовая база для криптовалют, которая включает признание криптовалют в качестве активов [9].

Российская Федерация активно формирует правовое поле для регулирования криптовалют, позиционируя их в первую очередь как цифровые финансовые активы (далее – ЦФА). Ключевым документом, заложившим основу этого регулирования, стал Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», подписанный Президентом России. Это закон не запрещает владение и обращение криптовалют, но категорически исключает использование криптовалют в качестве платежного средства оплаты товаров, работ и услуг на территории страны. Запрет на использование криптовалют в качестве платежного средства обусловлен прежде всего соображениями финансовой стабильности и противодействия отмыванию денег и финансированию терроризма.

Центральный банк (далее – ЦБ РФ) играет центральную роль в этом процессе. Он наделен широкими полномочиями по контролю и надзору. В рамках этого закона российские банки и биржи, желающие работать с ЦФА, должны пройти обязательную регистрацию в ЦБ РФ и получить статус оператора ЦФА. Регистрация включает в себя строгую проверку соответствия деятельности установленным нормативным требованиям, включая прозрачность операций, безопасность хранения цифровых активов и предотвращение мошенничества. ЦБ РФ также ведет государственный реестр информационных систем, используемых для работы с ЦФА, обеспечивая прозрачность и контроль над рынком. Этот реестр содержит информацию о всех зарегистрированных операторах, используемых технологиях и проводимых операциях. Важно отметить, что закон не только устанавливает правила для операторов, но и определяет порядок разрешения споров, связанных с операциями с криптовалютами. Закон о ЦФА является динамично развивающимся нормативным актом, который может претерпевать изменения и дополнения с учетом развития технологий и практики применения криптовалют.

Наблюдаемые научно-технические достижения предопределяют, что дальнейшее прогрессивное развитие отрасли будет определяться формированием нового технологического уклада, основанного на научных разработках.

Европейская комиссия понимает под виртуальной валютой цифровое представление стоимости, которая может передаваться, храниться или продаваться в электронном виде и использоваться в качестве платежного средства. В 2020 г. вступила в силу шестая директива по борьбе с отмыыванием денег, ужесточившая требования к соблюдению законодательства в этой юрисдикции, в том числе в отношении предприятий, связанных с криптовалютами. В сентябре 2020 г. Европейская комиссия опубликовала проект Положения о «рынках криптоактивов» (MiCa) и регламенте для пилотного режима рыночной инфраструктуры на основе технологии распределенного реестра в рамках цифрового финансового пакета ЕС. Предложение MiCa устанавливает минимальные требования к раскрытию информации о выпуске и торговле криптоактивами, а также требования к поставщикам услуг, связанных с криптовалютами. Предлагаемое регулирование имеет широкую сферу применения и охватывает множество криптоактивов, включая токены безопасности, токены, привязанные к активам, служебные токены и токены электронных денег [10].

Список источников

1. Layer 1 Blockchain. Основа криптоинноваций. URL: <https://vc.ru/crypto/827848-layer-1-blockchain-osnova-kriptoinnovacii> (дата обращения: 23.12.2024).
2. Что такое токен в криптовалюте простыми словами и чем отличается от монеты? URL: [//www.rbc.ru/crypto/news/63dbefd29a79477dedd4b62c](https://www.rbc.ru/crypto/news/63dbefd29a79477dedd4b62c) (дата обращения: 23.12.2024).
3. Обзор правил криптовалюты в Австралии. URL: <https://cointelegraph.com/learn/articles/an-overview-of-the-cryptocurrency-regulations-in-australia> (дата обращения: 23.12.2024).
4. Регулятор Германии признал криптовалюты финансовыми инструментами. URL: <https://forklog.com/news/regulator-germanii-priznal-kriptovalyuty-finansovymi-instrumentami> (дата обращения: 23.12.2024).
5. Станет ли Эстония новой криптовалютной гаванью? URL: <https://forklog.com/>

По мере развития блокчейн-вселенной ясность в регулировании становится ключевым фактором, определяющим успех страны при внедрении и использовании этой новой технологии. Для этого необходима точная и общепринятая терминология, прогрессивные власти, создающие рекомендации, и эффективное правоприменение.

При создании нормативно-правовой базы для криптоактивов государственные органы и лица, принимающие решения, должны учитывать правовую природу, варианты использования, особенности и категорию каждого криптоактива. Не все криптоактивы одинаковы, и каждый из них обладает присущими ему характеристиками. Другие аспекты, которые должны учитывать регулирующие органы, – это существующие правовые акты, нормативно-правовые базы, руководящие принципы, предложения, постановления, судебные решения, историческое правоприменение, стандарты сообщества и передовой опыт.

При определении типа и правового статуса конкретных криптоактивов регулирующие органы должны применять комплексный подход и анализировать множество факторов, таких как назначение, способ использования, технический уровень, базовая стоимость, полезность, взаимозаменяемость, механизм распределения, уровень децентрализации, является ли он обеспечением или поддерживается каким-либо активом или фиатной валютой.

References

1. Layer 1 Blockchain. The Basis of Crypto Innovations. URL: <https://vc.ru/crypto/827848-layer-1-blockchain-osnova-kriptoinnovacii> (date of access: 23.12.2024).
2. What is a cryptocurrency token in simple terms and how is it different from a coin? URL: [//www.rbc.ru/crypto/news/63dbefd29a79477dedd4b62c](https://www.rbc.ru/crypto/news/63dbefd29a79477dedd4b62c) (date of access: 23.12.2024).
3. An Overview of Cryptocurrency Regulations in Australia. URL: <https://cointelegraph.com/learn/articles/an-overview-of-the-cryptocurrency-regulations-in-australia> (date of access: 23.12.2024).
4. The German regulator recognized cryptocurrencies as financial instruments. URL: <https://forklog.com/news/regulator-germanii-priznal-kriptovalyuty-finansovymi-instrumentami> (date of access: 23.12.2024).
5. Will Estonia become a new cryptocurrency haven? URL: <https://forklog.com/exclusive/>

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

exclusive/stanet-li-estoniya-novoj-kriptovalyutnoj-gavanyu (дата обращения: 23.12.2024).

6. Кочергин Д.А., Покровская Н.В. Интерпретация криптоактивов и особенности их налогообложения в развитых странах и России // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. 2020. № 5.

7. Лузан С.Н. Сопоставление правового регулирования обращения криптовалюты в гражданском праве России и Японии // Юридическая наука. 2023. № 2.

8. Поймать за крипту: особенности регулирования криптовалют в США URL: <https://www.klerk.ru/buh/articles/527578/> (дата обращения: 23.12.2024).

9. Правовой режим криптовалют: Швейцария. URL: <https://www.ixbt.com/live/crypto/pravovoy-rezhim-kriptovalyuty-shveytsariya.html> (дата обращения: 23.12.2024).

10. MiCa (Markets In Crypto-Assets) – рынки криптоактивов. URL: <https://hub.forklog.com/mica-markets-in-crypto-assets-rynki-kriptoaktivov/> (дата обращения: 23.12.2024).

stanet-li-estoniya-novoj-kriptovalyutnoj-gavanyu (date of access: 23.12.2024).

6. Kochergin D.A., Pokrovskaya N.V. Interpretation of crypto assets and features of their taxation in developed countries and Russia // Bulletin of Moscow University. Series 6: Economics. 2020. № 5.

7. Luzan S.N. Comparison of legal regulation of cryptocurrency circulation in the civil law of Russia and Japan // Legal science. 2023. № 2.

8. Caught in Crypto: Peculiarities of Cryptocurrency Regulation in the USA URL: <https://www.klerk.ru/buh/articles/527578/> (date of access: 23.12.2024).

9. Legal Regime of Cryptocurrencies: Switzerland. URL: <https://www.ixbt.com/live/crypto/pravovoy-rezhim-kriptovalyuty-shveytsariya.html> (date of access: 23.12.2024).

10. MiCa (Markets In Crypto-Assets) – crypto asset markets. URL: <https://hub.forklog.com/mica-markets-in-crypto-assets-rynki-kriptoaktivov/> (date of access: 23.12.2024).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Лемайкина Светлана Владимировна, старший преподаватель кафедры информационного обеспечения органов внутренних дел. Ростовский юридический институт МВД России. 344015, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Lemaikina Svetlana Vladimirovna, Senior Lecturer at the Department of Information Support for Internal Affairs Bodies. Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 83, Eremenko St., Rostov-on-Don 344015 Russian Federation.

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ ПОЛОВОЙ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Мавренкова Елена Анатольевна

Ростовский государственный университет путей сообщения, Ростов-на-Дону, Российская Федерация,
1975@yandex.ru

Катрыч Анастасия Александровна

Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Российская Федерация,
Anastasija.Katrych@yandex.ru

Введение: в статье исследуется специфика половой неприкосновенности несовершеннолетних как объекта уголовно-правовой охраны, в том числе в соотношении с половой свободой личности, рассмотрены проблемы квалификации преступлений, посягающих на половую неприкосновенность.

Материалы и методы: методологическую основу исследования вопросов в рамках данной статьи составили методы анализа и синтеза информации, нормативно-логический и другие методы. Материалами исследования послужили уголовно-правовые нормы, предусматривающие юридическую ответственность за посягательства на половую неприкосновенность несовершеннолетних, судебная практика, научные публикации указанной тематики.

Результаты исследования: в статье изучены теоретические подходы к трактовке половой неприкосновенности применительно к объекту уголовно-правовой охраны, проанализированы особенности и проблемы квалификации преступлений, предусмотренных ст. 134 и 135 Уголовного кодекса РФ.

Выводы и заключение: в результате анализа вопросов уголовно-правовой защиты половой неприкосновенности как объекта охраны в российском уголовном законе сделан авторский вывод относительно природы данного объекта, также выдвинут ряд предложений по внесению изменений в указанные нормы Уголовного кодекса РФ, сформулированы некоторые рекомендации, относительно правильности квалификации этих преступных деяний.

Ключевые слова: половая неприкосновенность, несовершеннолетние, уголовный закон, объект преступления, уголовная ответственность, вопросы квалификации, проблемы, пути решения.

Для цитирования: Мавренкова Е. А., Катрыч А. А. О некоторых вопросах уголовно-правовой охраны половой неприкосновенности несовершеннолетних / Е. А. Мавренкова, А. А. Катрыч // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2025. № 1 (112). – С. 147–154.

Original paper

ON SOME ISSUES OF CRIMINAL-LEGAL PROTECTION OF SEXUAL INVIOABILITY OF MINORS

Mavrenkova Elena Anatolyevna

Rostov State University of Railway Engineering, Rostov-on-Don, Russian Federation

Katrych Anastasia Alexandrovna

Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russian Federation

Introduction: the article examines the specifics of sexual inviolability of minors as an object of criminal-legal protection, including in relation to the sexual freedom of the individual, and considers the problems of qualifying crimes that infringe on sexual inviolability.

Materials and methods: the methodological basis for studying the issues within the framework of this article was formed by methods of analysis and synthesis of information, normative-logical and other methods. The materials of the study were criminal-legal norms providing for legal liability for infringements on the sexual inviolability of minors, judicial practice, scientific publications on this topic.

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

Results of the study: the article examines theoretical approaches to the interpretation of sexual inviolability in relation to the object of criminal-legal protection, analyzes the features and problems of qualifying crimes provided for in Articles 134 and 135 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Findings and conclusions: as a result of the analysis of issues of criminal-legal protection of sexual inviolability as an object of protection in the Russian criminal law, the author's conclusion regarding the nature of this object was made, a number of proposals were put forward for amendments to the specified norms of the Criminal Code of the Russian Federation, some recommendations were formulated regarding the correctness of the qualification of these criminal acts.

Keywords: sexual inviolability, minors, criminal law, object of crime, criminal liability, qualification issues, problems, solutions.

For citation: Mavrenkova E. A., Katrych A. A. On some issues of criminal-legal protection of sexual inviolability of minors / E. A. Mavrenkova, A. A. Katrych // *Philosophiya prava : scientific-theoretical journal*. Rostov-on-Don. 2025. № 1 (112). – Pp. 147–154.

Половая неприкосновенность несовершеннолетних, как известно, охраняется действующим Уголовным кодексом Российской Федерации (далее – УК РФ) (гл. 18). В доктрине уголовного права и учебной литературе можно встретить две позиции относительно половой неприкосновенности несовершеннолетних, выступающей в качестве объекта, охраняемого уголовным законом. Одни считают, что гл. 18 УК РФ имеет один видовой объект уголовно правовой охраны – половая свобода и половая неприкосновенность. Другие же выделяют в данной главе Кодекса два самостоятельных видовых объекта: половую свободу личности (ст. 131, 132, 133 УК РФ) и половую неприкосновенность несовершеннолетних (ст. 134, 135 УК РФ).

Разделяя точку зрения второй группы правоведов, отметим, что половая свобода, по нашему мнению, заключается в добровольности выбора полового партнера в рамках сексуальных отношений индивида, равно как и самих форм сексуальных контактов, причем такая свобода наступает у каждого гражданина с определенного российским законодательством возраста. Попирание этой самой добровольности как раз и является посягательством на половую свободу. В свою очередь, половая неприкосновенность не имеет зависимости от добровольного желания вступать или не вступать лицам, которым еще не исполнилось 16 лет, в половые связи с кем-либо вообще и как-либо.

Российское право благодаря наличию в нормативных правовых актах ряда запретов и ограничений защищает несовершеннолетних от начала половых сексуальных отношений до определенного возраста, ввиду их физиологической, психологической и морально-нравственной незрелости. Безусловно, в числе наиболее жестких правовых мер,

защищающих половую неприкосновенность несовершеннолетних, являются уголовно-правовые нормы (ст. 134 и 135 УК РФ).

В связи с этим можно согласиться с авторами, подчеркивающими, что с того момента, когда российское законодательство по достижении установленного возраста человека прекращает защищать его половую неприкосновенность, у него наступает половая свобода, а именно возраст половой зрелости личности: «возраст, с которого несовершеннолетний обретает половую свободу, т. е. право самостоятельно выбирать способы и средства удовлетворения своих сексуальных потребностей и желаний (так называемый возраст сексуального согласия), лежат физиологические, психологические и нравственно-ценностные критерии» [1, с. 5].

Вполне можно согласиться с В.Ф. Джафарли в том, что до определенного возраста у несовершеннолетнего половой свободы попросту нет, т. к. он до этого возраста в сфере сексуальных отношений должен быть неприкосновенен. Именно из этой, на наш взгляд, абсолютно верной позиции указанный правовед-исследователь и формулирует свое авторское понимание данного уголовно-правового объекта охраны: «половая неприкосновенность выступает в моральном и правовом запретах, адресованных несовершеннолетнему лицу, в недопустимости вступления в половые отношения с не обладающим половой свободой лицом» [2, с. 122].

Однако далеко не с каждым относительно трактовки правовой природы данного объекта преступления можно согласиться. Так, например, в некоторых трудах считают, что половая неприкосновенность несовершеннолетнего является его правом на физическую, психическую и нравственную защиту от совершения в отношении него

любых сексуальных действий до достижения им 16-летнего возраста [3, с. 159]. Исходя из такого мнения, можно усмотреть, что если у потерпевшего право на его половую неприкосновенность, то он может им пользоваться, а может и не пользоваться. Мол, хочет, позволяет вступать с ним в половые отношения взрослым лицам, а не позволяет, так им грозит уголовная ответственность за связь с ним указанного характера. Однако в данной трактовке больше усматривается половая свобода несовершеннолетнего, а не его половая неприкосновенность, что сложно признать верной позицией, ведь половой свободы до указанного возраста, как мы уже сказали выше, у него попросту нет.

Еще раз повторим, что УК РФ посредством наличия в нем ст. 134 и 135 защищает половую неприкосновенность несовершеннолетних, не достигших вышеуказанного возраста, от вступления в сексуальные контакты со взрослыми, т. е. в отличие от них совершеннолетними лицами, причем, подчеркнем особо, абсолютно вне зависимости от добровольности желания вступления в указанные отношения. Правильно ли в этой связи считать половую неприкосновенность правом несовершеннолетнего? Представляется, что нет.

Надо сказать, что действующий УК РФ в определенных случаях предусматривает уголовную ответственность и за половую связь совершеннолетнего человека с лицом в возрасте от 16 до 18 лет (ст. 240.1 УК РФ), но данная норма имеет совсем иной объект уголовно-правовой охраны (общественную нравственность), поэтому расположена в другой главе Кодекса (гл. 25 УК РФ). Уголовная ответственность по данной норме наступает не просто за любой половой контакт между лицами указанных возрастных категорий, а только если несовершеннолетний оказывал сексуальные услуги совершеннолетнему на возмездной основе, под которой, согласно примечанию к ст. 240.1 УК РФ, подразумевается денежное или любое иное вознаграждение как самому несовершеннолетнему за оказание им указанных услуг, так и третьему лицу.

Некоторые правоведы объясняют введение в УК РФ данной нормы особой безнравственностью получения возмездных сексуальных услуг совершеннолетними гражданами от несовершеннолетних лиц, в

частности и от тех, кто находится в возрастном промежутке от 16 до 18 лет [4, с. 67–70]. В свою очередь мы понимаем, что получение таких сексуальных услуг от несовершеннолетних, у которых 16-летний возраст еще не наступил, не охватывается ст. 240.1 УК РФ, но в этой связи подлежит квалификации по ст. 134 или 135 УК РФ в зависимости от формы полового контакта и сексуальных действий.

В ст. 134 УК РФ, как известно, предусмотрена уголовная ответственность за два самостоятельных общественно опасных деяния:

- половое сношение (ч. 1);
- мужеложство или лесбиянство (ч. 2).

В обоих случаях субъекту преступления должно исполниться минимум 18 лет, а вот лица, в отношении которых совершаются перечисленные деяния, не должны достичь 16-летия.

Несмотря на первоначально кажущуюся простоту термина «половое сношение», под которым в основном понимают половой акт между лицом мужского и женского пола, в научных трудах, посвященных вопросам квалификации ст. 134 УК РФ, нередко задаются вопросом о том, какие формы полового акта между мужчиной и женщиной охватываются этим термином: только половой акт в естественной форме или еще и оральный и анальный половые акты.

К сожалению, действующее постановление Пленума Верховного Суда РФ от 04.12.2014 № 16, посвященное вопросам квалификации интересующих нас составов преступлений, не дает разъяснения о том, какие формы полового акта охватываются термином «половое сношение». Не совсем понятно, почему Верховный Суд РФ игнорировал разъяснение этого термина в данном постановлении, ведь этот термин применен в диспозициях двух норм гл. 18 УК РФ (ст. 131 и 134 УК РФ). Справедливости ради, надо отметить, что в утратившем на сегодняшний день силу постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2004 № 11, разъяснявшем вопросы квалификации преступлений, охватываемых ст. 131 и 132 УК РФ, давалось разъяснение термину «половое сношение» (п. 1), однако вряд ли его можно признать удачным, т. к. в нем просто было сказано о том, что это половой акт между мужчиной и женщиной.

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

Как можно заметить, что и тогда Верховный Суд РФ не давал ответа на вопрос, какие формы полового акта охватываются указанным термином. Отсутствие нормативного закрепления в УК РФ содержания термина «половое сношение» позволяет некоторым правоведам трактовать его широко. Например, М.В. Гусарова предлагает считать, что половое сношение включает в себя вагинальное, оральное и анальное проникновение [5, с. 109]. С данным мнением согласиться сложно. Обратившись к авторитетному медицинскому терминологическому изданию (Большая медицинская энциклопедия в 30 томах) видим, что под термином «половое сношение» здесь понимается «физиологический процесс, начинающийся с момента введения во влагалище полового члена и заканчивающийся эякуляцией и оргазмом» [6, т. 20]. Представляется, что вышеупомянутое действующее постановление Пленума Верховного Суда РФ от 04.12.2014 № 16, разъясняющее вопросы квалификации преступлений, расположенных в гл. 18 УК РФ, следует дополнить таким определением (только без указания в нем на момент окончания, в отличие от медицинской его формулировки) дабы исключить широкое толкование указанного термина.

Ознакомление с судебной практикой позволяет увидеть, что довольно часто органы предварительного расследования отдельные факты совершения добровольного полового сношения, совершенные в разные дни одним лицом, достигшим 18, с одним и тем же лицом, не достигшим 16 лет, квалифицируются как единое продолжаемое преступление. Одним из таких примеров является уголовное дело, рассмотренное районным судом в Адыгее, где из приговора видно, что обвиняемому вменялось в вину совершение одного эпизода преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 134 УК РФ, за совершение не менее 9 половых сношений с одной и той же девушкой, не достигшей 16 лет, в разные дни, в течение периода, указанного в материалах дела. В связи с этим и результатом рассмотрения данного дела в суде явилось признание данного лица виновным лишь в совершении одного преступления, охватываемого указанной нормой [7].

Однако представляется, что такая уголовно-правовая оценка нескольких половых сношений, совершенных в разные дни од-

ним и тем же человеком, пусть даже с одним и тем же лицом, не является правильной, а верной квалификацией здесь будет вменение состава преступления, предусмотренного ст. 134 УК РФ по каждому такому факту (эпизоду). В связи с этим в качестве положительного примера может служить уголовное дело, рассмотренное в г. Екатеринбурге, где из приговора видно, что в рамках предварительного расследования было, как и по приведенному выше приговору в Адыгее, доказано 9 фактов половых сношений. Эти факты (события), опять же, как и по делу, приведенному выше, во-первых, были совершены одним и тем же человеком в отношении одной и той же знакомой ему девушки, во-вторых, в разные дни, указанные в материалах дела и, собственно, в судебном приговоре, т. е. опять наблюдаем полную схожесть с событиями, описанными в приговоре районного суда Адыгеи.

Вместе с тем данному лицу в г. Екатеринбурге было предъявлено обвинение по 9 самостоятельным преступлениям, предусмотренным ч. 1 ст. 134 УК РФ. Результат судебного разбирательства по этому делу – признание виновным по всем 9 преступлениям, с назначением наказания, как положено в этих случаях (т. е. за каждое из преступных деяний, с последующим их сложением по правилам ч. 2 ст. 69 УК РФ и назначением окончательного наказания) [8].

Вызывают вопросы и основания освобождения от уголовной ответственности по ст. 134 УК РФ. В имеющемся к данной норме примечании предусмотрено лишь специальное правило освобождения от наказания за преступление, предусмотренное ч. 1 этой уголовно-правовой нормы, где условиями такого освобождения являются совершение впервые преступления, предусмотренного ст. 134 УК РФ, а также вступление в брак с потерпевшей (потерпевшим).

Ознакомление с судебной практикой показывает, что нередко суды по таким уголовным делам освобождают лиц от ответственности в связи с примирением с потерпевшей. Одним из таких примеров является постановление Воскресенского городского суда Московской области, прекратившего уголовное дело за примирением с потерпевшей, где лицо совершило в отношении одной и той же девушки два самостоятельных преступления, посягающих на ее половую неприкос-

новенность, ввиду чего его действия были квалифицированы по совокупности ст. 134 и 135 УК РФ [9], благо сегодня, согласно разъяснениям Верховного Суда РФ от 27.06.2013 № 19 (ред. от 29.11.2016) «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности», лица могут освобождаться от уголовной ответственности и после совершения ими нескольких преступлений (вне зависимости от квалификации их по одной статье, части статьи или нескольким статьям УК РФ), ни за одно из которых оно ранее не было осуждено.

Исследователи, посвятившие свои труды непосредственно вопросам освобождения от уголовной ответственности лиц, совершивших преступление, предусмотренное ст. 134 УК РФ, в результате анализа судебной практики говорят о том, что сегодня уголовные дела прекращаются судами в связи с примирением с потерпевшим или деятельным раскаянием независимо от наличия специального правила освобождения от наказания, установленного примечанием к ст. 134 УК РФ. В связи с этим правоведы абсолютно логично ставят под сомнение сама целесообразность наличия в примечании к указанной норме специального основания освобождения от уголовного наказания [10, с. 109].

Относительно освобождения от наказания лиц, совершивших преступное деяние, подпадающее под ч. 1 ст. 134 УК РФ, согласно специальному правилу, закрепленному в примечании к этой статье, следует согласиться с теми авторами, которые подчеркивают в своих научных трудах обязательный характер освобождения от наказания таких лиц в случаях, когда данное преступление совершено впервые и виновное лицо вступило в брак с потерпевшей (потерпевшим), ввиду чего это лицо и само деяние перестают быть общественно опасными [11, с. 154–157].

Такой вывод действительно не может не напрашиваться в результате анализа содержания указанного примечания, где законодатель не применил по отношению к суду слово «может», категорично указав «освобождает». Здесь нельзя не подчеркнуть, что официальная регистрация брака между такими лицами в органах ЗАГС должна состояться до вынесения приговора, а наличие просто поданного в ЗАГС заявления о регистрации брака на момент рассмотрения уголовно-

го дела судом основанием освобождения от наказания по ч. 1 ст. 134 УК РФ не является, что, в частности, вытекает не только из содержания примечания к анализируемой норме, но и позиции по данному вопросу Конституционного Суда РФ (Определение Конституционного Суда РФ от 21.10.2008 № 568-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Павлова Ивана Васильевича на нарушение его конституционных прав ст. 134 Уголовного кодекса РФ»).

Разбираясь с вопросами квалификации деяний по ст. 135 УК РФ (сразу отметим, что совершаемые взрослыми лицами в отношении несовершеннолетних описанные в диспозиции действия, находящиеся в тех же возрастных пределах, что и в диспозиции ст. 134 УК РФ (т. е. лица, не достигшие 16 лет), заметим, что одним из основных сложностей в правовой оценке именно таких деяний является толкование самого термина «развратные действия». В анализируемой норме или где-либо еще в УК РФ содержания этого термина не раскрывается. В связи с этим логично и небезосновательно выглядят предложения некоторых правоведов о внесении в ст. 135 УК РФ изменений ее диспозиции или дополнения этой статьи примечанием для закрепления определения вышеуказанному термину [12, с. 37].

Справедливости ради отметим, что разъяснения относительно данного термина даны Верховным Судом РФ в уже упомянутом здесь выше постановлении Пленума от 04.12.2014 № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» (п. 17). Однако скажем честно, эти разъяснения касаются данного термина в вопросах квалификации преступлений по ст. 135 УК РФ могут помочь лишь отчасти. Почему? Дело в том, что из разъяснений мы не видим даже примерного перечня действий, которые применительно к ст. 135 УК РФ следует считать развратными. Верховный Суд РФ говорит о том, что под ними следует понимать любые действия, кроме полового сношения, мужеложства и лесбиянства.

Вместе с тем импонирует, что в этих официальных разъяснениях Верховный Суд РФ применительно к толкованию развратных действий при уголовно-правовой оценке деяний по ст. 135 УК РФ говорит о том, что «...развратными могут признаваться и такие

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

действия, при которых непосредственный физический контакт с телом потерпевшего лица отсутствовал, включая действия, совершенные с использованием сети Интернет, иных информационно-телекоммуникационных сетей» (там же, в п. 17 указанного постановления). В связи с этим развратные действия в научных трудах в основном принято классифицировать на две группы: физические и интеллектуальные [13, с. 148–152].

Анализируя особенности и проблемы квалификации преступлений, в которых усматриваются признаки вышеуказанного состава, нельзя не затронуть вопрос о дополнительной квалификации таких деяний по составам преступлений, предусматривающих уголовную ответственность за оборот порнографических материалов (ст. 242, 242.1, 242.2 УК РФ), безусловно, если сами развратные действия сопряжены с демонстрацией таких материалов лицу, не достигшему указанного в ст. 135 УК РФ возраста.

По данному поводу в периодических научных изданиях высказываются различные мнения, однако, наверное, следует поддержать мнение тех, кто считает, что в определенных случаях квалификация указанных составов преступлений по совокупности является вполне правильной уголовно-правовой оценкой [14, с. 36–39].

Кстати, некоторые в целях исключения вопросов дополнительной квалификации развратных действий еще и по статье, предусматривающей уголовную ответственность за распространение порнографии, предлагают предусмотреть совершение данного преступления, сопряженного с демонстрацией порнографических материалов или такой информации, в ст. 135 УК РФ в качестве одного из квалифицированных видов этого преступления [15, с. 151]. Хотя вряд ли в этом имеется необходимость.

Таким образом, половая неприкосновенность является самостоятельным видовым объектом уголовно-правовой охраны, близким по своей природе к половой свободе, но при этом не охватывается последней, обеспечивается наличием в гл. 18 УК РФ ст. 134 и ст. 135 Кодекса.

Для устранения проблем квалификации общественно опасных деяний по ст. 134 УК РФ, равно как и по ст. 131 УК РФ, требуется наличие официального определения термина «половое сношение». Представляется, что оптимальным будет включение данного определения в примечание к ст. 131 УК РФ, которое целесообразно изложить в следующей редакции: «Под половым сношением для целей ст. 131 и ст. 134 УК РФ понимается физиологический процесс между лицом мужского пола и лицом женского пола, начинающийся с момента введения полового члена во влагалище». Вторым, т. е. не законодательным, вариантом разрешения проблемы видится включение данного определения в качестве разъяснения (толкования) в вышеуказанное постановление Пленума Верховного Суда РФ от 04.12.2014 № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности». В этом же постановлении Пленума Верховного Суда РФ (п. 17) хотелось бы видеть более детальные разъяснения относительно термина «развратные действия» применительно к ст. 135 УК РФ.

Факты половых сношений, подпадающие под ст. 134 УК РФ, совершенные в разные дни одним и тем же лицом в отношении одного и того же лица, следует квалифицировать не как продолжаемое преступление, а как оконченные составы преступлений по каждому такому событию.

Список источников

1. Аванесян В.В., Ярославцева Е.В. Вопросы квалификации ст. 134 УК РФ // Уголовное право. 2014. № 5.
2. Джафарли В.Ф. К вопросу об объекте преступления и при развратных действиях в сети Интернет // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2018. № 4(51).
3. Гусарова М.В. Нравственность как самостоятельный объект уголовно-правовой

References

1. Avanesyan V.V., Yaroslavtseva E.V. Qualification issues of Art. 134 of the Criminal Code of the Russian Federation // Criminal law. 2014. № 5.
2. Jafarli V.F. On the issue of the object of the crime and indecent acts on the Internet // Scientific works of the Russian Academy of Advocacy and Notaries. 2018. № 4 (51).

охраны преступлений сексуального характера // Уголовное право: стратегия развития в XXI в. 2024. № 2.

4. Огородникова Н.В. Нравственность и половая неприкосновенность как критерии разграничения смежных составов преступлений // Теория и практика общественного развития. 2019. № 6(136).

5. Гусарова М.В. Понятийный аппарат преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности по Уголовному кодексу Российской Федерации // Вестник Университета прокуратуры РФ. 2024. № 1(99).

6. Большая медицинская энциклопедия: [в 30 т.] / гл. ред. Б.В. Петровский. 3-е изд. М., 1974–1989.

7. Приговор Кошехабльского районного суда Республики Адыгея от 22.02.2023 по уголовному делу 1-13/2023. URL: <https://судебные-решения.рф> (дата обращения: 11.12.2024).

8. Приговор Кировского районного суда г. Екатеринбурга от 20.07.2021 по уголовному делу № 1-419/2021. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 14.12.2024).

9. Постановление Воскресенского городского суда Московской области от 18.07.2023 по уголовному делу № 1-261/2023. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 13.12.2024).

10. Пантюхина И.В. Анализ специального освобождения от наказания за совершение преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 134 УК РФ // Юридическая наука. 2016. № 1.

11. Кашапов Р.М. Проблемы применения примечания к ст. 134 УК РФ: теория и практика // Власть и управление на Востоке России. 2016. № 3.

12. Кузьмин Р.Г. О несовершенстве юридической конструкции ст. 134 УК РФ // Правда и закон. 2020. № 3(13).

13. Фоминых А.В. Проблемные вопросы применения ст. 134 и 135 УК РФ // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. 2015. № 1(3).

14. Миллерова Е.А. О некоторых проблемах квалификации развратных действий, сопряженных с изготовлением и распространением порнографических материалов // Уголовное право. 2015. № 2.

15. Скворцова О.В., Макаренко Д.Д. Развратные действия с использованием сети Интернет // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. 2021. № 1. Т. 7(73).

3. Gusarova M.V. Morality as an independent object of criminal-legal protection of crimes of a sexual nature // Criminal law: development strategy in the 21st century. 2024. № 2.

4. Ogorodnikova N.V. Morality and sexual inviolability as criteria for distinguishing related crimes // Theory and practice of social development. 2019. № 6(136).

5. Gusarova M.V. Conceptual apparatus of crimes against sexual inviolability and sexual freedom of the individual under the Criminal Code of the Russian Federation // Bulletin of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation. 2024. № 1(99).

6. The Great Medical Encyclopedia: [in 30 volumes] / ed.-in-chief B.V. Petrovsky. 3rd ed. Moscow, 1974–1989.

7. The verdict of the Koshekhablsky District Court of the Republic of Adygea dated 22.02.2023 in criminal case 1-13/2023. URL: <https://судебные-решения.рф> (date of access: 11.12.2024).

8. The verdict of the Kirovsky District Court of Yekaterinburg dated 20.07.2021 in criminal case № 1-419/2021. URL: <https://sudact.ru> (date of access: 14.12.2024).

9. Resolution of the Voskresensky City Court of the Moscow Region dated July 18, 2023 in criminal case № 1-261/2023. URL: <https://sudact.ru> (date of access: 13.12.2024).

10. Pantyukhina I.V. Analysis of special exemption from punishment for committing a crime under Part 1 of Art. 134 of the Criminal Code of the Russian Federation // Legal Science. 2016. № 1.

11. Kashapov R.M. Problems of applying the note to Art. 134 of the Criminal Code of the Russian Federation: theory and practice // Power and Administration in the East of Russia. 2016. № 3.

12. Kuzmin R.G. On the imperfection of the legal structure of Art. 134 of the Criminal Code of the Russian Federation // Pravda i zakon. 2020. № 3(13).

13. Fominykh A.V. Problematic issues of application of Art. 134 and 135 of the Criminal Code of the Russian Federation // Bulletin of the Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation. 2015. № 1(3).

14. Millerova E.A. On some problems of qualification of indecent acts associated with the production and distribution of pornographic materials // Criminal law. 2015. № 2.

15. Skvortsova O.V., Makarenko D.D. Indecent acts using the Internet // Scientific notes of the Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky. 2021. № 1. V. 7(73).

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Мавренкова Елена Анатольевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры административного права и уголовно-правовых дисциплин. Ростовский государственный университет путей сообщения. 344038, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, площадь Ростовского Стрелкового Полка Народного Ополчения, 2.

Катрыч Анастасия Александровна, преподаватель кафедры уголовного процесса. Ростовский юридический институт МВД России. 344015, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Mavrenkova Elena Anatolyevna, PhD in Psychology, Associate Professor of the Department of Administrative Law and Criminal Law Disciplines. Rostov State University of Railway Engineering. 2, Rostov Infantry Regiment of the People's Militia Square, Rostov-on-Don 344038 Russian Federation.

Katrych Anastasia Alexandrovna, lecturer at the Department of Criminal Procedure. Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 83, Eremenko St., Rostov-on-Don 344015 Russian Federation.

МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ ПРАКТИЧЕСКОЙ РЕАЛИЗАЦИИ ФУНКЦИЙ КРИМИНОЛОГИИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Плюта Анастасия Дмитриевна

Краснодарский университет МВД России, Краснодар, Российская Федерация,
anastasiia.pluta@mail.ru

Введение: правоохранные органы, в частности органы внутренних дел, в процессе противодействия преступности ведут статистический учет преступности, оценивают ее состояние и анализируют детерминанты, что в последующем позволяет составлять прогнозы динамики данного социального негативного явления, а также разрабатывать и внедрять в свою деятельность меры по противодействию ему, таким образом реализуют на практике соответствующие функции криминологии. Исследование данного вопроса требует определения подходов и методов, которые целесообразно использовать, а также последовательности их применения, т. е. выработки методики исследования.

Материалы и методы: методологическую основу исследования составил ряд общенаучных методов, в частности анализ, синтез, абстрагирование и прочие, которые позволили сформировать методику исследования практической реализации функций криминологии в деятельности органов внутренних дел.

Результаты исследования: в статье определена методика исследования практической реализации функций криминологии в деятельности органов внутренних дел.

Выводы и заключения: следование рассмотренной методике позволит провести качественное исследование практической реализации функций криминологии в деятельности органов внутренних дел, использование результатов которого позволит разработать меры по совершенствованию теоретического обоснования и эффективности деятельности данного субъекта правоохранительной системы в сфере противодействия преступности.

Ключевые слова: методика исследования, функции криминологии, органы внутренних дел, диалектический подход, системный подход, деятельностный подход, общенаучные методы, частнонаучные методы.

Для цитирования: Плюта А. Д. Методика исследования практической реализации функций криминологии в деятельности органов внутренних дел / А. Д. Плюта // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2025. № 1 (112). – С. 155–162.

Original paper

METHODOLOGY FOR THE STUDY OF THE PRACTICAL IMPLEMENTATION OF CRIMINOLOGY FUNCTIONS IN THE ACTIVITIES OF INTERNAL AFFAIRS BODIES

Plyuta Anastasia Dmitrievna

Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Krasnodar, Russian Federation

Introduction: law enforcement agencies, in particular internal affairs agencies, in the process of countering crime, keep statistical records of crime, assess its condition and analyze the determinants, which subsequently allows us to make forecasts of the dynamics of this social negative phenomenon, as well as develop and implement measures to counteract it in their activities, thus implementing in practice the relevant functions of criminology. The study of this issue requires the definition of approaches and methods that are appropriate to use, as well as the sequence of their application, that is, the development of a research methodology.

Materials and methods: the methodological basis of the study was a number of general scientific methods, in particular analysis, synthesis, abstraction and others, which allowed us to form a methodology for researching the practical implementation of criminology functions in the activities of internal affairs bodies.

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

Results of the study: the article defines a methodology for researching the practical implementation of criminology functions in the activities of internal affairs agencies.

Findings and conclusions: following the considered methodology will allow for a qualitative study of the practical implementation of criminology functions in the activities of internal affairs bodies, the use of the results of which will allow us to develop measures to improve the theoretical justification and effectiveness of the activities of this subject of the law enforcement system in the field of combating crime.

Keywords: research methodology, functions of criminology, internal affairs agencies, dialectical approach, systematic approach, activity approach, general scientific methods, private scientific methods.

For citation: Plyuta A. D. Methodology for the study of the practical implementation of criminology functions in the activities of internal affairs bodies / A. D. Plyuta // *Philosophiya prava : scientific-theoretical journal*. Rostov-on-Don. 2025. № 1 (112). – Pp. 155–162.

Органы внутренних дел обладают значительным потенциалом в сфере противодействия преступности и реализуют в рамках данной деятельности функции криминологии, которые в научной литературе традиционно делятся на описательную, объяснительную, прогностическую и практически-преобразовательную. Необходимым условием для осуществления исследования практической реализации функций криминологии в деятельности органов внутренних дел является определение его методики, играющей роль тактики научного исследования и представляющей собой использование совокупности подходов и методов, определенный алгоритм их применения в рамках исследовательской программы. Стратегией же научного исследования, в свою очередь, является методология, т. е. комплекс подходов и методов, подчиненных принципам познания, который служит базисом для достижения цели и решения поставленных задач.

Методика исследования является теоретической и методологической основой для сбора, обработки, а также систематизации информации, т. е. следование ей позволит достичь понимания практических аспектов реализации криминологических функций органами внутренних дел.

Для глубокого и целостного понимания действительности, изучения реальных явлений, процессов и систем в динамике с уяснением закономерностей их развития необходимо применить диалектический подход. Целесообразность использования данного подхода в рамках исследования практической реализации функций криминологии в деятельности органов внутренних дел обусловлена наличием взаимосвязи между криминологией и преступностью, ввиду того что видоизменение данного негативного социального явления приводит к развитию и самой науки криминологии с ее адаптирующимися к социальным изменениям функциями, которые, в свою очередь, реализуются в деятельности правоохранительных органов, в частности органов внутренних дел. Кро-

ме того, диалектический подход дает возможность рассмотреть взаимосвязь функций криминологии между собой, например, через призму их практической реализации органами внутренних дел в своей деятельности.

Так, зависимость объяснительной функции от описательной выражается в том, что последняя является необходимой основой для ее реализации, т. е. без предварительного сбора, накопления и систематизации информации о преступности невозможно объяснить ее природу и выявить соответствующие детерминанты. При этом данные, полученные в ходе осуществления обеих указанных функций, служат фундаментом для реализации прогностической функции, т. к. качественный прогноз может быть составлен только при наличии полных и объективных сведений о состоянии преступности, а также при обладании информацией о ее детерминантах. Далее, считаем необходимым подчеркнуть, что практически-преобразовательная функция не может быть реализована без предшествующего осуществления описательной, объяснительной и прогностической функций, которые дают базу для разработки и дальнейшей реализации практических мер противодействия преступности.

Ввиду того, что исследование предполагает рассмотрение практической реализации функций криминологии сквозь призму деятельности органов внутренних дел, необходимо использовать деятельностный подход, который позволит более глубоко изучить деятельность субъектов реализации криминологических функций, выявить факторы, влияющие на эффективность их работы, в том числе оказывающие негативное воздействие.

Использование деятельностного подхода предоставит возможность рассмотреть органы внутренних дел с точки зрения осуществления ими определенных направлений деятельности, в которых выражается практическая реализация функций криминологии. Однако в связи с тем, что органы внутренних

дел представляют собой систему, деятельность по реализации криминологических функций, необходимо исследовать не только с точки зрения отдельных служб/подразделений, но и с точки зрения функционирования всей системы органов внутренних дел, что также обуславливает целесообразность применения системного подхода.

Ю.Н. Сосновская справедливо определяет органы внутренних дел в качестве специфической системы, характеризующейся определенными признаками, а именно: целью, детерминированностью элементов системы, ее динамичностью, наличием аппарата управления, «...усилительных свойств и обратных связей» [1, с. 290].

Системный подход позволит рассмотреть органы внутренних дел в качестве системы, структурные элементы которой реализуют в своей деятельности криминологические функции. Структурой системы является «...совокупность связей, по которым обеспечивается энерго-, массово- и информационный обмен между элементами системы, определяющая функционирование системы в целом и способы ее взаимодействия с внешней средой» [2, с. 33]. То есть исследование структуры органов внутренних дел позволит исследовать ее службы/подразделения не только обособленно, охарактеризовав, какие функции выполняет каждый из них, но и в их взаимосвязи и взаимодействии.

Системный подход позволит рассмотреть органы внутренних дел в качестве одной из подсистем системы правоохранительных органов, основной целью которой является противодействие преступности, что даст возможность проследить взаимосвязь и взаимодействие с иными подсистемами, изучить роль и значение непосредственно органов внутренних дел в системе противодействия преступности.

Кроме того преступность, которую А.Н. Игнатов справедливо определяет в качестве динамической, открытой, нелинейной, стохастической, поликомпонентной, гетерогенной, самоорганизующейся, адаптивной, биосоциальной, очень сложной системы [3, с. 101], представляет собой подсистему более глобальной системы, а именно общества. Следовательно, применение системного подхода позволит на более обобщенном уровне рассмотреть деятельность органов внутренних дел как подсистемы системы правоохранительных органов при их взаимодействии с системой преступности, обе из которых являются подсистемами общества.

Помимо указанных подходов, методи-

ка исследования практической реализации функций криминологии в деятельности органов внутренних дел включает в себя использование ряда общенаучных методов, применение которых «...не что иное, как базовые архитектурные процессы, обеспечивающие протекание процесса мышления и функционирования человеческого интеллекта в целом при решении любой ментальной задачи» [4, с. 131].

Так, в первую очередь считаем необходимым применить метод анализа, который представляет собой как мысленное, так и реальное разделение целостного объекта либо предмета на его элементы, например, в форме сторон, признаков, свойств, что позволит провести всестороннее изучение [5, с. 33].

В частности, в рамках исследования практической реализации функций криминологии в деятельности органов внутренних дел полагаем, что обоснованно применение структурно-функционального анализа. Использование данного метода позволит изучить систему органов внутренних дел сквозь призму ее структурных подразделений, реализующих в своей деятельности криминологические функции. Необходимо исследовать, какие подразделения в органах внутренних дел осуществляют данные направления деятельности, какими полномочиями в связи с этим обладают, а также в каких формах, с помощью каких средств и методов реализуют в своей деятельности функции криминологии.

Изучить деятельность подразделений органов внутренних дел не в совокупности всех функций, реализуемых ими, а только сквозь призму осуществления криминологических функций, как в комплексе, так и каждой отдельно, позволит метод абстрагирования, который представляет собой сознательное отвлечение от ряда свойств исследуемого объекта с одновременным отображением его сущности.

Следующим шагом является применение метода синтеза, с помощью которого ранее выделенные из изучаемого объекта структурные элементы рассматриваются в качестве единого целого. Данный метод позволит рассмотреть органы внутренних дел как один из основных субъектов реализации криминологических функций и отразить, какую роль они играют в рамках деятельности государства по противодействию преступности.

Считаем целесообразным отметить, что такие общенаучные методы, как анализ и синтез, находятся в неразрывном единстве, в связи с тем, что, как справедливо отмечает

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

А.В. Горохов, синтез объединяет элементы в структуру, а анализ дает возможность объяснить функции частей, обособляя их друг от друга. Автор отмечает, что для системного мышления характерно совмещение анализа и синтеза, однако данные методы не замещают, а дополняют друг друга [2, с. 22].

Далее рассмотрим частнонаучные методы, использование которых входит в методику исследования практической реализации функций криминологии в деятельности органов внутренних дел. К ним относятся социологические и статистические методы, а также метод моделирования.

Применение социологических методов в форме опроса (анкетирование, интервьюирование), наблюдения и прочих позволит получить сведения от сотрудников соответствующих подразделений о реализации криминологических функций в деятельности данных структурных элементов, а именно: об особенностях, сущности, проблемах и т. д. Выборка респондентов должна быть основана на специфике деятельности подразделений, в которых сотрудники проходят службу.

Обработка сведений, полученных в ходе применения социологических методов исследования, требует применения статистических методов. Помимо этого, данные методы также необходимы для того, чтобы оценить эффективность внедрения в практику мер противодействия преступности, разработанных в ходе реализации практически-преобразовательной функции криминологии.

Целесообразным также считаем в рамках исследования практической реализации функций криминологии в деятельности органов внутренних дел использовать метод моделирования, который является одним из основных методов, применяемых современной наукой с целью объяснить, а также спрогнозировать функционирование реальных объектов и систем при определенных условиях [6, с. 439].

Моделирование дает возможность работать не с самим объектом (явлением, процессом), а с его моделью, что позволяет исследовать его свойства и поведение в различных ситуациях. Посредством данного метода можно построить модели практической реализации функций криминологии в деятельности органов внутренних дел, которые позволят в рамках исследования рассмотреть их деятельность по осуществлению данных направлений, применяя различные вариан-

ты развития, характеризующиеся тем, что в деятельность органов внутренних дел по практической реализации функций криминологии будут внедрены меры по ее совершенствованию.

Что касается непосредственно последовательности проведения исследования практической реализации функций криминологии в деятельности органов внутренних дел, то считаем целесообразным начать его с рассмотрения практической реализации ими описательной функции, которая осуществляется в форме статистического учета, а также оценки состояния преступности.

В органах внутренних дел формирование и ведение централизованных учетов, а также баз данных статистической и иной информации осуществляет Главный аналитический центр Министерства внутренних дел, который предоставляет собранную, накопленную и обработанную информацию в рамках централизованного информационного обеспечения подразделениям Министерства внутренних дел Российской Федерации (далее – МВД России), органам государственной власти Российской Федерации, органам местного самоуправления, компетентным органам иных государств¹.

Информационные центры, функционирующие на уровне территориальных органов Министерства внутренних дел, формируют и ведут базы данных, содержащие оперативно-справочную, оперативную, розыскную, криминалистическую, дактилоскопическую, статистическую и иную информацию о лицах, предметах, фактах и пр.²

Эффективность противодействия преступности зависит от наличия полных и достоверных данных о ее состоянии [7, с. 48]. Как справедливо отмечает А.С. Ахмадуллин, сведения, полученные в ходе обобщения данных, содержащихся в статистических карточках, представляют собой ценный источник информации, на основе которого можно осуществить анализ преступности, ее детерминант, что позволит разработать меры по противодействию преступности, а также выявить и устранить недостатки в деятельности правоохранительных органов и в дальнейшем укрепить законность [8, с. 142].

Однако в настоящее время осуществление статистического учета органами внутренних дел обладает рядом проблем, таких как недостоверность и неполнота статистических данных [9, с. 119; 10], несовершенство форм

¹ Об утверждении Типового положения об информационном центре территориального органа Министерства внутренних дел РФ: приказ МВД России от 21.12.2021 № 1083. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

² Там же.

статистического учета [11] и пр.

Кроме того, необходимо рассмотреть деятельность органов внутренних дел с точки зрения реализации ими объяснительной функции, которая выражается в форме аналитической деятельности. А.В. Абрамов отмечает, что для аналитики характерно наличие интегрирующей роли в воссоздании прошлого, исследовании настоящего и составлении прогноза на будущее, следовательно, она имеет прочную взаимосвязь с управлением [12, с. 36].

Подчеркивая большую значимость информационно-аналитического обеспечения для управленческой деятельности органов внутренних дел,

Н.М. Балмасова отмечает, что обоснованность управленческих решений как в настоящий момент, так и в перспективе зависит от наличия необходимой информации, отсутствие которой негативным образом воздействует на состояние управления и т. д. [13, с. 16]

Осуществление объяснительной функции является важным направлением деятельности, т. к. накопление и систематизация информации о преступности без дальнейшей ее аналитики не будет иметь практического значения в рамках противодействия преступности.

Как справедливо отмечают Э.В. Маркина и Ю.Н. Сосновская, от уровня аналитической работы зависит эффективность оперативно-служебной деятельности [14], с чем нельзя не согласиться, поскольку без качественного анализа оперативной обстановки невозможно принять своевременные и эффективные меры, соответствующие актуальным угрозам, что приводит к практически безрезультатной затрате временных, кадровых и иных ресурсов.

Осуществление аналитической деятельности основывается на первоначальном выявлении причин и условий преступлений, что входит в круг обязанностей правоохранительных органов, в частности органов внутренних дел³. При этом, например, следователь, дознаватель, руководитель следственного органа имеют право при выявлении в ходе предварительного расследования по уголовному делу обстоятельств, способствовавших совершению преступления, внести представление о принятии мер по устранению данных выявленных обстоятельств, а также иных нарушений закона⁴.

³ О полиции: федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ (ред. от 08.08.2024). Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 29.05.2024). Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

Анализ преступности является необходимой основой для Организационно-аналитического департамента МВД России при осуществлении организации и участия в формировании основных направлений государственной политики в сфере внутренних дел.

На уровне территориальных органов МВД России сбором, обработкой и систематизацией информации о факторах, оказывающих влияние на состояние преступности, ее анализом, подготовкой аналитических материалов занимаются штабные подразделения.

На данный момент аналитическая деятельность органов внутренних дел обладает рядом проблем, таких как проведение анализа на основе простейшей оценки статистической базы, отсутствие четкой нормативно-правовой регламентации, недостаточность методических разработок [14] и т. д.

Понимание природы преступности, закономерностей ее развития, знание ее актуального состояния являются необходимой основой для прогнозирования ее динамики, т. к., основываясь на данных прогнозах, органы внутренних дел имеют возможность планировать деятельность на перспективу, рассчитывать силы и средства, необходимые для осуществления эффективной деятельности.

П.В. Разбегаев отмечает, что посредством прогнозов возможно создать определенный резерв времени, который позволит принять управленческие решения. Отсутствие своевременных прогнозов может привести к ситуации, когда исправить негативные последствия трудно либо же вовсе не представляется возможным [15, с. 95]. В данном случае могут потребоваться значительные усилия и ресурсы, которыми в силу неожиданности складывающейся обстановки органы внутренних дел могут не располагать.

Организационно-аналитический департамент, который входит в структуру центрального аппарата МВД России, при организации и участии в формировании основных направлений государственной политики в сфере внутренних дел, осуществляет не только анализ состояния преступности, как было отмечено ранее, но и осуществляет прогнозирование состояния преступности и иные функции.

Также в данном случае необходимо отметить роль штабных подразделений МВД России, на которые возложен основной объ-

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

ем работы по прогнозированию оперативной обстановки на территории обслуживания определенного территориального органа.

На данный момент деятельность органов внутренних дел по прогнозированию состояния преступности обладает рядом несовершенств, которые отчасти обусловлены высоким процентом латентной преступности, не позволяющим разработать точные прогнозы, а также необходимостью за короткий срок выполнить значительный объем информационно-аналитической работы. В основном несовершенство деятельности по прогнозированию динамики преступности состоит в формальном подходе к составлению прогнозов [16, с. 31], что приводит к их несоответствию специфике того или иного региона.

Реализация органами внутренних дел практически-преобразовательной функции отражается в разработке мер противодействия преступности, а также в их непосредственном внедрении в свою деятельность.

В полномочия МВД России входит разработка и принятие в пределах своей компетенции мер по предупреждению преступлений и профилактике правонарушений⁵. В состав центрального аппарата МВД России входят самостоятельные структурные подразделения, которые обеспечивают и осуществляют в рамках своей компетенции функции по выработке, а также реализации государственной политики в той или иной сфере.

Так, например, Главное управление по вопросам миграции является головным подразделением МВД России по реализации функции обеспечения разработки, а также реализации превентивных мер противодействия незаконной миграции. Главное управление по контролю за оборотом наркотиков обеспечивает и осуществляет выработку и реализацию государственной политики в области противодействия незаконному обороту наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров.

Кроме того, МВД России, являясь одним из субъектов системы профилактики правонарушений, участвует в разработке государ-

ственных и муниципальных программ по профилактике правонарушений. Однако в ряде случаев наблюдается низкая эффективность программ противодействия преступности из-за отсутствия научно обоснованных алгоритмов их реализации [17, с. 190].

Как справедливо отмечают А.В. Симоненко и Е.В. Грибанов, проблемами, обуславливающими невысокую востребованность на современном этапе органами внутренних дел предупредительной деятельности, являются «...отсутствие криминологически обоснованных критериев оценки эффективности реализуемых мер предупреждения преступлений и профессиональной деятельности лиц по его осуществлению; отставленный во времени положительный эффект, нормативная и организационная неопределенность форм и методов профилактической работы, проблемы кадрового и ресурсного обеспечения предупредительной деятельности и некоторые другие» [18, с. 121].

Таким образом, на основании вышеизложенного можно сделать вывод, что методика исследования практической реализации функций криминологии органами внутренних дел представляет собой использование совокупности подходов и методов, определенный алгоритм их применения в рамках реализации исследовательской программы. Данная методика включает в себя использование таких подходов, как диалектический, системный и деятельностный, а также ряда общенаучных методов, представленных анализом, в частности структурно-функциональным анализом, синтезом, методом абстрагирования, и частнонаучных методов: социологических и статистических методов, метода моделирования. Исследовательская процедура в данном случае предполагает последовательный переход от рассмотрения осуществления органами внутренних дел в своей деятельности описательной и объяснительной функций криминологии к реализации прогностической и практически-преобразовательной функций криминологии.

Список источников

1. Сосновская Ю.Н. Основы построения систем организационного управления. Органы внутренних дел, как социальная правоохранительная система - организация // Вестник Московского университета МВД России. 2014. № 10.

References

1. Sosnovskaya Yu.N. Fundamentals of building organizational management systems. Internal affairs bodies as a social law enforcement system - organization // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2014. № 10.

⁵ Об утверждении Положения о Министерстве внутренних дел РФ и Типового положения о территориальном органе Министерства внутренних дел РФ по субъекту Российской Федерации: указ Президента РФ от 21 декабря 2016 г. №699 (ред. от 05.02.2024). Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Горохов А.В. Основы системного анализа: уч. пособие для вузов. М., 2024.

3. Игнатов А.Н. Преступность как система // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2024. № 9.

4. Игнатов А.Н., Ильянович Е.Б. Методологические основы исследования преступности // Общество и право. 2015. № 2(52).

5. Едророва В.Н., Овчаров А.О. Система методов в научных исследованиях // Экономический анализ: теория и практика. 2013. №10 (313).

6. Дегтярев М.В. Моделирование в праве // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2021. № 53.

7. Игнатов А.Н. Об уровне преступности и деятельности правоохранительных органов (ч. 1) // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2012. № 4(27).

8. Ахмадуллин А.С. О необходимости совершенствования учета преступлений // Правовое государство: теория и практика. 2015. № 2(40).

9. Ларкина Е.В. Единый статистический учет данных о преступности // Право и государство: теория и практика. 2017. № 7(151).

10. Акимова Н.В., Гилязутдинов Р.К. Проблемы достоверности уголовной статистики как фактор, препятствующий осуществлению эффективной уголовной политики // Проблемы правоохранительной деятельности на современном этапе: сб. трудов II Всероссийской (с международным участием) научно-практ. конф. Кострома, 2023.

11. Исаева Р.М., Исмагилов Р.А. Государственный статистический учет преступлений: отдельные проблемы обеспечения // Труды Оренбургского института (филиала) Московской государственной юридической академии. 2020. № 3.

12. Абрамов А.В. Информационно-аналитическое обеспечение деятельности органов предварительного следствия в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009.

13. Балмасова Н.М. Системный подход в информационно-аналитическом обеспечении управления органами внутренних дел: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010.

14. Маркина Э. В., Сосновская Ю.Н. Актуальные вопросы изучения и оценки оперативной обстановки. Осуществление аналитической работы специализированными штабными подразделениями // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 7.

15. Разбегаев П.В. К вопросу прогнозирования преступности в Волгоградской области: расчет комплексного показателя //

2. Gorokhov A.V. Fundamentals of system analysis: a textbook for universities. Moscow, 2024.

3. Ignatov A.N. Crime as a system // Humanities, socio-economic and social sciences. 2024. № 9.

4. Ignatov A.N., E.B. Ilyanovich. Methodological foundations of crime research // Society and Law. 2015. № 2(52).

5. Edronova V.N., Ovcharov A.O. System of methods in scientific research // Economic analysis: theory and practice. 2013. № 10(313).

6. Degtyarev M.V. Modeling in law // Bulletin of the Perm University. Legal sciences. 2021. № 53.

7. Ignatov A.N. On the level of crime and the activities of law enforcement agencies (part 1) // Criminology: yesterday, today, tomorrow. 2012. № 4(27).

8. Akhmadullin A.S. On the need to improve the accounting of crimes // The rule of law: theory and practice. 2015. № 2(40).

9. Larkina E. V. Unified statistical accounting of crime data // Law and the State: theory and practice. 2017. № 7(151).

10. Akimova N.V., Gilyazutdinov R.K. Problems of reliability of criminal statistics as a factor hindering the implementation of effective criminal policy // Problems of law enforcement at the present stage: proceedings of the II All-Russian (with international participation) scientific and practical conference. Kostroma, 2023.

11. Isaeva R.M., Ismagilov R.A. State statistical accounting of crimes: separate problems of ensuring // Proceedings of the Orenburg Institute (branch) Moscow State Law Academy. 2020. № 3.

12. Abramov A.V. Information and analytical support for the activities of preliminary investigation bodies in the system of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation: dissertation... Cand. Jurid. sciences'. Moscow, 2009.

13. Balmasova N.M. A systematic approach in information and analytical support for the management of internal affairs bodies: abstract of the dissertation ... cand. Jurid. sciences'. Moscow, 2010.

14. Markina E.V., Sosnovskaya Yu.N. Actual issues of studying and evaluating the operational situation. The implementation of analytical work by specialized staff units // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2015. № 7.

15. Razbegaev P.V. On the issue of crime forecasting in the Volgograd region: calculation of a complex indicator // Theory and practice of social development. 2014. № 19.

16. Kotelnikova O.A. Modern aspects of regional crime forecasting // Scientific portal of

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

Теория и практика общественного развития. 2014. № 19.

16. Котельникова О.А. Современные аспекты регионального прогнозирования преступности // Научный портал МВД России. 2016. № 2(34).

17. Морозов О.Л., Корелов О.А. Некоторые проблемы разработки и реализации комплексных программ борьбы с преступностью // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2019. № 4(48).

18. Симоненко А.В., Грибанов Е.В. Культура противодействия преступности в деятельности органов внутренних дел // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 4.

the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2016. № 2(34).

17. Morozov O.L., Korelov O.A. Some problems of the development and implementation of integrated crime control programs // Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. № 4(48).

18. Simonenko A.V., Gribanov E.V. Culture of countering crime in the activities of internal affairs agencies // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2015. № 4.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Плюта Анастасия Дмитриевна, адъюнкт адъюнктуры. Краснодарский университет МВД России. 350005, Российская Федерация, г. Краснодар, ул. Ярославская, 128.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Pluta Anastasia Dmitrievna, adjunct. Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 128, Yaroslavskaya St., Krasnodar 350005 Russian Federation.

**ЭКСТРЕМИСТСКИЙ ДИСКУРС В СОВРЕМЕННОЙ БЛОГОСФЕРЕ:
СУДЕБНАЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА МЕДИАТЕКСТОВ
КАК МЕРА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКСТРЕМИЗМУ**

Резникова Анна Викторовна

Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону, Российская Федерация,
annreznikova@yandex.ru

Чунахова Лидианна Владимировна

Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону, Российская Федерация,
chunakhova10@mail.ru

Введение: вопросы противодействия экстремизму как социально-правовому феномену являются чрезвычайно актуальными и требуют тщательного рассмотрения как в процессуально-правовом аспекте, так и в социокультурном. В данной статье авторы рассматривают проблемы, связанные с бесконтрольным распространением идеологии экстремизма, в частности посредством цифровой коммуникативной среды, что приводит к появлению различных форм правового нигилизма, подрывающего основы безопасности и стабильного развития государства; затрагивают тему вербовки молодежи в экстремистские организации и группировки посредством блогосферы, информационных каналов, медиаресурсов и мессенджеров, что подтверждает корреляцию между высоким уровнем цифровизации и популяризацией экстремистской идеологии. Таким образом, статья рассматривает современную блогосферу как естественную среду распространения экстремизма.

Материалы и методы: исследование проводилось с применением методов структурно-функционального, статистического анализа, метода синтеза, метода контент-анализа нормативных правовых актов в сфере противодействия экстремизму и др.

Результаты исследования: поднятая проблематика имеет существенную важность в современном обществе. На примерах было показано, каким образом реализуется и как работает экстремизм. Были рассмотрены различные вариации проявления экстремистской деятельности, а также подчеркнуто, что самая легковнушаемая группа риска – это молодежь.

Выводы и заключения: экстремизм представляет собой круговорот, который постепенно набирает обороты. Однако его можно контролировать и своевременно выявлять паттерны и признаки потенциально опасных высказываний, а также разработать методы предотвращения и противодействия этому явлению с помощью лингвистического анализа.

Ключевые слова: вербальный экстремизм, блогосфера, экстремистский дискурс, манипуляция, речевые технологии.

Для цитирования: Резникова А. В., Чунахова Л. В. Экстремистский дискурс в современной блогосфере: судебная лингвистическая экспертиза медиатекстов как мера противодействия экстремизму / А. В. Резникова, Л. В. Чунахова // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2025. № 1 (112). – С. 163–169.

Original paper

**EXTREMIST DISCOURSE IN THE MODERN BLOGOSPHERE:
FORENSIC LINGUISTIC EXAMINATION OF MEDIA TEXTS
AS A MEASURE TO COUNTER EXTREMISM**

Reznikova Anna Viktorovna

Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russian Federation

Chunakhova Lidianna Vladimirovna

Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russian Federation

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

Introduction: issues of counteracting extremism as a socio-legal phenomenon are extremely relevant and require careful consideration both in the procedural-legal aspect and in the socio-cultural one. In this article, the authors consider the problems associated with the uncontrolled spread of extremist ideology, in particular through the digital communication environment, which leads to the emergence of various forms of legal nihilism that undermine the foundations of security and stable development of the state; they touch upon the topic of recruiting young people into extremist organizations and groups through the blogosphere, information channels, media resources and instant messengers, which confirms the correlation between the high level of digitalization and the popularization of extremist ideology. Thus, the article considers the modern blogosphere as a natural environment for the spread of extremism.

Materials and methods: the study was conducted using the methods of structural-functional, statistical analysis, the synthesis method, the method of content analysis of regulatory legal acts in the field of countering extremism, etc.

Results of the study: the raised issues are of significant importance in modern society. Examples were used to show how extremism is implemented and how it works. Various variations of the manifestation of extremist activity were considered, and it was also emphasized that the most suggestible risk group is young people.

Findings and conclusions: extremism is a cycle that is gradually gaining momentum. However, it can be controlled and patterns and signs of potentially dangerous statements can be identified in a timely manner; as well as methods for preventing and countering this phenomenon can be developed using linguistic analysis.

Keywords: verbal extremism, blogosphere, extremist discourse, manipulation, speech technologies.

For citation: Reznikova A. V., Chunakhova L. V. Extremist discourse in the modern blogosphere: forensic linguistic examination of media texts as a measure to counter extremism / A. V. Reznikova, L. V. Chunakhova // *Philosophiya prava : scientific-theoretical journal*. Rostov-on-Don. 2025. № 1 (112). – Pp. 163–169.

В этическом плане процесс внедрения цифровых технологий и цифровизации во все сферы человеческой жизнедеятельности является нейтральным. Однако вопрос заключается в том, в чьих интересах и для достижения каких целей он используется. Тотальная цифровизация общества, безусловно, сопряжена с определенными рисками, которые сегодня опасно игнорировать. Если до недавних пор информация рассматривалась как определенный набор данных, понятий и представлений о чем-либо, которым люди могут обмениваться в процессе коммуникации, то с развитием цифровой среды передаваемая и получаемая информация используется как средство простой и сложной манипуляции для скрытого управления сознанием населения, совершения противоправных деяний, побуждения к началу вооруженных противостояний, локальных военных конфликтов и т. д.

Пропаганда экстремистской идеологии в век тотальной цифровизации достигла невообразимого масштаба. Массовое распространение экстремистских идей в средствах массовой информации, социальных сетях, мессенджерах и иных формах цифровой коммуникативной сферы приводит к серьезным последствиям, которые проявляются в разжигании межнациональных конфликтов, в незаконных акциях протеста, в террористических актах и других противозаконных действиях. Таким образом, происходит подрыв основ безопасности жизнедеятельности правового общества и конституционного

порядка демократического государства. Все это наносит непоправимый вред институту государства.

В контексте данного исследования стоит отметить, что целевой аудиторией политической пропаганды является молодое поколение. Сенситивность молодого поколения вкупе с отсутствием необходимых знаний и жизненного опыта делает его удобным объектом для манипуляции. Манипулятивное воздействие идеологией экстремизма на молодое поколение предполагает использование специальных манипулятивных тактик и приемов в текстах экстремистского характера, которые составляют основу процесса вербовки апологетов экстремистской идеи.

Ученые выделяют такие типы экстремизма, как политический, экономический, религиозный, духовный, молодежный, вербальный и др. Термин «вербальный экстремизм» является широко распространенным понятием, использование данного словосочетания становится все более частым в рамках как правовой, так и научной среды. Однако до сих пор не существует четко описанных признаков данного термина, что, на наш взгляд, обусловлено многогранностью данного явления. Кроме того, существует определенное количество его тождественных коррелятов, таких как «язык ненависти», «риторика гнева», «язык вражды», «речевая агрессия» и др., что значительно усложняет процесс описания данного явления и требует его подробного анализа в рамках юридического и лингвистического пространства [1].

Суть вербального экстремизма заключается в случаях проявления группами лиц агрессии относительно пола, национальной или языковой принадлежности во время публичных выступлений, в том числе в сети Интернет (блоги, влоги) с использованием слов и выражений [2].

До недавнего времени к вербальным правонарушениям было принято относить посягательство на права и свободы человека и гражданина [3]. Однако в связи с возникновением новых способов коммуникации на первый план выходят категории таких опасных для общества деяний, как преступления против мира, общественной безопасности и безопасности человечества в целом. Основным документом, определяющим правовую природу экстремизма в России, является Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» [4], в котором четко прописано, что именно понимается под экстремизмом.

Термин «вербальный экстремизм» является комплексным понятием – его следует рассматривать как лингвоправовую категорию. В широком смысле вербальный экстремизм можно рассматривать как целенаправленный акт публичной передачи сообщений в форме устных и/или письменных речевых высказываний, целью которых является призыв или подстрекание к осуществлению противоправных действий экстремистского характера, пропаганда нацистской символики и атрибутики, направленная на разжигание национальной, расовой, религиозной вражды и ненависти, включая передачу информации языковыми средствами в публичных выступлениях, печатных изданиях, средствах массовой коммуникации [5].

Таким образом, вербальный экстремизм можно определить как приверженность к крайним взглядам и мерам, провозглашаемая публично посредством любых доступных вербальных средств, а также использование экстремистской риторики, выражение идей или убеждений с целью провоцирования насилия, ненависти, дискриминации или других форм нарушения общественного правопорядка.

С правовой точки зрения к частным случаям проявления вербального экстремизма относят призывы к осуществлению экстремистской деятельности (ст. 280 УК РФ) [6], возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства (ст. 282 УК РФ) [7].

Вербальный экстремизм, как правило, основывается на двух основных видах вербаль-

ного взаимодействия, таких как пропаганда и агитация. Задача пропаганды заключается в формировании у индивида определенного мировоззрения, некоей идеологии под влиянием соответствующих условий. Агитация, в свою очередь, носит более опасный характер. Ее цель – побуждение к действию, мотивация, провокация аудитории на более решительные действия.

Можно сказать, что пропагандистский характер информации предшествует агитационному, поскольку экстремистская деятельность редко ведется без упора на формирование определенных убеждений.

Экстремистские тексты строятся по принципу речевого манипулирования. Речевое манипулирование считается особо опасной формой вербального взаимодействия, поскольку преследует лишь одну цель – радикализацию восприятия реципиентом экстремистских идей. Чаще всего экстремистское манипулирование нацелено на молодежную аудиторию как наиболее восприимчивую, активную и, к сожалению, недостаточно образованную. Однако утверждать, что вербальному экстремизму подвержены только молодые люди не представляется возможным: достаточно восприимчивы к радикальным идеям маргинальные слои общества, социально незащищенные группы лиц и др.

Определение целевой аудитории экстремистски настроенных провокаторов обуславливает необходимость обратить внимание на форму экстремистских текстов: они не содержат в своем составе сложных синтаксических конструкций или специализированных терминов, которые могли бы затруднить восприятие; структура повествования примитивна и предполагает возможность тиражирования информации, что в свою очередь расширяет круг потенциальных адресатов.

Основными приемами вербального экстремизма, по нашему мнению, следует считать апелляцию к фактам, к общественному мнению, к историческому прошлому, к общечеловеческим ценностям. В качестве экстремистских тактик используются следующие речевые приемы: ирония, цитирование, открытые призывы, гипербола, аллюзии, графические приемы, например «закавычивание».

Вербальный экстремизм как вид экстремистской деятельности нацелен на результативность воздействия на личность. Отсутствие воздействия условно приравнивается к нулевой результативности, что выражается в отсутствии самой деятельности.

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

С развитием информационных технологий и социальных сетей вербальный экстремизм получил новые способы выражения и распространения. Социальные сети позволяют экстремистам достичь аудитории в масштабах, недоступных ранее, что увеличивает потенциальный вред от вербальных проявлений экстремизма. Вербальный экстремизм может порождать физическое насилие и дестабилизировать общество. Он способен влиять на массовое сознание и провоцировать конфликты. К тому же вербальный экстремизм зачастую сложно распознать, поскольку обозначенные выше речевые приемы иногда довольно завуалировано передают радикальное послание и адресат, даже будучи уверен в отсутствии злонамеренности послания, перепостив послание или отметив его иным способом, оказывается втянутым в экстремистскую деятельность против своей воли.

Расширяющая практика расследования уголовных дел, а также производства по факту административных правонарушений объективно потребовала привлечения для их разрешения специальных лингвистических знаний. Как правило, в таких случаях назначается судебная лингвистическая экспертиза в государственном или негосударственном экспертном учреждении либо работа поручается персональному эксперту [5].

Судебная лингвистическая экспертиза – это эффективная (а потому крайне ответственная) процессуальная деятельность по лингвистическому исследованию речевой информации (зафиксированной на любом материальном носителе), имеющей значение доказательства. Результаты этой деятельности, жестко регламентированной рамками уголовного, гражданского или арбитражного процесса, оформляются письменным заключением эксперта-лингвиста (или комиссии экспертов-лингвистов) по вопросам, разрешение которых требует применения специальных познаний в области языкознания.

Экспертный лингвистический анализ вербальных проявлений экстремизма может помочь выявить паттерны и признаки потенциально опасных высказываний, а также разработать методы предотвращения и противодействия этому явлению.

Основными целями и задачами лингвистической экспертизы по делам об экстремизме следует считать:

- определение наличия экстремистского содержания: анализ текстов на предмет наличия элементов, которые могут быть квалифицированы как экстремистские. Это может

включать призывы к насилию, разжигание ненависти, экстремистские идеологии и т. д.;

- выявление цели и намерений автора: установление намерений и целей, которые стояли за созданием текста или высказывания. Это помогает понять, преследовал ли автор цели, связанные с экстремистской деятельностью;

- анализ лексики и стилистики: исследование используемой лексики, стилистики и риторики, чтобы определить, соответствует ли язык текстов критериям экстремистских высказываний;

- контекстуальный анализ: учет социального и культурного контекста, в котором были созданы материалы, чтобы правильно интерпретировать их содержание и намерения;

- анализ аудитории и распространения: оценка того, как и кому распространялся текст или высказывание, что может помочь в понимании масштаба и влияния экстремистского материала.

Общими принципами судебно-экспертного исследования являются объективность, всесторонность и полнота исследования, принципы системности, научной обоснованности, доступности описания процесса и результатов исследования [8].

Рассматривая принцип объективности при проведении судебной лингвистической экспертизы, следует учитывать факт абсолютного соответствия научной и практической основе исследования. Ведущим критерием объективности является получение тех же или близких результатов при воспроизведении исследования другим лицом или учреждением [9].

Однако отметим, что соблюдение принципа объективности при проведении экспертного лингвистического исследования зачастую является крайне сложным аспектом: необходима разработка единых критериев и параметров проведения судебной лингвистической экспертизы, закрепленных законодательно и дополняемых в соответствии с социальным заказом, что позволит избежать такого негативного явления, как субъективизм эксперта по судебной лингвистике.

Принцип всесторонности и полноты исследования ставит перед экспертом задачу проведения экспертизы в полном объеме с учетом всех поставленных задач и представленных к экспертизе объектов. Это означает, что эксперт-лингвист должен провести исследование всех объектов, представленных к экспертному анализу, безотносительно его субъективного мнения о том, что представляет экспертный интерес, а что является

дополнительным инструментом [9].

Необходимость соблюдения принципов системности при проведении судебной лингвистической экспертизы обусловлена синтетической природой данного исследования: возникает необходимость применения комплекса методов и процессуальных ограничений [10].

Принцип проверяемости тесно связан с принципом научной обоснованности, поскольку заключение эксперта должно основываться на положениях, позволяющих проверку обоснованности и достоверности сделанных экспертом выводов на базе общепринятых научных и практических данных [11].

Соблюдение принципа доступности описания процесса и результатов исследования подразумевает стремление эксперта отказаться от узкоспециальных терминов, затрудняющих понимание выводов экспертизы по спорному тексту, и способствует более адекватному восприятию экспертных заключений судебной лингвистической экспертизы.

Лингвистические аспекты вербального экстремизма отражаются в специфическом использовании языка для передачи экстремистских идеологий, вызывающих негативные реакции в обществе. Такие аспекты могут включать в себя следующие аспекты:

1. Манипуляция языком.

Экстремисты могут использовать лингвистические приемы, такие как эмоциональная окраска слов и фраз, увеличение или преувеличение определенных событий или явлений, чтобы манипулировать мнением аудитории и вызывать желаемые эмоциональные реакции.

2. Пропаганда идеологии.

Через вербальные высказывания экстремисты могут активно пропагандировать свою идеологию, в том числе призывы к насилию, ненависти и дискриминации на основе расовой, религиозной или иной принадлежности.

3. Формирование замкнутой структуры с монопольным языком.

С помощью специфического языка экстремисты могут формировать свое сообщество, которое разделяет их идеологию, создавая тем самым эхо-камеры и укрепляя свои позиции внутри группы.

4. Дезинформация и манипуляция информацией.

Вербальные высказывания экстремистов могут содержать дезинформацию, ложные факты или искажения реальности с целью дестабилизировать общество и укрепить свою позицию.

Правовые аспекты вербального экстремизма связаны с законодательными мерами, направленными на предотвращение, пресе-

чение и наказание проявлений вербального экстремизма в обществе. Законы и нормативные акты ограничивают свободу выражения в случае, если речь содержит экстремистские идеи, призывы к насилию, дискриминации, расизму и другим формам ненависти.

Основные правовые инструменты для борьбы с вербальным экстремизмом включают комплекс мер по противодействию экстремистской деятельности:

- *законодательство в сфере противодействия экстремизму*: в рамках этого законодательства устанавливаются нормы и статьи, которые запрещают распространение экстремистской информации, провокационные высказывания и призывы к насилию. За нарушение закона предусмотрены административные и уголовные наказания;

- *мониторинг и цензура*: в некоторых случаях государство осуществляет мониторинг интернет-ресурсов, средств массовой информации и социальных сетей с целью выявления и блокирования материалов, содержащих вербальный экстремизм;

- *судебное преследование*: лица, распространяющие экстремистские высказывания, могут быть привлечены к уголовной или административной ответственности на основании существующего законодательства. Судебные органы принимают решения о законности высказываний и их соответствии закону;

- *пропаганда толерантности и образовательная политика*: помимо репрессивных мер принимаются и превентивные действия, направленные на просвещение общества о вреде вербального экстремизма, пропаганде толерантности, межнационального и межрелигиозного согласия;

- *медиаграмотность*;

- *психосоциальная поддержка*.

Подводя итоги проведенного исследования, отметим, что авторы сходятся во мнении, что судебная лингвистическая экспертиза является обязательным инструментом оценки спорных текстов, в том числе текстов экстремистской направленности, и обосновывает необходимость проведения экспертного судебного лингвистического исследования медиатекстов, представленных в информационных блогах на предмет выявления экстремистского контента [12].

За счет глубокого лексико-семантического анализа судебная лингвистическая экспертиза позволяет выявить наличие противоправного контента на основе семантической направленности исследуемого текста, а также способствует формированию комплекса

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

превентивных мер по противодействию распространения вербального экстремизма, т. е. происходит конвергенция лингвистических знаний и юридических аспектов.

Таким образом, на сегодняшний день судебная лингвистическая экспертиза является

перспективным научным направлением и имеет важное общественно-политическое значение.

Список источников

1. Громова Н.С. Вербальный экстремизм: к вопросу о границах термина // Вестник Костромского государственного университета. 2017. № 3.
2. Грушихина В.А. К вопросу о проблемах выявления вербального (словесного) экстремизма путем использования специальных знаний // Современность в творчестве талантливой молодежи. 2016. № 17.
3. Кошкарлова Н.Н. Клевета, оскорбление, диффамация: критерии разграничения и пути преодоления // Юрлингвистика. 2011. № 11.
4. О противодействии экстремистской деятельности: федер. закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ. URL: <http://publication.pravo.gov.ru> (дата обращения: 09.10.2024).
5. Галяшина Е.И. Судебная экспертиза вербальных проявлений экстремизма: правовые и методические проблемы // Эксперт-криминалист. 2009. № 2.
6. Уголовный кодекс Российской Федерации. 2011. № 2. Ст. 280, 282.
7. Кузнецов В.О. Принципы судебно-экспертного лингвистического исследования // Теория и практика судебной экспертизы. 2022. № 3(17).
8. Галяшина Е.И. Судебная лингвистическая экспертиза и пределы допустимости использования методов лингвистической науки // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 4.
9. Эдзубов Л.Г. Системный подход в экспертизе // Энциклопедический словарь теории судебной экспертизы. 2012. № 2(2).
10. О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации (с изменениями и дополнениями): федер. закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ. URL: <http://publication.pravo.gov.ru> (дата обращения: 09.10.2024).
11. Шагиева Г.Р. К вопросу о лингвистической экспертизе // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. 2020. № 2(2).

References

1. Gromova N.S. Verbal extremism: on the issue of the boundaries of the term // Bulletin of Kostroma State University. 2017. № 3.
2. Grushikhina V.A. On the issue of the problems of identifying verbal (verbal) extremism through the use of special knowledge // Modernity in the work of talented youth. 2016. № 17.
3. Koshkarova N.N. Slander, insult, defamation: criteria for delineation and ways to overcome // Yurlungvistika. 2011. № 11.
4. On counteracting extremist activity: federal law of July 25, 2002 № 114-FZ. URL: <http://publication.pravo.gov.ru> (date of access: 09.10.2024).
5. Galyashina E.I. Forensic examination of verbal manifestations of extremism: legal and methodological problems // Forensic expert. 2009. № 2.
6. Criminal Code of the Russian Federation. 2011. № 2. Art. 280, 282.
7. Kuznetsov V.O. Principles of forensic linguistic research // Theory and practice of forensic examination. 2022. № 3 (17).
8. Galyashina E.I. Forensic linguistic examination and the limits of admissibility of using linguistic science methods // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. № 4.
9. Edzhubov L.G. Systems approach to examination // Encyclopedic dictionary of the theory of forensic examination. 2012. № 2 (2).
10. On state forensic activity in the Russian Federation (with amendments and additions): federal law of May 31, 2001 № 73-FL. URL: <http://publication.pravo.gov.ru> (date of access: 09.10.2024).
11. Shagieva G.R. On the issue of linguistic examination // Society, law, statehood: retrospective and prospect. 2020. № 2(2).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Резникова Анна Викторовна, кандидат социологических наук, доцент, и.о. заведующего кафедрой иностранного языка в сфере социогуманитарных наук. Донской государственный технический университет. 344003, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1. ORCID: 0000-0002-9060-3889

Чунахова Лидианна Владимировна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры мировых языков и науки. Донской государственный технический университет. 344003, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1. ORCID: 0000-0003-3600-3556

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Reznikova Anna Viktorovna, PhD in Sociology, Associate Professor, Head of the department «Foreign Language in the Field of Socio-Humanitarian Sciences». Don State Technical University. 1, Gagarina Sq., Rostov-on-Don 344003 Russian Federation.

Chunakhova Lidianna Vladimirovna, PhD in Philology, Associate Professor, Associate Professor of the department «World Languages and Cultures». Don State Technical University. 1, Gagarina Sq., Rostov-on-Don 344003 Russian Federation.

**СИСТЕМНЫЕ ПРОБЛЕМЫ НОРМАТИВНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
ЗА СОВЕРШЕНИЕ ЭКСПЕРТОМ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ
СТАТЬЕЙ 307 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Рудов Михаил Викторович

Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Российская Федерация,
mis6431@yandex.ru

Сорокун Николай Сергеевич

Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Российская Федерация,
nik-sorokun@yandex.ru

Введение: выявленные представителями социологии знания, такие негативные социальные явления, как «девальвация экспертного знания», «капитализация экспертной деятельности» и «экспертократия», актуализируют научный поиск в области совершенствования системы норм, устанавливающих ответственность за заведомо ложные показания или заключение эксперта.

Материалы и методы: с использованием системного метода изучается уровень интегративности связей между признаками составов преступлений, (закреплены в ст. 204, 204.1, 290, 291, 291.1, 303, 307, 309 УК РФ) и положениями законодательства, регламентирующими производство экспертизы.

Результаты исследования: разработаны предложения по совершенствованию и повышению уровня системности связей между нормами, регулирующими отношения в сфере производства экспертизы и положениями уголовного законодательства, устанавливающими ответственность за фальсификацию доказательств, подкуп эксперта, взяточничество и коммерческий подкуп. Обоснованы и сформулированы отдельные предложения по оптимизации норм, закрепленных в ст. 303, 307 УК РФ.

Выводы и заключения: на основе проведенного исследования сделаны выводы о том, что нормы, устанавливающие ответственность за дачу экспертом заведомо ложных показаний или заключения, обладают рядом внутриотраслевых и межотраслевых системных недостатков. Обоснован вывод о необоснованно узком объеме криминализации подкупа эксперта, не включающего в себя получение подкупа экспертом и посредничество в нем.

Ключевые слова: девальвация экспертного знания, капитализация, экспертократия, системный подход, заведомо ложные показания и заключение эксперта, фальсификация доказательств, подкуп эксперта.

Для цитирования: Рудов М. В., Сорокун Н. С. Системные проблемы нормативного регулирования ответственности за совершение экспертом преступлений, предусмотренных статьей 307 Уголовного кодекса Российской Федерации / М. В. Рудов, Н. С. Сорокун // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2025. № 1 (112). – С. 170–176.

Original paper

**SYSTEMIC PROBLEMS OF NORMATIVE REGULATION OF LIABILITY
FOR THE COMMISSION BY AN EXPERT OF CRIMES PROVIDED
FOR IN ARTICLE 307 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION**

Rudov Mikhail Viktorovich

Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russian Federation

Sorokun Nikolay Sergeevich

Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russian Federation

Introduction: the negative social phenomena such as «devaluation of expert knowledge», «capitalization of expert activity» and «expertocracy» identified by representatives of knowledge sociology actualize scientific research in the field of improving the system of norms establishing liability for knowingly false testimony or expert opinion.

Materials and methods: using the system method, the level of integration of connections between the signs of crimes (set out in Articles 204, 204.1, 290, 291, 291.1, 303, 307, 309 of the Criminal Code of the Russian Federation) and the provisions of the legislation regulating the production of expertise is studied.

Results of the study: proposals have been developed to improve and increase the level of systematicity of connections between the norms regulating relations in the field of expert examination and the provisions of criminal legislation establishing liability for falsification of evidence, bribery of an expert, bribery and commercial bribery. Individual proposals for optimizing the norms set out in Articles 303 and 307 of the Criminal Code of the Russian Federation are substantiated and formulated.

Findings and conclusions: based on the conducted research, conclusions were made that the norms establishing liability for an expert giving knowingly false testimony or opinion have a number of intra- and inter-industry systemic shortcomings. The conclusion about the unreasonably narrow scope of criminalization of bribery of an expert, which does not include the receipt of a bribe by an expert and mediation in it, is substantiated.

Keywords: devaluation of expert knowledge, capitalization, expertocracy, systemic approach, knowingly false testimony and expert opinion, falsification of evidence, bribery of an expert.

For citation: Rudov M. V., Sorokun N. S. Systemic problems of normative regulation of liability for the commission by an expert of crimes provided for in Article 307 of the Criminal Code of the Russian Federation / M. V. Rudov, N. S. Sorokun // *Philosophiya prava : scientific-theoretical journal*. Rostov-on-Don. 2025. № 1 (112). – Pp. 170–176.

В соответствии с п. 41 Указа Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» (далее – Стратегия национальной безопасности Российской Федерации), в подразделе «Государственная и общественная безопасность» раздела IV «Обеспечение национальной безопасности» в качестве важнейших задач закреплены повышение уровня доверия граждан к правоохранительной и судебной системам Российской Федерации, снижение уровня криминализации общественных отношений и развитие единой государственной системы профилактики правонарушений [2].

Вполне очевидно, что решение указанных задач невозможно без того, чтобы правоприменительные акты не отвечали такому требованию, как их обоснованность и законность. Реализация этого требования тесно связана с процедурой доказывания имеющих юридическое значение обстоятельств. Средствами доказывания согласно законодательству и доктрине уголовного процесса выступают доказательства [10, с. 134]. Несколько обобщая, можно сказать, что универсальными требованиями процессуального или процедурного законодательства любого отраслевого характера, предъявляемыми к доказательствам, являются такие их свойства, как относимость, допустимость и достаточность. Кроме того, доказательства должны обеспечивать всестороннее, полное и объективное установление обстоятельства, позволяющих, в свою очередь, обоснованно

принять законный правоприменительный акт. Обоснованность правоприменительных актов обеспечивается использованием всего круга относимых, допустимых и представленных в достаточном объеме доказательств.

Вместе с тем, на наш взгляд, в этом круге доказательств два из них заслуживают более пристального внимания, в том числе и в аспекте средств, обеспечивающих их достоверность, а именно заключение и показания эксперта. Связано это с тем, что современные общественные реалии свидетельствуют о постоянном развитии и интеграции научных, технических и других специальных знаний в различные сферы социальных отношений, включая и правоприменение. Интенсивное развитие технологий, информатизация и цифровизация общества, усложнение и дифференциация социальной системы организации труда как никогда делают актуальной проблему использования экспертного знания, и в том числе и практике осуществления судопроизводства. Однако, как показывают современные социологические исследования, экспертное знание, как общественный феномен, порождает целый комплекс трудноразрешимых проблем. Такие специалисты в области социологии знания, как А.А. Кошелев и М.С. Ивченкова, отмечают известную «капитализацию» экспертного знания [6, с. 38]. В связи с этим можно заключить, что экспертная деятельность в указанных условиях в значительной мере начинает носить сервисный характер, ее основными целями становится не поиск

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

объективной информации, а обслуживание субъектов, оплачивающих экспертную деятельность. Кроме того, специальность экспертного знания, безусловно, предопределяет сложность информации, представляемую экспертом в судопроизводстве, которую объективно не могут полноценно понять другие участники судопроизводства [9, с. 63]. Соответственно, определенная «закрытость» экспертного знания, с одной стороны, а также «капитализация» экспертного знания, с другой стороны, составляют предпосылки для формирования ряда негативных трендов в этой сфере общественных отношений.

Во-первых, это «девальвация» экспертного знания. Во-вторых, это такой социальный феномен, как «экспертократия» [4, с. 63]. Названные явления манифестируют себя и в судопроизводстве, создавая предпосылки для принятия необоснованных, незаконных и несправедливых актов правоприменения. Необходимо отметить, что общим правилом для отечественного процессуального законодательства является то, что никакие доказательства не имеют для суда заранее установленной силы. Аналогичная по смыслу, однако с более явно выраженными акцентами по отношению именно к данному виду доказательств, норма закреплена в ч. 3 ст. 86 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Вместе с тем, учитывая изложенное выше, эти процессуальные положения вряд ли можно рассматривать в качестве эффективного барьера, препятствующего проникновению в процесс необоснованных, недостоверных или, того хуже, заведомо ложных заключений или показаний эксперта.

На наш взгляд, средством повышения уровня защиты судопроизводства от использования в нем ложных заключений и показаний эксперта должны выступить прежде всего средства уголовно-политического характера, представленные в виде системы взаимосвязанных уголовных и уголовно-процессуальных норм. В настоящее время в теории государства и права отмечается определенная инструментальная необеспеченность, отсутствие действенных и актуальных механизмов реализации отдельных норм права [8, с. 239].

По мнению авторов, данная проблема характерна и для совокупности нормативных средств уголовной политики, функцией которых является обеспечение использования в судопроизводстве объективных, достоверных и обоснованных заключений или показаний эксперта. Полагаем методологически

правильным рассматривать указанную совокупность норм с использованием системного метода [5, с. 41]. Обращаясь с этих позиций к анализу указанной системы норм, вполне очевидным становится тот факт, что «ядром» этой системы является норма, закреплённая в ст. 307 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) и описывающая, помимо прочего, признаки таких составов преступлений, как заведомо ложные показания и заключение эксперта.

Применительно к заведомо ложным показаниям и заключению эксперта указанная статья включает в себя два состава преступления: основной и квалифицированный. При этом ч. 1 ст. 307 УК РФ содержит юридические основания привлечения к уголовной ответственности за названные деяния, совершенные во всех сферах функционирования судопроизводства. В свою очередь, положения ч. 2 ст. 307 УК РФ ориентированы только на уголовное судопроизводство, а также на его досудебную стадию. Необходимо отметить, что в современной доктрине уголовного права последнее не рассматривается как конгломерат отдельных структур или как агрегат рационально соединённых элементов, функционирующих по воле законодателя и (или) правоприменителя. Напротив, это открытая динамическая система, характеризующаяся такими свойствами, как единство и целостность, и, кроме того, активно взаимодействующая с внешней средой (и правовой, и социальной) [5, с. 41]. Со своей стороны, признавая всю справедливость данного утверждения, вместе с тем учитывая актуальные реалии действующего уголовного законодательства, в значительной мере данный тезис можно рассматривать только как благое пожелание представителей уголовно-правовой доктрины.

На наш взгляд, вполне ярким подтверждением этого тезиса являются положения ст. 307 УК РФ, в которой по существу оказались механически «слепленными» признаки преступных деяний, совершаемых субъектами, обладающими совершенно различным процессуальным статусом, и являющиеся источниками совершенно разных по характеру доказательств. Одним из множества негативных следствий такого подхода является то, что, исходя из официальных статистических данных о преступности, совершенно невозможно уяснить, сколько конкретно в нашей стране совершается предусмотренных ст. 307 УК РФ преступлений и сколько лиц осуждается за их совершение [11].

Выяснить, какую долю в представленном

массиве преступлений составляют заведомо ложные показания свидетеля, потерпевшего, эксперта, специалиста, заключение эксперта или перевод невозможно. Соответственно, затруднительно определить, как действительно реализуется функция нормы, устанавливающая ответственность за заведомо ложные показания и заключение эксперта в аспекте правоприменения. Применительно к сфере уголовного судопроизводства необходимо отметить, что рассматриваемые преступления, как, впрочем, и другие деяния, предусмотренные ст. 307 УК РФ, если можно так сказать, носят всегда некий факультативный, дополнительный характер и совершаются в связи и в рамках расследования или рассмотрения другого преступления. Дополнительным подтверждением этого вывода являются положения п. 3.2 Перечня 23 преступлений коррупционной направленности Указания Генпрокуратуры России № 401/11, МВД России № 2 от 19.06.2023 «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности» [3].

Кроме того, следует учесть то обстоятельство, что рассматриваемые преступления могут быть направлены на создание оправдательных доказательств, и в том случае, когда в результате их совершения будут сформированы обвинительные доказательства в отношении другого лица, не виновного вообще либо совершившего преступление, действительно характеризующееся значительно более низким уровнем общественной опасности. Наряду с этим заведомо ложные показания и заключение эксперта могут носить обвинительный характер и быть совершены наряду с преступлениями, предусмотренными ст. 299, 301, 302, 303, 309 УК РФ.

Конечно, вполне очевидно, что исследуемые преступления могут быть совершены и в сочетании и с другими общественно опасными деяниями, признаки которых закреплены и в статьях гл. 31 УК РФ «Преступления против правосудия», а также и в других нормах уголовного закона. Тем не менее взаимосвязь анализируемых составов преступления с составами, признаки которых закреплены в ст. 299, 301, 302, 303, 309, 316 УК РФ, представляется очень тесной и, как нам представляется, позволяет весьма наглядно реализовать системный подход для анализа и оценки взаимосвязи указанных уголовно-правовых положений.

Как уже было сказано выше, если говорить о правовых явлениях одной отраслевой

принадлежности, в наиболее тесной связи с анализируемыми нормами находятся положения, закрепленные в ст. 303, 309, 316 УК РФ. Кроме того, полагаем вполне правомерным утверждать о существовании тесных системных связей между исследуемыми нормами и положениями процессуального законодательства, определяющего статус эксперта, порядок получения его показаний и проведения экспертизы, требования к содержанию, структуре и форме заключения эксперта, правила оценки показаний эксперта и его заключения. При этом полагаем возможным в названный круг норм включить отдельные положения Федерального закона от 31.05.2001 № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» [1], выполняющие аналогичные функции.

Необходимо отметить, что характер системных связей между указанными выше нормами УК РФ не всегда вполне очевиден, и для его определения, анализа и оценки следует обращаться к соответствующим нормам процессуального законодательства. Так, на наш взгляд, существует проблема системной взаимосвязи положений ст. 303, 309 УК РФ и анализируемых положений, закрепленных в ст. 307 УК РФ. Согласно положениям ст. 303 УК РФ в круге субъектов этого преступления не предусмотрен эксперт, что, по мнению авторов, является достаточно очевидным недостатком этой нормы, практически никак не компенсируемый соответствующими положениями ст. 307 УК РФ. Подтверждением этого является то, что из положений ст. 25 Федерального закона от 31.05.2001 № 73-ФЗ, а также процессуального законодательства следует, что экспертиза всегда включает в себя как минимум три этапа: исследование объектов экспертизы и материалов дела, оценка результатов исследования и формулирование выводов по поставленным вопросам. На период проведения экспертизы ее объекты передаются эксперту или комиссии экспертов. В свою очередь, ни положения Федерального закона от 31.05.2001 № 73-ФЗ, ни нормы процессуального законодательства не содержат какого-либо регламента, обеспечивающего контроль участников процесса за неизменным состоянием объекта экспертизы с момента передачи его эксперту до момента проведения исследования, с момента проведения исследования до момента передачи объекта исследования с заключением эксперта в суд или лицу, осуществляющему досудебное производство.

На наш взгляд, это обстоятельство создает

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

известные предпосылки, облегчающие недобросовестному эксперту какие-либо манипуляции с объектом экспертизы, направленные на его модификацию и в конечном итоге на фальсификацию исследуемого доказательства. Нормы, предусмотренной ст. 307 УК РФ для полноценной охраны правоотношений, формирующихся в обозначенной сфере, не вполне достаточно. Обусловлено это тем, что из положений указанной статьи Уголовного кодекса и контекста формируемого соответствующими нормами процессуального законодательства следует, что под заключением эксперта понимается совершенно определенный вид письменных доказательств.

Однако результатом преступных действий эксперта может быть не только заведомо ложное заключение, но и сфальсифицированное вещественное доказательство или документ, которые впоследствии будут исследоваться и оцениваться на различных стадиях судопроизводства, в том числе и в рамках дополнительной или повторной экспертизы. При этом полагаем необходимым указать на то, что указанный преступный результат, помимо прочего, обусловлен особым процессуальным положением эксперта, возможности которого в случае недобросовестности эксперта в этих целях несомненно используются. Превентивного потенциала ст. 307 УК РФ для решения указанных задач, считаем, также недостаточно. Прежде всего это связано с тем, что санкция ч. 1 ст. 307 УК РФ вообще не предусматривает наказания в виде лишения свободы, и это притом что имущественные потери в результате проигранного, при содействии нечестного эксперта, гражданского, арбитражного или административного дела нередко по своему характеру и размеру сопоставимы с мерами уголовного наказания.

Справедливости ради необходимо отметить, что ч. 1 ст. 303 УК РФ, содержащая норму, устанавливающую ответственность за фальсификацию доказательств в по гражданскому, административному делу или делу об административных правонарушениях, тоже такой меры наказания не содержит, что, однако, в свете вышеизложенного представляется вполне очевидным ее недостатком. Наряду с рассмотренными дефектами системности положений ст. 303 и 307 УК РФ полагаем возможным утверждать, что существует ряд проблем такого же характера, но уже касающихся системного взаимодействия положений указанных норм, и соответствующих законодательных положений, закрепленных в ст. 309 УК РФ.

Из п. 1 и п. 3.2 Перечня 23 преступлений коррупционной направленности Указания Генпрокуратуры России № 401/11, МВД России № 2 от 19.06.2023 следует, что правоприменитель при некоторых обстоятельствах определяет изучаемые преступления как коррупционные, т. е. считает, что эти деяния характеризуются наличием корыстного мотива у субъекта их совершения (стремлением лица, которое направлено на получение им имущественных прав и выгод для себя или для третьих лиц). Такого же мнения придерживался и придерживается законодатель, который, учитывая наличие ст. 309 УК РФ, полагает, что заведомо ложные показания или заключение эксперта могут быть обусловлены его подкупом. Вместе с тем, учитывая совершенно определенный подход законодателя к взяточничеству и коммерческому подкупу, который предполагает уголовно-правовую оценку действий лица, получающего взятку или коммерческий подкуп, передающего взятку или коммерческий подкуп либо осуществляющего посредничество во взяточничестве или коммерческом подкупе, выглядит как минимум непоследовательным решение законодателя установить ответственность только для лица, осуществляющего подкуп эксперта.

Учитывая логику указанных выше уголовно-правовых положений, вполне очевидным системным недостатком гл. 31 УК РФ является отсутствие в ней норм, которые бы предусматривали ответственность за получение экспертом подкупа, и посредничество в таком подкупе. При этом авторам представляется слишком узким взглядом на проблему связывать обусловленность подкупа, получаемого экспертом, только с заведомо ложными показаниями и заключением эксперта, поскольку подкуп может быть обусловлен и стремлением получить от эксперта достоверные и объективные показания и (или) заключение. В таком случае норма, устанавливающая ответственность эксперта за получение подкупа при таких обстоятельствах, должна быть сформирована по модели норм, устанавливающих ответственность за получение взятки или коммерческого подкупа, сопряженных с вымогательством взятки или предмета коммерческого подкупа. Кроме того, полагаем возможным утверждать, что подход законодателя, выразившийся в одновременном закреплении в одной статье юридических предпосылок для привлечения к ответственности и за подкуп и за принуждение к даче ложных показаний, заключения эксперта или перевод, вызывает определенные сомнения с

точки зрения его системности. Прежде всего это обусловлено тем, что подкуп и принуждение – это два совершенно разнородных по своей правовой природе действия. Первое представляет собой, если использовать метафору, соблазнение материальными благами, склонение к совершению добровольного действия. В свою очередь, второе направлено на подавление, игнорирование воли принуждаемого лица.

В связи с этим положения ст. 309 УК РФ выглядят не как система взаимосвязанных

элементов, совокупность которых характеризуется целостностью и интегративностью, а как искусственный конгломерат нормативных положений. Соответственно, для преодоления выявленных недостатков целесообразно сформулировать отдельную статью, которая бы включала в себя нормы, устанавливающие ответственность именно за подкуп эксперта, а также наряду с ним свидетеля, потерпевшего, специалиста или переводчика.

Список источников

1. О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации: федер. закон от 31.05.2001 № 73-ФЗ. Доступ из справ. правовой системы «Гарант».
2. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400. Доступ из справ. правовой системы «Гарант».
3. О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности: указания Генпрокуратуры России № 401/11, МВД России № 2 от 19.06.2023. Доступ из справ. правовой системы «Гарант».
4. Ашкерев А.Ю. Экспертотократия. Управление знаниями. Производство и обращение информации в эпоху ультракапитализма. М., 2009.
5. Денисова А.В. Системность как категория познания российского уголовного права // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2016. № 1.
6. Кошелев А.А., Ивченкова М.С. Экспертное знание как социальный феномен: теоретико-методологический анализ // Наука. Культура. Общество. 2022. № 4. Т. 28.
7. Кропачёв Н.М. Уголовно-правовое регулирование: механизм и система. СПб., 1999.
8. Малько А.В., Шундилов К.В. Цели и средства в праве и правовой политике. Саратов, 2003.
9. Манцева Е.Р. Экспертное знание в обществе XX – начала XXI: статус и значимость // Социология. 2018. № 2.
10. Уголовный процесс: учебник для вузов / под общ. ред. П.А. Лупинской. М., 1995.
11. Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 20.04.2024).

References

1. On state forensic activity in the Russian Federation: federal law of 31.05.2001 № 73-FL. Access from the legal system «Garant».
2. On the National Security Strategy of the Russian Federation: decree of the President of the Russian Federation of 02.07.2021 № 400. Access from the legal system «Garant».
3. On the introduction of the lists of articles of the Criminal Code of the Russian Federation used in the formation of statistical reporting: instructions of the Prosecutor General's Office of Russia № 401/11, the Ministry of Internal Affairs of Russia № 2 of 19.06.2023. Access from the legal system «Garant».
4. Ashkerov A. Yu. Expertocracy. Knowledge Management. Production and Circulation of Information in the Era of Ultra-Capitalism. Moscow, 2009.
5. Denisova A. V. Systematicity as a category of knowledge of Russian criminal law // Bulletin of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2016. № 1.
6. Koshelev A. A., Ivchenkova M. S. Expert knowledge as a social phenomenon: theoretical and methodological analysis // Science. Culture. Society. 2022. № 4. V. 28.
7. Kropachev N. M. Criminal-legal regulation: mechanism and system. St. Petersburg, 1999.
8. Malko A. V., Shundikov K. V. Goals and means in law and legal policy. Saratov, 2003.
9. Mantseva E. R. Expert knowledge in the society of the XX – early XXI: status and significance // Sociology. 2018. № 2.
10. Criminal procedure: textbook for universities / under the general editorship of P. A. Lupinskaya. Moscow, 1995.
11. Official website of the Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (date of access: 20.04.2024).

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Рудов Михаил Викторович, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и криминологии. Ростовский юридический институт МВД России. 344015, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.

Сорокун Николай Сергеевич, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и криминологии. Ростовский юридический институт МВД России. 344015, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Rudov Mikhail Viktorovich, PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology. Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 83, Eremenko St., Rostov-on-Don 344015 Russian Federation.

Sorokun Nikolay Sergeevich, PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology. Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 83, Eremenko St., Rostov-on-Don 344015 Russian Federation.

К ВОПРОСУ О ЛЕГАЛИЗАЦИИ ДОХОДОВ, ДОБЫТЫХ ПРЕСТУПНЫМ ПУТЕМ, СОВЕРШАЕМОЙ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ КРИПТОВАЛЮТЫ

Рясов Александр Алексеевич

Ставропольский филиал Краснодарского университета МВД России,
Михайловск, Российская Федерация, identifiks@mail.ru

Пономарева Анна Владимировна

Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Российская Федерация,
ann.ponomarewa@mail.ru

Введение: в статье рассмотрена проблема легализации преступных доходов, осуществляемой с использованием криптовалют. В ней подробно анализируются современные методы отмывания денег через децентрализованные финансовые платформы и криптовалютные миксеры. Описываются способы, которыми преступники пытаются скрыть следы своей незаконной деятельности, используя преимущества анонимности и сложности отслеживания транзакций в криптовалютах. Рассматривается текущее состояние правового регулирования в этой области, а также перспективы внедрения новых технологий и подходов для борьбы с незаконными операциями в цифровом пространстве.

Материалы и методы: в ходе исследования были использованы всеобщий диалектический метод научного познания, а также общенаучные методы исследования: анализ, синтез, систематизация и частнонаучный метод исследования: изучения правоприменительной практики.

Результаты исследования: был определен порядок действий следственных и оперативно-розыскных подразделений при расследовании данного вида преступлений.

Выводы и заключения: статья затрагивает возможные пути повышения эффективности существующих механизмов контроля и мониторинга финансовых потоков, а также предлагаются рекомендации по совершенствованию законодательства и развитию инфраструктуры для защиты экономической безопасности.

Ключевые слова: легализация преступных доходов, криптовалюта, децентрализованные финансы, криптовалютные миксеры, отмывание денег, правовое регулирование, государственные меры, финансовые потоки, анонимность, технологии отслеживания.

Для цитирования: Рясов А. А., Пономарева А. В. К вопросу о легализации доходов, добытых преступным путем, совершаемой с использованием криптовалюты / А. А. Рясов, А. В. Пономарева // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2025. № 1 (112). – С. 177–182.

Original paper

ON THE ISSUE OF LEGALIZATION OF PROCEEDS FROM CRIME, COMMITTED WITH THE USE OF CRYPTOCURRENCY

Ryasov Alexander Alekseevich

Stavropol Branch of Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Mikhailovsk,
Russian Federation

Ponomareva Anna Vladimirovna

Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russian Federation

Introduction: The article examines the problem of legalization of criminal proceeds carried out using cryptocurrencies. It analyzes in detail modern methods of money laundering through decentralized financial platforms and cryptocurrency mixers. It describes the ways in which criminals try to hide traces of their illegal activities, using the advantages of anonymity and the complexity of tracking transactions in cryptocurrencies. The current state of legal regulation in this area, as well as the prospects for the

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

introduction of new technologies and approaches to combat illegal transactions in the digital space, are considered.

Materials and methods: the study used the general dialectical method of scientific knowledge, as well as general scientific research methods: analysis, synthesis, systematization and a specific scientific research method: studying law enforcement practice.

Results of the study: the procedure for investigative and operational-search units in investigating this type of crime was determined.

Findings and conclusions: the article touches upon possible ways to improve the effectiveness of existing mechanisms for control and monitoring of financial flows, and also offers recommendations for improving legislation and developing infrastructure to protect economic security.

Keywords: money laundering, cryptocurrency, decentralized finance, cryptocurrency mixers, money laundering, legal regulation, government measures, financial flows, anonymity, tracking technologies.

For citation: Ryasov A. A., Ponomareva A. V. On the issue of legalization of proceeds from crime, committed with the use of cryptocurrency / A. A. Ryasov, A. V. Ponomareva // *Philosophiya prava : scientific-theoretical journal*. Rostov-on-Don. 2025. № 1 (112). – Pp. 177–182.

Легализация преступных доходов, известная также как отмывание денег, представляет собой один из наиболее сложных и опасных видов экономической преступности. Данный феномен приобрел особую актуальность в условиях современной глобализированной экономики и стремительного развития цифровых технологий. Особое внимание заслуживает тот факт, что с появлением криптовалют методы и схемы отмывания денег стали гораздо более изощренными и труднодоступными для выявления и пресечения.

Рост интереса к криптовалютам обусловлен возможностью получения прибыли от колебаний курса и преимуществами анонимности транзакций, что делает их привлекательными как для законопослушных граждан, так и для криминальных элементов. Однако использование цифровой валюты может привести к финансовым потерям для физических и юридических лиц, несмотря на соблазн быстрого обогащения. Развитие цифровых финансовых активов и современных технологий является индикатором прогресса современного общества. Операции с криптовалютами, включая майнинг, привлекают разнообразных участников, в том числе представителей организованной преступности.

Одним из ключевых направлений улучшения эффективности расследования таких дел должно стать предотвращение легализации незаконно полученных доходов. В ходе предварительного следствия по делам, связанным с незаконным оборотом наркотиков, где используется криптовалюта, возникают сложности с установлением права собственности на нее и доказательствами этого права, а также проблемы, связанные с децентрализованной эмиссией, размещением майнинговых ферм за границей и офшорными зонами, и электронными следами при конвертации криптовалют в фиатные деньги. Недостаточная изученность природы криптовалют

усложняет процесс расследования преступлений, особенно в контексте формирования доказательной базы и воссоздания обстоятельств их совершения, включая легализацию преступных доходов.

Юридический статус криптовалюты все еще вызывает множество споров, однако на сегодняшний день можно однозначно сказать, что она представляет собой новый тип платежного средства, применяемого для осуществления финансовых операций. Одной из важных социальных проблем является расследование преступлений, связанных с использованием криптовалют, поскольку в соответствии с Федеральным законом от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» этот вид цифровой валюты не признается в качестве денежной единицы ни в России, ни в других странах, ни в международных системах расчетов, хотя и функционирует как средство платежа, обеспечивающее высокую анонимность при проведении финансовых операций.

Борьба с отмыванием денежных средств и финансированием террористической деятельности на рынке криптовалют требует слаженных международных усилий. Преступники обладают возможностью беспрепятственно перемещать свои активы через границы государств, пользуясь различиями в национальных законодательствах и юрисдикционных нормах. Поэтому особую значимость приобретает координация действий между государствами и международными институтами для разработки унифицированных стандартов и обмена необходимой информацией с целью эффективного противодействия незаконным операциям в сфере криптовалют.

Большинство исследований, посвященных установлению необходимых данных для

раскрытия подобных преступлений, сосредоточены на биткойне, который на данный момент считается наиболее простой криптовалютой. Однако стоит учитывать, что биткойн уже морально устарел, учитывая его низкую скорость обработки транзакций — всего около пяти-шести транзакций в секунду. Для сравнения, платежная система VISA способна обрабатывать более 20 тыс. транзакций в минуту. Транзакции в блокчейне биткойна требуют длительного времени для подтверждения, т. к. они должны быть подтверждены 50% + 1 нодой и распространены по всей сети. К тому же блокчейн биткойна является общедоступной сетью, где каждый может просматривать содержимое блоков и участвовать в механизме консенсуса. Пользователи имеют доступ как к кодам входа, так и выхода блока, что позволяет отслеживать количество поступлений на кошельки, количество транзакций и суммы переводов.

Все вышеизложенное подчеркивает необходимость уделять большее внимание другим криптовалютам, таким как Monero, Zcash и Dash, которые обладают функциями скрытия выходных данных каждого последующего приобретателя.

Появление анонимных криптовалют, таких как Monero, Dash и ZCash, стало ответом на потенциальную открытость биткойна. Эти валюты предоставляют большие возможности для преступников и террористов. Однако представляется, что они пока не используются ими, возможно, из-за недостатка времени с момента их создания. Преступники и террористы, вероятно, ждут устранения всех недочетов и несовершенств в протоколах.

Для лучшего понимания правоохранительными органами и законодателями мы предлагаем краткий обзор наиболее популярных анонимных криптовалют.

Monero. Протокол Monero был создан в 2014 г. и используется в одноранговой сети. Он создает скрытые или новые адреса для каждой транзакции, делая ее похожей на одноразовую. Это позволяет проводить более дешевые денежные и имущественные транзакции по сравнению с биткойном. Еще одна важная особенность Monero заключается в создании кольцевых подписей, которые позволяют осуществлять транзакции внутри группы, оставаясь невидимыми для внешних наблюдателей. Также Monero автоматически удаляет память о транзакции, если она становится интересна кому-то вне группы.

Dash. Эта криптовалюта была также создана в 2014 г. Она обеспечивает аноним-

ность кошельков и не хранит память о совершенных транзакциях.

ZCash. Разработанная в 2016 г., данная криптовалюта применяет инновационный криптографический протокол «доказательство нулевого знания». Этот механизм обеспечивает достижение консенсуса касательно достоверности информации без раскрытия ее содержания для всех участников рынка, за исключением непосредственных сторон проводимой транзакции. В отличие от системы Monero, где адреса пользователей остаются анонимными, платформа ZCash предоставляет универсальный протокол взаимодействия, гарантирующий прозрачность и защищенность данных для всех участников процесса. Участники транзакции могут выбирать: сделать адреса и транзакции полностью зашифрованными или, наоборот, полностью прозрачными.

Преступники активно используют эти особенности, например, обменивая украденную криптовалюту на XMR, а затем переводя ее в другой аналогичный актив. Такие действия эффективно разрушают цифровой след злоумышленника, что значительно усложняет процесс его идентификации и привлечения к ответственности.

В настоящее время принято выделять три основных типа криптовалют. К первой группе относятся криптовалюты с открытым исходным кодом, где идентификация владельцев кошельков может варьироваться от анонимной до прозрачной. Примерами таких криптовалют являются Bitcoin, Ethereum и значительное число иных цифровых активов. Вторая группа охватывает анонимные криптовалюты, такие как Monero, Dash и Zcash. Наконец, третья группа состоит из корпоративных либо государственных решений на базе блокчейна, которые функционируют без публичного доступа к программному коду и управляются централизованно.

Эффективным инструментом в борьбе с легализацией криминальных доходов является анализ данных блокчейна, направленный на выявление схем и мониторинг перемещений криптовалют. Актуальность применения блокчейн-анализа значительно возрастает в рамках усилий по предотвращению отмывания денег и финансирования терроризма на криптовалютном рынке. Эксперты в данной области активно взаимодействуют с государственными учреждениями и финансовыми структурами для создания методологий, направленных на отслеживание источников и получателей криптовалютных средств, а также на выявление подозритель-

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

ных транзакций, обладающих признаками нелегальной активности.

Росфинмониторинг располагает значительным опытом в обнаружении фактов легализации преступных доходов и успешно использует передовые информационно-коммуникационные технологии. Одним из ключевых инструментов в этом направлении является система «Прозрачный блокчейн», созданная и управляемая Российской Федерацией. Эта программа обеспечивает мониторинг криптовалютных транзакций и идентификацию владельцев соответствующих кошельков. Благодаря данному инструменту российские компетентные структуры способны быстро реагировать на подозрительные финансовые операции и предпринимать необходимые шаги для предотвращения противоправной деятельности.

Недавно в России была введена система KYC (Know Your Customer – «Знай своего клиента»), соответствующая международным стандартам и рекомендациям ФАТФ (Financial Action Task Force), с целью противодействия использованию криптовалют в преступной деятельности. Этот подход требует от финансовых учреждений проведения процедуры идентификации клиентов перед осуществлением любых финансовых операций. Такая мера усиливает контроль за движением денежных средств и снижает вероятность использования криптовалют для отмывания денег и финансирования противозаконных действий.

Неразвитость правового регулирования в области децентрализованных финансов (DeFi) способствует росту их использования преступниками для легализации доходов, полученных незаконным путем. Многие платформы DeFi внедряют недостаточно строгие механизмы противодействия отмыванию денег и редко применяют процедуры идентификации пользователей (KYC), что существенно затрудняет или вовсе исключает возможность отслеживания и пресечения нелегальных операций.

Ситуация усугубляется тем, что правоохранительным органам пока недостает полного понимания особенностей децентрализованных финансов. Это затрудняет формирование всесторонней оценки юридических рисков, связанных с использованием децентрализованных финансовых активов, и уточнение типов операций, требующих контроля в рамках риск-ориентированного подхода.

Процедура запроса информации и документов у клиента разрабатывается каждым

сервисом индивидуально, поскольку на международном уровне отсутствует универсальный стандарт. Например, криптовалютные биржи обычно запрашивают широкий спектр данных, включая личные и контактные сведения. Примеры процедур KYC включают верификацию через код, отправленный по SMS. В настоящее время банки внедряют системы биометрической идентификации клиентов, что способствует повышению прозрачности и безопасности процесса. Основные принципы работы системы KYC закреплены в Федеральном законе от 07.08.2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» [1], а также в Положении Банка России «Об идентификации кредитными организациями клиентов, представителей клиента, выгодоприобретателей и бенефициарных владельцев в целях противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» [2].

Современные правовые нормы, направленные на противодействие отмыванию денег, должны фокусироваться на формировании эффективной системы для своевременного обнаружения случаев неправомерного использования децентрализованных технологий и отслеживания переводов средств в фиатные валюты или на централизованные криптовалютные платформы. Основным условием успеха в решении этих задач является понимание того, что несмотря на бурное развитие сектора децентрализованных финансов его общая капитализация остается сравнительно небольшой, а инфраструктура еще не готова обеспечивать полноценную защиту активов. Это означает, что преступникам сложно долгое время оставаться исключительно в рамках DeFi, и им приходится выходить в сферу оборота фиатных валют, прибегая к услугам централизованных бирж и обменников. Именно на этом этапе они попадают под финансовый мониторинг, при условии адекватной координации между службами финансовой разведки и глубокого понимания ключевых признаков отмывания денег в контексте DeFi.

Достижение высокой эффективности в деятельности правоохранительных органов предполагает глубокое понимание ключевых стратегий легализации преступных доходов через децентрализованные финансы, а также способность выявлять характерные признаки незаконной финансовой активности.

Одним из широко используемых методов,

применяемых в области сокрытия фактов легализации преступных доходов, является применение преступниками криптовалютных миксеров.

Криптовалютный миксер предназначен для обеспечения анонимности активов в распределенных реестрах. Его основной механизм работы основан на дроблении входящих средств на небольшие части, которые затем смешиваются с активами других пользователей. В итоге пользователь получает обратно эквивалентное количество криптовалюты, но уже с новыми идентификационными метками, распределенными через многочисленные малые транзакции с разных адресов. Такой процесс разрывает цепочку цифровых записей и значительно затрудняет отслеживание первоначальных источников активов.

Повышенный интерес к криптовалютным миксерам обусловлен не только увеличением числа случаев легализации преступных доходов, но и усиливающимся санкционным давлением со стороны западных государств на такие страны, как Россия и Северная Корея. Ограничения на прямое взаимодействие с криптовалютными биржами заставляют как преступников, так и обычных граждан прибегать к этим инструментам для маскировки происхождения своих криптовалютных активов. Это ведет к перемешиванию финансовых потоков и существенно усложняет задачу отслеживания отмываемых средств.

Процесс легализации преступных доходов с использованием криптовалютного миксера проходит через несколько стадий:

1. Перевод криптовалюты. Заинтересованное лицо отправляет криптовалюту на кошелек миксера.

2. Смешивание средств. После поступления криптовалюты в миксер запускается процесс смешивания поступивших активов с активами иных лиц.

3. Аккумуляция средств. Миксер собирает средства от большого числа пользователей в общий счет. Чем больше объем собранных для смешивания активов, тем сложнее становится проследить отдельные транзакции.

4. Перераспределение средств. После накопления достаточного объема средств миксер начинает отправлять криптовалюту из общего объема средств на различные криптокошельки, при этом нарушая связь между получателем и отправителем средств.

5. Окончание микширования. После этого конечные пользователи выводят свои средства из миксера.

6. Комиссия за услугу. За свою работу миксеры взимают комиссию, которая обычно составляет от 1 до 3 % от общей суммы транзакции.

По мнению Э.Л. Сидоренко, «на возможную легализацию преступных доходов с использованием DeFi-миксеров могут указывать следующие индикаторы:

- клиент централизованной биржи регулярно получает входящие переводы от DeFi-миксера, отказывается или неспособен предоставить информацию о первоначальном источнике средств;

- пользователь часто проводит транзакции с участием DeFi-миксеров без явного рационального объяснения такой активности;

- клиент, который активно работает с децентрализованными биржами (DEX), также участвует в операциях с услугами DeFi-миксеров» [3, с. 822–836].

Еще одним из способов отмывания денег, добытых преступным путем, является использование интернет-казино или иных игровых криптосервисов. Многие платформы для азартных игр принимают депозиты в криптовалюте и, естественно, не требуют прохождения процедуры идентификации личности.

Это дает возможность преступникам использовать такие платформы для своих целей. Например, они могут отправить цифровые активы для игры в покер, провести несколько раундов и затем вывести практически ту же сумму, но уже в других монетах. Таким образом происходит «отмывание» средств, после чего их можно легко обналичить.

Кроме того, некоторые игровые сервисы имеют налаженные платежные каналы с определенными централизованными биржами, что позволяет им беспрепятственно выводить средства. Согласно экспертным оценкам, за год связанные с онлайн-казино адреса отправили 7,6 млрд долларов на централизованные биржи.

В 2022 г. Росфинмониторинг выразил мнение о необходимости регулировать внутриигровую валюту. В частности, было отмечено, что в последнее время участились случаи легализации преступных доходов посредством онлайн-игр. Простота обмена внутриигровой валюты и значительные масштабы операций внутри игр способствуют тому, что преступные транзакции легко теряются среди миллиардов других операций [4].

В заключение отметим, что легализация преступных доходов с использованием криптовалют стала серьезной проблемой

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

современности, требующей комплексного подхода к решению. Децентрализованный характер и анонимность транзакций делают криптовалюты привлекательными для преступников, что приводит к разработке изощренных схем отмывания денег. Несмотря на существующие правовые и технические меры противодействия их эффективность остается ограниченной из-за слабой международной координации и недостатка технических ресурсов у правоохранительных органов. Перспективы улучшения ситуации связаны с усилением регулирования крипто-

валютных бирж, расширением международного сотрудничества, развитием технологий блокчейн-анализа и повышением квалификации специалистов в области киберпреступлений. Дальнейшие исследования должны сосредоточиться на разработке новых методов идентификации и отслеживания криптовалютных транзакций, а также на изучении социально-психологических аспектов использования криптовалют в преступной деятельности.

Список источников

1. О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма: федер. закон от 07.08.2001 № 115-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2001. № 33 (ч. I). Ст. 3418.
2. Об идентификации кредитными организациями клиентов, представителей клиента, выгодоприобретателей и бенефициарных владельцев в целях противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма: положение Банка России от 15.10.2015 № 499-П // Вестник Банка России. 2015. № 115.
3. Сидоренко Э.Л. Легализация преступных доходов с использованием DeFi: типовые схемы и индикаторы риска // Криптомир и цифровые финансы. М., 2003. № 4.
4. Онлайн-игры рассматриваются Росфинмониторингом как площадки для отмывания средств. URL: https://115zakon.ru/news/rfm/onlayn_igry_rassmatrivayutsya_rosfinmonitoringom_kak_ploshchadki_dlya_otmyvaniya_sredstv/ (дата обращения: 01.12.2024).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Рясов Александр Алексеевич, кандидат юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики. Ставропольский филиал Краснодарского университета МВД России. 356242, Российская Федерация, г. Михайловск, ул. Чкалова, 38.

Пономарева Анна Владимировна, старший преподаватель кафедры криминалистики и оперативно-разыскной деятельности. Ростовский юридический институт МВД России. 344015, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.

FORMATION ABOUT THE AUTHORS

Ryasov Alexander Alekseevich, PhD in Law, Professor of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics. Stavropol branch of Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 38, Chkalova St., Mikhailovsk 356242 Russian Federation.

Ponomareva Anna Vladimirovna, Senior lecturer of the Department of Criminalistics and Operational Investigative Activities. Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 83, Eremenko St., Rostov-on-Don 344015 Russian Federation.

References

1. On combating the legalization (laundering) of proceeds from crime and the financing of terrorism: federal law of 07.08.2001 № 115-FL // Coll. legislation of the Russian Federation. 2001. № 33 (Part I). Art. 3418.
2. On the identification by credit institutions of clients, client representatives, beneficiaries and beneficial owners for the purpose of combating the legalization (laundering) of proceeds from crime and the financing of terrorism: Bank of Russia regulation of 15.10.2015 № 499-P // Bulletin of the Bank of Russia. 2015. № 115.
3. Sidorenko E.L. Legalization of criminal proceeds using DeFi: typical schemes and risk indicators // Cryptoworld and digital finance. Moscow, 2003. № 4.
4. Online games are considered by Rosfinmonitoring as platforms for money laundering. URL: https://115zakon.ru/news/rfm/onlayn_igry_rassmatrivayutsya_rosfinmonitoringom_kak_ploshchadki_dlya_otmyvaniya_sredstv/ (date of access: 01.12.2024).

КРИМИНАЛИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ХИЩЕНИЕМ БЮДЖЕТНЫХ СРЕДСТВ

Сторожева Маргарита Владимировна

Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Российская Федерация,
dorofeewa.margarita2018@yandex.ru

Введение: в представленном исследовании рассматриваются вопросы криминализации общественных отношений, связанных с хищением бюджетных средств с использованием служебного положения или должностных полномочий. Проблема таких хищений на сегодняшний день остается актуальной, поскольку указанная категория преступлений характеризуется высокой общественной опасностью и масштабностью, представляя тем самым глобальную экономическую и социальную проблему, которая отражается на национальной безопасности российского государства.

Материалы и методы: в процессе исследования автор опирался на совокупность общепризнанных и наиболее эффективных методов научного познания: положений диалектики, системно-структурного, формально-логического, конкретно-социологического методов; осуществлял анализ и синтез, применял индукцию и дедукцию, а также обращался к таким когнитивным приемам, как наблюдение, сравнение, обобщение и др.

Результаты исследования: автором определена необходимость дальнейшего совершенствования уголовно-правового законодательства, предусматривающего ответственность за совершение хищений бюджетных средств должностными лицами. В работе предприняты попытки поиска комплексного подхода, направленного на повышение эффективности предупреждения, раскрытия и расследования преступлений рассматриваемой категории.

Выводы и заключения: для решения проблем в области криминализации общественных отношений, связанных с хищением бюджетных средств, целесообразно использовать предложенные в работе меры предупреждения хищений бюджетных средств и повышения эффективности раскрытия и расследования таких преступлений.

Ключевые слова: хищение бюджетных средств, коррупция, эффективность расследования, мошенничество, криминализация, должностное лицо.

Для цитирования: Сторожева М. В. Криминализация общественных отношений, связанных с хищением бюджетных средств / М. В. Сторожева // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2025. № 1 (112). – С. 183–187.

Original paper

CRIMINALIZATION OF PUBLIC RELATIONS RELATED TO THEFT OF BUDGETARY FUNDS

Storozheva Margarita Vladimirovna

Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russian Federation

Introduction: the presented study examines the issues of criminalization of social relations related to the theft of budget funds using official position or official powers. The problem of such thefts remains relevant today, since this category of crimes is characterized by high social danger and scale, thereby representing a global economic and social problem that affects the national security of the Russian state.

Materials and methods: in the course of the study, the author relied on a set of generally recognized and most effective methods of scientific knowledge: the provisions of dialectics, system-structural, formal-logical, concrete-sociological methods; carried out analysis and synthesis, applied induction and deduction, and also turned to such cognitive techniques as observation, comparison, generalization, etc.

Results of the study: the author determined the need for further improvement of criminal legislation providing for liability for the theft of budget funds by officials. The paper attempts to find a comprehensive approach aimed at increasing the effectiveness of prevention, detection and investigation of crimes of the category under consideration.

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

***Findings and conclusions:** in order to solve problems in the field of criminalization of public relations related to theft of budgetary funds, it is advisable to use the measures proposed in the paper to prevent theft of budgetary funds and increase the effectiveness of detection and investigation of such crimes.*

***Keywords:** theft of budgetary funds, corruption, investigation effectiveness, fraud, criminalization, official.*

***For citation:** Storozheva M. V. Criminalization of public relations related to theft of budgetary funds / M. V. Storozheva // *Philosophiya prava : scientific-theoretical journal*. Rostov-on-Don. 2025. № 1 (112). – Pp. 183–187.*

Хищение бюджетных средств представляет собой преступное деяние, выраженное в неправомерном обращении или присвоении государственных денег, ресурсов либо собственности подведомственных муниципальным и госучреждениям структурам.

Преступления данной категории характеризуются высокой степенью общественной опасности и масштабностью, представляя тем самым глобальную угрозу экономической безопасности государства. Так, о масштабности рассматриваемых преступлений свидетельствует то, что они могут совершаться как на муниципальном, так и на федеральном уровнях, что приводит к большим финансовым потерям, предназначенным для решения задач, возложенных на органы государственной власти и управления.

По данным различных источников около 2-3 % валового внутреннего продукта теряется в связи с хищением бюджетных средств и коррупции в целом. Также наблюдается снижение инвестиционной привлекательности, приводящее к затормаживанию экономического роста страны и развития в ней новых технологий.

Помимо масштабности и экономических потерь внимания требуют последствия социального характера. В частности, преступления рассматриваемой категории могут приводить к ухудшению жизни всего населения, поскольку бюджетные средства, как правило, направлены на предоставление отдельных услуг для граждан. Соответственно, хищение данного ресурса будет способствовать ухудшению качества предоставления таковых услуг, например, в области образования или здравоохранения. В ряде случаев хищение бюджетных средств и вовсе может привести к недостатку финансирования данных областей, в результате чего ряд услуг становится недоступными для граждан. Так, например, по данным прокуратуры Воронежской области, в феврале 2024 г. возбуждено уголовное дело по ч. 4 ст. 159 УК РФ (мошенничество, совершенное в особо крупном размере) в связи с хищением более 31 млн рублей при строительстве детской поликлиники, осуществляемом в рамках реализации национального проекта «Здравоохранение» [1].

По данным Главного управления экономической безопасности и противодействия коррупции МВД России, с января по сентябрь 2024 г. в России было выявлено почти 11 тыс. преступлений, связанных с хищением бюджетных средств, ущерб от которых составил более 112 млрд руб. При этом отмечается, что 78 % из них совершены в крупном и особо крупном размере [2].

Например, в июле 2024 г. были осуждены директор Таганрогского литейного завода и начальник экономического отдела АО «Звезда-Стрела» по факту хищения бюджетных средств. По данным следствия фигурантами уголовного дела осуществлялось документальное завышение стоимости комплектующих при оборонзаказе, после чего разница в стоимости похищалась и делилась между участниками. Суммарный ущерб по данному преступлению был оценен в 700 млн рублей, а действия квалифицированы по ч. 4 ст. 159 УК РФ (мошенничество, совершенное организованной группой либо в особо крупном размере). По данному делу директору предприятия было назначено наказание в виде лишения свободы сроком на 2,5 года и штраф в размере 500 тыс. рублей [3].

Анализируя приведенные факты хищений бюджетных средств и иные, изученные в различных источниках, можно сделать вывод о том, что зачастую хищения бюджетных средств недоступны обычным физическим лицам. Как правило, хищения в этой сфере могут совершать только лица, которые в разной степени допущены к распоряжению бюджетными средствами, злоупотребляя своими служебными полномочиями. Однако единой нормы для привлечения указанных лиц к ответственности за совершение преступлений данной категории в уголовном законодательстве не предусмотрено.

В Российской Федерации за совершение хищений бюджетных средств с использованием служебного положения предусмотрена уголовная ответственность по ч. 3 и 4 ст. 159 УК РФ (мошенничество), ч. 3 и 4 ст. 159.1 УК РФ (мошенничество в сфере кредитования), ч. 3 и 4 ст. 159.2 УК РФ (мошенничество при получении выплат), ч. 3 и 4 ст. 159.3 УК РФ

(мошенничество с использованием электронных средств платежа), ч. 3 и 4 ст. 159.5 УК РФ (мошенничество в сфере страхования), п. «а» ч. 3 и ч. 4 ст. 159.6 УК РФ (мошенничество в сфере компьютерной информации), ч. 3 и 4 ст. 160 УК РФ (присвоение или растрата). Сопутствующими в этом плане статьями УК РФ являются ст. 285 (злоупотребление должностными полномочиями) и ст. 286 (превышение должностных полномочий), а также ст. 290 УК РФ (взяточничество) и ст. 292 УК РФ (служебный подлог).

Стоит отметить, что по всем указанным нормам предусмотрен специальный субъект совершения преступления – лицо, занимающее служебное положение. Перечень таких лиц отражен в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате».

Вышесказанное позволяет сделать вывод об актуальности выбранной проблематики и необходимости изучения вопроса криминализации общественных отношений, связанных с хищением бюджетных средств, поскольку каждое преступное действие, связанное с оборотом бюджетных средств, непременно включает указанные выше основания: высокий уровень общественной опасности, массовый характер нарушений, наличие доказательной базы и недостаточность контроля механизма законодательного регулирования данной сферы.

Бюджетные средства – это финансовые ресурсы государства, поступающие на поддержку федеральных, региональных и муниципальных структур с определенными целями. Эти средства имеют четко обозначенные направления их расходования и контролируются назначенными лицами, размещаясь на счетах организаций. Такая регламентация дает возможность четко идентифицировать ключевые категории субъектов бюджетной сферы:

– распорядители бюджетных средств. К данной категории относятся государственные органы, органы управления государственными внебюджетными фондами, органы местного самоуправления, органы местной администрации, казенные учреждения, имеющие право распределять бюджетные средства между подведомственными им получателями бюджетных средств. Так, например, Министерство культуры и туризма Магаданской области выделило и направило бюджетные средства в размере 100 тыс. рублей для поощрения работников учреждения культуры в рамках Механизма под-

держки муниципальных учреждений культуры, находящихся на территории сельских поселений, и их работников. Однако данное учреждение находилось на территории городского округа, в результате чего областное министерство, являющееся распорядителем бюджетных средств, допустило их нецелевое использование [4].

– лица, являющиеся представителями организаций – получателей бюджетных средств, обладающие правом подписи соответствующих расходных документов. К указанной категории относятся получатели бюджетных средств, которые будут выступать распорядителями бюджетных средств 2, 3, 4-го и т. д. порядка. Рассмотрим один из таких примеров. Д.З.А., являясь начальником отдела по выплате жилищных субсидий территориального органа Министерства труда и социального развития... и обладая информацией об условиях предоставления отдельным категориям граждан соответствующих субсидий, вопреки интересам службы из корыстной заинтересованности с целью хищения бюджетных средств, выделенных льготной категории граждан на оплату жилого помещения и коммунальных услуг, оформила на своих родственников и знакомых банковские карты, после чего получила сведения о расчетных счетах банковских карт и вносила ложные сведения в заявки на выплату субсидий на оплату ЖКУ. В результате преступных действий Д.З.А. на расчетные счета поступили денежные средства, выделенные льготной категории граждан, в размере 2 921 797, 74 руб., которые в последующем были обналичены и присвоены ею. Приговором... районного суда... Д.З.А. признана виновной в совершении преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 292, ч. 4 ст. 292, ч. 4 ст. 159.2 УК РФ, с назначенным наказанием в виде лишения свободы сроком на три года и шесть месяцев условно с испытательным сроком на четыре года. В указанном примере гражданка Д.З.А. выступала получателем бюджетных средств – распорядителем 2-го порядка [5];

– иные участники отношений, определенные нормативными правовыми актами.

Любое отклонение от установленных государством целей использования бюджетных средств рассматривается как нарушение законодательства о бюджете, влекущее за собой меры уголовной ответственности (при высокой общественной опасности), административные или гражданско-правовые санкции в зависимости от тяжести и последствий деяния [6].

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

Многочисленные примеры судебной практики свидетельствуют о том, что хищения бюджетных средств на современном этапе развития гражданского общества являются одной из наиболее серьезных угроз для развития государства. Существование таких событий наносит серьезный удар по бюджету государства, приносит миллиардные убытки. Однако рассмотренные примеры указывают на тот факт, что наказание за столь серьезные преступления является минимальным или вовсе незначительным. Описанная проблема весьма актуальна для государственной экономики в условиях существующих экономических процессов, представляя для них высокую опасность прежде всего в связи с отсутствием специальных норм и нормативных актов, предусматривающих ответственность за хищения бюджетных средств, в том числе с использованием служебного положения и служебных полномочий.

В Уголовном кодексе РФ до сих пор отсутствуют специальные нормы об ответственности непосредственно за хищение бюджетных средств с использованием служебных полномочий, хотя попытки изменений в этом плане были. С 2003 г. в УК РФ включены ст. 285.1 УК РФ, устанавливающая ответственность за нецелевое расходование бюджетных средств, и ст. 285.2 УК РФ, устанавливающая ответственность за нецелевое расходование средств государственных внебюджетных фондов. И все же в нормах УК РФ до сих пор не обозначена прямая ответственность за хищение бюджетных денежных средств с использованием должностных и служебных полномочий виновных лиц. В связи с этим общественные отношения, связанные с хищением бюджетных средств, как правило, квалифицируются по нескольким статьям УК РФ, о чем свидетельствует приведенный выше пример судебной практики [7].

Также в связи с отсутствием прямой нормы, предусматривающей уголовную ответственность за совершение хищений бюджетных средств должностными лицами, достаточно сложно оценить количественный показатель указанных деяний. Это может порождать отсутствие четкого понимания, насколько высока общественная опасность таких преступлений.

Статистические данные позволяют говорить лишь об общем достаточно высоком показателе преступлений, предусмотренных ст. 159-160 УК РФ, по которым в практической деятельности осуществляется квалификация хищений бюджетных средств. Так,

например, в 2024 г. было зарегистрировано более 440 тыс. преступлений по ст. 159 УК РФ и почти 9 тыс. по ст. 160 УК РФ, что составляет около 25 % от общего числа зарегистрированных преступлений. Однако выделить из этого массива долю преступлений, связанных с хищением бюджетных средств должностными лицами, трудно [8].

Несмотря на это высокие статистические показатели преступлений данной категории позволяют говорить о необходимости повышения эффективности деятельности по предупреждению, выявлению, расследованию и раскрытию хищений бюджетных средств, в том числе совершенных должностными лицами. Эффективность расследования дел о хищениях бюджетных средств может оцениваться по количеству уголовных дел, направленных в суд. По данным правоприменительной практики значительная часть уголовных дел не была направлена в суд в связи с недостаточностью доказательственной базы и иными правовыми сложностями.

Таким образом, хищения бюджетных средств наносят серьезный ущерб для социального и экономического развития страны, создавая значительные проблемы для национальной безопасности российского государства. В результате проблема криминализации общественных отношений, связанных с хищением бюджетных средств, остается актуальной на сегодняшний день.

Отсутствие единой нормы в УК РФ, предусматривающей ответственность за хищение бюджетных средств должностным лицом, приводит к возникновению отдельных трудностей. В частности, нельзя в полной мере оценить количественный показатель указанной категории преступлений, поскольку квалификация осуществляется по нескольким статьям УК РФ. Также считаем, что ответственность, предусмотренная существующими нормами, не столь значительная, если учитывать ущерб, причиняемый такими хищениями, о чем свидетельствуют рассмотренные в статье примеры судебной практики.

Для решения рассмотренных проблем необходимо использовать комплексный подход, который будет включать не только законодательные меры, но и меры предупреждения хищений бюджетных средств и повышения эффективности их раскрытия и расследования. Такой подход может включать в себя следующие мероприятия:

1) разработать уголовно-правовую норму, предусматривающую ответственность за совершение хищений бюджетных средств с

использованием служебного положения или должностных полномочий;

2) осуществить системный аналитический подход к созданию мер, направленных на предотвращение хищений бюджетных средств и иных коррупционных проявлений;

3) разработать оптимальные схемы взаимодействия между структурными подразделениями правоохранительных органов для повышения их кооперативности;

4) усилить роль общественных организаций посредством их участия в постоянном

наблюдении и независимой оценке деятельности госструктур, особенно в контексте распределения бюджетных ресурсов;

5) проводить целенаправленную подготовку сотрудников правоохранительных структур по финансовым анализам и методам борьбы с коррупционными проявлениями в бюджетной сфере;

6) внедрять современные IT-технологии для анализа бюджетной политики, а также автоматизации процессов контроля за расходами.

Список источников

1. По материалам прокурорской проверки возбуждено уголовное дело о хищении почти 32 млн рублей при реализации национального проекта «Здравоохранение». URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_36/mass-media/news?item=93273092 (дата обращения: 26.12.2024).

2. Ущерб от преступлений в бюджетной сфере с начала года достиг 112 млрд рублей. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7381033> (дата обращения: 26.12.2024).

3. Воровал миллионами? На Дону осудили директора оборонного завода. URL: <https://rostov.aif.ru/incidents/voroval-millionami-na-donu-osudili-direktora-oboronnogo-zavoda> (дата обращения: 26.12.2024).

4. Нецелевое использование: судебная практика. URL: <https://glavbukh.ru.turbopages.org/glavbukh.ru/s/art/97711-netselevoe-ispolzovanie-sudebnaya-praktika> (дата обращения: 26.12.2024).

5. Решение Кировского районного суда Республики Северной Осетия – Алания от 19 декабря 2023 г. по делу № 2-143/2023. URL: <https://www.garant.ru/> (дата обращения: 26.12.2024).

6. Варданыан А.В., Айвазова О.В. Должностные преступления в сфере экономики как объект криминалистического научного анализа // Труды Академии управления МВД России. 2017. № 1(41).

7. Резюк В.И. Должностное лицо как субъект преступления в уголовном законодательстве Российской Федерации: генезис и интенция // Вестник Удмуртского университета. 2022. Вып. 2. Т. 32.

8. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2024 г. URL: <https://мвд.рф/reports/item/60248328/> (дата обращения: 21.01.2025).

References

1. Based on the materials of the prosecutor's inspection, a criminal case has been opened on the theft of almost 32 million rubles during the implementation of the national project «Healthcare». URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_36/mass-media/news?item=93273092 (date of access: 26.12.2024).

2. Damage from crimes in the budgetary sphere since the beginning of the year has reached 112 billion rubles. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7381033> (date of access: 26.12.2024).

3. Stole millions? Director of a defense plant was convicted in the Don. URL: <https://rostov.aif.ru/incidents/voroval-millionami-na-donu-osudili-direktora-oboron-nogo-zavoda> (date of access: 26.12.2024).

4. Misuse: judicial practice. URL: <https://glavbukh.ru.turbopages.org/glavbukh.ru/s/art/97711-netselevoe-ispolzovanie-sudebnaya-praktika> (date of access: 26.12.2024).

5. Decision of the Kirovsky District Court of the Republic of North Ossetia - Alania dated December 19, 2023 in case № 2-143 / 2023. URL: <https://www.garant.ru/> (date of access: 26.12.2024).

6. Vardanyan A.V., Aivazova O.V. Official crimes in the economic sphere as an object of forensic scientific analysis // Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2017. № 1(41).

7. Rezyuk V.I. Official as a subject of a crime in the criminal legislation of the Russian Federation: genesis and intention // Bulletin of Udmurt University. 2022. Issue 2. V. 32.

8. The state of crime in Russia for January-December 2024. URL: <https://мвд.рф/reports/item/60248328/> (date of access: 21.01.2025).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Сторожева Маргарита Владимировна, адъюнкт адъюнктуры. Ростовский юридический институт МВД России. 344015, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Storozheva Margarita Vladimirovna, adjunct. Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 83, Eremenko St., Rostov-on-Don 344015 Russian Federation.

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ФЕНОМЕНА
ТЕРРОРИСТОВ-ОДИНОЧЕК В УСЛОВИЯХ ЕГО ИСТОРИЧЕСКОЙ
ЭВОЛЮЦИИ И СОВРЕМЕННОГО СОСТОЯНИЯ

Щербаченко Александр Константинович

Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Российская Федерация,
stas-serb@yandex.ru

Напханенко Игорь Павлович

Ростовский государственный университет путей сообщения, Ростов-на-Дону, Российская Федерация,
Nip1966@yandex.ru

Введение: многочисленные террористические атаки по всему миру, в том числе и в Российской Федерации, на протяжении всей современной истории и в настоящее время требуют особого внимания на проблему такого явления, как террорист-одиночка. Данный феномен традиционно рассматривается как одна из форм терроризма. Являясь разновидностью террористической деятельности, сам феномен, однако, имеет свои специфические и уникальные особенности, характеризующиеся качественной новизной, адаптивностью и изменчивостью всех составных элементов данного явления.

Материалы и методы: в ходе исследования применялась система общенаучных и специальных методов изучения данных борьбы с деятельностью террористов-одиночек, собственно криминалистических методов познания преступлений террористической направленности: системный, социологический, аналитический и синтетический методы, а также функциональный и статистический метод исследования.

Результаты исследования: в цифровую эпоху взгляд на террористов-одиночек как на закрытых от общества людей, единолично проходящих по пути саморадикализации на фоне собственных либо приобретенных идей, представляется ограниченным и устаревшим. Зачастую личности террористов-одиночек формируются в условиях активного взаимодействия в сети, готовности идти на контакт и поиска единомышленников в своем специфическом мировосприятии. А современные подходы отдельных государств к методам ведения военных действий, лишь способствует возникновению новых и изменению существующих способов формирования террористов-одиночек, а также вовлечению в этот процесс категорий граждан, ранее не находившихся в группе риска.

Выводы и заключения: феномен террористов-одиночек представляет собой динамичное и адаптивное явление, эволюционирующее под влиянием технологий, пропаганды и социально-политических условий. Ключевыми факторами радикализации выступают фрустрация, психическая неустойчивость и доступность деструктивной информации в Интернете. Противодействие этому феномену осложняется отсутствием формальных связей с организациями, сложностью прогнозирования и разнообразием мотиваций. Критически важным становится развитие методов раннего выявления радикализации, усиление контроля за онлайн-пространством и адаптация правовых механизмов к новым формам террористической деятельности. Исследование подчеркивает необходимость междисциплинарного подхода и международного сотрудничества для минимизации угроз, связанных с террористами-одиночками.

Ключевые слова: терроризм, террористический акт, террорист-одиночка, ИГИЛ, СВО, радикализация, криминалистика, мотивация, факторы, массовый расстрел.

Для цитирования: Щербаченко А. К., Напханенко И. П. Криминалистическая характеристика феномена террористов-одиночек в условиях его исторической эволюции и современного состояния / А. К. Щербаченко, И. П. Напханенко // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2025. № 1 (112). – С. 188–193.

CRIMINALISTIC CHARACTERISTICS OF THE PHENOMENON OF LONE WOLF TERRORISTS IN THE CONTEXT OF ITS HISTORICAL EVOLUTION AND CURRENT STATE

Shcherbachenko Alexander Konstantinovich

Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russian Federation

Napkhanenko Igor Pavlovich

Rostov State University of Railway Engineering, Rostov-on-Don, Russian Federation

Introduction: Numerous terrorist attacks around the world, including in the Russian Federation, throughout modern history and at present require special attention to the problem of such a phenomenon as a lone terrorist. This phenomenon is traditionally considered as one of the forms of terrorism. Being a type of terrorist activity, the phenomenon itself, however, has its own specific and unique features, characterized by qualitative novelty, adaptability and variability of all constituent elements of this phenomenon.

Materials and methods: the study used a system of general scientific and special methods for studying data on the fight against the activities of lone terrorists, as such forensic methods of understanding terrorist crimes: systemic, sociological, analytical and synthetic methods, as well as a functional and statistical research method.

Results of the study: in the digital age, the view of lone terrorists as closed people, detached from society, who alone go through the path of self-radicalization against the background of their own or acquired ideas, seems limited and outdated. Often, the personalities of lone terrorists are formed in the conditions of active interaction on the network, readiness to make contact and search for like-minded people in their specific worldview. And modern approaches of individual states to the methods of conducting military actions only contribute to the emergence of new and changes in existing methods of forming lone terrorists, as well as the involvement in this process of categories of citizens who were not previously at risk.

Findings and conclusions: The lone wolf phenomenon is a dynamic and adaptive phenomenon that evolves under the influence of technology, propaganda, and socio-political conditions. Key factors in radicalization include frustration, mental instability, and the availability of destructive information on the Internet. Countering this phenomenon is complicated by the lack of formal ties to organizations, the difficulty of forecasting, and the diversity of motivations. Developing methods for early detection of radicalization, strengthening control over the online space, and adapting legal mechanisms to new forms of terrorist activity are becoming critical. The study emphasizes the need for an interdisciplinary approach and international cooperation to minimize the threats posed by lone wolf terrorists.

Keywords: terrorism, terrorist act, lone terrorist, ISIS, SVO, radicalization, forensics, motivation, factors, mass shooting.

For citation: Shcherbachenko A. K., Napkhanenko I. P. Criminalistic characteristics of the phenomenon of lone terrorists in the context of its historical evolution and current state / A. K. Shcherbachenko, I. P. Napkhanenko // *Philosophiya prava : scientific-theoretical journal*. Rostov-on-Don. 2025. № 1 (112). – Pp. 188–193.

Терроризм как сложное и в крайней степени адаптивное явление имеет самые разные формы проявления в зависимости от целей, обстоятельств и возможностей преступников на всех этапах подготовки и совершения соответствующей группы преступных деяний.

Выступая в качестве наиболее циничного способа участия в конфликтах, терроризм не ограничивается в применении какими-либо конкретными силами. Если в предшествующие года угроза терроризма преимущественно исходила со стороны Ближнего Востока и преступных сообществ, разделяющих идеи радикального ислама, в первую очередь ИГИЛ, то в настоящее время основным источником террористической опасности являются представители спецслужб

Украины и поддерживающих ее режим государств. Данное обстоятельство в очередной раз подчеркивает тот факт, что вопросы противодействия терроризму всегда остаются актуальными независимо от обстоятельств в стране и мире.

Одним из значимых феноменов в рамках террористической деятельности является такая ее форма, как активность террористов-одиночек. Важно учитывать, что деятельность одиночек представляет особую угрозу, т. к. в наименьшей степени поддается своевременному выявлению и пресечению.

Террорист-одиночка – это лицо, формально не являющееся участником какой-либо террористической организации, самостоятельно совершающее террористический акт [1]. Основанием такого противоправного по-

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

ведения может служить как саморадикализация, так и манипулятивное воздействие.

Несмотря на то что терроризм как любое устойчивое проявление человеческого поведения проходил естественный путь эволюционного развития в течение сотен лет, именно увеличившееся число инцидентов с участием террористов-одиночек на рубеже прошлого и нынешнего веков в определенной мере ломает прогнозируемый и логический путь развития терроризма. Ко второй половине XX века в мире сформировались устойчивые преступные сообщества, основным способом борьбы которых является совершение террористических актов вне зависимости от политических и иных границ. Формы совершения преступлений террористической направленности в таких случаях логично предполагают сложную организацию, подготовку непосредственных исполнителей, их идеологическую обработку, разведывательную деятельность, установление контактов с завербованными и подкупленными лицами, прямо или косвенно связанными с объектом террористической атаки, и т. д. [2]. Это сложный, продуманный процесс, подразумевающий риск разоблачения, возрастающий пропорционально масштабы и сложности планируемого преступления.

Однако уже в конце 70-х гг. наблюдается изменение тактики террористических организаций, все больше использующих преимущественно одиночные точечные удары, нежели массовые вооруженные акции. Способствовало такому изменению подхода во многом технологическое развитие общества, предоставляющее, с одной стороны, легкий доступ к информации, способам передачи предметов, перемещения самих преступников, и с другой – в силу массовости использования соответствующих технологий – ослабленный контроль за данной сферой.

В качестве примера одного из первых подобных проявлений новой формы терроризма можно привести деятельность Теодора (Unabomber) Качинского-младшего – выпускника Гарвардского университета и сына профессора Качинского-старшего, который начиная с 1978 и по 1995 г. осуществлял рассылку самодельных бомб средствами обычной почты США. Всего Качинским-младшим было изготовлено и отправлено 16 взрывных устройств различным адресатам, что привело к трем смертям и травмам различной степени тяжести у 23 человек. Особо выделяется данная история тем, что «Унабомбер» не был членом каких-либо террористических организаций и даже не имел сообщников. Мотивом к совершению данных преступлений послужила собственная идеология Качинского, изложенная в его же труде «Индустриальное общество и его будущее». Спустя 16 лет нечто подобное повторил и

норвежский право-радикал и националист Андерс Брейвик, на счету которого 67 убитых и 110 раненых от взрывов самодельных взрывных устройств. Несмотря на то, что в отличие от Качинского Брейвик был сторонником уже существующей преступной идеологии, непосредственно к совершению преступлений он подошел в одиночку.

Однако подобные примеры деятельности автономных и самостоятельных террористов-одиночек являются нетипичным проявлением данного феномена в современном мире. Уже в середине 2010-х гг. активно действующий на территории Ближнего Востока ИГИЛ в значительной мере меняет свой подход к методам борьбы и достижения целей в силу особенностей хода военных действий в Сирии и Ираке на тот момент. Организация взяла на вооружение концепцию «одиночного джихада», разработанную еще в 2002 г. идеологом «Аль-Каиды» Абу Мусаб ас-Сури, заключающуюся в скрытой и агрессивной пропаганде идей джихадизма и радикального ислама среди мусульман, проживающих в других странах, а также общем поощрении миграции и формирования закрытых конфессиональных групп среди таких лиц [3]. Не имеющая конкретного адресата, но имеющая всеобщий характер радикальная пропаганда становления «львов халифата» по сути своей сделала потенциальным террористом абсолютно любого, кто услышал соответствующий призыв, тем самым выведя концепцию «спящих агентов» на совершенно новую ступень.

Факт принадлежности террориста-одиночки к какой-либо преступной террористической организации чаще всего является неизвестным даже при осуществлении соответствующей оперативной работы до начала им активных действий, а во многих случаях устанавливается уже после его задержания. При этом важно понимание того, что можно считать действиями одиночки, а что – террористическим актом в его самом базовом понимании. Логично возникает вопрос об обязательном количественном признаке таких деяний: является ли участие лишь одного человека в непосредственной подготовке и совершении террористического акта критическим признаком террориста-одиночки? И возможно ли считать таковым лицо, действующее по инструкции или в соответствии с пропагандистскими призывами конкретных террористических организаций? Подобные вопросы являются дискуссионными и не имеют однозначного ответа в силу сложности четкой градации в поведении человека относительно его мотивации и возникновения у него преступного умысла по тем или иным причинам.

Примером такой неоднозначности в феномене террористов-одиночек может служить инцидент в г. Сан-Бернардино, Калифор-

ния, где 2 декабря 2015 г. было совершено нападение на здание Inland Regional Center, в ходе которого погибли 14 и были ранены 22 человека. Нападавшими оказалась семейная пара арабского происхождения, проживающая на территории США до нападения много лет. Ответственность за данный террористический акт взяла на себя ИГИЛ, но непосредственной связи между нападавшими и данной террористической организацией установлено не было. Сайед Фарук и Ташфин Малик действовали под вдохновением от пропаганды ИГИЛ и идей джихадизма, между тем был установлен факт саморадикализации данной пары и отсутствия какой-либо кураторской или руководящей деятельности со стороны участников ИГИЛ. СМИ и общественность сразу присвоили им статус террористов-одиночек. В данном случае можно согласиться с данной позицией, т. к. несмотря на то, что террористов было двое, однако они саморадикализировались совместно, действовали как единый участник, не формировали никаких сообществ, а были связаны семейными отношениями, подразумевающими тесное взаимодействие между людьми.

Сложность в установлении отсутствия непосредственных связей между террористом-одиночкой и террористическими организациями зачастую осложняется тем, что, как было сказано выше, такие организации, и в особенности ИГИЛ, склонны присваивать любые террористические акты, объявляя о свой причастности. Иногда они используют доступные материалы, оставленные террористами-одиночками, например, видеозаписи, блоги, письма, листовки и т. п., в качестве якобы доказательств их принадлежности к организации.

Исходя из вышеприведенных примеров, можно определить некоторые основные признаки террориста-одиночки:

- радикализация происходит самостоятельно либо под влиянием общей пропаганды;
- отсутствие формальной принадлежности к каким-либо террористическим организациям;
- отсутствие какой-либо помощи и конкретного руководства от террористических организаций;
- количественный состав не обязательно подразумевает одного участника, но не допускает формирование малых групп, связанных по иным основаниям, например, семейные отношения.

Кроме общих признаков важно также определить типичный образ террориста-одиночки, его психологический портрет и ключевые факторы, формирующие готовность к саморадикализации.

В первую очередь на ум приходит социальный фактор, а именно низкий статус в обществе, отсутствие стабильной работы,

жилья, возможности продвижения по социальной и карьерной лестнице. Традиционно любые преступные сообщества набирали в свои ряды для непосредственного совершения преступлений именно наиболее слабозащищенные слои общества, и террористические организации не являются исключением. Как было упомянуто ранее, и «Аль-Каида», и ИГИЛ, в частности, всегда активно поощряли миграцию, а мигранты являются наименее стабильной в новом обществе структурой, не разделяющие его правил и ценностей, но постоянно испытывающие на себе негативное отношение со стороны коренных жителей. Однако в данном случае речь идет скорее не о террористах-одиночках, а о небольших локальных террористических группах, что уже выходит за ранее установленные признаки «волков-одиночек».

Кроме того, если обратить внимание на приведенные примеры террористических актов, а именно на социальный статус их исполнителей, то становится очевидным их несоответствие рассматриваемому фактору. Теодор Качинский происходит из семьи потомственных иммигрантов и преподавателей престижного вуза; Андерс Брейвик является коренным норвежцем и успешным предпринимателем; семейная пара Фарук и Малик – иммигранты, но крепкие представители среднего класса. Таким образом, можно сделать вывод, что социальная маргинализация в случае террористов-одиночек в большинстве случаев не является существенным и определяющим фактором радикализации.

Более интересной представляется идея о том, что ключевым фактором формирования и характерной чертой большинства террористов-одиночек является синтез двух элементов – глубокая фрустрация и разочарованность в нормальной социальной жизни, религии, семье, собственной роли и т. д. и серьезная психическая неустойчивость. Потеря целей, уверенности в завтрашнем дне зачастую склоняют людей к поиску простых ответов на сложные вопросы, попытке найти причину негативных событий собственной жизни и способ решения существующих проблем. Неустойчивость психического состояния, в свою очередь, уменьшает способность к критическому мышлению и длительному анализу информации. Результатом подобного как раз и становится радикализация, восприятие ранее чуждых идей, готовность к совершению преступлений, не имеющих логичной причины.

Технологии играют не последнюю роль в этом процессе. Если примерно 30-40 лет назад доступность соответствующих радикальных материалов, на основе которых потенциальный «волк-одиночка» мог бы сформировать собственное мировосприятие, была относительно ограничена в зависимости от региона, что в большинстве слу-

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

чаев давало шанс «переключить» внимание на менее деструктивные идеи либо вообще исключить негативный фактор, то общедоступность информации в сети Интернет сделала процесс перехода в радикальную фазу для психически нестабильных восприимчивых людей намного более простым. Также не стоит забывать об упомянутой ранее безадресной пропаганде.

Деятельность радикальных пропагандистов нацелена в первую очередь на таких людей, работа с которыми не требует особых усилий. В случае необходимости всегда найдется психически неуравновешенный человек, готовый на любые преступления, если ему грамотно дать мотивацию, цель и советы по подготовке. В данной ситуации все зависит от планов «помощников»: либо будущего «волка одиночку» готовят к какой-то конкретной «миссии», либо «заряжают» его достаточно, чтобы он самостоятельно в любой момент времени осуществил террористический акт. В первом случае куратор способствует мимикрии уже готового террориста-одиночки под нормального члена общества, мотивируя его скрывать свои намерения до нужного момента, однако не позволяя тому переключаться на позитивные пути выхода из своего психического состояния [4].

Рассматривая гендерно-возрастную характеристику террористов-одиночек, становится заметна довольно устойчивая закономерность. Типичный террорист-одиночка – это мужчина примерно 30-40 лет. Женщины встречаются значительно реже и преимущественно как соучастники либо жертвы целенаправленной манипуляции со стороны близких людей с радикальными взглядами.

Однако в современных российских реалиях в условиях СВО образ террориста-одиночки приобретает довольно специфический характер. Во-первых, речь в большинстве случаев идет не о радикализации по тем или иным причинам, а о внушениях и обмане, постановке человека в якобы безвыходную ситуацию с целью шантажа и склонению к совершению террористического акта. Способы бывают различные, но условно их можно разделить на прямые угрозы, обман и корыстную заинтересованность. Начиная с весны 2023 г. массовый характер приобрел подобный способ терроризма. Граждане Российской Федерации попадали под воздействие украинских агентов, которые теми или иными вышеназванными способами склоняли людей к совершению террористических актов [5].

В большинстве своем основным рычагом воздействия служили первоначальные мошеннические действия со стороны злоумышленников, вследствие которых граждане лишались крупных денежных сумм, недвижимости, иного ценного имущества или становились участниками кредитно-дол-

говых отношений и шли на преступление под условием возврата похищенного, либо граждан убеждали в том, что с ними на связь вышли отечественные спецслужбы и они отныне действуют в интересах своей страны. Одним из ключевых манипулятивных инструментов является создание у жертвы состояния паранойи и недоверия к окружающим, в том числе близким людям, которые бы могли отговорить потенциального террориста от преступления.

Совершение террористических актов с целью заработка не является редкостью, однако в общей массе подобных происшествий не является основным. Идеологических террористов-одиночек значительно меньше, хотя таковые также имеют место.

Ввиду особенностей данного подхода к созданию террористов-одиночек изменился и их психологический портрет. Теперь гендерно-возрастной признак сместился преимущественно в две возрастные группы – 14–25 лет и 60 лет и старше. Вызвано это тем, что данные категории граждан наиболее восприимчивы к агрессивной манипуляции, а критичность мышления по различным причинам находится на низком уровне. Касаемо же половой принадлежности, наблюдается условное выравнивание между мужчинами и женщинами, совершающими одиночные террористические акты. Поскольку источником формирования готовности к совершению преступления больше не является радикализация лица, то социальный и психический факторы, рассмотренные ранее, больше не играют ключевой роли. Террористом-одиночкой в нынешних условиях может быть человек любого социального статуса и любой степени удовлетворенности собственной жизнью, т. к. ставка злоумышленников делается по большей части через посягательство на сложившийся быт и положение человека. Разумеется, с точки зрения уголовного закона не все подобные деяния формально подпадают под действие статей, предусматривающих ответственность за терроризм. Однако с точки зрения формирования умысла, характера действий и целей назвать таких лиц террористами-одиночками, пусть и с определенной долей допущения, представляется приемлемым.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что феномен террористов-одиночек в современном мире – явление относительно новое, но уже прошедшее несколько существенных этапов эволюции и развития. Кроме того, он показал высокую степень адаптивности к конкретным ситуациям и социально-политическим обстановкам в мире и отдельных странах.

Концепция террористов-одиночек неоднократно подвергалась критике со стороны различных ученых и экспертов. Ключевым фактором критических взглядов является то,

что многие отрицают саму возможность полной радикализации личности вне каких-либо связей с террористическими организациями. Однако факты и всесторонний анализ позволяют прийти к мнению, что для такого явления, как террорист-одиночка, привычные элементы терроризма не всегда и необязательно присущи в их традиционном виде.

Данные обстоятельства требуют внимательного и всестороннего изучения этого феномена с целью анализа и прогнозирования возможных путей развития и внедрения данных преступных проявлений в наши современные реалии.

Список источников

1. Организационно-правовые основы противодействия терроризму и экстремизму: учебник / А.И. Землин, Ю.В. Берладир, И.М. Жиленко [и др.]; под ред. А.И. Землина. М., 2023.
2. Бояр-Созонович Т.С. Проблемы классификации современного терроризма. М., 1989.
3. Павлик М.Ю., Боричев К.В. Терроризм одиночек: основные тенденции и особенности противодействия // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2020. № 1(85).
4. Берладир Ю.В., Харичкин И.К. «Террорист-одиночка сегодня: новый герострат или мимикрия международного терроризма? // KANT: Social science & Humanities». 2023. № 3(15).
5. Чурилов С.А., Сироткин И.Г. О новом Комплексном плане противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2024-2028 годы // Обзор. НЦПТИ. 2024. № 2(37).

References

1. Organizational and legal foundations for countering terrorism and extremism: textbook / A.I. Zemlin, Yu.V. Berladir, I.M. Zhilenko [et al.]; edited by A.I. Zemlin. Moscow, 2023.
2. Boyar-Sozonovich T.S. Problems of classification of modern terrorism. Moscow, 1989.
3. Pavlik M.Yu., Borichev K.V. Lone wolf terrorism: main trends and features of counteraction // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. № 1(85).
4. Berladir Yu.V., Kharichkin I.K. «Lone wolf terrorist today: new herostratus or mimicry of international terrorism? // KANT: Social science & Humanities». 2023. № 3(15).
5. Churilov S.A., Sirotkin I.G. On the new Comprehensive Plan for Countering the Ideology of Terrorism in the Russian Federation for 2024-2028 // Review. NCPT. 2024. № 2(37).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Щербаченко Александр Константинович, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры криминалистики и оперативно-разыскной деятельности. Ростовский юридический институт МВД России. 344015, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.

Напханенко Игорь Павлович, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой административного права и уголовно-правовых дисциплин. Ростовский государственный университет путей сообщения. 344038, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, пл. Ростовского Стрелкового Полка Народного Ополчения, 2.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Shcherbachenko Alexander Konstantinovich, Grand PhD in Law, Associate Professor, Professor of the Criminalistics and Operational Investigative Activities. Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 83, Eremenko St., Rostov-on-Don 344015 Russian Federation.

Naphanenko Igor Pavlovich, PhD in Law, Associate Professor, Head of the Department of Administrative Law and Criminal Law Disciplines. Rostov State University of Railway Engineering. 2, Rostov Rifle Regiment of the People's Militia square, Rostov-on-Don 344038 Russian Federation.

ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКОЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ПРОУКРАИНСКИМ ВОЕНИЗИРОВАННЫМ ПАРТИЗАНСКИМ ФОРМИРОВАНИЯМ

Корниленко Александр Владимирович

Академия управления МВД России, Москва, Российская Федерация,
kornilenko74@mail.ru

Введение: с началом специальной военной операции как на территории «новых» субъектов Российской Федерации, так и в граничащих с ними российских регионах активизировалась деятельность диверсионно-разведывательных групп противника и проукраинских военизированных партизанских формирований, целью которых является совершение террористических актов (диверсий) на военных (гражданских) объектах, ведение разведки, запугивание гражданского населения. В связи с этим назрела насущная необходимость в осуществлении эффективного оперативно-розыскного противодействия террористическим (экстремистским) проявлениям субъектами оперативно-розыскной деятельности.

Материалы и методы: в ходе исследования использовались общенаучные методы анализа, индукции, дедукции, а также нормативные правовые акты федерального уровня и ведомственная статистическая информация.

Результаты исследования: учитывая исторический опыт, в исследовании даются рекомендации по осуществлению оперативно-розыскного противодействия проукраинским военизированным партизанским формированиям. Проведен анализ деятельности украинских подразделений специального назначения в контексте ведения ими прокси-войны против Российской Федерации.

Выводы и заключения: диверсионно-террористическая деятельность украинских военизированных формирований носит активный и системный характер государственного уровня. Оперативно-розыскное противодействие данной преступной деятельности наиболее эффективно при условии нестандартного подхода к выявлению организованных преступных групп и тесного межведомственного взаимодействия оперативных подразделений.

Ключевые слова: Россия, Украина, специальная военная операция, СВО, ГУР, СБУ, ДРГ, ОРД, терроризм, диверсионная деятельность, оперативно-розыскное противодействие.

Для цитирования: Корниленко А. В. Оперативно-розыскное противодействие проукраинским военизированным партизанским формированиям / А. В. Корниленко // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2025. № 1 (112). – С. 194–199.

Original paper

OPERATIONAL INVESTIGATIVE COUNTERACTION TO PRO-UKRAINIAN PARAMILITARY PARTISAN FORMATIONS

Kornilenko Alexander Vladimirovich

Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russian Federation

Introduction: with the start of the special military operation both in the territory of the «new» subjects of the Russian Federation and in the Russian regions bordering them, the activities of the enemy's sabotage and reconnaissance groups and pro-Ukrainian paramilitary partisan formations have intensified, the purpose of which is to commit terrorist acts (sabotage) on military (civilian) objects, conduct reconnaissance, and intimidate the civilian population. In this regard, there is an urgent need to implement effective operational-search counteraction to terrorist (extremist) manifestations by subjects of operational-search activities.

Materials and methods: the study used general scientific methods of analysis, induction, deduction, as well as regulatory legal acts of the federal level and departmental statistical information.

Results of the study: taking into account historical experience, the study provides recommendations for the implementation of operational-search counteraction to pro-Ukrainian paramilitary partisan formations. The analysis of the activities of Ukrainian special forces units in the context of their proxy war against the Russian Federation is conducted.

Findings and conclusions: the sabotage and terrorist activities of Ukrainian paramilitary formations are active and systemic at the state level. Operational investigative counteraction to this criminal activity is most effective provided there is a non-standard approach to identifying organized criminal groups and close interdepartmental cooperation between operational units.

Keywords: Russia, Ukraine, special military operation, SVO, GUR, SBU, DRG, ORD, terrorism, sabotage activities, operational investigative counteraction.

For citation: Kornilenko A. V. Operational investigative counteraction to pro-Ukrainian paramilitary partisan formations / A. V. Kornilenko // *Philosophiya prava : scientific-theoretical journal*. Rostov-on-Don. 2025. № 1 (112). – Pp. 194–199.

Специальная военная операция (далее – СВО), осуществляемая Российской Федерацией, явилась ответом на существенное ухудшение военно-политической обстановки и связанное с этим принципиальное обострение межгосударственных отношений со стороны Украины начиная с 2014 г. СВО, являясь по сути частным случаем вооруженного конфликта, призвана устранить возникшие и потенциальные военные угрозы у российских границ, а также защитить мирное русскоязычное население от националистических проявлений, граничащих с геноцидом.

Российская военная доктрина определяет, что в настоящее время «характерными чертами и особенностями современных военных конфликтов являются:

- создание на территориях противоборствующих сторон постоянно действующей зоны военных действий;

- участие в военных действиях иррегулярных вооруженных формирований и частных военных компаний», а одной из военных угроз – «создание и подготовка незаконных вооруженных формирований, их деятельность на территории Российской Федерации».

Главным управлением разведки (далее – ГУР) Вооруженных сил Украины (далее – ВСУ) на системной основе проводится работа по формированию и подготовке диверсионно-разведывательных групп в целях дестабилизации обстановки как на территориях Донецкой и Луганской народных республик (как минимум с 2014 г.), так и на территории континентальной части Российской Федерации в ходе проведения СВО.

Следует отметить, что с началом «Крымской весны» командованием ГУР был пересмотрен подход к использованию своих специальных подразделений – на них было

возложено ведение специальной глубинной разведки, включая диверсионно-террористические акции. При этом акцент делался именно на диверсионной составляющей деятельности специальных подразделений, осуществляемой с особой циничностью. Так, 3-й отдельный полк специального назначения ГУР участвовал в недавних событиях следующим образом: «Зимой 2014–2015 г. в ход шло все, от минометных обстрелов объектов в городской черте Донецка силами диверсионных групп, перемещающихся на автомобилях, с целью обвинить в произошедшем защитников Донбасса, до принуждения граждан республик к совершению террористических актов путем угроз физической расправы над их родственниками, проживающими на временно оккупированных ВСУ территориях республик» [1].

Помимо собственных, ГУР в период с 2022 по 2024 г. активно использует в диверсионно-разведывательной деятельности подразделения, сформированные из числа иностранных наемников (полк имени Кастуса Калиновского, Норманнская бригада и др.) а также российских граждан, перешедших на сторону Украины (Легион «Свобода России», Русский добровольческий корпус, Чеченский батальон особого назначения¹).

Участие на стороне Киева представителей чеченских вооруженных формирований имеет довольно давнюю историю и до последнего времени носило больше символический характер. Ситуация изменилась в мае 2022 г. с посещением А. Закаевым² украинского военно-политического руководства, в результате чего была достигнута договоренность о создании «отдельного батальона особого назначения» в составе Интернационального легиона территориальной обороны Украины. «Батальон» включает в себя около сотни «ичкерий-

¹ Организации внесены в Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими.

² Закаев А.Х. (1959 г.р.) – один из основоположников и лидеров самопровозглашенной Чеченской Республики Ичкерия (ЧРИ), «бригадный генерал» национальной армии Ичкерии. До последнего времени представлял себя как «председатель кабинета министров» ЧРИ в изгнании. С 2002 г. проживает в Великобритании, где получил политическое убежище. Российской Федерацией обвиняется как в общеуголовных преступлениях, так и преступлениях террористического характера.

5.5.2. Политические институты, процессы, технологии (политические науки)

ских» сепаратистов, проживающих в странах Евросоюза и Сирии³.

По различным оценкам общая численность иностранных наемников в рядах ВСУ составляет около 5 тыс. человек, из них около 2 тыс. – прикомандированные штатные военнослужащие из стран НАТО (в основном из Польши). Одной из основных задач иностранного контингента на Украине является получение, обобщение и анализ практического опыта, полученного в ходе боевых действий против российской армии.

Сам факт участия граждан других государств в вооруженном конфликте позволяет его рассматривать как прокси-войну, которую немецкий политолог К. Дойч охарактеризовал как «международный конфликт между двумя странами, которые пытаются достичь своих собственных целей с помощью военных действий, происходящих на территории и с использованием ресурсов третьей страны, под прикрытием разрешения внутреннего конфликта в этой третьей стране» [2, с. 13].

Украинским правительством 22 сентября 2015 г. заключено соглашение с Организацией Североатлантического договора (НАТО) о создании представительства альянса (реально начало функционировать 1 марта 2016 г.) на территории своего государства. В задачи представительства (в том числе) входят:

- «установление и поддержание контакта со всеми гражданскими и военными министерствами и ведомствами;
- взаимодействие с соответствующими органами НАТО в контексте обеспечения соответствующих мер по линии Украина–НАТО и программ сотрудничества» [3].

Таким образом, через офис связи, структурно входящий в состав представительства, руководящими органами НАТО может осуществляться консультативная, организационная, техническая, иная помощь в разработке и реализации диверсионно-разведывательных операций ГУР и СБУ против Российской Федерации.

Согласно положениям одной из современных концепций, в условиях вооруженного конфликта ограниченной интенсивности (к которой можно отнести и СВО) необходимо добиваться поражения «не вообще живой силы и ВВТ⁴ противника, а получения определенных результатов, связанных с поражением прежде всего критически важных объектов системы государственного и военного управления, инфраструктуры экономики,

жизнеобеспечения государства (региона). Выводом из строя (хотя бы на некоторое время) таких объектов решается задача принуждения противника к отказу от реализации намеченных планов, ввиду снижения боевых возможностей ... или по причине неприемлемости полученного ущерба» [4, с. 25–26].

Аналогичных взглядов придерживается и командование украинских Сил специальных операций, считая, что «основными формами применения своих подразделений является ведение разведки в тылу противника с целью уничтожения стратегических объектов, вывод из строя которых может принудить противника к выходу из военного конфликта на выгодных для государства условиях» [5, с. 21].

Осознавая, что военным путем одержать победу в нынешнем вооруженном конфликте не представляется возможным, руководством ГУР и СБУ реализуется соответствующая стратегия по задействованию диверсионно-разведывательных групп, а также проукраински настроенных военизированных партизанских формирований на российской территории в целях выведения из строя критически важных объектов военного (гражданского) назначения.

Сопутствующими целями диверсионно-террористической деятельности современной Украины являются:

- нанесение максимального психологического ущерба населению России;
- укрепление морально-боевого духа всей украинской нации в целом и ВСУ в частности;
- проверка пределов решительности российского военно-политического руководства на осуществление ответных действий (пересечение так называемых «красных линий»).

Исходя из сложившейся обстановки, военно-политическое руководство нашего государства придает первостепенное значение борьбе с экстремистской, террористической, диверсионно-разведывательной деятельностью украинских, проукраинских формирований и отдельных граждан на российской территории.

Органами государственной безопасности «в результате проведенных мероприятий в августе 2024 г. в г. Севастополе задержан агент Главного управления разведки Министерства обороны Украины, гражданин России, 1965 г. р., прошедший на Украине минно-взрывную, стрелковую подготовку, а также обучение по выявлению наружного наблюдения и конспиративным способам связи» [6].

³ В дальнейшем, с увеличением численности, планируется его развертывание до бригады.

⁴ ВВТ – вооружение и военная техника.

Органы внутренних дел Российской Федерации как субъект оперативно-розыскной деятельности совместно с коллегами из других «силовых ведомств» также участвуют в пресечении проявлений экстремизма и преступлений террористической направленности в том числе на объектах транспортной инфраструктуры.

По информации Главного управления на транспорте МВД России, в 2022 г. «несмотря на принимаемые меры по обеспечению антитеррористической защищенности объектов транспортной инфраструктуры, в период проведения СВО установлено три факта подрыва объектов железнодорожного транспорта, находящихся в непосредственной близости от российско-украинской границы»:

- повреждение двух опор железнодорожного моста через р. Нежеголь в районе участка «Разумное – Шебекино» (Белгородская обл.) Белгородско-Шебекинского направления Юго-Восточной железной дороги (12 апреля 2022 г.);

- подрыв железнодорожного моста на перегоне «Суджа – Сосновый Бор» (Курская обл.) Готня-Львовского направления Орловско-Курского региона Московской железной дороги (1 мая 2022 г.);

- подрыв неустановленного взрывного устройства под железнодорожным полотном на перегоне «Робчик – Песчаники» (Унечский р-н Брянской обл.) Московской железной дороги (9 июля 2022 г.) [7, с. 4];

В 2024 г. противником осуществлен подрыв локомотива товарного состава на перегоне «Новый Оскол – Волоконовка» (Белгородская обл.) Юго-Восточной железной дороги (10 сентября 2024 г.).

Объектами пристального внимания диверсионно-разведывательных групп противника, агентов, пособников украинских вооруженных формирований являются железнодорожные пути подвоза, места дислокации воинских частей (подразделений), объекты железнодорожной инфраструктуры, топливно-энергетического комплекса.

В 2023–2024 гг. фактами осуществления диверсионно-террористической деятельности в отношении объектов Вооруженных сил РФ явились:

- поражение самолета Ту-22М3 на аэродроме «Сольцы-2» Новгородской обл. (19 августа 2023 г.);

- подрыв двух вертолетов Ка-52 на аэродроме «Веретье» Псковской обл. (30 октября 2023 г.);

- поджог самолета Су-34 на аэродроме «Шагол» Челябинской обл. (3 января 2024 г.).

Таким образом, перед правоохранительными органами и специальными службами Российской Федерации остро стоит вопрос эффективного оперативно-розыскного противодействия диверсионно-разведывательным группам противника и проукраинским подпольным преступным формированиям. В силу специфики осуществления преступной деятельности основную роль в организации и осуществлении такого противодействия со стороны органов внутренних дел должны играть подразделения по противодействию экстремизму и подразделения уголовного розыска.

В научной среде на сегодняшний день нет единого мнения относительно того, что конкретно включает в себя оперативно-розыскное противодействие, отсутствует его формулировка и в нормативных правовых актах.

А. Никитин относит к рассматриваемому понятию «постпреступное противодействие, т. е. воспрепятствование дальнейшей преступной деятельности лиц, уже совершивших (совершающих) преступления мерами уголовно-правового принуждения ... осуществляемое с использованием сил, средств и методов оперативно-розыскной деятельности, [которое] направлено и на преодоление криминального противодействия» [8, с. 47].

По мнению других исследователей, «оперативно-розыскное противодействие преступлениям следует рассматривать как оперативно-розыскную деятельность уполномоченных на то подразделений, которая направлена на выявление и устранение причин и условий, способствующих их совершению, на выявление лиц, склонных к совершению противоправных действий, и совершение в отношении них профилактического воздействия» [9, с. 260].

Отечественные правоохранительные органы имеют серьезный накопленный исторический опыт борьбы с аналогичными партизанскими формированиями национально-террористического толка на территории Украины.

Так, в годы Великой Отечественной войны «было принято решение бороться с УПА⁵ путем чекистско-войсковых операций, которые включали бы в себя блокирование мест концентрации вооруженных отрядов и прочесывание лесов; агентурно-розыскных мероприятий по выявлению членов оуновско-

⁵ УПА (Украинская повстанческая армия) – подпольная украинская военная организация, созданная в 1942 г. и действовавшая на территории Украины, Белоруссии, Галиции, Польши, Румынии. Являлась вооруженным ответвлением Организации украинских националистов.

5.5.2. Политические институты, процессы, технологии (политические науки)

го⁶ подполья и их семей...» [10, с. 56].

В 1944–1945 гг. «опыт оперативно-боевой деятельности наших войск по ликвидации банд УПА и оуновского подполья показал, что эта работа успешно идет там, где командиры частей повседневно изучают оперативную обстановку; добиваются получения всеми имеющимися в их распоряжении средствами данных о бандах УПА и оуновского подполья...» [11, с. 93].

Естественно, не все формы и способы оперативно-розыскного противодействия сегодня применимы для борьбы с диверсионно-разведывательными (партизанскими) формированиями в силу различия политических, юридических, моральных «рамочек», действующих в наше время и первой половине XX в. Однако, например, проведение такого оперативно-розыскного мероприятия, как «оперативное внедрение» сотрудников подразделений по противодействию экстремизму, представляется наиболее целесообразным с точки зрения раскрытия структуры, выявления лидеров, каналов финансирования, способов связи проукраинских организованных преступных групп.

Непосредственное осуществление оперативно-розыскного противодействия возможно по следующим направлениям:

1. Подразделениями по противодействию экстремизму:

- выявление агентов (пособников) противника как среди гражданского населения, так и среди российских военнослужащих (мобилизованных), а также представителей других силовых ведомств, что возможно осуществлять с помощью контролируемых «утечек» служебной информации;

- выявление и дальнейший контроль каналов финансирования агентов за предоставленную информацию;

- выявление подпольных типографий по изготовлению агитационных и других печатных материалов.

2. Подразделениями уголовного розыска:

- розыск и задержание лиц, причастных к убийству представителей исполнительной, законодательной и судебной власти;

- выявление мест хранения оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ, взрывных устройств, а также лиц, причастных к их сбыту (приобретению, хранению);

- выявление средств сотовой связи и других радиоэлектронных средств, используемых членами организованных преступных групп, и др.

Обнаружение и задержание выявленных лиц, причастных к совершению диверсий и террористических актов (либо оказывающих им содействие) целесообразно осуществлять по горячим следам, основываясь на обнаруженных уликах и показаниях очевидцев, с привлечением сил и средств профильных подразделений войск национальной гвардии.

Можно сделать вывод, что наибольшая эффективность оперативно-розыскного противодействия вышеуказанным преступным формированиям возможна при тесном сотрудничестве, основанном на обмене оперативной информацией с другими субъектами оперативно-розыскной деятельности. Это, в свою очередь, подразумевает организационное единство руководством проводимых межведомственных оперативно-розыскных, оперативно-технических, оперативно-боевых и иных мероприятий, что в итоге существенно повысит шансы по нейтрализации подпольных проукраинских преступных формирований и устранению угроз диверсионно-террористического характера на территории Российской Федерации.

Список источников

1. Официальный сайт Сил специальных операций Вооруженных сил Украины. 3-й ОПСН. URL: <https://ukrsof.wordpress.com/3commandos/> (дата обращения: 23.01.2024).
2. Mumford A. Proxy Warfare. Cambridge, 2013.
3. Официальный сайт Верховной рады Украины. Соглашение между Правительством Украины и Организацией Североатлантического договора о статусе представительства НАТО в Украине. URL: <https://>

References

1. Official website of the Special Operations Forces of the Armed Forces of Ukraine. 3rd OPSN. URL: <https://ukrsof.wordpress.com/3commandos/> (date of access: 23.01.2024).
2. Mumford A. Proxy Warfare. Cambridge, 2013.
3. Official website of the Verkhovna Rada of Ukraine. Agreement between the Government of Ukraine and the North Atlantic Treaty Organization on the status of the NATO representation in Ukraine. URL: <https://web.archive.org/web/20181115030903/http://>

⁶ ОУН (Организация украинских националистов) – украинская политическая националистическая организация, действовавшая с 1920 по 1950 г. в основном на территории Украины и Польши.

web.archive.org/web/20181115030903/http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/950_033 (дата обращения: 23.01.2024).

4. Андриевский А.И., Андриевский И.А. Некоторые проблемные вопросы оптимального (эффективного) использования имеющихся сил и средств в современном вооруженном противоборстве // Вестник Академии военных наук. 2014. № 2(47).

5. Турчин Н., Хохлов И. Организационные основы деятельности Сил специальных операций Украины // Зарубежное военное обозрение. 2023. № 3.

6. Официальный сайт ФСБ России. ФСБ России задержаны агенты украинских спецслужб на территории Крымского полуострова. 22.08.2024 г. URL: <http://www.fsb.ru/fsb/press/message/single.htm%21id%3D10440055%40fsbMessage.html> (дата обращения: 23.09.2024).

7. Информационно-справочные материалы о проводимой работе по предупреждению и пресечению экстремистских проявлений на объектах транспортной инфраструктуры в условиях проведения специальной военной операции. ГУТ МВД России, 2022.

8. Никитин А.В. Оперативно-розыскное противодействие преступности: понятие и сущность // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2010. № 1(52).

9. Зоз В.А., Карпенко А.С. Оперативно-розыскное обеспечение противодействия организованной преступности // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2021. № 3. Т. 7(73). Ч. 1.

10. Осипов А.А., Бредихин А.Л. Борьба НКВД с украинским национализмом в годы Великой Отечественной войны // Юридическая наука: история и современность. 2022. № 9.

11. Климов А.А. Особенности деятельности органов и войск НКВД СССР по борьбе с украинскими националистами на территории западных областей Украинской ССР (1944–1945) // Вестник МГЛУ. Общественные науки. 2022. Вып. 1(846).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Корниленко Александр Владимирович, кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры организации оперативно-розыскной деятельности. Академия управления МВД России. 125993, Российская Федерация, г. Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, 8.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kornilenko Alexander Vladimirovich, PhD in Political Sciences, Senior Lecturer of the Department of Organization of Operational-Investigative Activities. Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 8, Zoya and Alexander Kosmodemyanskikh St., Moscow 125993 Russian Federation.

zakon3.rada.gov.ua/laws/show/950_033 (date of access: 23.01.2024).

4. Andrievsky A.I., Andrievsky I.A. Some problematic issues of optimal (effective) use of existing forces and means in modern armed confrontation // Bulletin of the Academy of Military Sciences. 2014. № 2(47).

5. Turchin N., Khokhlov I. Organizational foundations of the activities of the Special Operations Forces of Ukraine // Foreign Military Review. 2023. № 3.

6. Official website of the FSB of Russia. The FSB of Russia detained agents of the Ukrainian special services on the territory of the Crimean Peninsula. 22.08.2024. URL: <http://www.fsb.ru/fsb/press/message/single.htm%21id%3D10440055%40fsbMessage.html> (date of access: 23.09.2024).

7. Information and reference materials on the work carried out to prevent and suppress extremist manifestations at transport infrastructure facilities in the context of a special military operation. Main Directorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2022.

8. Nikitin A.V. Operational-search counteraction to crime: concept and essence // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2010. № 1(52).

9. Zoz V.A., Karpenko A.S. Operational-search support for counteracting organized crime // Scientific notes of the Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky. Legal sciences. 2021. № 3. V. 7(73). Part 1.

10. Osipov A.A., Bredikhin A.L. The NKVD's fight against Ukrainian nationalism during the Great Patriotic War // Legal science: history and modernity. 2022. № 9.

11. Klimov A.A. Peculiarities of the activities of the bodies and troops of the NKVD of the USSR in the fight against Ukrainian nationalists in the territory of the western regions of the Ukrainian SSR (1944–1945) // Bulletin of Moscow State Linguistic University. Social Sciences. 2022. Issue 1(846).

МОНАРХИЧЕСКИЙ ПРИНЦИП ГОСУДАРСТВЕННОСТИ
В ФИЛОСОФИИ ПРАВА Л.А. ТИХОМИРОВА¹

Свиридкина Елена Викторовна

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена,
Санкт-Петербург, Российская Федерация, evv27@bk.ru

Кравченко Елена Владимировна

Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Российская Федерация,
Helena72@yandex.ru

Введение: в статье представлена самобытная концепция монархической государственности Л.А. Тихомирова в контексте рассмотрения России как самостоятельной цивилизации со своей идентичностью и ценностями. Авторитет современной власти следует рассматривать как монархический взгляд на правопорядок, в рамках которого народ всецело доверяет одному лицу с возможностью его служения Богу и Отечеству.

Материалы и методы: в статье использованы диалектический, описательный, политико-правовой анализ и другие методы.

Результаты исследования: автор показывает, что политико-правовое творчество русского народа всегда было связано с монархическим принципом.

Выводы и заключения: проведенный политико-правовой и философский анализ монархической идеи позволил определить приоритетную для российской государственности форму взаимоотношений между народом и властью, которая характеризуется доверием единоличному правителю в связи с его служением нравственному идеалу.

Ключевые слова: монархическая государственность, доверие, православие, имперская идея, народ, власть, нравственный идеал.

Для цитирования: Свиридкина Е. В., Кравченко Е. В. Монархический принцип государственности в философии права Л.А. Тихомирова / Е. В. Свиридкина, Е. В. Кравченко // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2025. № 1 (112). – С. 200–204.

Original paper

THE MONARCHICAL PRINCIPLE OF STATEHOOD
IN THE PHILOSOPHY OF LAW OF L.A. TIKHOMIROVA

Sviridkina Elena Viktorovna

State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russian Federation

Kravchenko Elena Vladimirovna

Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russian Federation

Introduction: the article presents the original concept of monarchical statehood by L.A. Tikhomirov in the context of considering Russia as an independent civilization with its own identity and values. The authority of modern power should be considered as a monarchical view of the legal order; within the framework of which the people completely trust one person with the possibility of his service to God and the Fatherland.

Materials and methods: the article uses dialectical, descriptive, political and legal analysis and other methods.

Results of the study: the author shows that the political and legal creativity of the Russian people has always been associated with the monarchical principle.

¹Исследование выполнено за счет внутреннего гранта РГПУ им. А. И. Герцена (проект № 60-ВГ «Формирование систематических представлений о российской цивилизации, ее государственности и культуре в контексте общеобразовательной подготовки иностранных обучающихся по дисциплине “Основы российской государственности”»).

Findings and conclusions: the conducted political, legal and philosophical analysis of the monarchical idea made it possible to determine the priority form of relations between the people and the government for Russian statehood, which is characterized by trust in the sole ruler in connection with his service to the moral ideal.

Keywords: monarchical statehood, trust, Orthodoxy, imperial idea, people, power, moral ideal.

For citation: Sviridkina E. V., Kravchenko E. V. The monarchical principle of statehood in the philosophy

Высшая власть для русского народа всегда оказывается, по существу, *монархической*, при этом сохраняется именно аристотелевский смысл такой власти, когда она принадлежит одному лицу – царю, императору, генсеку, президенту. Как отмечал русский философ права Л.А. Тихомиров, единоличная власть для получения значения верховной должна опираться на народное единомыслие относительно того, что является высшим принципом, руководящим всеми сторонами жизни нации. То есть должен существовать нравственный идеал, который на Руси, безусловно, был связан с православным мировоззрением. Важно отметить, что если демократия возникает тогда, когда народ доверяет силе количественной, аристократия основывается на силе качественной, высшей, разумной, то в основе монархии лежит доверие идеальной нравственной силе. Монархическая идея представляет собой служение, а не привилегию, т. е. власть монарха в таком понимании не является народной, не призвана выражать народную волю, но существует для народа как выполнение определенной миссии, указанной свыше («Царь как помазанник Божий»).

В России по этой причине никогда не было гражданского общества, а всегда существовало сильное чувство гражданственности, связанное с идеей служения. Такой уникальный глубокий смысл организации русской власти не всегда легко воспринимается, понять смысл республики гораздо проще. Однако в этом и заключается политическая самобытность российской государственности. Несмотря на провозглашение России демократической федеративной республикой, президентская власть существует над всеми ветвями власти, она легальна, суверенна и легитимна.

Решения, связанные с безопасностью государства, может принимать только Президент РФ, а в выступлениях главы государства и ключевых документах страны неоднократно обозначена связь власти с православием

и традиционными духовно-нравственными ценностями.

Русский философ права Л.А. Тихомиров, исследуя монархическую государственность, показал, что государственность возникает в результате сознательного политико-государственного творчества народа как единого целого с учетом властных функций и принуждения. Необходимость прибегать к принуждению для устранения препятствий характеризует, по Л.А. Тихомирову, всякое преднамеренное политическое творчество. Понимая государство как союз членов социальных групп, основанный на принципе справедливости под соответствующей ему верховной властью, он определяет сущность государственности через понятие государства, указывая на связь двух необходимых элементов любого государства – верховной власти и союза людей: «Правильный анализ государственности есть именно анализ отношений этих двух элементов. Искусство же политики есть искусство сохранения между этими элементами должного, т. е. естественного по природе, их отношения» [2, с. 31].

Государственность, таким образом, следует понимать как отношения между верховной властью и народом, связанные с признанием государства гарантом безопасности, силы и ответственности, суверенитета и стабильности. Слабая государственность означала бы отсутствие такого признания, сильная – преемственность и воспроизводство этих отношений; отношения между народом и властью могут выстраиваться различным образом в связи с формой верховной власти и нравственно-психологическим состоянием народа.

Тихомиров Л.А. полагает, что для русского народа наиболее предпочтительной (естественно возникшей) выступает единоличная власть (*монархический принцип*) в сочетании с *доверием* к власти, обусловленным служением нравственному идеалу (православие). Управляющая же власть (в современном значении это правительство), в отличие от

5.5.2. Политические институты, процессы, технологии (политические науки)

верховой (один и простой принцип), может быть своеобразной, сложной, сочетающей несколько принципов.

У Л.А. Тихомирова можно найти исчерпывающие объяснения причин выдвижения народом одного из принципов в значение верховного (демократического, аристократического или монархического). «В государстве нация стремится поставить высшую охрану того, что считает должным и справедливым. Но почему она для этого в одних случаях доверяет по преимуществу единоличному Монарху, а в других – возлагает надежды на лучших людей или на численное большинство? В этом проявляется не что иное, как степень напряженности и ясности идеальных стремлений нации. Власть требует силы. В различных формах Верховной власти выражается то, какого рода силе нация наиболее доверяет по своему нравственному состоянию. Демократия в этом отношении выражает доверие к силе количественной. Аристократия выражает доверие к силе качественно высшей, некоторую разумность силы. Монархия является представительницей силы идеальной, нравственной» [3, с. 61].

Таким образом, «...если в обществе не существует подчинения одному идеалу, остается подчиниться *численной силе* – возникает демократия». Это духовное состояние нации выдвигает демократию, утверждает Л.А. Тихомиров. «Если нет осознания целостных идеалов *всеми*, но не утрачена вера в разумность общественных явлений, рождается аристократия (господство «лучших», способных найти эту разумность). Монархия появляется тогда, когда в нации силен всеобъемлющий нравственный идеал, всех приводящий к добровольному подчинению себе. Отдельная личность как существо нравственное наилучшим образом способна к выражению этого нравственного идеала» [3, с. 62].

Современное состояние российского общества не соответствует монархии, т. к. существует ценностный раскол в обществе. Однако желаемым и естественным состоянием нашего народа остается наличие нравственного идеала, руководящего всеми сторонами его жизни (православие, традиционные ценности). А к его лучшему выражению способна отдельная личность, которая, как

подчеркивал Л.А. Тихомиров, подчиняется народной вере, но независима от народной воли. В целом именно единоличная власть в значении верховной, как делегированная от Божества, является внутренним интуитивным способом политического существования русской нации. Но для воплощения этого интуитивно ощущаемого порядка также необходима личность, реально ощущающая связь с Богом, что дает жизненность нравственному идеалу.

Какой тип легитимности, исходя из вышесказанного, присущ российской власти? Очевидно, что веберовская классификация не учитывает многих факторов, также стоит вести речь не о легитимности, а о доверии к власти, ее авторитете и признании как более понятных категориях.

Исторический путь России всецело связан с принятием в X в. православия, что послужило религиозным и политическим фундаментом для дальнейшего формирования российской государственности и власти. Возникла единая политическая и правовая система, принимающая различные формы, но имеющая в основе единый *имперский* стержень.

Россия представляла и представляет собой большое этнически многонациональное государство, занимающее шестую часть суши, сформированное первоначально из идейных основ православия, позже развивающееся на основе социалистических ценностей, но всегда существенно влияющее на всемирные исторические процессы.

Имперская идея «...качественно отличает русский политический идеологический принцип от аналогичного западноевропейского. Отличие заключается в том, что в соответствии с православным учением о божественном происхождении государственной власти главный упор делался не на божественности сана (трона) властителя, а на его государственных обязанностях. Изначально в русском государственно-правовом сознании, основанном на православии, предполагалось, что человек избирается Богом на роль правителя не для того, чтобы символизировать Бога на Земле, а для служения русскому государству, для отправления справедливого правосудия, защиты от врагов, поддержания порядка, установления мира, защиты христианства и объединения

христиан» [1, с. 93]. Именно эта мысль была выражена в речи митрополита Платона при коронации Александра I в 1801 г.

Таким образом, вплоть до 1917 г. формировался идеал царя-самодержца, сохраняющий свою значимость для общества и в настоящее время. Фигура главы государства в народном сознании во-многом тождественна царю, а «государь-батюшка» как глава государства и семьи является авторитетным человеком, имеющим право на проведение своей воли, лишь бы она соответствовала справедливости.

Известный немецкий философ К. Шмитт отмечал: «суверенен тот, кто принимает решение о чрезвычайном положении», а легитимной может являться только власть, обладающая суверенитетом. Имеется в виду то, что пределы связанности законом суверена в итоге определяются его волей и ничем иным, что особенно четко проявляется в условиях исключительных, чрезвычайных, когда существует необходимость пренебречь некоторыми правами человека ради безопасности государства [4, с. 15].

Именно с этих позиций и следует рассматривать авторитет государственной власти в России, обеспечивающей в первую очередь безопасность, стабильность и суверенность государства. Пока власть защищает высшие надындивидуальные ценности и организует их в систему правовых норм, служит государству, народ принимает ее и доверяет главе государства (царю, императору, генеральному секретарю, президенту). При формальном провозглашении демократии в основе русской идеи лежит монархический взгляд на правопорядок, в рамках которого народ всецело доверяет одному лицу с возможностью его служения Богу и Отечеству. Ценностные основания легитимной и эффективной государственной власти в России не могут базироваться только на модернизационных демократических ценностях и правах человека. Последние должны быть синтезированы и адаптированы в рамках национально-государственной идеологии с традиционными духовно-нравственными ценностями, идеалами русского народа и других коренных народов России.

Внесение поправок в Конституцию РФ является важнейшим начальным этапом изменения практики государственного строительства после тридцатилетнего увлечения либерализмом и опирается на традиционные

духовные ценности российского народа: традиционная семья и дети, патриотизм и гражданственность, духовное и нравственное развитие, признание исторически сложившегося государственного единства России, ценности ее тысячелетней истории, идеалов и веры в Бога, защита исторической правды и подвига народа (ст. 67). Защита этих ценностей и есть основание для признания и поддержки власти.

В целом феномен власти в традиционной культуре русских и большинства других народов России определяется амбивалентным чувством любви/ненависти и представлением о лидерстве как избрничестве.

Персонификация власти в общественном мнении России через эмоции любви или ненависти, уважения или презрения, как и ориентация власти на любовь или уважение подданных или граждан, имеют основы в христианском понимании власти и Любви. В российской традиционной политической культуре идеально власть понимается не как власть-собственность, возможность присвоения или перераспределения национальных богатств, а как «служение», тяжелый нравственный крест по сохранению и воспроизводству высших национальных ценностей, обеспечению внешней и внутренней безопасности государства. Утрата уважения к власти в парадигме традиционной политической культуры неизбежно ведет к кризису властных отношений, деградации государственности и дезинтеграции.

С Любовью как высшей ценностью традиционной российской политической культуры связан патернализм, точнее, ожидание неформальной заботы и ответственности власти перед народом, признание на этой основе права власти на принуждение, насилие, но при условии их обоснования, необходимостью для жизнедеятельности социума и при обязательном соблюдении справедливости в их реализации. Иной тип поведения лидера, правящей элиты, очевидная «похоть власти» (И.Л. Солоневич) неизбежно разрушают, подрывают авторитет власти.

Возвращение духовности, морали в деятельность российского нравственно-правового государства и политику означает идеальную ориентацию государства и общества на доверие и любовь как способность «радоваться тому, что в любимом положительно, хорошо, и страдать от его недостатков» (А.Ф. Лосев).

5.5.2. Политические институты, процессы, технологии (политические науки)

Список источников

1. Проблемы и противоречия развития государственного управления в современной России. М., 2013.
2. Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. СПб., 1992.
3. Тихомиров Л.А. Единоличная власть как принцип государственного строения. М., 2008.
4. Шмитт К. Политическая теология. М., 2000.

References

1. Problems and contradictions of development of public administration in modern Russia. Moscow, 2013.
2. Tikhomirov L.A. Monarchical statehood. St. Petersburg, 1992.
3. Tikhomirov L.A. Sole power as a principle of state structure. Moscow, 2008.
4. Schmitt K. Political theology. Moscow, 2000.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Свиридкина Елена Викторовна, кандидат политических наук, доцент кафедры философии. Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена. 191186, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, 48.

Кравченко Елена Владимировна, старший научный сотрудник НИиРИО. Ростовский юридический институт МВД России. 344015, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Sviridkina Elena Viktorovna, PhD in Political Sciences, Associate Professor of the Department of Philosophy. State Pedagogical University named after A.I. Herzen. 48, Moika River Embankment, St. Petersburg 191186 Russian Federation.

Kravchenko Elena Vladimirovna, Senior researcher of the Scientific and Editing Department. Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 83, Eremenko St., Rostov-on-Don 344015 Russian Federation.

О НАЦИОНАЛЬНОЙ И ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ
В ПАРАДИГМЕ СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ
(ДИСКУРС СОЦИАЛЬНОГО КОНСТРУКТИВИЗМА)

Инкижекова Мария Сергеевна

Уральский государственный юридический университет им В.Ф. Яковлева,
Екатеринбург, Российская Федерация, masha_ink@mail.ru

Введение: социальный конструктивизм как актуальная сегодня научная и философская парадигма предлагает глубокий анализ фундаментальных процессов, определяющих динамику международных отношений. В отличие от традиционных теорий, таких как реализм или либерализм, социальный конструктивизм утверждает, что идентичности, интересы и действия политических акторов не являются фиксированными и предзаданными, а в значительной степени подвержены влиянию языка, дискурсов и символических систем.

Материалы и методы: методология конструктивизма основана на проведении качественных исследований, которые помогают выявить значение интерсубъективных представлений, трансформирующихся в правовые нормы и правила, которые определяют действия государств и других участников международных отношений.

Результаты исследования: конструктивизм в теории международных отношений представляет собой оригинальный методологический подход, который акцентирует внимание на социально-конструированном характере мировой политики. Это подход позволяет анализировать то, как исторические события и культурные контексты формируют ролевые позиции современных государств, а также как идейные сконструированные смыслы могут приводить к фундаментальным трансформациям в системе международных отношений.

Выводы и заключения: социальный конструктивизм позволяет выявлять скрытые механизмы власти, которые влияют на формирование иерархий в международных отношениях. Тем самым социальный конструктивизм открывает новые горизонты для анализа международных отношений, способствуя более полному пониманию текущих тенденций и возможных сценариев будущего.

Ключевые слова: современная наука, парадигма, методология, социальный конструктивизм, национальная идентичность, государственная идентичность.

Для цитирования: Инкижекова М. С. О национальной и государственной идентичности в парадигме современной науки (дискурс социального конструктивизма) / М. С. Инкижекова // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2025. № 1 (112). – С. 205–211.

Original paper

ON NATIONAL AND STATE IDENTITY
IN THE PARADIGM OF MODERN SCIENCE
(DISCOURSE OF SOCIAL CONSTRUCTIVISM)

Inkizhekova Mariya Sergeevna

Ural State University of Law named after V.F. Yakovlev, Yekaterinburg, Russian Federation

Introduction: Social constructivism as a relevant scientific and philosophical paradigm today offers a profound analysis of the fundamental processes that determine the dynamics of international relations. Unlike traditional theories such as realism or liberalism, social constructivism argues that the identities, interests and actions of political actors are not fixed and predetermined, but are largely influenced by language, discourses and symbolic systems.

Materials and methods: The methodology of constructivism is based on qualitative research that helps to identify the meaning of intersubjective representations that are transformed into legal norms and rules that determine the actions of states and other participants in international relations.

5.7.7. Социальная и политическая философия (философские науки)

Results of the study: *Constructivism in the theory of international relations is an original methodological approach that focuses on the socially constructed nature of world politics. This approach allows us to analyze how historical events and cultural contexts shape the role positions of modern states, as well as how ideologically constructed meanings can lead to fundamental transformations in the system of international relations.*

Findings and conclusions: *social constructivism allows us to identify hidden mechanisms of power that influence the formation of hierarchies in international relations. Thus, social constructivism opens up new horizons for the analysis of international relations, contributing to a more complete understanding of current trends and possible future scenarios.*

Keywords: *modern science, paradigm, methodology, social constructivism, national identity, state identity.*

For citation: *Inkizhekova M. S. On national and state identity in the paradigm of modern science (discourse of social constructivism) / M. S. Inkizhekova // Philosophiya prava : scientific-theoretical journal. Rostov-on-Don. 2025. № 1 (112). – Pp. 205–211.*

Проблематика современных трансформаций научных парадигм и связанных с ними методологических подходов выступает сегодня одним из актуальных объектов философской рефлексии. Меняется не только научный взгляд на происходящие процессы, меняется символическое пространство науки, становление которого рассматривается уже как подвижный, никогда не равный себе, постоянно переструктурирующийся гипертекст, определяющий научное мышление.

Новый тип знания, а значит, и новая терминология, возникают в ответ на изменения, происходящие в социальных структурах и культурных системах. Серьезные изменения происходят и в таких социальных институтах, как государство и нация, на которые непосредственно оказывает влияние глобализация и устанавливающийся новый мировой порядок.

Актуальной научной и философской парадигмой, которая позволяет увидеть, как знания и смыслы «организуются в историко-культурных измерениях в рамках бесчисленных процессов интересубъективных взаимодействий» [4, р. 98–119], оказывая влияние на идентичность акторов политической жизни, является социальный конструктивизм. Конструктивизм провозглашает, что «люди не столько изучают мир, сколько сами конструируют свое понимание реальности – смыслы явлений, событий и процессов» [1, с. 803]. В результате интересубъективные конструкции (идеи, нормы, ценности) определяют и социальные структуры, и социальные идентичности.

Напомним, что интерес к вопросу идентичности в научном сообществе начинает проявляться во второй половине XX в., что приводит к значительному увеличению количества исследований, в рамках которых феномен идентичности рассматривается не только с психологической точки зрения, но и

в контексте политико-правовых и этнокультурных аспектов. В результате в социальных науках вводится понятие «национальная идентичность», которое получает уникальное смысловое содержание, отличающееся от тех значений, которые ранее применялись к терминам «национальность», «национальный характер», «нация» и «народ».

Национальная идентичность не является врожденной, укорененной в природную сущность человека. Она формируется постепенно, на основе приобретаемого в ходе жизненных практик понимания человеком особой важности своей принадлежности к общности, объединенной единой культурой, историей и ценностно-значимыми ориентирами поддерживающих конструкт нации в течение длительного периода времени. На уровне чувств национальная идентичность может трансформироваться как в патриотизм, так, соответственно, и в такое негативное явление, как шовинизм.

Определяя национальную идентичность как изменчивую и гибкую социальную конструкцию, подверженную существенным трансформациям, и в том числе при манипулятивном воздействии на нее извне, социальный конструктивизм как методологическая парадигма обозначил роль коллективных культурных практик по поддержанию и сохранению национальной идентичности у граждан отдельной страны. Таким образом, национальная идентичность, сопряженная с осознанием своей принадлежности к государству через приверженность к его консолидирующей идее, государственным символам, истории страны, определяет и государственную идентичность его граждан. Поэтому неслучайно, что в процессе рассмотрения проблемы национальной идентичности социальные конструктивисты пришли к необходимости изучения таких явлений, как «идентичность государства» или «госу-

дарственная идентичность», «гражданская идентичность», посредством которых становится возможным анализировать динамику состояния международных отношений, вектор мировой политики в целом.

Государственническая (государственная) идентичность формируется путем создания устойчивых гражданско-политических, языковых, культурных и экономических связей между людьми. На уровне повседневности государственная идентичность проявляется в понимании ими необходимости соблюдения законов, общественного порядка, социокультурных традиций, но главное – в осознанном патриотизме, который есть проявление бережного и уважительного отношения к историческому прошлому своей страны в сочетании с активным гражданско-правовым участием по защите ее интересов на уровнях микро- и макрополитики.

Эффективным инструментом для глубокого анализа национальной и государственной идентичности в настоящее время является методология социального конструктивизма, началом формирования которой следует считать работы известных ученых и философов рубежа XIX–XX вв. Так, например, некоторые из ее методологических принципов можно обнаружить в работах немецкого социолога М. Вебера, который в своей теории, впоследствии названной как «теория социального действия», утвердил идею о том, что социальная реальность формируется индивидами, мотивы и смысл действий которых позволяют понять сущность тех или иных общественных явлений. Вебер подчеркивал, что понимание как методологический прием является ключевым при анализе и интерпретации социальных структур и процессов. Только встав на позицию понимающей социологии, по мнению немецкого ученого, становится возможным объяснить такие явления, как «общество», «государство», «политика», «нация» и подобные им.

Важный вклад в становление методологической модели конструктивизма внесли также американские философы У. Джеймс и Д. Дьюи, которые с позиции прагматизма утверждали, что результативно выгодное, а значит, эффективное, по своим результатам в жизненно важных обстоятельствах, действие – есть основная цель контакта человека с окружающим его миром.

Под воздействием человека усложняющийся и изменяющийся мир создает такие условия, при которых индивиду в обратном порядке приходится постоянно совершенствовать стратегии своего выживания, и для

этого ему нужны исключительно практически полезные знания, которые он может использовать в своей адаптивно-преобразовательной деятельности. Проявляя избирательную познавательную активность, субъект посредством интеракций с другими и с окружающей средой меняет мир. В результате, как афористично замечает У. Джеймс: «Мир есть то, что мы из него делаем».

Следует указать, что представленные в теоретических конструкциях Вебера, Джеймса и Дьюи идеи были лишь предпосылками для становления социального конструктивизма. Непосредственным предтечей рассматриваемой нами методологии многие ученые считают совместный труд ученых П. Бергера и Т. Лукмана, опубликованный в 1966 г. под названием «Социальное конструирование реальности» (с подзаголовком «Трактат по социологии знания»).

Обращая внимание на взаимообусловленность субъективного и intersubъективного в повседневной жизни индивидов, Бергер и Лукман раскрывают как посредством привыканий и типизации действий, закрепляющих статусно-ролевые формы поведения, а также практики установления и поддержания социального порядка посредством сконструированного «символического универсума», происходит легитимация институциональной структуры общества. Исходя из этого, по мнению немецких социологов, созданная людьми социальная реальность, будучи по своей природе конвенциональной, определяет идентичности людей и их социальных групп.

То, как социальный опыт становится частью идентичности человека, а идентичность, в обратном порядке, становится фактором, определяющим своеобразие социального коллективного целого, Бергер и Лукман в своей работе описывают так: «Общества обладают историями, в процессе которых возникают идентичности, но эти истории творятся людьми, наделенными специфическими идентичностями» [2].

Предложенный Бергером и Лукманом подход в теоретико-методологическом плане практически сразу стал востребован научным сообществом, в результате трансформировался в одно из актуальных сегодня направлений современной эпистемологии и философии науки – социальный конструктивизм, который оказался вполне удачно применен к анализу международных отношений.

Считается, что термин «конструктивизм» в политическую науку был введен амери-

5.7.7. Социальная и политическая философия (философские науки)

канским ученым Н. Онуфом, опубликовавшим в 1989 г. книгу «Мир нашего создания: правила и правило в социальной теории и в международных отношениях» [3]. Главная мысль, которую Онуф отстаивает в своей работе, заключается в том, что система международного права, регулирующая отношения между государствами, конституируется политическими акторами посредством «иллокутивных речевых актов», которые повторяются, а затем институализируются в нормах права, определяя действия людей. В результате происходит процесс конструирования реальности, которая в конечном итоге становится intersubjectивной. В обратном порядке, как отмечает Онуф, на базе создаваемых людьми intersubjectивных смыслов снова принимаются конвенции, а значит, устанавливаются новые правовые нормы, выполняющие совокупно координирующие, регулирующие и охранительные функции в сфере мировой политики и международных отношений.

Сегодня признанным теоретиком социального конструктивизма, безусловно, является ученый-политолог А. Вендт, для которого центральным и определяющим элементом в конструктивистском анализе становится идентичность государств. Используя модель антропоморфного метафорического переноса, Вендт утверждает, что «государства – тоже люди», и для них конструируемая государственная идентичность выполняет, по существу, те же функции, что и для человека: посредством конструкта идентичности каждое государство демонстрирует акторам мировой политической системы свою государственно-правовую и национальную аутентичность. При этом конструирование государством идентичности находится под непосредственным влиянием складывающихся международных отношений, динамика которых подвержена скачкам, создающим оппозиции «мы»/«они», «свой»/«чужие», «друг»/«враг», которые в конечном итоге оказывают ведущее влияние непосредственно на политический миропорядок. Данные идеи Вендт представил в работе «Социальная теория международной политики», опубликованной в 1999 г. [5].

Безусловно, формирование национальной идентичности государства – сложный и динамичный процесс, тесно связанный с его взаимодействием с другими государствами в системе международных отношений. Каждое государство, стремясь утвердиться на мировой арене, демонстрирует свою уникальность, проявляющуюся в государствен-

но-правовом устройстве и национальной культуре. Этот процесс, который можно назвать конструктом идентичности, основан на множестве факторов: историческом опыте, географическом положении, этническом составе населения, религиозных верованиях и общественно-политическом строе. Именно посредством выражения этой уникальности государство формирует свой образ на международной арене, заявляя о своих интересах и ценностях.

Однако конструирование национальной идентичности не происходит в вакууме. Международная обстановка, часто характеризующаяся непредсказуемой динамикой и резкими изменениями геополитической ситуации, оказывает значительное влияние на этот процесс. Например, обострение международной напряженности может привести к усилению националистических настроений и акценту на отличиях от «других», что проявляется в рестриктивных политиках в отношении иммиграции или усилении пропаганды, подчеркивающей исключительность собственной нации. В таких условиях конструкт идентичности может стать инструментом мобилизации общества и легитимации государственных действий, даже если эти действия противоречат нормам международного права или принципам многостороннего сотрудничества.

Более того, в условиях глобализации и интенсивных миграционных процессов конструирование национальной идентичности сталкивается с новыми вызовами. Государствам приходится решать задачу сохранения своей уникальности в условиях культурного обмена и интеграционных процессов. В этих условиях возникает необходимость разрабатывать стратегии управления национальной идентичностью, учитывающие как внутренние факторы (общественное мнение, этнический состав, социально-экономическое развитие), так и внешние вызовы (глобализация, миграция, международные конфликты). При этом необходимо учитывать риски использования национальной идентичности в политических целях, что может привести к расколу общества и международной изоляции. В итоге конструкт национальной идентичности, формируемый государством, является динамичной и многогранной системой, отражающей взаимодействие внутренних и внешних факторов. Он служит инструментом как внутренней когезии, так и международного позиционирования. Однако его использование требует особой осторожности, т. к. неумелое манипулирование наци-

ональной идентичностью может привести к негативным последствиям, включая международные конфликты и внутреннюю нестабильность.

В современном мире, где глобализация и международная взаимозависимость усиливаются, необходимо найти баланс между сохранением национальной идентичности и способностью к эффективному взаимодействию с другими государствами, избегая чрезмерного акцентирования на различиях и создания антагонистических оппозиций «мы»/«они», что в конечном счете подрывает мировой порядок и глобальную безопасность. Эффективное управление национальной идентичностью — залог устойчивого развития и мирного сосуществования государств в сложной и динамичной международной среде.

Рассматривая систему сложившихся международных отношений через призму социального конструктивизма, Вент видит в ней проявление трех типов анархии — «гоббсианскую», «локкианскую», «кантианскую», которые получили свои названия от философов, чьи политико-философские концепции проливают свет на природу международной системы. В результате анализ международных отношений, предложенный Вендом, через призму социального конструктивизма предлагает увлекательную и многогранную картину, далеко выходящую за рамки простой классификации. Вместо единой и неизменной анархии Вент выделяет три ее типа, каждый из которых отражает различную степень сотрудничества и конфликта между государствами.

«Гоббсианская» анархия, вдохновленная философией Т. Гоббса и его знаменитым трудом «Левиафан», характеризуется всеобщим и непрерывным конфликтом. В такой системе международных отношений государства, лишённые надгосударственного органа, постоянно борются за выживание, основываясь на принципе «война всех против всех».

Вент, анализируя эту модель, подчеркивает ее актуальность для объяснения конфликтов в определенных регионах мира, где отсутствуют эффективные механизмы международного сотрудничества и доминирует атмосфера недоверия порождающей дилеммы безопасности. На микроуровне это проявляется в региональных конфликтах с активным применением силы, а на макроуровне — в глобальной гонке вооружений и постоянной угрозе крупномасштабной войны.

Интересно отметить, что современные интерпретации «гоббсианской» анархии учитывают не только военные, но и экономические, информационные аспекты борьбы за власть.

«Локкианская» анархия, возникшая из философско-правовых идей Дж. Локка, описанных в его «Двух трактатах о правлении», предполагает более ограниченный конфликт. Государства взаимодействуют, руководствуясь принципами естественного права, понимая необходимость соблюдения ими определенных правил и ограничений при взаимодействии. В этой модели возможны как сотрудничество, так и конфликт, но последний сдерживается взаимным признанием суверенитета и уважением к международному праву (пусть и часто формальному).

Вент показывает, что «локкианская» анархия чаще всего наблюдается в регионах с устойчивыми институтами и развитой системой международного права, где государства стремятся к минимальному уровню конфликта, фокусируясь на внутреннем развитии. Однако даже в таких системах возникают проблемы, связанные с неравенством сил и нарушением международного права более мощными акторами.

Наконец, «кантианская» анархия, основанная на идеях И. Канта, изложенных в его эссе «К вечному миру», представляет собой систему с высоким уровнем сотрудничества и кооперации. Вент видит в ней результат длительного процесса институционального строительства и развития норм международного права, способствующих укреплению мира и достижению высокого уровня сотрудничества. В этом типе анархии государства придерживаются общепринятых норм поведения, регулярно взаимодействуют через международные организации и стремятся к решению конфликтов исключительно мирными способами.

Вент акцентирует внимание на том, что даже «кантианская» модель не лишена противоречий и конфликтов, но они регулируются и разрешаются в рамках установленных институтов и норм. На макроуровне это может проявляться в многостороннем сотрудничестве в рамках международных организаций, таких как ООН, а на микроуровне — в успешных региональных интеграционных проектах. Таким образом, Вент демонстрирует, что анархия в международных отношениях не является статичной величиной. Она может принимать разные формы, в зависимости от исторического контекста, культурных факторов и уровня институционализации политической системы.

5.7.7. Социальная и политическая философия (философские науки)

Помимо анализа подвижной системы международных отношений Вендт выделяет и достаточно подробно рассматривает четыре типа государственных идентичностей: корпоративную, типовую, ролевую и коллективную.

«Корпоративная идентичность», как утверждает Вендт, является основополагающей. Она есть проявление сформированного национального самосознания, подкрепленное общей исторической памятью, территориальной целостностью и суверенитетом. Здесь важно уточнить, что «общая историческая память» – это не статичный концепт, а постоянно переосмысливаемый нарратив, подверженный влиянию политической пропаганды, идеологических установок и историографических дебатов.

«Типовая идентичность» определяется совокупностью схожих характеристик, объединяющих государство с другими государствами в определенный тип. Такими характеристиками могут быть политический режим, доминирующая идеология, уровень социально-экономического развития, религиозные и иные факторы. Важно учитывать, что принадлежность к определенному типу не всегда является жестко фиксированной. Государства могут менять свой тип в процессе развития или под влиянием внешних событий. Помимо этого, государства могут одновременно принадлежать к нескольким типам, что существенно усложняет их классификацию.

«Ролевая идентичность», по Вендту, конструируется государством и проявляется как некоторая модель политического поведения – «друга», «соперника» или «врага», позволяющая определенным образом выстраивать отношения с другими государствами. Например, одно и то же государство может быть воспринято одним государством как «друг», а для другого представляться «соперником». Вообще данный тип идентичности достаточно подвижен и динамичен, может меняться в зависимости от конкретных обстоятельств

и ситуативного взаимодействия с другими политическими акторами. В формировании ролевой идентичности государства важную роль играют дипломатические отношения, военные действия, экономическое сотрудничество, пропаганда и общественное мнение.

«Коллективная идентичность», наконец, представляет собой конструируемое представление о «Мы», связанное с принадлежностью к определенному сообществу государств. Это может быть региональная организация, военный альянс или группа государств, объединенных общими ценностями или интересами.

Важно отметить, что коллективная идентичность, как и другие типы идентичности, не является неизменной данностью, а представляет собой политический конструкт, основанный на интересубъективных смыслах, которые могут быть подвержены манипуляции и изменению.

Представленная модель Вендта достаточно интересна для анализа международных отношений. Но не следует ее абсолютизировать. Несмотря на свою полезность, она требует дальнейшего уточнения и критического переосмысления. Безусловно, что в современных политических реалиях и идентичность государств, и гражданская идентичность обществ-наций (национальная идентичность) являются управляемыми и конструируемыми явлениями. Данные особенности нельзя сбрасывать со счетов при анализе текущих политических событий. В условиях продолжающейся специальной военной операции, оказывающей непосредственное влияние на процессы деглобализации, трансформирующей идентичности многих современных государств и наций, обращение к парадигме социального конструктивизма, позволяет раскрыть сущность современных международных отношений, оказывающих влияние на конструкты национальной идентичности и идентичностей государств.

Список источников

1. Алексеева Т.А., Верховская Ж.А. Конструктивизм «третьего поколения»: фрейминг и коммуникация // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2023. № 4. Т. 25.
2. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Часть III. Общество как субъективная реальность. 3. Теории идентичности. URL: <https://gtmarket.ru/library/basis/4783/4792> (дата обращения: 28.09.2024).

References

1. Alekseeva T.A., Verkhovskaya Zh.A. «Third generation» constructivism: framing and communication // Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Political Science. 2023. № 4. V. 25.
2. Berger P., Lukman T. Social construction of reality. Part III. Society as subjective reality.
3. Theories of identity. URL: <https://gtmarket.ru/library/basis/4783/4792> (date of access: 28.09.2024).

3. Onuf N. World of Our Making. University of South Carolina Press, 1989.

4. Zhao H. Explicating the social constructionist perspective on crisis communication and crisis management research: a review of communication and business journals // Journal of Public Relations Research. 2020. № 3-4. V. 32.

5. Wendt A. Social Theory of International Politics. Cambridge Academ, 1999.

3. Onuf N. World of Our Making. University of South Carolina Press, 1989.

4. Zhao H. Explicating the social constructionist perspective on crisis communication and crisis management research: a review of communication and business journals // Journal of Public Relations Research. 2020. № 3-4. V. 32.

5. Wendt A. Social Theory of International Politics. Cambridge Academy, 1999.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Инкижекова Мария Сергеевна, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин. Уральский государственный юридический университет им В.Ф. Яковлева. 620066, Российская Федерация, г. Екатеринбург, ул. Комсомольская, 21.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Inkizhekova Mariya Sergeevna, Grand PhD in Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Social Sciences and Humanities. Ural State University of Law named after V.F. Yakovlev. 21, Komsomolskaya St., Yekaterinburg 620066 Russian Federation.

«МАЙДАНЫЕ» ПРЕДПОСЫЛКИ РЕЛИГИОЗНОЙ ПОЛИТИКИ КИЕВСКОГО РЕЖИМА

Самойлов Сергей Федорович

Краснодарский университет МВД России, Краснодар, Российская Федерация,
samoilow111@yandex.ru

Вишневецкий Кирилл Валерьевич

Краснодарский университет МВД России, Краснодар, Российская Федерация,
kvishneveckiy@mail.ru

Литвинов Андрей Александрович

Краснодарский университет МВД России, Краснодар, Российская Федерация,
regrezerv@yandex.ru

Введение: настоящая статья посвящена малоизученной проблеме использования социального потенциала украинских религиозных конфессий в гибридной войне стран Запада против России и русского мира. В статье основное внимание уделяется анализу идеологической составляющей религиозной политики действующего киевского режима, в основе которой лежит так называемая теология «майдана», представляющая собой радикальную религиозно-политическую доктрину, нацеленную на политизацию социальной деятельности украинских религиозных конфессий и предание ей ярко выраженной антироссийской русофобской направленности.

Материалы и методы: источниковую базу исследования составили результаты различных публикаций теологии «майдана», их идеологических противников из числа богословов, религиозных и общественных деятелей, а также научно-исследовательские работы, посвященные проблеме вовлечения украинских религиозных конфессий в политику гибридной войны против России. В исследовании использовались следующие эмпирические методы общенаучного познания: научное наблюдение, сравнительно-сопоставительный анализ, обобщение. Среди теоретических методов общенаучного познания следует выделить метод идеальной типологизации, метод теоретического моделирования, структурно-функциональный подход.

Результаты исследования: теология «майдана» была представлена в виде важнейшей составляющей гибридной войны в целом и технологий цветных идеологий в частности. В качестве одной из важнейших функций данной религиозно-политической доктрины было выявлено оправдание сакрализации попытки государственного переворота.

Выводы и заключения: знание сущности характерных черты и разновидности теологии «майдана» необходимо для понимания религиозно-политического аспекта гибридной войны, осуществляемой странами коллективного Запада с помощью действующего киевского режима как против Российской Федерации, так и против русскоязычного населения Украины.

Ключевые слова: Евромайдан, киевский режим, «цветная революция», конфессии, политические силы, радикально настроенные группы, идеологические концепции.

Для цитирования: Самойлов С. Ф., Вишневецкий К. В., Литвинов А. А. «Майданные» предпосылки религиозной политики киевского режима / С. Ф. Самойлов, К. В. Вишневецкий, А. А. Литвинов // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2025. № 1 (112). – С. 212–220.

«MAIDAN» PREREQUISITES FOR THE RELIGIOUS POLICY OF THE KYIV REGIME

Samoilov Sergey Fyodorovich

Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Vishnevetsky Kirill Valeryevich

Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Litvinov Andrey Alexandrovich

Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Introduction: This article is devoted to the little-studied problem of using the social potential of Ukrainian religious denominations in the hybrid war of Western countries against Russia and the Russian world. The article focuses on the analysis of the ideological component of the religious policy of the current Kyiv regime, which is based on the so-called «Maidan» theology, which is a radical religious and political doctrine aimed at politicizing the social activities of Ukrainian religious denominations and giving them a clearly expressed anti-Russian Russophobic orientation.

Materials and methods: the source base of the study was the results of various publications of the «Maidan» theology, their ideological opponents from among theologians, religious and public figures, as well as research papers devoted to the problem of involving Ukrainian religious denominations in the policy of hybrid war against Russia. The study used the following empirical methods of general scientific knowledge: scientific observation, comparative analysis, generalization. Among the theoretical methods of general scientific knowledge, the method of ideal typology, the method of theoretical modeling, and the structural-functional approach should be highlighted.

Results of the study: the theology of the «Maidan» was presented as the most important component of the hybrid war in general and the technologies of color ideologies in particular. Justification of the sacralization of the attempted coup d'état was identified as one of the most important functions of this religious and political doctrine.

Findings and conclusions: knowledge of the essence of the characteristic features and varieties of the theology of the «Maidan» is necessary for understanding the religious and political aspect of the hybrid war carried out by the countries of the collective West with the help of the current Kyiv regime against both the Russian Federation and the Russian-speaking population of Ukraine.

Keywords: Euromaidan, Kiev regime, «color revolution», confessions, political forces, radical groups, ideological concepts.

For citation: Samoilov S. F., Vishnevetsky K. V., Litvinov A. A. «Maidan» prerequisites for the religious policy of the Kyiv regime / S. F. Samoilov, K. V. Vishnevetsky, A. A. Litvinov // *Philosophiya prava* : scientific-theoretical journal. Rostov-on-Don. 2025. № 1 (112). – Pp. 212–220.

В настоящее время украинский кризис продолжает оставаться одной из самых злободневных международных проблем. Во многом это обусловлено тем, что он имеет не самостоятельное значение, а представляет собой один из элементов гибридной войны, развернувшийся между странами коллективного запада и Россией. Гибридный и геополитический характер украинского кризиса служит причиной того, что участвующие в нем стороны применяют не только военные, но и различные экономические, социально-политические, идеологические и иные средства. К сожалению, одним из средств данной борьбы стала религия, с точки зрения политического сознания представляю-

щая собой мощное средство мобилизации широких слоев населения.

Одной из важнейших причин использования религии в качестве инструмента в гибридной войне против России в целом и организации «цветной революции» на Украине в частности следует признать наличие определенных социальных предпосылок. Важнейшей из них следует признать значительную степень религиозности украинского общества и его многоконфессиональный характер. Данное обстоятельство послужило средством разжигания религиозной ненависти по отношению к Русской православной церкви как средства консолидации радикализированной части украинского общества.

5.7.7. Социальная и политическая философия (философские науки)

Несмотря на то, что религиозный аспект украинского кризиса неоднократно становился предметом рассмотрения целого ряда исследователей, его идеологическую составляющую следует признать недостаточно изученной. Во многом это связано с тем, что идеологическая составляющая рассматривается в качестве незначительного элемента системы государственного регулирования, логически вытекающего из ценностных приоритетов и идеологии того или иного политического режима.

В этом отношении украинский кризис интересен тем, что в нем идеологическая составляющая представлена в рельефном качестве в виде вполне определенного концепта, который можно определить как «майданная теология». Среди научно-исследовательских работ, связанных с данной проблематикой, следует выделить публикации, посвященные:

- современной религиозной политике действующего киевского режима;
- религиозному аспекту украинского кризиса;
- теологии или богословия «майдана».

Среди многочисленных работ по первой проблематике следует выделить авторов: А. Стенько, Е.Н. Абрамову, В.И. Акинина. Говоря о научных работах, посвященных религиозной политике современного украинского государства, следует подчеркнуть, что освещение данного вопроса, как и вообще исследуемой проблематики, имеет ярко выраженный идеологизированный характер. Среди российских и пророссийски настроенных авторов, освещающих данную проблематику, следует выделить научные статьи таких авторов, как С.П. Артеев, М.И. Сигаев, Р.Н. Лункин, В.Х. Аустин.

Одной из специфических черт рассмотрения сущности и различных проявлений теологии «майдана» является то, что помимо идеологической и политической ангажированности данной проблематики следует выделить различные конфессиональные интерпретации данной религиозно-политической доктрины. Среди авторов, изучающих данный вопрос, можно отметить Р.А. Савчука, Е.С. Рогатину, К.Н. Самошонкова, Д.Б. Малышеву.

Действующий киевский режим пришел к власти благодаря перевороту, осуществленному радикально настроенными политическими силами. По своему составу радикально настроенные силы, действовавшие на Евромайдане, не были однородны. Так, среди политических сил, принявших участие сначала в протестных акциях, а затем и уличных боях, следует выделить:

- радикально настроенные либераль-

но-демократические партии и объединения;

- консервативные партии и организации;
- многочисленные праворадикальные организации от умеренных националистов до откровенных неонацистов и прежде всего представителей партий оуновской направленности;
- студентов различных высших образовательных организаций, прежде всего с запада страны.

Помимо указанных групп большую роль в бессрочных митингах сыграли представители различных религиозных конфессий Украины, которые уже имели определенный опыт участия в протестном движении во время так называемой «оранжевой революции». Однако в отличие от протестов 2004 г. религиозная составляющая событий Евромайдана имела ярко выраженный характер и выполняла по отношению к организации движения целый ряд важнейших функций:

- апологетическую, т. е. оправдательную, функцию, связанную с религиозным оправданием не только факта незаконных протестов, но и вплоть до подстрекательства к применению насилия;

– имиджевую функцию, нацеленную на формирование в массовом сознании как внутри страны, так и за ее пределами представления о событиях Евромайдана как о конфликте между гражданским обществом и авторитарным политическим режимом;

- идеологическую функцию, позволившую сформулировать особую религиозно-политическую доктрину, допускавшую различные конфессиональные интерпретации и получившую наименование «теология майдана»;

– мобилизационную функцию, проявившуюся в том, что радикально настроенная часть руководства религиозных конфессий, принявших участие в массовых протестах, смогла привлечь к участию в них большое количество своих священнослужителей, обучающихся религиозных образовательных организаций различного уровня, рядовых верующих;

- материально-финансовую функцию, заключавшуюся не только в привлечении финансовой поддержки движению из зарубежных стран, но и сборе средств в помощь митингующим со своих церковных приходов, а также выразившуюся в организации полевых кухонь и другой инфраструктуры протестных акций;

– морально-психологическую, проявившуюся в оказании психологической поддержки протестующим посредством про-

ведения общих молебнов, индивидуальных бесед, богослужений в молитвенных палатах и часовнях.

Наличие достаточно мощной религиозной составляющей в событиях Евромайдана требует установления причин данного явления. Естественно, что объяснение его будет обусловлено идеологической оценкой рассматриваемого политического явления в целом. С точки зрения критического отношения к событиям Евромайдана и их понимания в контексте геополитической борьбы за постсоветское пространство между западной и формирующейся евразийской цивилизаций важнейшими причинами использования деструктивно настроенными политическими силами религиозной риторики и привлечения радикально настроенных представителей ряда религиозных конфессий следует признать:

1. наличие значительного числа верующих, особенно в западных областях страны, традиционно негативно относившихся к советскому строю и рассматривавших действовавший политический режим президента Виктора Януковича как его непосредственного наследника;

2. наличие у многих представителей религиозных конфессий, отошедших от православия или пришедших на Украину с Запада, мировоззренческих установок, согласно которым «европейский уровень жизни» достижим благодаря в том числе и принадлежности к «западным» конфессиям, распространению в стране которых мешает авторитарная власть, косвенным образом поддерживающая традиционное православие, ориентированное на Россию, а следовательно, и на авторитарные модели управления;

3. значительное внимание западных организаторов «майданного» переворота к религиозным конфессиям как важной составляющей общества страны осуществления «цветной революции»;

4. наличие на Украине наряду с господствующей религиозной конфессией – Украинской православной церковью Московского патриархата (далее – УПЦ МП) целого ряда других многочисленных конфессий, стремящихся расширить за счет «активной социальной позиции» свои позиции в украинском обществе;

5. наличие у целого ряда партий, принявших участие в протестных акциях на «майдане», определенных часто достаточно тесных связей с конкретными религиозными конфессиями, например:

– националистических партий оуновского движения с Украинской греко-католической церковью;

– неонацистских организаций со славянским и германо-скандинавским неоязычеством;

– консервативных партий с церквями альтернативного православия;

– либеральных партий и движений с протестантскими конфессиями, включая харизматические культы и с новыми нетрадиционными религиями;

– регионально-националистических организаций (Меджлис татарского народа) с политизированными течениями ислама;

– присутствие у лидеров Евромайдана непосредственных связей с определенными конфессиями:

– Дмитрий Ярош, на момент событий Евромайдана лидер рамочного объединения националистов и неонацистов, а позднее политической партии «Правый сектор» – верующий греко-католик, признающий православие в качестве традиционной для Украины конфессии, но резко отрицательно относящийся к Украинской православной церкви Московского патриархата, которую он определял как «секту», находящуюся на служении «сатанинского режима Путина»;

– Петр Порошенко, украинский олигарх, министр экономического развития и торговли, в правительстве Виктора Ющенко один из главных организаторов и спонсоров Евромайдана, на момент протестов и государственного переворота – депутат Верховной Рады, позднее президент Украины. До своего президентства являлся активным прихожанином Украинской православной церкви Московского патриархата, служил алтарником. Во время событий Евромайдана стал тесно общаться с высшими иерархами Украинской греко-католической церкви (далее – УГКЦ), принимал от них причастие. Во время своего президентства выступил самым активным сторонником объединений церквей альтернативного православия в афтокефальную Православную церковь Украины, враждебную Московскому патриархату;

– Александр Турчинов, украинский политический деятель до событий Евромайдана, при президенте В. Ющенко побывавший главой СБУ и вице-премьером. Во время протестов 2013–2014 гг. – депутат Верховной Рады, после победы государственного переворота – ее председатель и исполняющий обязанности Президента Украины. Официально заявляется, что Турчинов является пастором евангельских христиан баптистов, но его политические противники обви-

5.7.7. Социальная и политическая философия (философские науки)

няли его в связи с харизматическим культом «Движение веры», созданным выходцем из Нигерии Сандеем Аделаджей и активно действующим на Украине;

– Юлия Тимошенко, украинский политический деятель, депутат Верховной Рады нескольких созывов, бывший министр и премьер-министр Украины, лидер политической партии «Батькивщина». В период правления президента В. Януковича являлась одной из главных фигур оппозиции, на момент проведения протестных акций на «майдане» находилась в заключении, после переворота приняла участие в президентских выборах, заняв в них второе место, вновь стала депутатом Верховной Рады и сблизилась с ультраправыми партиями. Являясь православной, после событий Евромайдана тесно общалась с представителями УГКЦ и заявила, что на всем протяжении своей политической деятельности выступала за создание подлинно национальной, независимой от Московского патриархата украинской православной церкви;

– Арсений Яценюк, украинский политик, неоднократно занимал министерские посты в различных правительствах, являлся депутатом Верховной Рады Украины и ее председателем в 2007–2008 гг. Во время событий Евромайдана являлся одним из руководителей протестного движения. После завершения государственного переворота стал лидером партии «Народный фронт» и премьер-министром Украины. Несмотря на то, что Яценюк с гордостью заявлял о своей принадлежности к УГКЦ, он и его ближайшие родственники подозревались в симпатиях к тоталитарной секте «Церковь сайентологии».

– Олег Тягнибок, украинский ультраправый политический деятель, депутат Верховной Рады нескольких созывов, лидер праворадикального Всеукраинского объединения «Свобода». Во время событий Евромайдана входил в состав руководства оппозиции, в результате государственного переворота получил ряд министерских кресел для своей политической партии. Будучи уроженцем Львова и потомком одного из лидеров Западно-Украинской республики, принадлежит к УГКЦ;

– Андрей Парубий, украинский ультраправый политик и государственный деятель. Свою политическую карьеру Парубий начал в ранней молодости, в конце 80-х – начале 90-х гг. в родном Львове как лидер праворадикальных организаций «Спадщина» («Наследие») и Социал-национальная партия Украины (СНПУ), которая позднее трансформировалась во Всеукраинское объединение «Свобода» и одновременно послужила

отправной точкой формирования «азовского» движения. Парубий избирался членом областного совета Львовской области городского совета г. Львова, затем депутатом Верховной Рады нескольких созывов. Во время событий зимы 2013-2014 г. Парубий являлся комендантом Евромайдана и фактически руководил Государственным переворотом. После победы Евромайдана стал секретарем Совета национальной безопасности и обороны Украины, Первым заместителем Верховной Рады, а в апреле 2016 г. ее председателем. Парубий сыграл одну из ключевых ролей в развязывании гражданской войны на юго-востоке Украины. По своим религиозным убеждениям Парубий принадлежит к УГКЦ.

Активное участие радикально настроенных групп верующих различных конфессий привело к необходимости оправдания традиционного для христианства невмешательства в политику и ориентации не на морально-религиозные, а на социально-политические ценности. Непосредственным результатом решения данной задачи и стало возникновение уже упомянутой выше религиозно-политической доктрины, получившей наименование «теология майдана». Будучи оправданием выхода религиозного сознания за рамки чисто религиозных предметов и сакрализации социально-политических ценностей и политической борьбы, «теологию майдана» не следует рассматривать как уникальное явление. Во многом ее появление было обусловлено возникновением целого ряда причин, важнейшими из которых следует признать:

– традиционную более высокую степень вовлеченности западного христианства в социально-политические процессы в целом и политическую борьбу в частности, обусловленную существованием идеи папоцезаризма, оказавшей влияние как на католическую, так и на протестантскую политическую мысль;

– наличие в западно-христианской традиции опыта создания различных религиозно-политических доктрин, таких как клерикализм, клерикальный фашизм, народная демократия, христианская демократия, христианский социализм, христианский коммунизм и т. д.;

– присутствие в ряде консервативных, националистических и либеральных доктрин целого ряда элементов, сближающих их с различными направлениями христианской политической мысли;

– наличие у целого ряда украинских националистических и праворадикальных организаций национал-консервативного, национал-демокра-

тического, интегрально-националистического и социал-националистического толка, длительно-го опыта взаимодействия с различными религиозными конфессиями;

- присутствие в украинском массовом консервативном и праворадикальном сознании склонности к сакрализации своих идей, лидеров, знаковых событий, что выражается в стремлении осветить свою идеологию и политическую борьбу союзом с определенной религиозной конфессией.

Наличие вышеуказанных условий и причин в обстановке осуществления очередного проекта «цветной революции» привело к возникновению предельно общей, рамочной религиозно-политической доктрины, получившей наименование «теология майдана». По своему характеру она представляла типичный продукт «цветной революции», для которого характерны основные черты идеологии современного массового социально-политического протеста с использованием акций массового гражданского неповиновения. Важнейшими чертами такого рода идеологических конструкций следует признать:

- утилитаризм – нацеленность на решение конкретной политической цели, в данном случае свержение действующего режима;

- критицизм – сконцентрированность не на программе преобразования общества, а на критике государственной власти;

- концептуализм – создание предельно общей идеологической схемы, способной под лозунгом социально-политической объединить максимально широкие социальные слои общества;

- популизм – выдвижение заранее невыполнимых политических, социальных и экономических лозунгов, которые тем не менее являются востребованными массовым сознанием;

- бескомпромиссность – отрицание возможности какого-либо диалога с действующей властью и выдвижение ей неприемлемых ультиматумов.

На основании данных принципов конструирования идеологических концепций «цветной революции» политизированными представителями ряда религиозных конфессий было предложено следующее оправдание участия в массовых беспорядках, которое и составило главное содержание «теологии майдана»:

- допустимость неповиновения действующей власти обосновывается «майданной теологией» ущемлением государством лучшей, избранной части народа, возглавляемой церковью, и которая представляет собой вы-

ражение Воли Божьей. Допустимость сопротивления с действующей властью зафиксирована в Библии, в частности при описании противостояния ветхозаветных праведников двоеверию израильских и иудейских царей и христианской церкви официальному язычеству римской власти;

- этактичность украинского христианства, проявляющаяся в том, что «майданная теология» позиционирует религиозные конфессии, участвующие в протестах, как подлинно национальные и патриотичные, выступающие за построение правового государства в стране, и, напротив, конфессии, не участвующие в протестах, являются антигосударственными. Данное утверждение явно нацелено против УПЦ МП;

- революционность христианства связана с тем, что «майданная теология» пытается преодолеть представление о христианстве как о религии, всегда принимающей социальную реальность. Напротив, христианство, стремясь к соблюдению социальной справедливости, должно искать приемлемые для него методы социально-политической борьбы. В этом отношении методология массового ненасильственного сопротивления представляется для христианских конфессий наиболее перспективной;

- сакрализация «майдана» выражается в рассмотрении событий массовых протестов и государственного переворота в качестве исключительного события в истории конкретной конфессии и даже религиозно значимого события, связанного с приобщением участников этих событий к Божественному Промыслу, а некоторых случаях и к самому Христу;

- «майданный экуменизм», заключающийся в тесном взаимодействии радикализованных представителей ряда религиозных конфессий, участвовавших в митингах и беспорядках, и признании друг друга в качестве национально и государственно ориентированных церквей, что подразумевает прямое и косвенное осуждение УПЦ МП, как религиозную конфессию, не поддержавшую государственный переворот. По своему характеру «майданный экуменизм» представляет, по мнению сторонников рассматриваемой религиозно-политической идеологии, «революционную» версию межконфессионального диалога, который, однако, строится на травле представителей конфессий, занявших нейтральную позицию или прямо осудивших социально-политическую практику государственного переворота.

Следует подчеркнуть, что данные и иные общие положения «майданной теологии»

5.7.7. Социальная и политическая философия (философские науки)

вступают в прямое противоречие с христианским вероучением, что неминуемо ведет как к росту межконфессиональной напряженности, так и расколу внутри самих конфессий, поскольку с течением времени в них неизбежно сформируется консервативное направление, резко отрицательно относящееся к любым попыткам политизации религиозной догматики, культовой практики и социально-политической стратегии своих конфессий. Примером такого раскола может служить реакция немецких лютеран и реформатов на попытки нацистского режима создать так называемое «арийское христианство».

Для современной религиозной политики события Евромайдана и порожденная им религиозно-политическая доктрина имеют огромное значение, поскольку они во многом определили отношение действующего киевского режима к основным религиозным конфессиям, действующим на территории страны. Если попытаться сформулировать основные контуры данной политики, то в предельно общем виде они выглядят следующим образом:

- разделение религиозных конфессий на патриотичные и непатриотичные, представляющие собой центры влияния иностранных государств и ущемление прав нелояльных режимов религиозных организаций;
- заявление о выстраивании строгой киево-центристской структуры отношений между государством и религиозными конфессиями, исключаящей их ориентации на иностранные центры, при одновременном допущении связей конфессий, поддерживающих политику национализма и русофобии со своим иностранным руководством;
- широкое привлечение лояльных режиму конфессий к поддержке различных политических заявлений и политических действий государственной власти;
- использование духовного авторитета религиозных конфессий в морально-психологической и финансово-материальной поддержке ВСУ и других силовых ведомств, осуществляющих вооруженное сопротивление РФ, в ходе проведения ею СВО на Украине;
- попытка вытеснения канонической Украинской православной церкви искусственно созданной структурой альтернативного православия – Православной церкви Украины;
- осуществление прямых гонений на неугодные конфессии, включая заведение уголовных дел против их руководства и представителей, незаконный отъем культовых помещений, препятствование совершению

культа, организацию травли как прессе, так и в реальном социальном пространстве и т. д.

Если попытаться вывести предельно общую формулу религиозной политики действующего киевского режима, то ее можно определить следующим образом: политизация религии и сакрализация национализма. Данная формула означает, что в условиях текущего геополитического конфликта действующий киевский режим, с одной стороны, вынужден мобилизовать все силы общества ради собственного удержания у власти, а с другой – придавать своей борьбе религиозное значение. Оба аспекта вышеприведенной формулы нашли свое выражение как в активном участии политизированной части ряда религиозных конфессий во время государственного переворота, так и в различных версиях «теологии майдана».

Завершая общий обзор проблемы влияния «теологии майдана» на религиозную политику действующего киевского режима, нельзя не затронуть вопрос о причине возникновения самого феномена «майданной теологии». Его истоки следует искать в авторитарном характере политической культуры Украины постсоветского периода. Провозглашая верность демократическим ценностям, украинское политическое сознание в целом по-прежнему остается авторитарным, что проявляется в его:

- идеократическом характере, проявляющемся в потребности подчиняться политической доктрине, регулирующей все стороны жизни общества;
- доминировании ценностно-рациональной модели поведения над целерациональной;
- оправдании харизматической модели политической власти;
- откровенном идолопоклонстве перед определенными историческими деятелями, концепциями, символами и т. д.;
- невозможности существования образа врага, на который перекладывается вся ответственность за внешне- и внутривнутриполитические проблемы;
- нацеленности не на производство материальных благ, а на их перераспределение;
- отсутствии четкой границы между политическим и религиозным сознанием;
- абсолютно нетерпимом отношении к любому инакомыслию, придающему политическому фанатизму религиозный характер.

Перечисленные и иные специфические черты постмайданной украинской политической культуры сформировались под влиянием украинской праворадикальной

традиции, берущей свое начало с середины XIX столетия. Данной традицией явились западноукраинские земли, находящиеся под сильным влиянием католицизма, греко-католицизма и частично протестантизма (Закарпатская область). Таким образом, на протяжении всего своего существования украинская праворадикальная традиция в значительной части находилась в определенной связи с греко-католичеством. Взаимодействие между данными традициями было во многом обусловлено наличием целого ряда общих характерных черт, таких как:

- идеократизм – стремление к организации общества на основе определенной идеологической доктрины;
- иррационализм – признание в качестве основы природного и социального мира недоступного человеческому разуму начало;
- волюнтаризм – рассмотрение индивидуальной и коллективной воли в качестве важнейшего фактора социального развития;
- традиционализм – признание самодостаточности социальных, религиозных, этических и иных традиций, сформировавшихся в обществе.
- консерватизм – направленность общественного сознания и поведения на сохранение сложившегося уклада социально-экономической и политической жизни;
- элитаризм – утверждение неизбежности формирования в обществе различного рода элит;
- социальный централизм – выстраивание социального сообщества в строго иерархическом порядке и подчинение его принципу единоначалия.

Из сказанного следует, что использование радикально настроенными силами религиозной составляющей украинского общества в событиях Евромайдана, также как активное вмешательство религиозных конфессий в политическую жизнь общества, заявивших о себе в событиях Евромайдана, не является случайным. Соединение этих двух тенденций в фундаменте идей национализма и русофобии легло в основу нынешней украинской религиозной политики, носящий ярко выраженный авторитарный характер.

По своему характеру авторитарный характер регулирования отношений между государством и религиозными организациями принципиально отличается от тоталитарной и либерально-демократической моделей управления. В свою очередь Д. Шарп отмечает: «Так, для тоталитарной модели характерен полный контроль за внутренней и внешней деятельностью религиозных

организаций. Либерально-демократическая модель, напротив, характеризуется предоставлением государством религиозным организациям максимальной свободы в своей внешней и внутренней политике» [2]. Для авторитарной модели характерен частичный контроль, по сути, неправомерное, волюнтарное установление того, что религиозным конфессиям позволено, а что нет, при одновременном предоставлении относительной свободы действий в пределах обозначенных границ.

Радикализованное и политизированное руководство целого ряда украинских религиозных конфессий добровольно пошло на данную схему отношений с пришедшим (не без их помощи) к власти киевским режимом. В первую очередь данное обстоятельство было обусловлено тем, что руководство поддержавших государственный переворот конфессий не безосновательно рассчитывало на улучшение социально-политического положения своих организаций посредством участия во вполне предсказуемом гонении на крупнейшую церковь страны – Украинскую православную церковь Московского патриархата. Однако выбор в пользу активного участия в политике и соучастия в политических гонениях неизбежно повлечет за собой негативные социально-политические последствия для принявших в них радикализованных частей украинских религиозных конфессий.

Итак, как участие радикализованной части религиозных конфессий Украины в политике национализма и русофобии, также и основные принципы авторитарной религиозной политики современного киевского режима нашли свое обоснование в особой религиозно-политической доктрине, получившей наименование «теология майдана», которая несмотря на свою ситуативность, нацеленность на решение конкретной политической задачи по-прежнему оказывает серьезное влияние на отношение между государством и религиозными конфессиями. Но поскольку религиозное пространство Украины, как и большинства современных стран, неоднородно, то данная религиозно-политическая концепция в каждой отдельной религиозной конфессии, принявшей участие в событиях Евромайдана, получила соответствующую интерпретацию. В связи с этим дальнейшее исследование как религиозной политики киевского режима, так и социально-политических стратегий конкретных религиозных конфессий, действующих на Украине, требует отдельного рассмотрения.

5.7.7. Социальная и политическая философия (философские науки)

Список источников

1. Паниотто В. И. Евромайдан. До и после победы // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2014. № 1-2(117).
2. Шарп Д. Теория ненасильственной борьбы. URL: <https://oko-planet.su/fail/failbook/77294-d-sharp-teoriya-nenasilstvennoyborby.html> (дата обращения: 01.02.2025).
3. Волкан В. Национальные проблемы глазами психоаналитика с политологическим комментарием. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/562/176/1217/04-Volkan.pdf> (дата обращения: 01.02.2025).
4. «Майданные технологии» – кратчайший путь к гражданскому расколу и упадку государства. URL: www.kavkazoved.info (дата обращения: 01.02.2025).

References

1. Paniotto V. I. Euromaidan. Before and After the Victory // Bulletin of Public Opinion. Data. Analysis. Discussions. 2014. № 1-2(117).
2. Sharp D. Theory of Nonviolent Struggle. URL: <https://oko-planet.su/fail/failbook/77294-d-sharp-teoriya-nenasilstvennoyborby.html> (date of access: 01.02.2025).
3. Volkan V. National Problems through the Eyes of a Psychoanalyst with Political Science Commentary. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/562/176/1217/04-Volkan.pdf> (date of access: 01.02.2025).
4. «Maidan Technologies» – the Shortest Path to Civil Disunity and Decline of the State. URL: www.kavkazoved.info (date of access: 01.02.2025).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Самойлов Сергей Федорович, доктор философских наук, профессор, начальник кафедры социально-гуманитарных дисциплин. Краснодарский университет МВД России. 350005, Российская Федерация, г. Краснодар, ул. Ярославская, 128.

Вишневецкий Кирилл Валерьевич, доктор юридических наук, профессор, начальник управления учебно-методической работы. Краснодарский университет МВД России. 350005, Российская Федерация, г. Краснодар, ул. Ярославская, 128.

Литвинов Андрей Александрович, кандидат философских наук, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин. Краснодарский университет МВД России. 350005, Российская Федерация, г. Краснодар, ул. Ярославская, 128.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Samoylov Sergey Fedorovich, Grand PhD in Philosophy, Professor, Head of the Department of Social and Humanitarian Disciplines. Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 128, Yaroslavskaya St., Krasnodar 350005 Russian Federation.

Vishnevetsky Kirill Valerievich, Grand PhD in Law, Professor, Head of the Department of Educational and Methodological Work. Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 128, Yaroslavskaya St., Krasnodar 350005 Russian Federation.

Litvinov Andrey Aleksandrovich, PhD in Philosophy, Associate Professor of the Department of Social and Humanitarian Disciplines. Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 128, Yaroslavskaya St., Krasnodar 350005 Russian Federation.

**ФИЛОСОФИЯ ПРАВА Л.И. ПЕТРАЖИЦКОГО В КОНТЕКСТЕ
КРИТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ОСНОВАНИЙ ПРАВА**

Бурлуцкий Андрей Николаевич

Ростовский филиал Российской таможенной академии, Ростов-на-Дону, Российская Федерация,
aburlutskiy@mail.ru

Введение: статья посвящена критическому анализу психологических оснований права в контексте исследования философско-правовой концепции Л.И. Петражицкого. Автор обращается к теоретико-методологическим положениям философии права Л.И. Петражицкого, в основе которой лежит эмоциональная психология, актуализирует психологический подход к определению и описанию природы права, рассматривает эволюцию представлений о праве в рамках соотношения понятий «нравственный – императивный» и «правовой – атрибутивный» опыт. В статье обращается внимание на важность влияния психологической концепции Л.И. Петражицкого на развитие целостного понимания права как социокультурного явления.

Материалы и методы: в ходе исследования философии права Л.И. Петражицкого и его психологических оснований права используются следующие методы: критический анализ, системный подход, метод дескрипции, метод сравнительного анализа, принцип историзма, метод контент-анализа.

Результаты исследования: в контексте критического анализа установлено влияние психических процессов – эмоций на формирование права, определена императивно-атрибутивная природа мотиваций правового поведения, описана классификация права на основе психических переживаний права, охарактеризованы «теория права» и «политика права» Л.И. Петражицкого, как наукоемкое знание о сущности права и как способ оптимизации правовых отношений.

Выводы и заключения: философия права Л.И. Петражицкого сводится к психическим или эмоциональным основаниям права, поскольку эмоции являются основополагающими в оценочной деятельности переживаниями. Психологическая концепция Л.И. Петражицкого оказала большое влияние на целостное понимание права как социокультурного явления и развитие философии права в ее онтологическом, гносеологическом, аксиологическом и антропологическом аспектах.

Ключевые слова: философия права, психологические основания права, право и нравственность, эмоциональная психология, психологическое переживание права.

Для цитирования: Бурлуцкий А. Н. Философия права Л.И. Петражицкого в контексте критического анализа психологических оснований права / А. Н. Бурлуцкий // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2025. № 1 (112). – С. 221–227.

Original paper

**PHILOSOPHY OF LAW BY L.I. PETRAZHITSKY IN THE CONTEXT
OF A CRITICAL ANALYSIS OF THE PSYCHOLOGICAL FOUNDATIONS OF LAW**

Burlutsky Andrey Nikolaevich

Rostov Branch of the Russian Customs Academy, Rostov-on-Don, Russian Federation

Introduction: the article is devoted to a critical analysis of the psychological foundations of law in the context of the study of the philosophical and legal concept of L.I. Petrazhitsky. The author refers to the theoretical and methodological provisions of the philosophy of law of L.I. Petrazhitsky, which is based on emotional psychology, updates the psychological approach to the definition and description of the nature of law, considers the evolution of ideas about law in the framework of the relationship between the concepts of «moral – imperative» and «legal – attributive» experience. The article draws attention to the importance of the influence of the psychological concept of L.I. Petrazhitsky on the development of a holistic understanding of law as a socio-cultural phenomenon.

5.7.8. Философская антропология, философия культуры (философские науки)

Materials and methods: in the course of the study of the philosophy of law of L.I. Petrazhitzky and his psychological foundations of law, the following methods are used: critical analysis, systems approach, description method, comparative analysis method, principle of historicism, content analysis method.

Results of the study: in the context of critical analysis, the influence of mental processes - emotions on the formation of law was established, the imperative-attributive nature of motivations for legal behavior was determined, the classification of law based on mental experiences of law was described, the «theory of law» and «policy of law» of L.I. Petrazhitzky were characterized as science-intensive knowledge about the essence of law and as a way to optimize legal relations.

Findings and conclusions: the philosophy of law of L.I. Petrazhitzky comes down to the mental or emotional foundations of law, since emotions are fundamental experiences in evaluative activity. The psychological concept of L.I. Petrazhitzky had a great influence on the holistic understanding of law as a socio-cultural phenomenon and the development of the philosophy of law in its ontological, epistemological, axiological and anthropological aspects.

Keywords: philosophy of law, psychological foundations of law, law and morality, emotional psychology, psychological experience of law.

For citation: Burlutsky A. N. Philosophy of law by L.I. Petrazhitzky in the context of a critical analysis of the psychological foundations of law / A. N. Burlutsky // *Philosophiya Prava : scientific-theoretical journal*. Rostov-on-Don. 2025. № 1 (112). – Pp. 221–227.

Лев (Леон) Иосифович Петражицкий (1867–1931) – один из основоположников русской философии права, профессор Санкт-Петербургского университета, видный политический деятель, учитель выдающихся русских ученых Г.Д. Гурвича, Н. С. Тимашева, П. А. Сорокина. В результате дискуссий российских правоведов в начале XX в. создал Петербургскую «экспериментально-реальную» школу понимания права, концепция которой противопоставляется Московской «нормативной» школе, лидером которой был не менее известный П.И. Новгородцев.

Содержание психологической теории права Л.И. Петражицкого, разработанной в контексте развития философско-правовой мысли в России в начале XX в., сводится к психической интерпретации происхождения права, поскольку, с его точки зрения, эмоции являются первичными, основополагающими в оценочной деятельности переживаниями. Создавая психологическую теорию права, Л.И. Петражицкий выделил так называемые «этические эмоции», которые формируют понимание обязанностей и правомочий. Если эмоции ограничиваются только долгом или обязанностью, то это нравственный императивный опыт. Если обязанности сочетаются с правомочиями, то это атрибутивный правовой опыт, который связывает обязанности (императивы) и права (атрибуты) в единую систему. Так, Л.И. Петражицкий обосновывает психологическое содержание права, в основе изучения которого должна лежать предложенная им «эмоциональная психология» [1].

«Эмоциональная психология» Л.И. Пе-

тражицкого – это авторская концепция новой теории права, основывающейся на знаниях психологии, юриспруденции и философии, целью которой является объяснение психологических причин и свойств права. «Право, указывает Л.И. Петражицкий, есть психический фактор общественной жизни и оно действует психически» [2, С. VII]. Психическое действие права обусловлено двумя факторами: во-первых, возбуждением или подавлением мотивов к деятельности, воздержанию от нее; во-вторых, развитием и укреплением склонностей и черт характера человека в рамках принятых обществом правовых норм.

Следует отметить, что Л.И. Петражицкий, создавая свою психологическую теорию в рамках философии права, апеллировал к психологии. При этом необходимо понимать, что его психологическая теория права была создана в начале XX в., когда психология была еще «молодой» наукой и в ней преобладали в равной мере как идеалистические (У. Джеймс, З. Фрейд), так и материалистические (Э. Торндайк, В.М. Бехтерев) подходы к определению сущности психических процессов. С момента открытия В. Вундтом в Лейпциге экспериментальной психологической лаборатории в 1879 г. психология становится наукой с определенным предметом, методологией, категориальным аппаратом. Результаты изучения познавательных, эмоциональных и волевых психических процессов стали объектом исследования и спора ученых начала XX в. К этому времени Э. Вебером, Г. Фехнером, Г. Гельмгольцем были разработаны экспериментальные психологические методики, суть которых сво-

дилась к определению и описанию зависимости психических функций от среды. При этом экспериментальная психология столкнулась с проблемой невозможности полного описания таких психических явлений, как эмоции, воля, интуиция, только математическими методами и использовала в своих исследованиях экспериментальное наблюдение. Метод экспериментального наблюдения в контексте создания психологической теории права широко использовал Л.И. Петражицкий [3].

Психическими процессами, которым Л.И. Петражицкий в рамках создания своей психологической теории философии права уделял особое внимание, являются: 1) познание – процесс формирования объективных образов окружающего мира; 2) чувство – процесс переживания приятного («положительные чувства») или неприятного («отрицательные чувства»); 3) воля – процесс стремления к «совершенению или недопущению каких либо изменений», обусловленный мотивами [2].

Основываясь на анализе таких психических процессов, как познание, чувства и воля, Л.И. Петражицкий предлагает свою схему описания элементов психической жизни. Таких элементов два. Во-первых, двусторонние, пассивно-активные – эмоции; во-вторых, «односторонние, распадающиеся в свою очередь на: а) двусторонне-пассивные, познавательные и чувственные, переживания и б) односторонне-активные, волевые переживания» [2, с. 266].

Л.И. Петражицкий в своей философии права большую роль отводит эмоциям. Он указывает, что эмоции обладают способностью, в зависимости от обстоятельств, характеризоваться большой или маленькой интенсивностью, которая в контексте экспериментального анализа позволяет выявить реальные законы, природу их функционирования. Эмоции, считает автор, опосредуют мотивы социального поведения, многие из которых сопряжены с нравственной позицией. Мотивацию социального действия, в основе которой лежат эмоции, Л.И. Петражицкий называет «авторитетно-императивной» или нравственной мотивацией. Таким образом, обосновывается психическая природа нравственности, которая в контексте этического сознания проявляется вместе с правом (нормами поведения) и представляется как единое императивно-атрибутивное

целое. Л.И. Петражицкий указывает, что «великое достоинство и преимущество императивно-атрибутивных эмоций и ассоциаций состоит именно в той силе, неуклонности и решимости мотивационного давления, которые сообщаются этическому сознанию моментом атрибутивности» [4, с. 43].

В своей психологической теории Л.И. Петражицкий выделяет два вида императивно-атрибутивных «этических эмоций»: во-первых, нравственные эмоции, императивность которых обуславливается переживанием чувства долга (обязанностей); во-вторых, правовые эмоции, атрибутивность, которых обуславливается переживанием чувства правомочия. С точки зрения Л.И. Петражицкого, переживание «этических эмоций» характеризует человека как социальное существо.

Исходя из положений «эмоциональной психологии», Л.И. Петражицкий определяет понятие «право». Право – есть императивно-атрибутивное психическое явление. Право – это правовая эмоция, переживание вызванное нормами, характеризующимися императивно-атрибутивной природой. Сущность права заключается в двухсторонней реализации обязанностей – императивов и правомочий – атрибутов, в основе которых лежат «этические эмоции» [5].

Разрабатывая психологическую теорию философии права, Л.И. Петражицкий предложил классифицировать право и выделил четыре его вида: 1) официальное право, признаваемое и поддерживаемое общественной властью; 2) неофициальное право, определяющееся индивидуальными обстоятельствами и условиями жизни людей; 3) позитивное право, защищаемое государством и регулирующее общественные отношения; 4) интуитивное право, обуславливающее поведение людей через понимание и переживание справедливости [6]. Источником всех видов права выступают «этические эмоции», поскольку они опосредуют мотивы социального поведения и обуславливают переживания правил, норм общественных отношений. При этом право характеризуется двухсторонними причинными связями. Оно появляется в результате социально-психических процессов, происходящих в обществе, и одновременно выступает фактором социально-психологической жизни, влияющим на развитие общества.

5.7.8. Философская антропология, философия культуры (философские науки)

Важно указать, что Л.И. Петражицкий разрабатывал свою психологическую теорию права в начале XX в., когда, например, учеными-юристами позитивистской ориентации определялся научный статус философии права, сводившийся к признанию возможности философии права как отрасли юридического знания и составной части теории права. Так, Н.М. Каркунов под философией права понимал этап научного познания права, который со временем закончился в связи с появлением общей теории права – новой юридической науки. Г.Ф. Шершеневич рассматривал философию права как общую теорию права. Теоретик указывает, что «философия права должна превратиться в позитивную науку, которая исследует не содержание, а форму (формальную сторону) права, право не как сущность, но как явление» [7, с. 179].

В контексте позитивистского подхода Л.И. Петражицкий предложил создать наукоемкую философию права, в которой актуализируется роль психических процессов в формировании права. «Под философией права мы разумеем общее учение о праве, как с теоретической, так и с политической точки зрения, другими словами, науку, содержащую в себе: 1) теорию, 2) политику права» [6, с. V].

Под теорией права Л.И. Петражицкий понимает научное знание о психологической сущности права, которое подтверждается в контексте использования интроспективного метода или метода экспериментального самонаблюдения. Право существует в рамках его психического переживания. Когда люди узнают о праве, знакомясь с правовыми концепциями в формах суждений, они интроспективно обнаруживают его в своей психике и переживают право эмоционально [8].

Под политикой права Л.И. Петражицкий понимает процесс научного, рационального управления социальным поведением людей посредством правовой мотивации [9]. Поскольку в основе права лежат эмоциональные психические переживания, то при «очищении» человеческой психики можно избавиться от антисоциальных паттернов. Право способно влиять на воспитание людей, которые должны жить в любви и совершать справедливые поступки. Л.И. Петражицкий указывает, что теоретической основой политики права «...должно быть общее психологическое значение факторов и процессов мотивации

человеческого поведения и развитие человеческого характера и специальное учение о природе и свойствах права, в частности учение о правовой мотивации и учение о правовой педагогике» [2, с. IX].

Следует отметить, что психологическая теория философии права Л.И. Петражицкого оказала большое влияние на формирование философско-правовой и юридической мысли. Сторонники его концепции отметили, что психологический подход к определению права имеет перспективу многовариантного понимания права как социокультурного явления. П.А. Сорокин использовал идею психологического основания права в своей социологии. Он указал, что реализация социальных коммуникаций, в основе которых лежат обязанности и права, не исключает, а актуализирует исследование психологического базиса социальных отношений. Г.Д. Гурвич отметил большой гуманистический потенциал «политики права» Л.И. Петражицкого, которая призвана обосновать роль любви и справедливости как эмоционально-психических факторов в оптимизации социально-правовых процессов. М.А. Рейснер видит заслугу философии права Л.И. Петражицкого в том, что она вернула интуитивное право, в основе которого лежит эмоциональное переживание справедливости, в контекст философско-правовой рефлексии. Отождествление интуитивного права и справедливости М.А. Рейснер понимает как источник социальных преобразований, поскольку если чувство справедливости нарушено, то социум готов к революционным действиям и восстановлению справедливости [8].

Психологическая теория философии права Л.И. Петражицкого была не только поддержана научным сообществом, но и подвергнута критике. Яркими противниками психологической концепции философии права Л.И. Петражицкого были П.И. Новгородцев, Б.Н. Чичерин, Е.Н. Трубецкой и В.И. Сергеевич.

П.И. Новгородцев критикует автора психологической теории философии права в рамках проблемы соотношения естественного и позитивного права. Он формулирует результат своего критического анализа тезисом, смысл которого заключается в понимании того, что индивидуальные психические процессы, возможно, и влияют на правовые отношения, но они не имеют социальной

базы, не являются социальным явлением. Психологический подход к определению права минимизирует роль общества в его формировании и лишает право социального статуса, сводя последнее к чисто индивидуальным психическим процессам – эмоциям. В основе естественного права, по мнению П.И. Новгородцева, лежат не эмоции, а нормы долженствования, социально-этические ценности [10].

Л.И. Петражицкого за его психологический подход к определению права также критикуют такие видные представители отечественной философии права, как Б.Н. Чичерин и Е.Н. Трубецкой.

Б.Н. Чичерин принципиально отрицает возможность формирования правоведения на основе психологии, поскольку эта наука не характеризуется точностью и достоверностью. Он считает, что нельзя создавать теорию философии права, приоритетно оперируя только категориями психологии и психическими фактами. Право не есть психическое состояние, оно есть совокупность норм [11].

Е.Н. Трубецкой критикует Л.И. Петражицкого за смешение психологического и этического в праве. По его мнению, психология не может определить сущность права, поскольку эта проблема не психологическая, основанная на индивидуальных психических переживаниях, а этическая, основанная на актуализации долженствования, на этических нормах и правилах поведения. Кроме этого, Е.Н. Трубецкой критикует Л.И. Петражицкого за метод интроспекции. Он указывает, что нельзя выводить источник права из самонаблюдения за психическим состоянием, из переживания в сознании правовых норм. Источником права является нравственная установка – «быть добру», которая перерастает в установку права – «быть правилом, нормой, регулятором внешней свободы» [12].

Содержательной с точки зрения критического анализа психологических оснований права представляются полемика В.И. Сергеевича с Л.И. Петражицким, которая сводилась к анализу и обоснованию психологического подхода к проблеме происхождения и сущности права. Полемику начал В.И. Сергеевич. Он подверг сомнению: во-первых, метод интроспекции как способ самонаблюдения за психическими переживаниями по поводу права; во-вторых, понимание эмоции как двустороннего

активно-пассивного психического явления. В.И. Сергеевич утверждает, что самонаблюдения не достаточно для научного экспериментального обоснования психологических оснований права, что эмоции – это сложные психические явления, и правовую суть их познать однозначно при помощи метода интроспекции невозможно. В.И. Сергеевич обвиняет Л.И. Петражицкого в ненаучности доводов и в стремлении выдать желаемое за действительное. Доводы Л.И. Петражицкого, пишет В.И. Сергеевич, доказывают «полную несостоятельность его попытки построить учение о праве и нравственности на началах его эмоциональной психологии» [13, с. 29–30].

В общем, в современной философии права психологическую концепцию Л.И. Петражицкого критикуют, во-первых, за некорректное, ненаучное использование понятия «права», которое объясняется в контексте его психологических оснований и используется по отношению к таким социальным явлениям как, например, социокультурный этикет, отношение преступных групп. Критика заключается в том, что такие социальные явления могут иметь психологический элемент, но для юриста первостепенно имеют правовую природу. Во-вторых, за отсутствие научного критерия для определения положительных и отрицательных качеств интуитивного права. Критика заключается в том, что Л.И. Петражицкий «...не в состоянии предоставить научный метод для различения положительного и отрицательного содержания правовых побуждений, остается формальной, как и позитивистские теории, и является в той же мере неудовлетворительной» [14, с. 202].

Важно отметить, что несмотря на критику психологических оснований права, разработанных Л.И. Петражицким, его психологическая теория права имеет теоретическое и методологическое значение в рамках решения проблемы определения статуса философии права. В настоящее время существуют различные подходы к определению понятия «философия права». Одни ученые (Г. Гуго, Гегель, Г. Радбрух) сводят философию права к части философского знания, другие (Г.Ф. Шершеневич, К. Бринкман, В.С. Нерсисянц) к юриспруденции.

В целом под философией права можно понимать сумму философских и юридиче-

5.7.8. Философская антропология, философия культуры (философские науки)

ских знаний о природе и сущности права, о его функциях, роли и месте в системе познания социально-правовых явлений, о ценности права как социокультурного явления, о человеке как субъекте правовых отношений. Вышеперечисленные аспекты философии права представлены такими разделами, как онтология права, гносеология права, аксиология права, антропология права.

В контексте критического анализа психологических оснований права, разработанных Л.И. Петражицким, следует указать на важность влияния его психологической теории на развитие целостного понимания права как социокультурного явления.

В рамках онтологии права психологическая теория права Л.И. Петражицкого позволяет актуализировать и расширить исследование проблемы бытия права, в основе которого лежат психические эмоциональные процессы, определить природу права в рамках осуществления психических переживаний человека по поводу права, описать сущность права через взаимообусловленную реализацию обязанностей (императивов) и правомочий (атрибутов), обусловленную императивно-атрибутивной мотивацией.

Список источников

1. Киейзик Л.Б. О началах Петербургской школы философии права, или О пересечении границ. Исследование истории Льва Петражицкого // Правосудие. Justice. 2020. № 3. Т. 2.
2. Петражицкий Л.И. Введение в изучение права и нравственности. Основы эмоциональной психологии. СПб., 1905.
3. Гусева В.Ю. Психологическая концепция права Л.И. Петражицкого // Юридическая наука. 2016. № 6.
4. Петражицкий Л.И. О мотивах человеческих поступков, в особенности, об этических мотивах и их разновидностях. СПб., 1904.
5. Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб., 2000.
6. Петражицкий Л.И. Очерки философии права. СПб., 1900.
7. Контарев А.А. О подходе Г. Ф. Шершеневича к определению предмета и функций философии права // Философия права. 2018. № 2(85).
8. Чуприн Д. А. Психологическая теория права Л. И. Петражицкого на историческом этапе развития науки и в истории правовой мысли // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2018. № 4.
9. Ходос Я.В. О природе политики права в учении Л.И. Петражицкого // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2023. № 9(160).
10. Кацапова И. А. Философия права П.И. Новгородцева. М., 2005.

В рамках гносеологии права психологическая теория права Л.И. Петражицкого позволяет рассматривать право в контексте его познавательных возможностей как способа познания действительности, базирующегося на эмоциональных переживаниях социальных норм, и обосновать теоретико-методологические аспекты изучения самого права как психологического явления и предмета философии права.

В рамках аксиологии права психологическая теория права Л.И. Петражицкого позволяет определить право как социокультурную ценность через анализ взаимодействия обязанностей, основанных на нравственном опыте, и правомочий, основанных на правовом опыте, оптимизировать понимание права как императивно-атрибутивной системы в контексте описания норм социального поведения.

В рамках антропологии права психологическая теория права Л.И. Петражицкого позволяет рассматривать право как естественное и социальное явление, формирование которого обусловлено природной и социальной жизнедеятельностью человека – носителя психических качеств.

References

1. Kiyezik L.B. On the Origins of the St. Petersburg School of Legal Philosophy, or On Crossing Boundaries. A Study of the History of Lev Petrazytsky // Justice. 2020. № 3. V. 2.
2. Petrazytsky L.I. Introduction to the Study of Law and Morality. Fundamentals of Emotional Psychology. St. Petersburg, 1905.
3. Guseva V.Yu. Psychological Concept of Law by L.I. Petrazytsky // Legal Science. 2016. № 6.
4. Petrazytsky L.I. On the Motives of Human Actions, Especially Ethical Motives and Their Varieties. St. Petersburg, 1904.
5. Petrazytsky L.I. Theory of Law and State in Connection with the Theory of Morality. St. Petersburg, 2000.
6. Petrazytsky L.I. Essays on the Philosophy of Law. St. Petersburg, 1900.
7. Kontarev A. A. On the Approach of G. F. Shershenevich to Defining the Subject and Functions of the Philosophy of Law // Philosophy of Law. 2018. № 2(85).
8. Chuprin D. A. Psychological Theory of Law by L. I. Petrazytsky at the Historical Stage of the Development of Science and in the History of Legal Thought // Scientific and Methodological Electronic Journal «Concept». 2018. № 4.
9. Khodos Ya. V. On the Nature of the Politics of Law in the Teachings of L. I. Petrazytsky // Science and Education: Economy and Economics; Entrepreneurship; Law and Management. 2023. № 9 (160).

11. Гильманов С.А. Л.И. Петражицкий, психология и гуманитарное знание: суждения современников // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2022. № 2(26). Т. 7.

12. Кравец К.В. Е.Н. Трубецкой о соотношении права и нравственности // *Nomothetika: Философия. Социология. Право*. 2021. № 4. Т. 46.

13. Сергеевич В.И. Мой ответ г. Петражицкому. СПб., 1910.

14. Синха С.П. Философия права. Краткий курс. М., 1996.

10. Katsapova I. A. *Philosophy of Law* by P. I. Novgorodtsev. Moscow, 2005.

11. Gil'manov S. A. L. I. Petrazhitzky, psychology and humanitarian knowledge: judgments of contemporaries // *Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. Social and Economic Psychology*. 2022. № 2 (26). V. 7.

12. Kravets K. V. E. N. Trubetskoy on the relationship between law and morality // *Nomothetika: Philosophy. Sociology. Law*. 2021. № 4. V. 46.

13. Sergeevich V. I. My answer to Mr. Petrazhitzky. St. Petersburg, 1910.

14. Sinha S. P. *Philosophy of Law. Short Course*. Moscow, 1996.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Бурлуцкий Андрей Николаевич, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных дисциплин. Ростовский филиал Российской таможенной академии. 344002, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, пр. Буденновский, 20.
ORCID: 0009-0004-4412-9508

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Burlutsky Andrey Nikolaevich, PhD in Philosophy, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Humanities. Rostov branch of the Russian Customs Academy. 20, Budennovskiy ave., Rostov-on-Don 344002 Russian Federation.

**ПРАВОВЫЕ И РЕЛИГИОЗНЫЕ ПРЕДПИСАНИЯ ИСЛАМА
В КОНТЕКСТЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ**

Оленич Тамара Станиславовна

Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону, Российская Федерация,
tamara1970@inbox.ru

Журбин Валерий Алексеевич

Православная воскресная школа при храме Святой равноапостольной княгини Ольги, ст-ца Ольгинская,
Российская Федерация, zhurbin.va@gmail.com

Введение: на протяжении длительного исторического периода ислам выступает в качестве важного фактора духовного развития народов. Авторами рассматривается вопрос о насущной необходимости изучения и понимания основ ислама, как мировой религии с целью исключения межконфессиональных разногласий и конфликтов на религиозной почве.

Материалы и методы: в статье используются общенаучные методы: метод сравнительного анализа и научного обобщения. Исследование построено на комплексе исторических источников, представленных в теологической и религиозной литературе.

Результаты исследования: проанализировав научные статьи и публикации, посвященные историческим предпосылкам возникновения ислама, выявив причины разделения на религиозные течения и группы для понимания генезиса мусульманского права и его истоков, авторы пришли к заключению, что традиционный ислам выступает в качестве своеобразного сдерживающего фактора от религиозного экстремизма и способствует формированию у молодежи мировоззрения, основанного на нравственных ценностях.

Выводы и заключения: для России проблема ислама и исламского фактора имеет важнейшее значение, поскольку Россия исторически связана с мусульманским миром. Эти геополитические реалии диктуют необходимость внимательнейшим образом относиться к исламскому фактору, учитывать его при принятии и реализации решений по внутри- и внешнеполитическим вопросам. В этой связи потребность в объективной информации об исламе особенно ощущается в наше время, когда в силу исторических обстоятельств, глобальных и геополитических процессов неизмеримо вырос интерес к исламу не только со стороны специалистов, но и самых широких слоев населения.

Ключевые слова: ислам, пророк Мухаммад, сунниты, шииты, мусульманское право.

Для цитирования: Оленич Т. С., Журбин В. А. Правовые и религиозные предписания ислама в контексте национальной безопасности России / Т. С. Оленич, В. А. Журбин // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2025. № 1 (112). – С. 228–232.

Original paper

**LEGAL AND RELIGIOUS PRESCRIPTIONS OF ISLAM
IN THE CONTEXT OF RUSSIA'S NATIONAL SECURITY**

Olenich Tamara Stanislavovna

Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russian Federation

Zhurbin Valery Alexeevich

Christian Orthodox Sunday School at the Church of the Holy Equal-to-the-Apostles Princess Olga, Olginskaya village, Russian Federation

Introduction: for a long historical period, Islam has been an important factor in the spiritual development of peoples. The authors consider the urgent need to study and understand the foundations of Islam as a world religion in order to eliminate interfaith disagreements and conflicts on religious grounds.

Materials and methods: the article uses general scientific methods: the method of comparative analysis and scientific generalization. The study is based on a set of historical sources presented in theological and religious literature.

Results of the study: having analyzed scientific articles and publications devoted to the historical prerequisites for the emergence of Islam, having identified the reasons for the division into religious movements and groups in order to understand the genesis of Muslim law and its origins, the authors came to the conclusion that traditional Islam acts as a kind of deterrent against religious extremism and contributes to the formation of a worldview among young people based on moral values.

Findings and conclusions: The problem of Islam and the Islamic factor is of utmost importance for Russia, since Russia has historically been linked to the Muslim world. These geopolitical realities dictate the need to pay close attention to the Islamic factor and take it into account when making and implementing decisions on domestic and foreign policy issues. In this regard, the need for objective information about Islam is especially felt in our time, when, due to historical circumstances and global and geopolitical processes, interest in Islam has grown immeasurably not only among specialists, but also among the general population.

Keywords: Islam, Prophet Muhammad, Sunnis, Shiites, Muslim law.

For citation: Olenich T. S., Zhurbin V. A. Legal and religious prescriptions of Islam in the context of Russia's national security / T. S. Olenich, V. A. Zhurbin // *Philosophiya prava : scientific-theoretical journal*. Rostov-on-Don. 2025. № 1 (112). – Pp. 228–232.

Ислам, возникший в VII в. как религиозное течение, играет значительную роль в истории человечества. Религия во все времена была и продолжает оставаться в центре человеческого внимания. Российская Федерация, являясь светским и многоконфессиональным государством, придерживаясь принципа невмешательства в определении гражданами своей религиозной принадлежности, тем не менее учитывает религиозный фактор ислама, не только потому, что исторически связана с миром ислама, но и потому, что в настоящее время религию ислам исповедуют более 15 млн граждан России.

Президент России В.В. Путин, выступая на Всемирном саммите религиозных лидеров в 2006 г., указал на необходимость налаживания конструктивного межконфессионального диалога между основными религиозными конфессиями России для противодействия экстремизму, отметив: «Мы хорошо знаем, сколь мощной объединяющей силой может быть религия, но не менее хорошо видим, к чему ведет самозваная проповедническая деятельность отдельных экстремистских лидеров, идеологов, цинично использующих чувства верующих» [6].

В связи с этим без глубокого и подробного знакомства с основами религии – ислам, с течениями и группами в исламе невозможно будет разяснить сочувствующему их взглядам опасные заблуждения, существующие в исламе, ведущие к экстремизму и фанатизму, способные в конечном итоге привести к дестабилизации взаимоотношений межконфессиональных религиозных групп и, как следствие, повлиять на национальную безопасность российского государства.

Мировая религия – ислам – это сложное,

порой противоречивое явление, состоящее из различных направлений и течений. Тем не менее у людей, исповедующих ислам, существует твердое убеждение, что они принадлежат к единой группе людей, исповедующих общую веру, придерживающихся общих исторических традиций и образа жизни.

Вся жизнь мусульманина, все его стороны жизни включены в систему социального и политического регулирования, направленные на создание у него ощущения близости к Богу, через исполнение заветов, изложенных в священных книгах ислама и указаний религиозных лидеров, и, как следствие, религиозная мусульманская община может быть подвержена влиянию извне деструктивными элементами для ее дальнейшей политизации и консолидации в структуру радикального толка. Вот почему так важно знать и на практике применять знания об исламе.

Первопричина возникновения новой религии в конце VI в. в Аравии связана с духовным надломом и с взрывом этногенеза арабского общества [7], при ослаблении доминирования в этом районе государств – Византии и Персии, что повлекло за собой проявление оригинальной консорции, с его новой идеологией и новой религией.

В 20-х гг. VII в. на политической арене Аравии появился человек, носивший имя Мухаммед (или Мухаммад, что означает «прославленный»), предложивший своим соотечественникам новую религию – ислам (от араб. *is'la:m* – покорность, предание себя [Единому] Богу).

Основы религии – ислам включают в себя: веру в Аллаха (Единобожие), веру в пророчество, веру в судный день, а также свидетельство веры (шахада), молитву (намаз),

5.7.8. Философская антропология, философия культуры (философские науки)

пост (савм); милостыню (закят), паломничество в Мекку (хаджж) [5].

В исламе отсутствует такой институт, как церковь, и догматика, подобная той, что есть в христианстве. Основные положения вероучения ислама изложены в Коране, хадисах и Священных преданиях о жизни пророка Мухаммада. Если кто-то отвергает или отрицает основу, относящуюся к религии в целом, то он является вышедшим из религии ислам. Если же кто-то отвергает или отрицает основу, относящуюся к правовой школе (мазхаб), то он является вышедшим из ложа мазхаба, но не выходит за рамки ислама [15].

Ислам сегодня является второй после христианства мировой религией, которую исповедуют около 1,5 млрд человек по всему миру. Мусульманские общины имеются более чем в 120 странах, при этом в 35 странах мусульмане составляют большинство населения, в 29 странах последователи ислама представляют собой влиятельные меньшинства, а в 28 – ислам признан государственной или официальной религией (Египет, Кувейт, Иран, Ирак, Марокко, Пакистан, Саудовская Аравия и др.) [1, с. 345]. Примерно 85 % мусульман мира составляют сунниты, 15 % – шииты вместе с небольшим меньшинством, в которое входят члены исламских сект (ахмадиты, алавиты, друзы, ибадиты, исмаилиты и др.) [9].

Сунниты – последователи наиболее многочисленного направления в исламе. Согласно воззрению суннитов, верховная власть в халифате должна принадлежать халифам, избираемым всей общиной из числа наиболее авторитетных членов племени курейшитов, к которым принадлежал и сам пророк Мухаммад [15, с. 79–80]. Большинство российских мусульман – сунниты, придерживающиеся ханафитского и шафиитского мазхабов.

Шииты – вторые по числу приверженцев направления ислама. Отличительной чертой шиитов является убеждение в том, что руководство мусульманской общиной должно принадлежать Имамам – назначенным Богом избранным лицам из числа потомков Пророка [15]. К шиитским направлениям в исламе относятся умеренные шииты – двенадцатники и зейдиты и крайние шииты – исмаилиты, алавиты и кайсаниты [13]. По численности шииты составляют не более 15 % всех исповедующих ислам, в России к этому направлению ислама принадлежит небольшая часть лезгин и даргинцев в Дагестане, татар Нижнего Поволжья и большая часть проживающих в нашей стране азербайджанцев [14].

Одним из радикальных течений в исламе можно выделить течение салафитов, которые считают себя последователями чистого ислама, при этом остальных мусульман они считают еретиками – отклонившимися от правильного ислама. Однако практическое распространение учения произошло лишь в XX в. благодаря появлению государства Саудовская Аравия и движению ваххабитов. Первые ваххабиты были агрессивными по отношению к другим мусульманам, использовали силовые методы распространения убеждений. Ваххабиты способствовали появлению в исламском мире целого ряда деструктивных явлений, до сих пор создающих конфликты во многих странах [4].

Ислам, как и другие мировые религии, дополняет общую систему социальной регуляции, сложившуюся в современном мире. Человек в своей жизни руководствуется не только светским законом, но и нормами морали нравственности, которые во многом основаны на религиозных писаниях. Религия и право должны стремиться к гармоничному взаимодействию.

В данном контексте взаимодействие норм исламского права и норм светского права Российской Федерации не предполагает применения в России религиозных норм в качестве правовых, т. к. в соответствии со ст. 14 Конституции РФ «...никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной...» [11] и согласно ст. 4 Федерального закона от 26.09.1997 № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» «...не возлагает на религиозные объединения выполнение функций органов государственной власти, других государственных органов, государственных учреждений и органов местного самоуправления...» [16].

Для того чтобы понимать генезис мусульманского права и его истоки, необходимо уяснить догму о том, что единственный источник права для мусульманина – «это Аллах, а под нормой права понимаются, нормы поведения, установленные Аллахом» [10]. Считается, что любая норма должна основываться на одном из источников права. Она может быть передана через откровение, т. е. напрямую или опосредованно через вывод богослова, поэтому для исламского права характерно наличие некоего логического круга в процессе обоснования той или иной нормы [12].

Законодательное право, семейно-брачные, бытовые отношения, основанные на священной книге мусульман – Коране и сунне, объединены в свод законов, именуемый

шариат (араб. – «ясный путь»). «Массовым сознанием шариат воспринимается как исламский образ жизни в целом, всеобъемлющий комплекс правил поведения, состоящий из самых разнообразных юридических, бытовых норм, а также обычаев» [13, с. 119]. К дополнению к шариату разработана система правил, регулирующих религиозное и мирское поведение человека в обществе в целом, и эта правовая система называется фикх. Без фикха невозможно представить исламскую юриспруденцию в целом.

Законодательные акты и неисламские нормы и предписания отличаются от шариата и фикха отсутствием сакрального смысла, которым последние наделяют обыденную жизнь мусульманина, поэтому любое действие человек соотносит с заветами Бога не просто с религиозной точки зрения, а в контексте реальной правоприменительной деятельности. По количеству практических указаний шариат уступает фикху, однако ввиду того, что шариат ниспослан Всевышним, его содержание оказывается шире фикха. Одной из тенденций исламского богословия является содержательное разделение шариата и фикха, а соотношение носит всего лишь характер взаимодействия источника и норм, фикх трактуется как толкование шариата. Шариат и фикх строятся по принципу дозволения и запрета действий, т. е. основной идеей является «обязательство, наложенное на человека, а не концепция предоставления ему прав» [2].

«Поэтому анализ исламского понимания прав человека не может обойтись без его сопоставления с либерально-демократическими взглядами и позициями мировых религий по данному предмету. Кроме того, тема прав человека оказывается в центре сложных проблем и даже конфликтов, сопровождающих появление и быстрый рост мусульманских меньшинств на Западе. Естественно, рассмотрению этих вопросов должно предшествовать знакомство с исламской концепцией прав человека с акцентом на ее религиозные и правовые основания» [14].

Для России религия ислама и исламских течений имеет важнейшее внутри- и внешнеполитическое значение, поскольку наша страна исторически связана с мусульманским миром. Эти геополитические реалии диктуют необхо-

димость внимательнейшим образом относиться к исламскому фактору, учитывать его при принятии и реализации решений по внутри- и внешнеполитическим вопросам [8, с. 3].

И когда в наше сложнейшее время межрелигиозная напряженность подогревается искусственно и искусно, заострение расхождений веры, обсуждение взаимно заведомо неприемлемых догматов веры между христианами и мусульманами не может принести ничего, кроме вреда. Это не нужно ни мусульманам, ни православным христианам.

Поэтому так необходим диалог между православием и исламом не только для разрешения конфессиональных проблем, но в большей степени для решения общеполитических и национальных вопросов. Именно религия в современных условиях обладает наибольшей мобилизующей силой позволить народу России отстоять свою цивилизационную судьбу в условиях международного терроризма и нападок извне.

«Межнациональные отношения требуют межрелигиозного диалога в качестве важнейшего компонента общего культурного диалога. В связи с этим проблема межрелигиозного диалога становится необычайно актуальной не только в сфере межрелигиозных взаимоотношений, но становится фактором, оказывающим влияние на культурную, социально-экономическую и политическую жизнь общества. На пути развития такого диалога существует немало препятствий, в частности, распространение радикального религиозного фундаментализма, сторонники которого имеются во всех конфессиях, который в принципе отрицает диалог как общение участников равного достоинства» [3].

Потребность в объективной информации об исламе неизмеримо вырос не только со стороны специалистов, но и самых широких слоев населения. Существование общих взглядов и ответов на важные вопросы, которыми задаются христиане и мусульмане, очень полезно не только знать, но разбираться в их нюансах, чтобы в конечном итоге бороться с собственными предрассудками и иметь возможность донести собственные познания на основе конструктивного диалога и взаимопонимания.

Список источников

1. Аринин Е.И. Философия религии. Академическое введение в основные концепции и термины: учеб. пособие. Владимир, 2014.
2. Бартольд В.В. Мусульманский мир. Сочинения. Т. VI.

References

1. Arinin E.I. Philosophy of religion. Academic introduction to basic concepts and terms: textbook. Vladimir, 2014.
2. Bartold V.V. Muslim world. Works. V. VI.

5.7.8. Философская антропология, философия культуры (философские науки)

3. Баширов Л.А. Православно-исламские взаимоотношения в современной России: проблемы и перспективы диалога. URL: <https://missia.me/2009-08-19-23-52-27/> (дата обращения: 11.12.2024).

4. Ваххабизм: понимание корней и ролевых моделей исламского экстремизма. Казань, 2005.

5. Вероучение ислама: обоснование суннитских воззрений по ряду основополагающих вопросов. Казань, 2005.

6. Выступление Президента России В.В. Путина на открытии Всемирного саммита религиозных лидеров (Москва, 4 июля 2026 г.). URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/news/1740772/ (дата обращения 15.01.2025).

7. Гумилев Л.Н. Древняя Русь и великая степь. М., 2019.

8. Добаев И.П. Исламский радикализм: социально-философский анализ. Ростов н/Д, 2002.

9. История религии. Эволюция исторического процесса. Ч. I. Ранний и авраамический периоды: уч. пособие. Махачкала, 2009.

10. Колесников П.М. Мусульманское право в правовых системах стран ближнего востока. М., 2012.

11. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). URL: <https://www.garant.ru/doc/constitution/> (дата обращения: 15.01.2025).

12. Ланда Р.Г. Ислам в истории России. М., 1995.

13. Матвеев К.П. История ислама. М., 2005.

14. Сюкияйнен Л.Р. Ислам и права человека: уч. пособие. М., 2015.

15. Шагавиев Д.А. аль-Фирак. Исламские течения и группы: уч. пособие. Казань, 2015.

16. О свободе совести и о религиозных объединениях: федер. закон от 26.09.1997 № 125-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_16218/ (дата обращения: 11.01.2025).

3. Bashirov L.A. Orthodox-Islamic relations in modern Russia: problems and prospects of dialogue. URL: <https://missia.me/2009-08-19-23-52-27/> (date of access: 11.12.2024).

4. Wahhabism: understanding the roots and role models of Islamic extremism. Kazan, 2005.

5. The doctrine of Islam: justification of Sunni views on a number of fundamental issues. Kazan, 2005.

6. Speech of the President of Russia V.V. Putin at the opening of the World Summit of Religious Leaders (Moscow, July 4, 2026). URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/news/1740772/ (date of access: 15.01.2025).

7. Gumilyov L.N. Ancient Rus' and the Great Steppe. Moscow, 2019.

8. Dobaev I.P. Islamic radicalism: socio-philosophical analysis. Rostov n / D, 2002.

9. History of religion. Evolution of the historical process. Part I. Early and Abrahamic periods: teaching aid. Makhachkala, 2009.

10. Kolesnikov P.M. Muslim law in the legal systems of the Middle East. Moscow, 2012.

11. Constitution of the Russian Federation (adopted by nationwide vote on 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020). URL: <https://www.garant.ru/doc/constitution/> (date of access: 15.01.2025).

12. Landa R.G. Islam in the history of Russia. Moscow, 1995.

13. Matveyev K.P. History of Islam. Moscow, 2005.

14. Syukiyainen L.R. Islam and human rights: teaching aid. Moscow, 2015.

15. Shagaviev D.A. al-Firaq. Islamic movements and groups: teaching aid. Kazan, 2015.

16. On freedom of conscience and religious associations: federal. Law of September 26, 1997 № 125-FL. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_16218/ (date of access: 11.01.2025).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Оленич Тамара Станиславовна, доктор философских наук, профессор кафедры православной культуры и теологии. Донской государственный технический университет. 344003, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1.
ORCID: 0000-0002-1212-9181

Журбин Валерий Алексеевич, преподаватель православной воскресной школы при храме Святой равноапостольной Ольги. 346702, Российская Федерация, Ростовская обл., Аксайский р-н, ст-ца Ольгинская, ул. Ленина, 74.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Olenich Tamara Stanislavovna, Grand PhD in Philosophy, Professor of the Department of Orthodox Culture and Theology. Don State Technical University. 1, Gagarin Square, Rostov-on-Don 344003 Russian Federation.

Zhurbin Valery Alexeevich, lecturer at the Orthodox Sunday School at the Church of the Holy Equal-to-the-Apostles Olga. 74, Lenin St., Olginskaya village, Aksai district 346702 Russian Federation.

**К ПРОБЛЕМЕ АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ ОСНОВАНИЙ АВТОРСКОГО ПРАВА:
ПОНЯТИЯ АВТОРСТВА, ТВОРЧЕСТВА И ОРИГИНАЛЬНОСТИ ТЕКСТОВ,
СОЗДАНЫХ ПРИ ПОМОЩИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА
ЧАСТЬ 1. ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ В КОНТЕКСТЕ ПОСТМОДЕРНИСТСКИХ
ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ОБ АВТОРСТВЕ**

Топилина Анна Васильевна

Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Ростов-на-Дону, Российская Федерация,
spring6@yandex.ru

Рожковский Виталий Борисович

Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Российская Федерация,
v-rozkovskiy@mail.ru

Введение: феномен существенного влияния искусственного интеллекта на жизнь конкретных людей и общества в целом в настоящее время и ближайшем будущем закономерно становится предметом многочисленных дискуссий философов, социологов и юристов по различным вопросам в области антропологии, философии техники, социальной философии, правотворчества и правоприменительной практики. В статье рассматриваются вопросы, связанные с определением авторских прав на произведения, сгенерированные с помощью искусственного интеллекта.

Материалы и методы: основным методом исследования является сравнительный анализ правовой доктрины отечественного законодательства в области авторского права и постмодернистских представлений и иных взглядов в отношении определения авторства на произведения. Использовались также общенаучные методы анализа, синтеза, обобщения и аналогии.

Результаты исследования: в результате исследования авторами были выявлены и сформулированы основные проблемы, связанные с определением авторства на произведения, созданные с применением искусственного интеллекта. Проблематика определения авторства связана с дискуссионными постмодернистскими представлениями о «смерти автора» и природе творчества, которые можно коррелировать с происшедшими в XX – начале XXI в. культурно-мировоззренческими изменениями и существенным влиянием на сознание людей экстенсивного развития технологий.

Выводы и заключения: в результате проведенного анализа формулируется вывод о сути проблематики авторского права в отношении произведений, сгенерированных с использованием искусственного интеллекта: если в контексте постмодернистских представлений о «смерти автора» любое произведение по своей сути не может быть оригинальным и является воспроизводством уже существующих идей и сюжетов, то с точки зрения юриспруденции упор делается на технической оригинальности как признака отсутствия плагиата. С этой позиции произведение, созданное с применением искусственного интеллекта, несомненно, оригинально, поскольку не содержит технических повторов, однако остается открытым вопрос пользования правами на подобное произведение. При этом вне области правового регулирования остается плагиат идей, хотя в нем кроется риск неправомерного присвоения содержания чужих открытий.

Ключевые слова: авторское право, искусственный интеллект, автор, смерть автора, сгенерированный контент, нейросеть, оригинальность, постмодернизм, творчество.

Для цитирования: Топилина А. В., Рожковский В. Б. К проблеме антропологических оснований авторского права: понятия авторства, творчества и оригинальности текстов, созданных при помощи искусственного интеллекта. Часть 1. Постановка проблемы в контексте постмодернистских представлений об авторстве / А. В. Топилина, В. Б. Рожковский // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2025. № 1 (112). – С. 233–239.

Original paper

**ON THE PROBLEM OF ANTHROPOLOGICAL FOUNDATIONS OF COPYRIGHT:
THE CONCEPTS OF AUTHORSHIP, CREATIVITY AND ORIGINALITY
OF TEXTS CREATED USING ARTIFICIAL INTELLIGENCE.
PART 1. FORMULATION OF THE PROBLEM IN THE CONTEXT
OF POSTMODERNIST IDEAS ABOUT AUTHORSHIP**

Topilina Anna Vasilyevna

Rostov State University of Economics (RINH), Rostov-on-Don, Russian Federation

5.7.8. Философская антропология, философия культуры (философские науки)

Rozhkovsky Vitaly Borisovich

Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russian Federation

Introduction: the phenomenon of the significant influence of artificial intelligence on the lives of specific people and society as a whole at present and in the near future naturally becomes the subject of numerous discussions of philosophers, sociologists and lawyers on various issues in the field of anthropology, philosophy of technology, social philosophy, lawmaking and law enforcement practice. The article considers issues related to the definition of copyright in works generated using artificial intelligence.

Materials and methods: the main research method is a comparative analysis of the legal doctrine of domestic legislation in the field of copyright and postmodernist ideas and other views on determining authorship of works. General scientific methods of analysis, synthesis, generalization and analogy were also used.

Results of the study: as a result of the study, the authors identified and formulated the main problems associated with determining authorship in works created using artificial intelligence. The problem of determining authorship is associated with controversial postmodernist ideas about the «death of the author» and the nature of creativity, which can be correlated with the cultural and ideological changes that occurred in the 20th - early 21st centuries and the significant impact of extensive technological development on people's consciousness.

Findings and conclusions: as a result of the analysis, a conclusion is formulated about the essence of the problem of copyright in relation to works generated using artificial intelligence: if in the context of postmodernist ideas about the «death of the author» any work cannot be original in essence and is a reproduction of existing ideas and plots, then from the point of view of jurisprudence, the emphasis is on technical originality as a sign of the absence of plagiarism. From this position, a work created using artificial intelligence is undoubtedly original, since it does not contain technical repetitions, but the question of the use of rights to such a work remains open. At the same time, plagiarism of ideas remains outside the scope of legal regulation, although it contains the risk of unlawful appropriation of the content of other people's discoveries.

Keywords: copyright, artificial intelligence, author, author's death, generated content, neural network, originality, postmodernism, creativity.

For citation: Topilina A. V., Rozhkovsky V. B. On the problem of anthropological foundations of copyright: the concepts of authorship, creativity and originality of texts created using artificial intelligence. Part I. Formulation of the problem in the context of postmodernist ideas about authorship / A. V. Topilina, V. B. Rozhkovsky // *Philosophiya prava : scientific-theoretical journal*. Rostov-on-Don. 2025. № 1 (112). – Pp. 233–239.

Искусственный интеллект (далее – ИИ) перешел из разряда научно-фантастических допущений в явление повседневной человеческой реальности всего за последние несколько десятилетий. Согласно определению ИИ, изложенному в ст. 5 Национальной стратегии развития искусственного интеллекта до 2030 г., утвержденной Указом Президента РФ от 10 октября 2019 г., искусственный интеллект – это «совокупность технологических решений, способных имитировать когнитивные функции человека и достигать результатов, как минимум сопоставимых с человеческим интеллектом, что также включает в себя способность к самообучению и поиску решений без заранее заданных алгоритмов» [1].

Таким образом, в определении ИИ основной упор делается на способности искусственного интеллекта подражать естественному. Однако содержательно мышление человека и функциональная деятельность нейросети значительно отличаются. Искусственный интеллект задействует анализ и синтез (в их технологическом, инструментальном значении), при этом огромное значение для работы ИИ имеет ранее загружен-

ный и проанализированный контент. В то время как человек в своей деятельности, в частности, при принятии решений или производстве выводов опирается на опыт во всей его специфически «человеческой» полноте, включая духовно-мистический опыт, художественно-образное мышление, подсознательные интуитивные «подсказки», вообще использует в жизненном опыте целый ряд как рациональных, так и иррациональных факторов и мотивов.

Существуют области, где нерациональные факторы используются в значительно меньшей степени, чем рациональные. В сфере цифрового анализа, составления отчетов и создания моделей ИИ является незаменимым вспомогательным инструментом, оперативно выполняющим техническую работу. Однако в настоящее время ИИ способен не только к упрощенному техническому (инструментальному, цифровому) анализу. Появившиеся несколько лет назад инструменты, при помощи которых нейросети могут генерировать оригинальные тексты, картинки, музыку или видео, вызвали к жизни дискуссии о пределах применения понятия авторства, творчества и оригинальности в

отношении произведений ИИ и их отношении к личности и творческой деятельности человека.

Считается, что термин «искусственный интеллект» изобретен Джоном Маккарти в 1956 г. в рамках исследовательского проекта Дартмутского колледжа, где изучались возможности ИИ. Ученые создали алгоритмы обучения машинного интеллекта, основанного на естественном языке и системе распознавания правильных и неправильных ответов. В 1961 г. британским ученым Дж. Вайзенбаумом написана первая разговорная компьютерная программа «Элиза». В 1960-х гг. стремительно развивались игровые программы, основанные на четких правилах, например, шашки, а также робототехника, в которой учитывались необходимые движения рабочего на заводе. В 1970-х гг. нейронные сети уже могли на основе анализа данных принимать экспертные решения в области медицины или юриспруденции, были разработаны первые беспилотные автомобили и беспилотные летательные аппараты. В 1980–1990-е гг. появились практически все возможности, которыми мы пользуемся сегодня: приложения для трейдеров, торговли, банковского бизнеса, боты, виртуальные помощники. В настоящее время некоторые технологии, относимые к ИИ, перешли из разряда используемых учеными и инженерами в явление, влияющее на сознание и повседневную жизнь обычных людей.

Принято выделять три типа ИИ: «слабый ИИ», «сильный ИИ» и «супер-ИИ». Все реально существующие на сегодняшний день технологии представляют лишь «слабый ИИ», т. е. составляют наиболее эффективный маршрут передвижения, управляют «умными» устройствами, прогнозируют изменения климата, демографии и экономического поведения, применяются при анализе больших баз данных в экономике, медицине, образовании и различных сферах науки, работают голосовыми помощниками, позволяют составлять отчеты, делают модели и создают оригинальный контент. Предполагается, что «сильный ИИ» будет равен или превосходить человеческий интеллект, а «супер-ИИ» будет сам себя перепрограммировать, обучать и ставить себе задачи. «Супер-ИИ» уже стал результатом художественно-образного «запределивания», в частности, героем многочисленных научно-фантастических антиутопий о будущем, в котором машины делают самостоятельный вывод, что дальнейшая история (разума) будет осуществляться без людей («Голем XIV» С. Лема), а также

способы превзойти законы робототехники, сформулированные А. Азимовым [2, с. 781–784]. При этом «сильный ИИ» и «супер-ИИ» пока представляются лишь отдаленными и, возможно, никогда не реализуемыми, мифическими перспективами (хотя уже и существенно влияющими на сознание людей).

Современные возможности «слабого ИИ» уже ставят ряд вопросов перед учеными самых разнообразных областей, основными среди которых являются этико-правовые вопросы. Философы пытаются проанализировать влияние ИИ на жизнь современного человека и составить представление о том, как изменится восприятие человеком самого себя и других людей вследствие все большего перехода в виртуальный мир и переноса ряда «разумных» и «творческих» функций на нейросети. Проблема во многом заключается в том, что и общество, и мировоззрение людей существенно изменились за последние полтора столетия. В сопряжении с этим в ряде философских школ и направлений были переосмыслены многие фундаментальные категории онтологии, этики, антропологии. В связи с влиянием на жизнь людей современных технологий и утопий научного и технократического характера по-новому были поставлены извечные философские проблемы о границах человеческой природы, онтологии человеческой личности, сущности творчества. Одновременно со стремительным развитием технологий их влияние на сознание и бытие личности, социальные коммуникации и правовые отношения приводит к угрозам упрощения и замещения способностей человеческой природы, в особенности способности творчества как уникального духовного акта личности, образующего личностную идентичность.

На данные угрозы еще задолго до появления ИИ обращали внимание мыслители экзистенциального и религиозно-философского направления, отмечавшие нарастающую угрозу духовного отчуждения в творчестве при создании современного мира техники и передаче ей своего рода «творческой эстафеты». В результате духовного отчуждения человек «чувствует себя уже не творцом и господином, а лишь слугою вылепленного им идола» [3, с. 98], перестает ощущать себя активным деятелем, единственным и неповторимым существом, отчуждается от своих духовно-творческих способностей, предстает «вещью» или «товаром». В контексте использования ИИ духовное отчуждение может быть следствием как разрыва (бесконтрольного) использования возможностей

5.7.8. Философская антропология, философия культуры (философские науки)

ИИ со значимыми духовными ценностями человечества, так и утраты человеческого авторства над любыми произведениями, в том числе и над самим ИИ вследствие его экстенсивного развития (так называемого «интеллектуального взрыва»).

Тем не менее юристы, осознавая, что ИИ (наряду с человеком) фактически становится участником правоотношений, пытаются найти ему место в правовой доктрине, даже определить границы (возможной) «ответственности» и «правосубъектности» ИИ. Основные трудности возникают в сфере гражданского права, в частности в области авторского права, поскольку ИИ сегодня активно используется для создания оригинального контента – изображений, текстов, видео и музыки. В особенности это касается понятий (авторского) творчества и творческого процесса – ключевых для концепта «авторское право».

Так, согласно Гражданскому кодексу РФ «автором результата интеллектуальной деятельности признается гражданин, творческим трудом которого создан такой результат» [4]. При этом критерии творческой деятельности остаются неочевидными, так же как отсутствует определение «плагиата». В ст. 146 УК РФ «Нарушение авторских и смежных прав» [5] плагиат фигурирует как синоним присвоения авторства, при этом очевидно, что речь идет об использовании результата интеллектуальной деятельности целиком. Верховный Суд РФ разъяснил, что к плагиату относятся «объявление себя автором чужого произведения, выпуск чужого произведения (в полном объеме или частично) под своим именем, издание под своим именем произведения, созданного в соавторстве с другими лицами, без указания их имени» [6]. В российской правовой доктрине, таким образом, охраняется (от неправомерного использования) форма произведения, но не его содержание, в то время как в наиболее широком понимании плагиат как воспроизведение идей, символов, теорий, принадлежащих определенным людям, без указания авторства, остается за пределами правового регулирования.

Понятия авторства, творчества и плагиата остаются непроясненными не только в праве. Эти концепты стали проблемными в философии второй половины XX в., сделавшись предметом дискуссий, а также одной из предпосылок возникновения постмодернизма как влиятельного философского и общекультурного проекта. К середине XX в., после модернистских экспериментов пер-

вой половины столетия, в творческой среде сложилось видение творческого процесса, коротко выраженное в тезисе «все сказано».

Суть этого тезиса сводилась к следующему: творцы осознали, что любое творчество перестало нести в себе новизну, являясь повтором уже созданного ранее, и значит, любое новое произведение, сочетая в себе уже имеющиеся жанровые клише, сюжеты, материалы и идеи, теряет главную особенность творческого процесса – оригинальность. Постмодернисты предложили принять тезис «все сказано» за аксиому и создавать произведения, опираясь на принцип интертекстуальности, играя с другими текстами, жанрами и идеями.

Концепция переноса внимания с личности автора и его интенций на разнообразные слои текста, являющиеся следствием наполнения писателя (потому что он только пишет текст) разнообразными контекстами и впитанными им идеями, смыслами и сюжетами, была сформулирована Р. Бартом в эссе «Смерть автора», вышедшем в 1967 г. [7, с. 384–391]. Эта концепция прочно вошла в постмодернистскую философию, претендуя на отражение культурно-мировоззренческого восприятия современным человеком процесса творчества, в котором любой текст в принципе не может быть оригинальным.

Существенно важно, что «Смерть автора» явилась, по замыслу философов-постмодернистов, частью процесса «разбожествления» мира. Поскольку первым «автором», исключенным ими из оригинальных творцов «текста» мироздания, была Абсолютная личность – Бог-Логос, вкладывающий в христианской картине мира в создаваемый мир смыслы-логосы, и создающий по Своему образу и подобию разумно-духовное существо – человека, способного к творческому акту (авторству). В христианской картине мира Бог сотворил и продолжает творить мир, присутствуя в нем, наполняя его своими творческими энергиями и вдохновляя человека на создание (открытие) нового. Мир, таким образом, представляет собой художественное произведение Создателя, в котором осуществляется диалог в конечном счете между двумя авторами (совершенным Творцом Богом и его читателем и несовершенным творцом-подражателем человеком). Постмодернистская же интерпретация означает, что изначального Божественного автора текста мироздания не существует, а человек-автор определяется не более чем компилятором, куратором существующих идей, а не настоящим создателем, творцом. Иными словами,

человек больше не является единственным источником своей работы, а становится скорее каналом для «хора голосов прошлого».

Таким образом (в постмодернистской интерпретации), автору уже не нужно пытаться создать оригинальное произведение, которое было бы результатом его творческого («божественного») гения, и преодолевать пропасть между человеческим несовершенством, субъективностью, греховностью и т. п. и совершенством и гармонией Божественной реальности (как это, в частности, доказывал Ф. Шеллинг). Ведь автор, согласно постмодернистским представлениям, лишь способен играть с реципиентами (читателями, зрителями, слушателями), закладывая в произведение широкий спектр смыслов, отсылок к другим произведениям, идеям, жанрам, используя общее культурное (информационное) поле. Созданный в результате таких манипуляций с предшествовавшими произведениями, жанрами, идеями, клише, героями и пр. текст (в постмодернизме текстом называется любое произведение искусства) начинает жить собственной жизнью в сознании читателя в силу культурной компетенции самого читателя.

Так, зритель мультфильма «Шрек 2» увидит прямые цитаты из фильмов «Матрица» и «Человек-паук», но сможет их распознать только при наличии соответствующей культурной компетенции. При этом вопрос о том, является ли заимствование фрагментов «Матрицы» и «Человека-паука» и включение их в видеоряд мультфильма «Шрек 2» плагиатом, остается открытым. Постмодернизм вообще предлагает отказаться от понятия «плагиат», сведя все заимствования к пониманию их как цитирования и пародий в качестве элементов интертекстуальности в широком смысле. В постмодернизме основной упор делается на компетенции читателя – каждый прочтет то, что способен в силу своего культурного уровня.

Однако культурный уровень читателя и создателя произведений есть не некая отвлеченная величина, он формируется в рамках погружения человека, именно живой человеческой личности в духовный опыт той или иной национальной культуры, традиции и т. п. и в конечном счете в уникальный опыт встречи, диалога человека с Трансцендентным. Постмодернизм, пытающийся обосновать «смерть автора», представляет собой отрицание не только устоявшихся новоевропейских представлений об авторе-личности и оригинальном индивидуальном творческом акте, правообладателем коего он является, но и христианской

синергетической парадигмы, признающей в качестве онтологической и культурной основы авторства наличие акта со-творчества человека и Бога. В рамках этой традиции те или иные идеи или произведения, рождающиеся из этого акта, несут печать личностной уникальности и диалогичности и не могут быть плагиатом по своему духовному (онтологическому) истоку.

Очевидно, что российское законодательство признает настоящее авторство того или иного произведения за человеческой личностью, являющейся субъектом правоотношений и обладающей авторским правом. При этом формулировка, данная в УК РФ, указывает на плагиат как на присвоение авторства произведению целиком или частично, т. е. на воспроизведение под своим именем чужого произведения, и именно в случае, когда можно сравнить зафиксированное на материальном носителе исходное произведение и плагиат. Вместе с тем, следуя данной логике, придется признать, что произведение, созданное с применением ИИ, несомненно, оригинально, поскольку не содержит технических повторов, однако остается не до конца раскрытым вопрос пользования правами на подобное произведение человека (автора текста или компилятора материалов, или создателя программы и др.). Кроме того, тогда не преодолеваются или не учитываются аргументы постмодернизма в отношении идейного уровня (не тождественного своему материальному воплощению) произведений.

Логика данной аргументации, открывающая правовую коллизию в связи использованием новейших технологий, следующая: поскольку полностью оригинальных авторских идей не существует, воспроизведение тех или иных идей (вне точного или буквального материального выражения) само по себе еще не является плагиатом. Вне области правового регулирования остается плагиат идей, хотя в нем, с одной стороны, и кроется риск неправомерного присвоения содержания чужих открытий. С другой же стороны, выдающиеся идеи (например, высказанные учеными Античности), пронизывая мировой культурный ландшафт, как бы отрываются от их непосредственных «авторов» и становятся общим наследием (общекультурным достоянием) всего человечества, и впоследствии никто и не может претендовать присваивать или отрицать их авторство.

Если заимствование идей и сюжетов не является в постмодернистской интерпретации творчества проблемным в случае, когда произведение создает человек, то в случае генерации контента нейросетью сразу же становятся актуальными аргументы, основанные

5.7.8. Философская антропология, философия культуры (философские науки)

на критике оригинальности такого произведения. Если человек, создающий произведение, опирается все же и на весь имеющийся у него лично и накопленный человечеством опыт, то для нейросети, которая генерирует контент, исходя из загруженных в нее данных, возникает ряд вопросов, связанных с оригинальностью и плагиатом. Это говорит о незрелости оценок процесса «творчества» и бросающейся в глаза очевидности генерации контента искусственным интеллектом, в то время как творческий процесс и заимствования человека не настолько очевидны.

Идея считать автора компилятором, опирающимся на уже существующие тексты и сюжеты, в постмодернизме сводит роль создателя произведения практически к тому, в чем упрекают нейросети – к генерации на основе загруженного материала нового контента. В таком случае навязывание искусственному интеллекту традиционных представлений об

авторстве, творчестве и оригинальности произведения не представляется корректным.

Таким образом, новая технологическая и социально-культурная реальность, в которой нейросеть может сгенерировать то, что раньше мог создать только человек, по-новому ставит проблему авторства тех или иных произведений и приводит к духовно-экзистенциальным и этическим рискам использования искусственного интеллекта в процессе творчества. Что актуализирует как философские дискуссии о природе авторства и творческого процесса, так и необходимость совершенствования правовой регуляции целого комплекса сложных отношений человек – общество (культура) – искусственный интеллект, что предопределяет дальнейший анализ существующих доктринальных правовых подходов и примеров правоприменительной практики по данной проблематике.

Список источников

1. О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 г.): указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 // Собр. законодательства РФ. 2019. № 41. Ст. 5700.
2. Азимов А. Эссе № 6. Законы роботехники // Мечты роботов. М., 2004.
3. Фромм Э. Отделение от себя // Кризис сознания: сборник работ по «философии кризиса». М., 2009.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): федер. закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 03.08.2021) // Собр. законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 1228.
5. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 13.06.1996 (текст с изм. и доп. на 1.08.2017). М., 2017.
6. О практике рассмотрения судами уголовных дел о нарушении авторских, смежных, изобретательских и патентных прав, а также о незаконном использовании товарного знака: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.04.2007 № 14 п. 3. URL: <https://bigenc.ru/c/plagiat-ce76be> (дата обращения: 10.12.2024).
7. Барт Р. Смерть автора. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1994.

References

1. On the Development of Artificial Intelligence in the Russian Federation (together with the National Strategy for the Development of Artificial Intelligence through 2030): Decree of the President of the Russian Federation of 10.10.2019 № 490 // Coll. legislation of the Russian Federation. 2019. № 41. Art. 5700.
2. Azimov A. Essay № 6. Laws of Robotics // Dreams of Robots. Moscow, 2004.
3. Fromm E. Separation from Oneself // Crisis of Consciousness: A Collection of Works on the «Philosophy of Crisis». Moscow, 2009.
4. Civil Code of the Russian Federation (Part One): Federal Law of 30.11.1994 № 51-FL (as amended on 03.08.2021) // Coll. legislation of the Russian Federation. 1994. № 32. Art. 1228.
5. Criminal Code of the Russian Federation: federal law of 13.06.1996 (text with amendments and additions as of 1.08.2017). Moscow, 2017.
6. On the practice of considering criminal cases by courts on violation of copyright, related, invention and patent rights, as well as on the illegal use of a trademark: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 26.04.2007 № 14 p. 3. URL: <https://bigenc.ru/c/plagiat-ce76be> (date of access: 10.12.2024).
7. Bart R. Death of the author. Selected works: Semiotics. Poetics. Moscow, 1994.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Топилина Анна Васильевна, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права. Ростовский государственный экономический университет (РИНХ). 344002, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 69. ORCID: 0000-0002-7811-3633

Рожковский Виталий Борисович, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин. Ростовский юридический институт МВД России. 344015, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83. ORCID: 0000-0001-6423-4664

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Topilina Anna Vasilyevna, PhD in Philosophy, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law. Rostov State University of Economics (RINH). 69, Bolshaya Sadovaya St., Rostov-on-Don 344002 Russian Federation.

Rozhkovsky Vitaly Borisovich, Grand PhD in Philosophy, Associate professor, Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines. Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. 83, Eremenko St., Rostov-on-Don 344015 Russian Federation.

Правила для авторов и условия публикации статей

1. Материалы направляются в электронном виде в редакцию журнала по электронному адресу: vkovalchuk8@mvd.ru (тел.: (863) 207-86-34). Автор (авторами) экземпляр статьи и оригиналы всех сопроводительных документов предоставляются по адресу: 344015, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83, Ростовский юридический институт МВД России, редакция научно-теоретического журнала «Философия права».

1.1. На бумажном носителе (на листах формата А4 с одной стороны). Распечатанный текст должен полностью соответствовать электронному варианту статьи. Статья должна быть обязательно подписана автором (-ами) следующим образом: «Материал выверен, цифры, факты, цитаты сверены с первоисточником. Материал не содержит сведений ограниченного распространения».

1.2. На электронном оптическом носителе (или по электронной почте), выполняются в текстовом редакторе Word (шрифт – Times New Roman, размер шрифта – 14, межстрочный интервал – 1,5, левое поле – 3 см, сверху и снизу – 2 см, справа – 1 см). Название файла – фамилия и инициалы автора.

2. Объем рукописи научной статьи должен составлять от 10 до 15 страниц (включая схемы, таблицы, рисунки), объем научных обзоров, рецензий, отзывов и иных научных материалов на уже опубликованные издания – от 2 до 4 страниц.

3. Рукопись должна содержать следующую информацию на русском языке:

3.1. Индекс универсальной десятичной классификации (УДК).

3.2. Название статьи.

3.3. Фамилию, имя, отчество (полностью), место работы (учебы для адъюнктов, аспирантов и докторантов) с указанием почтового адреса (включая индекс), должность, почетное звание (при наличии), ученое звание, ученую степень, адрес электронной почты (если нет личной электронной почты, указывается электронный адрес места работы (кафедры, образовательной организации и т. п.), по которому с автором (-ами) можно связаться) и ORCID id автора (при наличии).

3.4. Аннотацию (рекомендуемый средний объем аннотации – 500 печатных знаков, которая должна быть структурирована и содержать следующие разделы: введение, материалы и методы, результаты исследования, выводы и заключения. Аннотация не должна повторять текст самой статьи, сведения, содержащиеся в ее заглавии; включать малоинформативные формулировки.

3.5. Ключевые слова (6–10 слов или словосочетаний), характеризующие проблематику статьи.

3.6. Список источников.

4. Перевод на английский язык сведений, отраженных в п.п. 3.2–3.6, осуществляется автором (-ами).

5. В статье должны быть сделаны ссылки на приведенные таблицы, рисунки, схемы, диаграммы, которые нумеруются в порядке их упоминания и располагаются непосредственно после текста, в котором они указываются впервые. Весь графический материал должен иметь заголовки (в том числе переведенные на английский язык) (ГОСТ 7.32–2001, ГОСТ Р 7.07–2021). Иллюстрации предоставляются отдельными файлами. Рекомендуемый формат – *.jpg. Сканированные материалы должны иметь разрешение не менее 300 пикс/дюйм.

Список источников, который размещается в конце статьи, оформленный в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008 и ГОСТ Р 7.0.108-2022. В тексте указание на источник оформляется в квадратных скобках, где приводится номер источника из библиографического списка, после запятой – цитируемая страница. В списке используемой литературы приводятся только «литературные» источники, т. е. авторские статьи, книги, статьи журналов. Источники следуют в порядке упоминания в тексте. Нормативные правовые акты (постановления, законы, инструкции и т. д.), архивные документы, «неавторские» русскоязычные интернет-источники, анонимные источники, публицистические и рекламные статьи, российские СНиПы, ГОСТы и т. д. следует приводить непосредственно в тексте или указывать в постраничных сносках.

Ответственность за точность цитат, фамилий и имен, цифровых данных, дат несет (-ут) автор (-ы).

Редакция оставляет за собой право осуществлять корректорскую обработку рукописей научных статей.

Плата за публикацию статей с автора (-ов) не взимается.

Авторское вознаграждение автору (-ам) не выплачивается.

Рукописи, оформленные без соблюдения требований журнала, не рассматриваются.

Материалы, не принятые к изданию, автору (-ам) не возвращаются.

Уважаемые авторы, в случае невыполнения вышеперечисленных условий статья опубликована не будет!